А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Том 1. Пьесы 1847-1854

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Николаевич Островский. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 1. Пьесы 1847-1854
От редакции
Семейная картина
Свои люди — сочтемся
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
Утро молодого человека
Неожиданный случай
  Сцена первая
  Сцена вторая
Бедная невеста
  Действие первое
  Действие второе
    Сцена I
    Сцена II
  Действие третье

Действие четвертое
Действие пятое
Не в свои сани не садись
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Сцена I
Сцена II
Бедность не порок
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Не так живи, как хочется
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Сцена I
Сцена II
Приложение
Исковое прошение
Комментарии

Аннотация

В первый том собрания сочинений великого русского писателя А.Н. Островского вошли пьесы 1847-1854 годов, такие, как «Свои люди - сочтёмся», «Бедность не порок», «Утро молодого человека» и другие пьесы.

http://ruslit.traumlibrary.net

Александр Николаевич Островский
Собрание сочинений в шестнадцати томах
Том 1. Пьесы 1847-1854

От редакции

Настоящее издание, осуществляемое по постановлению Совета Министров СССР от 11 мая 1948 г., является первым полным собранием сочинений великого русского драматурга Александра Николаевича Островского, включающим и его эпистолярное наследие.

Первое собрание сочинений А. Н. Островского издано в 1859 г. в двух томах Г. А. Кушелевым-Безбородко. В 1867–1870 гг. появилось собрание сочинений в пяти томах в издании Д. Е. Кожанчикова. Эти издания были осуществлены при непосредственном участии автора. В 1874 г. при участии Н. А. Некрасова как издателя вышло восьмитомное собрание сочинений Островского. В 1878 г., в издании Салаева, вышел дополнительно том IX и в 1884 г., в издании Кехрибирджи, т. X.

Последнее собрание сочинений, появившееся при жизни А. Н. Островского, вышло в 1885–1886 гг. в десяти томах, в издании Н. Г. Мартынова. Вследствие болезни драматург не смог принять участия в чтении корректур своих произведений. В связи с этим в последнем прижизненном из-

дании имеется много опечаток и в ряде случаев прямых искажений текстов Островского.

Собрания сочинений, выходившие после смерти Островского, явились простой перепечаткой издания Мартынова. Первым опытом научного издания сочинений великого драматурга явилось «Полное собрание сочинений А. Н. Островского» в десяти томах, вышедшее в 1904–1905 гг. в издании «Просвещение» под редакцией артиста Александрийского театра М. И. Писарева. Подготавливая это собрание сочинений, Писарев сверил печатные тексты с находившимися в его распоряжении автографами, исправив в ряде случаев ошибки предшествующих изданий. В 1909 г. в том же издании вышли два дополнительных тома пьес А. Н. Островского, написанных совместно с П. М. Невежиным и Н. Я. Соловьевым.

После Великой Октябрьской социалистической революции, согласно решению советского правительства, Государственное издательство выпустило в 1919–1926 гг. «Сочинения А. Н. Островского в 11 томах» под редакцией Н. Н. Долгова *(1-10 тт.)* и Б. Томашевского и К. Халабаева *(11 т.)*, дополненные новыми материалами. Однако и это издание, равно как и предшествующие, далеко не исчерпывало всего богатейшего литературного

наследия великого драматурга, в частности ни одно из изданий не включало писем Островского.

Наряду с изданием собраний сочинений в годы советской власти многие пьесы Островского выходили массовыми тиражами. За это время вышло также несколько однотомников избранных сочинений Островского.

В собраниях сочинений, изданных до Октябрьской революции, произведения Островского подвергались правке царской цензуры. Советские текстологи проделали большую работу по восстановлению подлинного, не искаженного текста сочинений А. Н. Островского.

При подготовке данного полного собрания сочинений были использованы все рукописные материалы, находящиеся в московских и ленинградских государственных хранилищах. Настоящее издание ставит целью дать выверенный по рукописям и авторизованным изданиям полный свод сочинений А. Н. Островского. Сочинения Островского даются в хронологической последовательности. Перечень действующих лиц в каждой пьесе дается согласно авторизованным изданиям, т. е. или в начале пьесы, или по действиям и картинам. Каждый из томов сопровождается краткими примечаниями, в которых

сообщаются сведения историко-литературного характера.

Семейная картина*

ЛИЦА:

Антип Антипыч Пузатов, купец, 35 лет.

Матрена Савишна, жена его, 25 лет.

Марья Антиповна, сестра Пузатова, девица, 19 лет.

Степанида Трофимовна, мать Пузатова, 60 лет.

Парамон Ферапонтыч Ширялов, купец, 60 лет.

Дарья, горничная Пузатовых.

Комната в доме Пузатова, меблированная без вкуса; над диваном портреты, на потолке райские птицы, на окнах разноцветное драпри и бутылки с настойкой. У окна, за пяльцами, сидит Марья Антиповна.

Марья Антиповна *(шьет и поет вполголоса).*

Черный цвет, мрачный цвет,

Ты мне мил завсегда.

(Задумывается и оставляет работу.) Вот уж и лето проходит, и сентябрь на дворе, а ты сиди в четырех стенах, как монашенка какая-нибудь, и к окошку не подходи. Куда как антиресно! *(Мол-*

чание.) Что ж, пожалуй, не пускайте! запирайте на замок! тиранствуйте! А мы с сестрицей отпросимся ко всенощной в монастырь, разоденемся, а сами в парк отличимся либо в Сокольники. Надо как-нибудь на хитрости подыматься. *(Работает. Молчание.)* Что ж это нынче Василий Гаврилыч ни разу мимо не прошел?.. *(Смотрит в окно.)* Сестрица! сестрица! офицер идет!.. поскорей, сестрица!.. с белым пером!

Матрена Савишна *(вбегает)*. Где, Маша, где?

Марья Антиповна. Вот, посмотрите. *(Смотрят обе.)* Кланяется. Ах, какой! *(Прячутся за окно.)*

Матрена Савишна. Какой хорошенький!

Марья Антиповна. Сестрица, посидимте здесь: может быть, назад поедет.

Матрена Савишна. И, что ты, Маша! Приучишь его, он и будет каждый день по пяти раз мимо ездить. После с ним и не развяжешься. Уж я этих военных-то знаю. Вон Анна Марковна приучила гусара: он ездит мимо, а она поглядывает да улыбается. Что ж, сударыня моя: он в сени верхом и въехал.

Марья Антиповна. Ах, страм какой!

Матрена Савишна. То-то и есть! Ничего такого не было, а слава-то по всей Москве пошла… *(Смотрит в окно.)* Ну, Маша, Дарья идет. Что-то

она скажет?

Марья Антиповна. Ах, сестрица, как бы она маменьке не попалась!

Вбегает Дарья.

Дарья. Ну, матушка Матрена Савишна, совсем было попалась! Бегу я, сударыня, на лестницу, а Степанида Трофимовна прямехонько так-таки тут и была. Ну, за шелком, мол, в лавочку бегала. А то ведь она у нас до всего доходит. Вот вчерась приказчик Петруша…

Марья Антиповна. Да они-то что ж?

Дарья. Да! кланяться приказали. Вот, сударыня, прихожу я к ним: Иван Петрович на диване лежит, а Василий Гаврилыч на постели… или, бишь, Василий Гаврилыч на Диване. Табаком накурили, сударыня, — не продохнешь просто.

Матрена Савишна. Да что говорили-то?

Дарья. А говорили-то, сударыня ты моя, чтобы непременно, говорит, нынче в Останкино приезжали, этак в вечерню, говорит. Да ты, говорит, Дарья, скажи, чтобы беспременно приезжали, хоть и дождик будет, все бы приезжали.

Марья Антиповна. Что ж, сестрица, поедемте!

Матрена Савишна. Ну, так ты, Дарья, беги опять да скажи, что, мол, приедут.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего-с?

Марья Антиповна. Да скажи, Даша, что принесите, мол, каких-нибудь книжечек почитать; дескать, барышня просит.

Дарья. Слушаю-с. Больше ничего?.. Ах, сударыня! я было и забыла совсем. Иван-то Петрович приказывал: да скажи, говорит, чтобы мадеры привезли; хорошо, говорит, на вольном воздухе.

Матрена Савишна. Хорошо, хорошо, привезем!

Дарья *(подходит к Матрене Савишне и говорит вполголоса)*. Да еще, Матрена Савишна, Василий-то Гаврилыч говорит Ивану Петровичу: конечно, говорит, твое дело другое и, говорит, Матрена Савишна женщина замужняя… ну, и все такое… А Марья-то Антиповна, говорит, девушка… не то чтобы что, либо-о́што. А это, говорит, полагать надо, баласто одно. И, говорит, того и гляди, что за бородача за какого-нибудь выдадут. А выходит, говорит, хлопотать не из чего. Не то что насчет чего… ну, сами понимаете… А я, говорит, человек бедный… Кабы жениться, я, говорит, непрочь. Да, говорит, не с нашим рылом да в калачный ряд. Это Василий-то Гаврилыч Ивану Петровичу говорит. Твое, говорит, дело другое. Матрена Савишна женщина замужняя… с чиновником все может случиться… зима, говорит… ну, и шуба енотовая. Как ни на есть…

Матрена Савишна. Ах ты, дура! а ты бы сказала, что, мол…

Дарья *(прислушиваясь)*. Никак, матушка, сам приехал… *(Подходит к окну.)* Так и есть. На крыльцо лезет.

Матрена Савишна. Ну, так ты ужо сбегай, когда будем чай пить.

Дарья. Слушаю-с.

Голос из передней: «Жена! а, жена! Матрена Савишна!»

Входит Антип Антипыч.

Матрена Савишна. Что там?

Антип Антипыч. Здраствуй!.. А ты думала, бог знает что! *(Целуются.)* Поцелуй еще… *(Заигрывает.)*

Матрена Савишна *(жмется)*. Полно дурачиться-то, Антип Антипыч! перестань! Э! как тебе не стыдно!

Антип Антипыч. Да поцелуй!

Матрена Савишна. Ах, отстань ради бога!

Антип Антипыч. Уважь! *(Целуются.)* Ай да жена! Вот люблю! Ай да Матрена Савишна! *(Садится на диван.)* А знаешь ли что, Матрена Савишна?

Матрена Савишна. Что еще?

Антип Антипыч. Хорошо бы теперь чайку выпить-с. *(Смотрит в потолок и отдувается.)*

Матрена Савишна. Дарья!

Входит Дарья.

Давай самовар, да спроси ключи у Степаниды Трофимовны.

Дарья уходит. Молчание. Марья Антиповна сидит за пяльцами; Матрена Савишна подле нее. Антип Антипыч смотрит по углам и изредка вздыхает.

Антип Антипыч *(грозно)*. Жена! поди сюда!

Матрена Савишна. Что еще?

Антип Антипыч. Поди сюда, говорят тебе! *(Ударяет по столу кулаком.)*

Матрена Савишна. Да что ты, очумел, что ли?

Антип Антипыч. Что я с тобой исделаю! *(Стучит по столу.)*

Матрена Савишна. Да что с тобой? *(Робко.)* Антип Антипыч!

Антип Антипыч. А! испугалась! *(Смеется.)* Нет, Матрена Савишна, это я так — шутки шучу. *(Вздыхает.)* Что же чайку-то-с?

Матрена Савишна. Сейчас! Ах, батюшки, авось, не умрешь!

Антип Антипыч. Да что ж так-то сидеть! скука возьмет.

Входит Степанида Трофимовна. Дарья несет самовар.

Степанида Трофимовна. Вот пострел! Прости господи! Эка угорелая девка! Ну, что ты бежишь-то сломя голову! Ведь над нами не каплет. Да уж и ты-то, отец мой, никак с ума спятил: который ты раз чай-то пить принимаешься! Дома два раза пил да, чай, в городе-то нахлебался! *(Наливает чай.)*

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! Что за важность! Не хмельное! Пили-с. Вот с Брюховым ходили, ходил с Саввой Саввичем. Что ж! Отчего с хорошим человеком чайку не попить? А я нынче, матушка, Брюхова-то рублев на тысячу оплел. *(Берет чашку.)*

Степанида Трофимовна. Уж где тебе, дитятко! Самого-то, чай, кругом обманывают. За приказчиками ты не смотришь, торговлей не занимаешься. Уж какая это, Антипушка, торговля! С утра до вечера в трактире сидите, брюхо наливаете. Ох! никакого-то, как посмотрю я, у вас порядку нету. Уж вы и меня-то с пути сбили. Поутру самовар со стола не сходит до одиннадцати часов: сначала молодцов[1] напоишь, в город [2] отпустишь; потом ты, родимый, подымаешься: тебя-то скоро

---

[1] Примечания: 1
Молодцов — приказчиков. *(Прим. автора.)*

[2] Примечания: 2
Город — Гостиный двор. *(Прим. автора.)*

ли ублаготворишь; потом барыня-то твоя. Не то что к обедне сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости господи! Как бы жил ты, Антипушка, по старине-то, как порядочные люди-то живут: встал бы ты в четыре часа, за порядком бы посмотрел, на дворе поглядел бы, и все такое, и все как следственно, к обедне бы сходил, голубчик, да и хозяюшку-то свою поднял бы: «вставай, мол, полно нежиться-то! пора за хозяйство приниматься». Да-таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня? правду говорю, Матрена Савишна, правду.

Матрена Савишна. Уж вы теперь начнете!

Степанида Трофимовна. Ах, мать моя; да ведь мной только дом-то и держится. Уж не тебе ли хозяйкой быть, сударыня! Нет, погоди, матушка, молода еще, мелко плаваешь! Ну, сама ты посуди: встаешь ты — стыдно сказать, а грех утаить — в одиннадцатом часу; а я-то тебя за самоваром изволь дожидаться… а я, сударыня, постарше тебя — так-то-с. Больно барственно, Матрена Савишна, больно барственно! Уж как ни финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя — все-таки купчиха. Это, сударь ты мой, разрядится, мантилий да билиндрясы разные навешает на себя, растопырится, прости господи, распустит хвост-то, как

павлин… фу ты, прочь поди… так и шумит! А уж ты, Матрена Савишна, как ни крахмалься, а все-таки не барыня… тех же щей, да пожиже влей!

Матрена Савишна. Что ж, не в платочке же мне ходить, и то сказать!

Степанида Трофимовна. А ты, сударыня, своим званием не гнушайся.

Антип Антипыч. Отчего ж не нарядиться, коли есть во что? Ничего. Можно. Что за важность? Да она у меня как разрядится-то, так лучше всякой барыни, вальяжнее, ей-богу! Ведь те всё мелочь; с позволения сказать, взглянуть не на что нашему брату. А она-то у меня таки тово… То есть я… насчет телесного сложения. Ну, и все такое!

Матрена Савишна. Уж ты, Антип Антипыч, заврался, кажется.

Марья Антиповна. Как вам, братец, не стыдно? всегда конфузите.

Антип Антипыч. Что ж такое? Нешто я что дурное сказал? Что за важность! Иногда и не то скажешь, да с рук сходит. Я как-то вот при генерале такое словечко ухнул, что самому страшно стало: да что ж делать-то! не схватишь, да опять не спрячешь. А это я супротив той точки речь веду, что понаряднее все-таки лучше; то есть хоть и не барыня, а все-таки… то есть, на линии… Что

за важность!

Степанида Трофимовна. Знаю, голубчик, знаю. Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разоденется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то, чай, она, бедная, думает: «эко, дескать, горе мое: муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик, дескать, какой-нибудь раздушенный да распомаженный!»

Антип Антипыч. Чтоб она меня, молодца такого, да променяла на кого-нибудь, красавца-то этакого! *(Разглаживает усы.)* Ну-ка, Матрена Савишна, поцелуйте-с!

Матрена Савишна целует его с притворною нежностью.

Степанида Трофимовна. Эх, дитятко, враг-то силен! Мы с покойником жили не вам чета: гораздо-таки полюбовнее, да все-таки он меня в страхе держал, царство ему небесное! Как ни любил, как ни голубил, а в спальне, на гвоздике, плетка висела про всякий случай.

Матрена Савишна. Уж вы меня всегда с мужем расстраиваете: что я вам за злодейка такая!

Степанида Трофимовна. А ты, матушка, молчи лучше!

Матрена Савишна. Как же! стану я молчать! дожидайтесь!.. Я, слава богу, купчиха первой

гильдии: никому не уступлю!

Степанида Трофимовна. Великая важность! купчиха ты! Видали и почище вас. Я и сама от семи собак отгрызусь…

Матрена Савишна. А все-таки молчать не заставите! Не родился тот человек на свет, чтобы меня молчать заставил.

Степанида Трофимовна. А ты думаешь, мне очень нужно! А бог с вами; живите, как знаете: свой разум есть. А уж к слову придется, так не утерплю: такой характер. Не переделаться мне для тебя…

Молчание. Все сидят надувшись.

Да вы у меня и Машутку-то вот избаловали совсем.

Антип Антипыч. А что, Маша, хочешь, я тебе жениха найду?

Степанида Трофимовна. Давно бы тебе пора хватиться-то: ты, кажется, и забыл, что у тебя сестра девка на возрасте.

Марья Антиповна. Что вы, маменька! всё «на возрасте да на возрасте!» Мне ведь не бог знает сколько.

Степанида Трофимовна. Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замуж шла; а тебе ведь — стыдно при людях сказать — два-

дцать лет.

Антип Антипыч. Хочешь, Маша, Косолапова посватаю?

Марья Антиповна. Ах, братец, да от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужасть.

Антип Антипыч. Ну, Перепяткина: чем не жених? *(Смеется.)*

Марья Антиповна. Да вы, братец, это нарочно мне все уродов навязываете.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Хорошие женихи, Маша, хорошие! *(Смеется.)* Важные женихи!

Марья Антиповна. Да вы это все насмех! *(Чуть не плачет.)*

Степанида Трофимовна. Да ты полно зубы-то скалить! Я дело говорю, Антип Антипыч! Что балясничать-то! А ты, сударыня, не бойся; женихи найдутся, любова выбирай: ты у нас ведь не голь саратовская, невеста с приданым. Только за благородного не отдам… ты и не думай, и не воображай себе.

Антип Антипыч. Уж будто, матушка, промежду благородных-то и путных нет совсем. Нет, что ж, бывают. *(Смеется.)*

Степанида Трофимовна. Как, батюшка, не быть: во всяком сословии есть. Да уж всякому

свое. Отцы-то наши не хуже нас были, да в дворяне не лезли.

Антип Антипыч. Что же, отчего за благородного не отдать? Ничего. Можно. Что за важность!

Степанида Трофимовна. Эх, голубчик! хороший-то, который постепеннее, не возьмет: тому надо мало-мало сотню тысяч, а то две, либо три; ну, а другие, так хоть бы их и не было совсем. Только что чванится собой да благородством своим похваляется: «я-де благородный, а вы мужики»; а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжига, прости господи! Знаю я их. Вот Лопатиха за благородного отдала, не спросись добрых-то людей. А я еще тогда самой-то говорила: «Эх, Максимовна, не садись, мол, не в свои сани: вспомянешь ты меня, да поздно будет». Так что ж? — «Я, говорит, детищу своему не враг; хочу, говорит, как всё к лучшему; все-таки, говорит, благородный, а не купец; может и дослужиться, и в чины произойти». Да вот теперь, хвать-похвать, ан дыра в горсти. И близко локоть-то, да не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которые пропил, которые в картишки проиграл, сердешный! *(издыхает.)* Я и на свадьбе-то была: банкет такой сделали, упаси господи! Покажите, говорю, жениха-то. Что ж, сударь ты мой, вот как теперь гляжу: маленький

да гнусненький такой, да фрачишко-то на нем этот натянут короткохвостый, весь как облизанный. Да вертится, прости господи, как бес какой, на месте не посидит. И на жениха-то не похож; чужой человек и не узнает, ей-богу, не узнает. Только фалдочки трясутся. Тут же я и подумала: знать, мол, вы, сердешные, хуже-то не нашли!

Смеются все.

Да нечего и говорить: всякий знает. Ну, положим так: не все же пьяницы, попадается и трезвый человек… так он тебя табачищем одним из дома выкурит, либо — грешное дело — по постам скоромное лопает. *(Плюет.)* Фу ты, мерзость какая, прости господи!.. Так кто их знает, может, они по службе-то своей, у должности, и хорошие люди, дельные, да нам-то, сударь ты мой, дело неподходящее. То ли дело, Маша, купец-то хороший!

Антип Антипыч. Знаешь ли, Маша, гладкий да румяный вот как я. Уж и любить-то есть кого, не то что стракулист чахлый. Так ли, Маша, а?

Марья Антиповна. Да что вы, да я не знаю… *(Потупляет глаза.)*

Антип Антипыч. Пора не знать! Ну, вот Матрена Савишна знает… Правду я говорю, Матрена Савишна, ведь купец лучше, а?

Матрена Савишна. Уж ты наладишь одно и то же!

Степанида Трофимовна. Что ж, Маша, известное дело: уж и приласкать есть кого.

Марья Антиповна. Ах, маменька! Да что вы, ей-богу! Я уйду. Пойдемте, сестрица. *(Убегает, за ней Матрена Савишна.)*

Антип Антипыч. Так-с. Да уж ведь не отбегаешься.

Степанида Трофимовна. Стыдно стало, Антипушка: дело девичье.

Антип Антипыч. Что ж! и за купца можно. Отчего не отдать? Дело хорошее!

Степанида Трофимовна *(подвигается и говорит вполголоса)*. А вот. Антипушка, мне кума Терентьевна сказывала, Парамон Ферапонтыч жениться задумал, невесту ищет. Вот упускать-то, Антипушка, не надо. Что ж, признаться сказать, он хоть и старенек, и вдовый, да денег-то, Антипушка, больно много — куры не клюют. Ну, да и человек-то степенный, набожный, примерный купец, в уважении.

Антип Антипыч. Только, матушка, уж больно плут.

Степанида Трофимовна. Ах, батюшки мои! Да чем же он плут, скажи, пожалуйста? Каждый

праздник он в церковь ходит, да придет-то раньше всех; посты держит; великим постом и чаю не пьет с сахаром — все с медом либо с изюмом. Так-то, голубчик! Не то, что ты. А если и обманет кого, так что за беда! не он первый, не он последний; человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: «не обмануть — не продать».

Антип Антипыч. Что говорить! Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет. Ничего. Можно. Да уж, матушка, ведь иногда и совесть зазрит. *(Чешет затылок.)* Право слово! И смертный час вспомнишь. *(Молчание.)* Я и сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу. Да ведь я и скажу потом: вот, мол, я тебя так и так, помазал маненько. Вот в прошлом году Савву Саввича при расчете рубликов на пятьсот поддел. Да ведь я после сказал ему: вот, мол, Савва Саввич, промигал ты полтысячки, да уж теперь, брат, поздно, говорю, а ты, мол, не зевай. Посердился немножко, да и опять приятели. Что за важность!.. Да недавно немца Карла Иваныча рубликов на триста погрел. Вот смеху было! Матрена Савишна тряпья разного у него из магазину забирала, а он мне счетец и выписал тысячи в две.

Степанида Трофимовна. Что ты говоришь!

какова!

Антип Антипыч. Что ж! Ничего. Пусть щеголяет! А вот я думаю: неужли, мол, немцу все деньги отдать. Как же, мол, не так! нет-с, жирно будет. Вот и не додал ему рублей триста с небольшим. Остальные, говорю, мусье, после. Хорошо, говорит, хорошо, как путный. Да потом, сударыня ты моя, и начал он приставать. Как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги? Надоел до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец. Что ж, говорит, деньги? Какие, говорю, деньги? я тебе, брат, отдал давно, и отстань ты от меня, христа-ради. Вот и взбеленился мой немец. Это, говорит, купцу нехорошо; это, говорит, фальшь; у меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты чорт знает что там в книге-то напишешь — тебе все и плати! Так, говорит, русский купец делает, немец никогда; я, говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним, словно больной с подлекарем! *(Смеются.)* Поди, я говорю, — немного возьмешь! Потащил в суд. Что ж, матушка! ведь отперся, право, отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатил. Что ж такое, что за важность!.. Уж что с этим немцем смеху было — беда! Так и таращится: это, говорит, бесчестно! А я ему после-то и говорю: я бы тебе и отдал, Карл Иваныч,

да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские животики надорвали со смеху. *(Смеются.)* А то все ему и отдать? да за что это? Нет, уж опосля честь будет. Они там ломят цену, какую хотят, а им сдуру-то и верят. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмет. Так я, матушка, вот как. А Ширялов-то — да это словно жид какой: отца родного обманет. Право! Так вот в глаза и смотрит всякому. А ведь святошей прикидывается.

Ширялов входит.

А! Парамон Ферапонтыч! здравствуйте, почтеннейший!

Ширялов. Здравствуйте, любезные! *(Кланяется.)* Антип Антипыч! Здравствуй, голубчик! *(Целуются.)* Матушка Степанида Трофимовна, здравствуйте. *(Целуются.)*

Антип Антипыч. Садись, Парамон Ферапонтыч!

Степанида Трофимовна. Садитесь, батюшка!

Ширялов *(садится)*. Как, матушка Степанида Трофимовна, поживаете?

Степанида Трофимовна. Плохо, батюшка! старость приходит. Вас как бог милует?

Ширялов. Что, матушка Степанида Трофимовна! На прошлой неделе притча сделалась: так схватило, что боже упаси. Испугался шибко,

больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в костях сделался; вот так тебе каждую косточку больно, каждый суставчик; коробит, сударыня ты моя, да и на поди. За грехи, матушка, господь человека наказывает, испытание посылает. А пуще, мать ты моя, поясницу схватило.

Степанида Трофимовна. Дело не молодое, батюшка!

Ширялов. Я туда-сюда, так-сяк — нет, сударыня ты моя: отпустит этак немножко, да опять схватит. Даже под сердце подкатило.

Степанида Трофимовна. А, батюшки!

Антип Антипыч. Да ты, Парамон Ферапонтыч, не хватил ли где этак через силу с приятелями?

Ширялов. Нет, отец ты мой, больше месяца ничего не пил, в рот не брал, Степанида Трофимовна! То есть не то чтобы я бросил совсем; а так, погожу, мол, маненько. А зароку не давал. Нельзя, матушка: человек слаб есть, сказано.

Степанида Трофимовна. Что говорить, батюшка!

Ширялов. А я так, любезные, думаю: простудился, мол, я; как-нибудь на улицу, что ли, раздевшись вышел либо в саду гуляешь в рубашке вечером.

Степанида Трофимовна. Долго ли до греха,

батюшка, долго ли! Чайку не хотите ли, Парамон Ферапонтыч?

Ширялов. Покорно благодарствуйте. *(Кланяется.)* Сейчас пил, матушка, сейчас пил.

Степанида Трофимовна. Э, батюшка, выкушайте, что за счеты!

Антип Антипыч. С нами-то за компанию.

Ширялов. Плошечку пропустить можно-с.

Степанида Трофимовна наливает. Ширялов берет чашку, пьет и продолжает.

Что ж, сударыня ты моя, какое я средствие избрал. Что, думаю себе, микстуры эти! просто дрянь, даром деньги берут. Да и никогда я, матушка, этими микстурами не лечился; этого греха на душу не брал. Дай-ка, думаю, я в баню схожу. Вот и пошел, сударь ты мой, да винца послал купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, красного перцу стручкового два стручка. Вот добрым порядком составили эту специю. Половину-то выпили, а то велел себя вытереть. Да приехавши-то домой, пунштику выпил. Ночью-то, сударыня ты моя, меня в пот и ударило. Так потом и прошло.

Степанида Трофимовна. Что ж, батюшка, бывает. Вот у меня Антипушка все пунштом лечится.

Антип Антипыч. Это, брат, ото всякой болезни

прибежище — запомни ты мое слово.

Ширялов ставит чашку.

Степанида Трофимовна. Выкушайте еще чашечку!

Ширялов. Нет, увольте. *(Кланяется.)* Много доволен, Степанида Трофимовна, много доволен.

Степанида Трофимовна. Э, батюшка, без церемонии… *(Наливает.)* Как делишки?

Ширялов *(берет чашку)*. Слава богу, Степанида Трофимовна, помаленьку. Одно у меня горе: Сенька совсем от рук отбился. Что ты будешь делать? Ума не приложу. То есть истинное наказание божеское.

Антип Антипыч. Что, закутил?

Ширялов. Нет, хуже, Антип Антипыч, хуже. Как бы вапивал, так бы еще не велика беда, сударь ты мой: много ли он пропьет? А то мотает не в свою голову. Вот, матушка Степанида Трофимовна, детки-то нынче!

Степанида Трофимовна. А сам ты, Парамон ферапонтыч, виноват; избаловали вы мальчишку так ни за копейку. Вы бы ему с малолетствия воли-то не давали, а уж теперь поздно. Пусть бы с молодцами в город бегал, приглядывался да руку бы набивал, так бы лучше было.

Ширялов. Ах, матушка Степанида Трофимов-

на! Ведь он у меня один. И то подумаешь: надо малого в люди вывести. Нынче, матушка, не то время, как мы бывало: играешь до осьмнадцати лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неученого-то дураком зовут. Ишь ты, все умны стали. Да и то, Степанида Трофимовна, ведь у нас состояньице порядочное, бог благословил. Что хорошего станут говорить, что от этакого, мол, капитала одного сына воспитать не мог? Да и хуже-то других быть не хочется. Послышишь: тот сына в пиньсион отдал, другой отдал, тот в Коммерческую акедемию. Вот и свезли Сеньку в пиньсион. За год вперед деньги отдал. А он месяца через три, сударыня ты моя, убег аттедава. Стали дома учить, учителя нанял дешевенького. Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе не путный, сударыня ты моя! Сенька-то выпросит у матери деньжонок, да с учителем-то либо в трактир, либо к цыганкам в Марьину рощу и закатятся… Прогнал учителя, прогнал, да вот теперь и маюсь с Сенькой-то. То есть господи! господи! что это нынче за люди стали, так, какие-то развращенные!

Антип Антипыч. Выучил на свою голову. *(Смеется.)*

Ширялов. Да что! поминутно плачу за него,

поминутно: тому сотню, тому две; портному тысячу рублей недавно заплатил. Легко ли дело! да я в десять лет на тысячу-то рублей не изношу! А у него фрак — не фрак, жилет — не жилет. То есть истинно по грехам бог наказывает! *(Почти шопотом.)* Однех перчаток прошлую зиму на триста рублей забрал — ей-богу, на триста!

Степанида Трофимовна. А! батюшки!

Антип Антипыч. Вот голова-то!

Ширялов. Да ведь вот что: везде ему верят, — знают, что заплачу, В трактире в каком-то тысячи четыре должен. Тут никакого капитала нехватит... *(Пьет чай молча.)* Что, Антип Антипыч, сказывал я тебе или нет?

Антип Антипыч. Про что?

Ширялов. Про армянина.

Антип Антипыч. Нет; а что?

Ширялов. Комедия, сударь ты мой! *(Смеется, по-двигается и говорит шопотом.)* Вот наехал, государь ты мой, в прошлом году этот армянин. Продал шелк; завертелся туды-сюды, вот не плоше Сеньки моего. Стали в городе поговаривать, что, мол, тово. А у меня, сударь ты мой, векселей его тысяч на пятнадцать. Вижу, дело плохо. Уж в городе, брат, не сбудешь: нет, сметили. Вот приезжает наш фабрикант. У него фабрика-то на городу

где-то[3]. Я поскорее к нему, пока не прослышал. Что ж, сударь ты мой! все и спустил без обороту.

Антип Антипыч. Ну, что ж? как же?

Ширялов. Да двадцать пять копеек! *(Смеется.)*

Антип Антипыч. Что ты! Вот важно! *(Смеется.)*

Ширялов. А вот Сенька не таков… нет, сударь ты мой, не таков, не таков… Уж истинно бог в наказание послал. Компанию водит бог знает с кем, так, с людьми, не стоящими внимания *(ставит чашку на стол)*, внимания не стоящими…

Степанида Трофимовна. Выкушайте еще.

Ширялов. Нет, матушка, не могу; увольте, Степанида Трофимовна!

Степанида Трофимовна. Без церемонии.

Ширялов. Нет, матушка, не могу, право, не могу. *(Кланяется.)*

Степанида Трофимовна. Ну, как хотите. А можно бы еще.

Ширялов. Право, не могу. *(Встает и кланяется.)*

Степанида Трофимовна. Дарья! убирай чай.

Входит Дарья и убирает чай.

Прощайте, батюшка, Парамон Ферапонтыч!

---

[3] Примечания: 3

На городу — значит где-нибудь в уездном городе *(Прим. автора)*

Ширялов. Прощайте, матушка. *(Целуются.)*

Степанида Трофимовна. Заходите почаще, не забывайте.

Ширялов. Ваши гости, матушка Степанида Трофимовна, ваши гости.

Антип Антипыч. Да вы, маменька, велели бы нам водочки, што ли, да закусочки, ну да там мадерцы, што ли. Что ж, брат, выпьем. Что за важность!

Степанида Трофимовна уходит.

Ширялов. Ох, не лишнее ли это будет, Антип Антипыч? не лишнее ли?

Антип Антипыч. Что за лишнее! Ничего. Что за важность!

Ширялов. Так вот, сударь ты мой, дома не живет, в городе не бывает. Что ему город! Он, сударь, и знать не хочет, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости мне и покой знать; а расположиться, сударь ты мой, не на кого. Вот недавно сам в лавку сел, а уж лет пятнадцать не сидел. Дай-ка, думаю, покажу разиням-то своим, как торговать-то следует. Что ж, сударь ты мой… *(Подвигается.)*

Приносят вина.

Антип Антипыч. Ну-ка, выпьем, брат! *(Пьют.)*

Ширялов. Завалялась у нас штука материи.

Еще в третьем году цена-то ей была два рубля сорок за аршин. А в нынешнем-то поставили восемь гривен. Вот, сударь ты мой, сижу я в лавке. Идут две барыни. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы, дома ходить? Как, мол, не быть, сударыня. Достань-ка, говорю, Митя, модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена? Говорю, два с полтиной себе, а барыша, что пожалуете. А вы, говорит, возьмите рубль восемь гривен. Слышишь, Антип Антипыч, рубль восемь гривен? Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться: два рубля дают. Слышишь, Антип Антипыч, два рубля! *(Смеется.)* Да вам, говорю, много ли нужно? Да, говорит, аршин двадцать пять. Нет, говорю, сударыня, несходно. Извольте всю штуку брать, так уж так и быть, по два рублика, говорю, возьму. А я, сударь ты мой Антип Антипыч, боюсь шевелить-то ее *(смеется)*, шевелить-то боюсь. Кто ее знает, что там в середке-то! может быть, сгнила давно. Что ж, мои барыни потолковали, да и взяли всю штуку. Молодцы-то мои так и ахнули. *(Смеется.)*

Антип Антипыч. Молодец, Парамон Ферапонтыч! Вот молодец! Ну-ка, брат, выпьем. *(Пьют.)*

Ширялов. А вот Сенька-то не таков, не таков, сударь ты мой *(вздыхает)*, вовсе не таков. Это

повадился в театр, то есть каждый день, сударь ты мой! Всех-то он там знает, со всеми знаком, всякая сволочь к нему таскается. Да что! Прихожу я как-то к Остолопову. Отдай, говорит, деньги. Какие, мол, деньги? А за шаль, говорит. За какую шаль? Да, говорит, намедни твой сын взял. Я думаю себе, на что ему шаль, ума не приложу. Уж известно, от него не добьешься; стал сторонкой расспрашивать. Что ж, сударь ты мой! какая-то там ахтриса у него.

Антип Антипыч. Что ты!

Ширялов. Вот поди с ним! Уж это, примерно, последний конец, Антип Антипыч! Не зови своим.

Антип Антипыч. Это, Парамон Ферапонтыч, значит, пора женить; вот что, брат! малого-то женить пора.

Ширялов. Нет, Антип Антипыч, погоди. Ты вот что скажи: ведь уж это, брат, последний конец. Ведь это, словно как решето. Вот теперь шаль, а там скажет — салоп соболий, а там квартиру, мебель всякую, а там лошадей пару, то, другое. Яма бездонная!

Антип Антипыч. Уж известное дело.

Ширялов. А уж человек-то, Антип Антипыч, кругом них как слепой сделается. Этот народ, Антип Антипыч, соблаз просто.

Антип Антипыч. Что говорить! сам не свой человек сделается. Одно, брат, средство: женить поскорей.

Ширялов. Легко сказать, Антип Антипыч, женить; да как ты его женишь-то?

Антип Антипыч. Как женить! Уж известно, не связать же. А вот невесту подыскать с капитальцем, знаешь ли, так, небось, не откажется. Отчего не жениться? Всякому лестно. Что за важность!

Ширялов. Да какая за него пойдет! какая сумасшедшая пойдет за него, за такого беспутного!

Антип Антипыч. А что ты думаешь, побрезгают? Нет, ничего, право слово, ничего. Да у нас, брат, холостые-то сплошь да рядом такие. Помнишь, каков я-то был холостой: и пьяница-то, и гуляка-то, и на всякие художества; батюшка-покойник так и рукой махнул. Да ведь мы театров-то, друг, не знали: у нас закатился в Марьину либо к цыганам в Грузины, да и пьянствуешь недели две беспросыпу. Меня в Преображенском фабричные за девку было до смерти убили. Вся Москва знала. Да вот отдали же за меня Матрену-то Савишну. Нет, это, брат, ничего, нужды нет.

Ширялов. Да, отец родной, что ты говоришь: женить, да невесту с капиталом. Да, голубчик ты мой, он теперь без денег-то вертится как уго-

релый; а попадись ему деньги-то, так он такой кранболь сделает — только пшик, да и все тут, как порох.

Антип Антипыч. В оборот пустит! *(Смеется.)*

Ширялов. Нет, а уж я думаю, сударь ты мой, его в газете опубликовать. Вот, дескать, сыну моему от меня никакого доверия нет, долгов за него не плачу и впредь не намерен. Да и подпишу: мануфактур-советник и временно московский 1-й гильдии купец Парамон Ферапонтов сын Ширялов.

Антип Антипыч. Что ж. Ничего. Можно.

Ширялов. Да уж чтоб ему, беспутному, и после-то меня не доставалось, сам я, Антип Антипыч, жениться задумал.

Антип Антипыч. Что ж! Ничего! дело хорошее! Отчего ж не жениться.

Ширялов. Ведь, может быть, за наши молитвы, Антип Антипыч, бог и потомка даст — утешение на старости. Вот тому все и оставлю. А уж этот мне словно как и не родной, сударь ты мой, и сердце к нему не лежит. Что ж, думаю, оставь ему, пожалуй, да что проку? развезет денежки-то твои кровные по портным да по ахтрисам. Сам посуди!

Антип Антипыч. Что ж, женись, Парамон Фе-

рапонтыч! что за важность! ничего. А на примете есть?

Ширялов. То-то и горе, что нет, Антип Антипыч!

Антип Антипыч. Хочешь, посватаю? Ну-ка выпьем сперва. *(Пьют.)*

Ширялов. Да ты вправду?

Антип Антипыч. Вправду. Что ж, отчего не посватать?

Ширялов. Обманешь! *(Смотрит Пузатову в глаза.)*

Антип Антипыч. Вот! из чего мне обманывать? У меня, брат, не далеко ходить: сестра невеста.

Ширялов. Ой ли! Что ты говоришь?

Антип Антипыч. А ты не знал? Скажи, пожалуйста, какой ты простой!

Ширялов. Ах, голубчик, как не знать! *(Потупляет глаза.)* Да ведь она, чай, не пойдет за меня.

Антип Антипыч. Вот! отчего не пойти? Ничего, пойдет.

Ширялов *(потупляет глаза еще больше)*. Скажет, стар.

Антип Антипыч. Стар? что за важность! ничего! Нет, ничего, пойдет. Да и матушка тебя любит. Что ж, известное дело, человек хороший, степенный: отчего не пойти?.. во хмелю смирный. Ведь

ты смирный во хмелю? не дерешься?

Ширялов. Вовсе смирный, Антип Антипыч, как дитя малое. Как пьян, так сейчас в сон, знаешь ли, ударит, а не то чтобы буйство какое.

Антип Антипыч. Ведь с женой-покойницей не дрался?

Ширялов. Видит бог, никогда.

Антип Антипыч. Что ж, отчего за хорошего человека не пойти? Ничего, пойдет. Присылай сваху… Ну-ка, выпьем на радости. *(Пьют.)*

Ширялов. Да ты просто благодетель мой, Антип Антипыч! А знаешь ли что? вот мы, брат, здесь пить-то начали, так пойдем ко мне допивать. У меня, брат, просторнее, баб-то нет, да фабричных песенку спеть заставим.

Антип Антипыч. Ходит! Ну, ступай, распоряжайся; а я только шапку возьму. *(Ширялов уходит.)*

Антип Антипыч. *(Один. Мигает глазом.)* Экий вор мужик-то! Тонкая бестия. Ведь каким Лазарем прикинется! Вишь ты, Сенька виноват. А уж что, брат, толковать: просто на старости блажь пришла. Что ж, мы с нашим удовольствием! Ничего, можно-с! Только, Парамон Ферапонтыч, насчет приданого-то, кто кого обманет — дело темное-с! Мы тоже с матушкой-то на свою руку охулки не

положим… *(Уходит.)*

Матрена Савишна *(входит разряженная; за ней Дарья)*. Что, ушел Антип Антипыч?

Дарья. Ушел-с.

Матрена Савишна. Ну, загулял теперь! Экое наказание! теперь пропадет дня на три.

Марья Антиповна *(входит разодетая)*. Ну, сестрица, поедемте. Знаете ли, куда я отпросилась?

Матрена Савишна. Куда?

Марья Антиповна. В Симонов к вечерне!

Хохочут и уходят.

Свои люди — сочтемся

ЛИЦА:
Большов Самсон Силыч — купец
Аграфена Кондратьевна — его жена
Липочка — их дочь
Подхалюзин — приказчик
Устинья Наумовна — сваха
Фоминишна — ключница
Рисположенский Сысой Псоич — стряпчий
Тишка — мальчик

Действие первое

Гостиная в доме Большова.

Явление первое

Липочка *(сидит у окна с книгой).* Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собранье али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, — вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная, — вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастия, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! *(с жаром)* оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! *(Вздыхает.)* Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как

они звенят, особливо, если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться — мило-дорого! Ну, а прицепи-ко он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так какой-то неодушевленный! *(Молчание.)* Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков все решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно толькое суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. *(Задумывается.)* Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досуге. *(Дурно*

вальсируя.) Раз… два… три… раз… два… три…

Явление второе

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна *(входя)*. Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ка, хорошо? Раз, два, три… раз… два…

Аграфена Кондратьевна *(преследуя ее)*. Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!..

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. — Раз… два…

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! *(Бегает за ней.)* — Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить, как надобно! Раз… два… три…

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалу-

юсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и бог создал, чтоб жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два…

Аграфена Кондратьевна. Как! ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Липочка. Ну, да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! *(Садится.)* Фу… фу… как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь, уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша! Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что ж? Родили вы — я была тогда что? Ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись, эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю. — А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он

благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. — Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите, пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то шепчешь.

Липочка. Видимый резон, что не хотите моего счастия. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь, там думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то денно и нощно заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь? Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя

же тебе вдруг жениха найти; скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Срам встречаться с знакомыми, в целой Москве не могли выбрать жениха — все другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, беспременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности! Владыко милосердый, не могу с духом собраться… Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои

глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть! У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, тарант Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех будочников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна *(стоит и смотрит на нее)*. Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает. Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я

виновата, перестань только, я виновата. Липочка плачет. Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну, не сердись ты на меня *(плачет)*...бабу глупую... неученую... *(Плачут обе вместе,)*. Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Липочка *(плача)*. На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка *(сквозь слезы)*. Тогда я перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня! Целуются. Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру. *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устннья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка *(голосом, еще не успокоившимся)*. Ах! кабы она поскорей пришла!

Явление третье

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя все мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это-таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выхо-

дит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где ж она до сих пор? Веди ее скорей, Фоминишна.

Фоминишна. Сама в секунду явится: остановилась на дворе — с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

Явление четвертое

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя)*. Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. *(Целуясь.)* Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала-ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава создателю!

Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах все. *(Целуясь с Липочкой.)* Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная? Пошли, творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подмывает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия в глазах.

Устинья Наумовна *(Фоминишне)*. Ну, и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало быть и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота, а и в нас тоже душа, а не пар!

Аграфена Кондратьевна *(садясь)*. Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко вели нам, Фоминигана, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте — пила и забежала-то так,

на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю, видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу с селедочкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром. Аль тебе жалко чужого добра? Да как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! *(Уходит.)*

Явление пятое

Те же без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь, у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хоть Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот,

Аграфена Кондратьевна тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный, да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

Явление шестое

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду, — За тем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хоть и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне

нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-с!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез недостанет, перцу наемся.

Фоминишна. Никак ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апетит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика, И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был пожурнальному. *(Смотрит в зеркало.)* Ах, господи! а сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да, очень мне нужно, на старости лет, язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орден на шее; ты вот поди оденься, а мы-с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох, уж ты мне, егоза! Угодят.

Явление седьмое

аграфена кондратьевна, наумовна и устинья

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна *(наливает)*. Кушай-ко на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. *(Пьет.)*

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только.

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой.

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать! Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну, а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

Явление восьмое

Те же и Расположенский.

Расположенский *(входя)*. А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! Садиться милости просим; как живете-можете?

Расположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знае-

те: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшко последнее дело.

Рисположенский. Кто ропщет, значит, тот богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история…

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко,

кушай.

Рисположенский *(садится)*. Жил старец, маститый старец… Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой… необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — бог подаст, другой сидит — бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я… лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко мой! Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи…

Входит Большов.

Явление девятое

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Рисположенский *(кланяется)*. Все ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов *(садясь)*. Простудился, должно быть, либо геморрой, что ли, расходился…

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха, ха, ха! Пора очувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха, ха, ха… А ты спроси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттедова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете… с позволенья сказать, хоть бы в погребок… там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомни, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети

маленькие! Ну, говорит, бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

Явление десятое

Большов и Расположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством на своем веку много чернил

извел?

Расположенский. Хе, хе… Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Расположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать: вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь таскамшись-то.

Расположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот,

что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь, — все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним. Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему со своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Рисположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже!

Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Рисположенский. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! хе, хе, хе… Да такие ли я дела делал… да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Рисположенский. А там, глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью… *(Пьет.)* Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после,

поди, Против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то; как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Расположенский. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Расположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы — нет: каков человек у нас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Расположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а ни Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Расположенский. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Большов. Ас чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в акурате, такой тебе, Сысой Псоич, могарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Расположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. — Ну, заложим мы дом, а потом что?

Рисположенский. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и все заплатить… Вы ему заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так, ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хоть говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

Явление одиннадцатое

Те же и Подхалюзин (входит).

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу,

что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! *(Кланяется.)*

Большов. А идет, так и пусть идет. *(Помолчав.)* А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня исделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленичко усовещевал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в ма-

газинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли, а?

Расположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай. только, только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгануть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Расположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Расположенский. Это точно, Самсон Силыч, а то вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, «Ведомости» принес?

Подхалюзин *(вынимая из кармана и подавая)*. Извольте получить-с.

Большов. Давакось, посмотрим. *(Надевает*

очки и просматривает.)

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большов а и смотрит в газеты.)*

Большов. *(читает вслух)*. «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну, и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-тко-сь, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает…» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. *(Просматривает дальше.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня. по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего…» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вотте и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу

вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов никак тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! И четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий на-

род-с.

Большов *(ворочая листы)*. Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин *(берет газету)*. Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Рисположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Рисположенский. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! *(Уходит.)*

Явление двенадцатое

Большов и Подхалюзин.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь, что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет, видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть завалящих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хоть за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а

которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и все тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. *(Помолчав.)* С городовыми лучше не связывайся: все в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут, как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диво бы товару не было, — каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да могарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! *(Помолчав.)* Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большев *(помолчав)*. Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня? *(Молчание.)* Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? *(Молчание.)* Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с, Уж вы во мне-то не сумневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время; денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй,

что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе, и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельцо обделать. Там после суди владыко на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевезти куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Большов. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только на, пусти бог смелости. Спасибо тебе, Ла-

зарь. Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

Подхалюзин. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видемши все ваши благодеяния, можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

Действие второе

Контора в доме Большов а. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

Явление первое

Тишка *(со щеткой на авансцене).* Эх, житье, житье! Вот чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести! У нас все не как у людей! У других-то хозяев коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках — стало быть при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается, а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо-бшто, по малолетствию тебе спускается; а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот... всякая шваль над тобой командует. Вот она жисть-то какая анафемская! А уж это чтобы урваться когда из дому, с прияте-

лями в три листика, али в пристенок сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Все ли вы слава богу? А ну, Тишка, выкинь коленце. *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как… *(Хохочет.)*

Явление второе

Тишка и Подхалюзин (крадется и хватает его за ворот).

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что? известно что! пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел! Покажу я тебе пыль! Ишь, ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты а будешь знать.

Тишка. Будешь знать! Да было бы еще за что?

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не что возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой хозяин… Я, коли на то пошло… хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не

видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Тишка. Знаем, что прошел.

Подхалюзин. Цьщ, дьяволенок! *(Замахивается.)*

Тишка. Накось, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу, скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Подитко-сь! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича, попотчевать. *(Дает деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженая девка косы не заплетет. Так надо порхать — живым манером.

Тишка уходит.

Явление третье

Подхалюзин *(один)*. Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать *(вынимает и считает)*, тут, должно быть, попользоваться будет можно. *(Ходит по комнате.)* Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони.

Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! *(Ходит молча.)* А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу: дескать я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. — Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характер Самсона Силыча, каков он есть, — это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову, уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько

ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем, взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них, или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно!

Явление четвертое

Подхалюзин и Тишка.

Тишка *(входит со штофом)*. Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там наверху. Да и стралулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

Явление пятое

Подхалюзин и Рисположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Рисположенский. К вам, батюшка Лазарь Елизарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь

Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так все левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьет.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?!

Рисположенский *(садится к столу)*. От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю от того, что больно народ грабите. За неправду бог наказывает.

Рисположенский. Эх, хе, хе… Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, больше по мелочам|

Рисположенский. Будешь и по мелочам, коли взять-то негде. Ну еще не то, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое! А домишко-то эвоно где!.. Что сапогов одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)* А я думаю: забегу, мол, я к Лазарь Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь.

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал.

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела.

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. *(Подходит и садится к столу.)* А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. *(Кладет бумажник на стол.)*

Рисположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч, неужто лишние? Небось, шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенский. А коли лишние, так отчего же бедному человеку не помочь. Вам бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч: тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть приценитесь подите.

Подхалюзин. Ну, так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с… за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей и богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с! Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходим акурате, — попал на эту точку и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч, маленький, что ли, я! Нора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с. Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и реестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кредиторам: тот не. согласен, другой не согласен; да так ни один-таки и нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с эстим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня али нет?

Рисположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе, а на счет моих-то делов.

Рисположенский. Хе, хе, хе., то есть дом с лавками… эдак… дом-то… хе, хе, хе…

Подхалюзин. Что-о-с?

Рисположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с, Тишка!

Явление шестое

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это! Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Рисположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят нить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпыо.

Подхалюзин. Пейте, да только поскореича,

того гляди, сам приедет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! *(Пьет и закусывает.)* Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят. Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну. Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то.

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная, да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то, что кобелей борзых. Да ишь ты, разборчивы очень они с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми — все человек.

Устинья Наумовна *(садясь)*. Присесть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской, с

раннего утра словно отымалка какая мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь; тому невеста понадобилась, той жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что так уж видно устроено, — от начала мира этакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится, — известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, — ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то, господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали. Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на поди. Страсти да и только: посуду колотит… «У! — говорит, — такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование.

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то — Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне, — я тебе окорочек завяжу. *(Идет на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

Явление седьмое

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. *(Садится.)*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, — нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хо-

чешь, — приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу, что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну, а коли есть, так и слава тебе господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой, — прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так я женю. Отчего ж не женить, и не взвидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ко, какого жениха нашла. — Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвертим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте, — задаст он вам после копоти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить; ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый, ничего, говори, — нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с!

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелись! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсоновну-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бриллиантовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете,

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с каким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу?

Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может, а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч, ведь он, неровен час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразнила, на дню два раза присылает: что жених, да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастия-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали, только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда, яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, Самсон Силыч, голицами торговал на Ба. тц-д чуге; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-

чуть не паневница — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в принцессы норовит. А все это денежки. Вот я, чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пущу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли — за купцом-то быть ей гораздо пристойное.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет, и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказывала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то. А почем вы знаете, сколько у

Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного человека, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсон Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете — можно обмануть приданым нашего брата, с рук сойдет, а значительного человека обмани-ко поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! — А надемши-то шубу соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь, — другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом Деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пообборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Тишка.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

Явление восьмое

Тишка *(садится к столу и вынимает из кармана деньги).* Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третевось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то! *(Считает про себя.)*

Голос Фоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мне кричать-то?»

Тишка. Что там еще?

«Дома, что ли-ча, Лааарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то, господи?»

А я почем знаю; нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался, — я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Да что там у вас?

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да никак хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем, голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна *(показывается на*

лестнице). Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отоприте, кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов. (за дверями}. Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

Явление девятое

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчена.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала. Большой. Пошла вон! *(Садится.)*

Фоминишна идет, в двери, Подхалюзин и Тишка входят.

Фоминишна *(возвращаясь)*. Ах, я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. — Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

Явление десятое

Подхалюзин, Большов и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям! Фоминишна уходит. *(К Тишке.)* Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

Подхалюзин *(Тишке)*. Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться, так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить? Да с чего же ты это взял? Да я лучше все огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай

векселя, пусть тащут, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заведение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое было. Ты старайся только — от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фалып сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства: мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава богу, пожили, а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея пота-

крови, прилагаю — так это все больше потому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольто-с: ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с. Останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну, а грех какой, сохрани господи! Как придерутся, да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани господи! Это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда

будет она, по крайности, как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался за Алимпияду Самсоновну, благородный-то, — и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал, — вы спросите Устиныо Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной, — а для вашего благополучия ни дня, ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, — ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну, а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого

дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня: только ведь и надежды-то теперь, что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч. Поймите вы из этого: не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с, сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с, потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с…

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шу-

тить изволите.

Большов. Что за шутка! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна, да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца родного… Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужли же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с.

Большов. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю… то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет… Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знамши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять знамши себя, что я такое

значу, — где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове, — а тебе ума-то не занимать стать, этим добром бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня глядеть-то не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю. — Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну, а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся дута-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну, а коли душа перепорнулась, так мы тебя поправим. Владей, Фаддей, пашей Маланьей.

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Но стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу, так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а ужотко заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с! *(Уходит.)*

Действие третье

Декорация первого действия.

Явление первое

Большов *(входит и садится на кресло, несколько времени смотрит по углам и зевает)*. Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь, а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и все: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, господи, господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

Явление второе

Аграфена Кондратьевна и Липочка (разряженная).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь

поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты, моя ангелика, царевна, херуимчик ты мой! *(К нему.)* Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой — не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не генаральская дочь, а все, как есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь.

Большов. А как мне еще приголублывать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь, а ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек.

Большов. Что ж что дочь? Слава богу — обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следствует; и чужих призирают, не токмо что своих, — а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей еще? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти; расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки, как хочешь, примеривай, а мужчина — не женщина — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань.

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а еще родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоить, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя, да и знать не хотят; Присядь, Липочка, присядь,

душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! Измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фп, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствоваетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитятко! Да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: ростили, ростили, да и выростили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, неровен дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право,

как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна *(плача)*. Да уж это, так говорится, — к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

Явление третье.

Те же и Устинья Наумовна,

Устинья Наумовна *(входя)*. Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы — носы повесили?

Целуются.

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас прова-

литься, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? Что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха, ха, ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь, — ни тпру, ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке; а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли, — надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного не сказал. — Вот, говорит, подумамши, да посоветамшись, а сам только что опояску поддергивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сантиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. Ив самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидишь!

Аграфена Кондратьевна. Что увидать-то! Увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстроивай ты меня. *(Садится.)*

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась, — платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы, нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

Устинья Наумовна. Фу ты, уж и нищие! Кто

тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила, — а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Липочка. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хулю твое платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится, по красоте-то твоей совсем не такое надобно, — исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. — Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка *(входит)*. Сысой Псович приказали спросить можно ли, дескать, взойти. Они тамотка, у Лазаря Елизарыча

Большов. Пошел, зови его сюда, и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж

тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело — адмиральский час — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут — еще успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то, — жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених, — полно дурачиться-то.

Большов. Погоди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а бог знает, кто приедет. Вот

всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. *(Подходит к зеркалу и смотрится, потом к отцу.)* Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выдти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Акстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж, — ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

Явление четвертое

Те же и Лазарь, Расположенский и Фомишшна (у дверей)

Расположенский. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться, милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Расположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился, и будто бы, золотые мои…

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие божие; да и не об том теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно пре-

рывается, и един создатель только ведает, что будет вперед: то и положили мы еще при жизни своей отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими

Устинья Наумовна. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо, и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас оченно чувствительно, в рассуждении божеского благословения, то и назначаем его теверита в общем лицезрении. — Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу, — небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку! Липочке. Как, что это за вздор?

Липочка. С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного.

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастия на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов *(берет Липочку насильно за руку и Лазаря)*. Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! Что ты! Опомнись!

Большов. Знай сверчок свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядком да потолкуйте ладком — а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же, — нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выдешь. *(Молчание.)*

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько свадьб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика, и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу. Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничают, может быть и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я им, кухарка, что ли, досталась? *(Плачет.)*

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого,

который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил, — окромя меня, не найтить-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как это ты, батюшке?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня бог вложил такое намерение, потому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не захочет, а я по гроб моей жизни *(плачет)* должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко! Да как же это быть?

Большов. *(из двери)*. Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал

Аграфена Кондратьевна уходит.

Явление пятое

Липочка и Подхалюзин.

Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь! Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсонов-

на, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас, — не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с…

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти, — вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить: отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то, — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я

их очен-но хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрут-с.

Липочка. Как банкрут? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? Глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! *(Вынимает.)*

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что ж это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились!

Молчание.

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда, так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимп-

няда Самсоновна, выйдете-с, так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с — окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов — не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. *(Молчание.)* Если вы насчет физиономии сумневаетесь, так это, как вам будет угодно-с, мы также и фрак наденем да бороду обреем, либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна, нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, [1] капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы букетами пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Еливарйч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для того, что нам не для чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну, а коли не хотите увезти, — так уж, пожалуй, и так.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна! Позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Липочка. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

Подхалюзин. Что вам угодно-с?

Липочка. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет того и гляди. Каково это терпеть абразованной барышне! Вот как бы я вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

Липочка. Да вы такие робкие, Лазарь Елизарыч, вы не посмеете тятеньке ничего сказать, а с благородным-то они немного наговорили бы.

Подхалюзин. Оттого и робкий-с, что было дело подначальное — нельзя-с. Прекословить не смею. А как заживем своим домом, так никто нам не указ. А вот вы все про благородных говорите. Да будет ли вас так любить благородный, как я буду любить? Благородный-то поутру на службе, а

вечером по клубам шатается, а жена должна одна дома без всякого удовольствия сидеть. А смею ли я так поступать? Я всю жизнь должен стараться, как вам всякое удовольствие доставить.

Липочка. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они — как хотят.

Подхалюзин. Уж это как и водится-с.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

Подхалюзин. Тятенька-с! Тятенька-с! Маменька-с!..

Явление шестое

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзин *(идет навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия)*. Алимпияда Самсоновна гласны-с! |

Аграфена Кондратьевна. Бегу, батюшко, бегу.

Большов. Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю, уж не вам меня учить.

Подхалюзин *(к Аграфене Кондратьевне)*. Маменька-с! Позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшко, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так, а? Ей-богу! Что ж это такое? А уж я и не зна-

ла, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Липочка. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

Аграфена Кондратьевна. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка моя! Эка ведь притча-то, а? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Фоминишна. Бегу, бегу, матушка, бегу. *(Входит.)*

Большов. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом, — а мы на вас посмотрим. Да подай-ко ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Фоминишна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Те же, Устинья Наумовна и Рисположенский.

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

Явление восьмое

Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на подносе).

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам бог жить да молодеть, толстеть да богатеть. *(Пьет.)* Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ко я поздравлю. *(Берет бокал.)*

Липочка и Лазарь встают.

Живите, как знаете, — свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся!

Большов. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них… Ну, поцелуйтеся!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная.

Устинья Наумовна. Уж и где же это видано, Уж и где же это слыхано, Чтобы курочка бычка родила, Поросеночек яичко снес!

Наливает, вина и подходит к Расположенскому. Расположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Расположенский. Не могу, Самсон Силыч, претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же, ломается!

Расположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-

богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Рисположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! Не могу-с! Разве бы я стал отказываться? Хе, хе, хе, да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте, обидеть недолго, а не хорошо.

Большов. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Рисположенский бежит.

Устинья Наумовна *(ставит, вино на стол)*. Врешь, купоросная душа, не уйдешь! *(Прижимает его в угол и хватает за шиворот.)*

Рисположенский. Караул!!

Все хохочут.

Действие четвертое

В доме Подхалюзина богато меблированная гостиная.

Явление первое

Олимпиада Самсоновна сидит у окна в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона. Подхалюзин в модном сюртуке стоит перед зеркалом. Тишка за ним обдергивает и охорашивает.

Тишка. Ишь ты, как оно пригнато, в самый раз!

Подхалюзин. А что, Тишка, похож я на француза? а? Да издали погляди!

Тишка. Две капли воды.

Подхалюзин. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! *(Ходит по комнате.)* Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идтить-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

Олимпиада Самсоновна. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нет-то не выучимся; еще

как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

Подхалюзин. Как же, Аянмпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с.

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантелью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с; и в Парк поедем-с в воскресенье. Ведь коляска-то тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра, — так пущай их смотрят. Тишка! трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пущай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! *(Целует. Молчание.)* Скажите, Алимпияда Самсоновна,

мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так, малость самую-с. Мне все равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли.

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин *(вскакивает со стула)*. Вот она у нас жена-то какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит Тишка с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще черт принес!

Тишка уходит.

Явление второе

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна *(целуясь)*. Что это ты, как будто похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты

взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подсдобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопочете. Много еще модного-то напроказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных и шелковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то-навсего у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай; подвенечное блондовое на атласном чахле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре семь, да двадцать — двадцать семь; крепрашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила. А ты поди-ко выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жида трепрашельчатое-то: ну, уж видно нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласные тоже — как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкап.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко.

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что же это ты, бралиянтовый, никак забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! *(Вынимает, бумажник и дает ей ассигнацию.)*

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно об-

лопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диво бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай, — ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне, — так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу, — вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп. Что ты оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе, хе, хе…

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ту смеешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!

Олимпиада Самсоновна выносит платье и отдает Устинье Наумовне.

Явление третье

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна. Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, — сейчас видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну. Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько; а то мы и за квартальным пошлем.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, рас-

печатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах я, дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием-чином… Тьфу! Тьфу! Тьфу! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, господи! Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна *(глядит в окно)* Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну, нет-с: из ямы-то тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой… Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

Явление четвертое

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он?! Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то, — еще возьмешь ли, нет ли, а ты

что-нибудь чистыми дай, да и бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Как бы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они восемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с, больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! Прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. — А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь, куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна с водкой; Тишка сносит закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшко, кушай! Чай, тебя там голодом изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! *(Пьет.)* Пей-ко сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! *(Пьет.)* Маменька! Не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшко, до того ли мне теперь! Эдакое божеское попущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то господи! А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с,

как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их таять.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с. Видит бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы, что ли-с! Маменька! Попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшко, пуншик налью!

Большов *(пьет)*. Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, ваяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капитала-то немного наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — свету не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги, да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

Олимпиада Самсоновна. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! Да ты вспомни те, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на руку не чист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это

очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует..

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся, да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат. Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне

Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно, что грешную душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат. А там мимо Иверской, как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда — ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем… А что ему за это было? А там Присутственные места, Уголовная палата… Ведь я злостный — умышленный… ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради! *(Плачет.)*

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо. денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу много!

Большов. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобрамши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько, а вы уж и на-поди.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклять в треисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы, только что понедельничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я прокляну тебя на всех соборах!

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов *(встает)*. Ну, прощайте, дети.

Подхалюзин. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Большов. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят со мной, то и делают. Прощайте, пора мне!

Подхалюзин. Прощайте, тятенька! Бог милостив — как-нибудь обойдется!

Большов. Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшко Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пущают?

Большов. Не знаю!

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видамши-то тебя.

Большов. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные-заключенные. Не забудьте нас, бедных-заключенных. *(Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)*

Подхалюзин. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами!

Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? али ехать? Поеду-с! Тишка!

Олимпиада Самсоновна. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

Подхалюзин. Тишка!

Входит.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают; богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

Явление пятое

Те же, Расположенский и Аграфена Кондратьевна.

Расположенский. Вы, матушка, Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшко! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне? А вы посолили?

Расположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте. Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А за чем это вы к дам пожало-

вали?

Рисположенский. Хе, хе, хе!.. Какой вы шут-сник, Лазарь Елизарыч! Известное дело, за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно знать-с?

Рисположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я все за деньгами

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж, вам не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха, ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-то!

Рисположенский. Как за что? — Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, нора честь знать.

Рисположенский. Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тож «должны!» Словно у него документ! А за что — за мошенничество!

Рисположенский. Как за мошенничество? За труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Рисположенский. Ну, да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ.

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Рисположенский. Так что ж, ты Меня грабить что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А ведь возьми еще пять целковых, да и ступай с богом.

Рисположенский. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Тишка входит.

Подхалюзин. А что же ты со мной сделаешь?

Рисположенский. Язык-то у меня не купленый.

Подхалюзин. Что ж ты, лизать, что ли, меня хочешь?

Рисположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Рисположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тко ты на себя.

Рисположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзин. Да что увидать-то?

Рисположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! Уж я и так ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я… я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Рисположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей — вот сапоги худые!..

Подхалюзин. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно… Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Рисположенский. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит… Жена, четверо детей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Рисположенский. Ты что? Ты такой же гра-

битель!

Тишка. Ничего-с, проехали!

Подхалюзин. Ах! Ну, что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Рисположенский. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

Подхалюзин. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоящий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться не стал.

Рисположенский. Что, взял, а! Что, взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Какой горячий-с! *(К публике.)* Вы ему не верьте, это он, что говорил-с, — это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем, милости просим! Малого ребенка пришлете — в луковице не обочтем.

Утро молодого человека*

ЛИЦА:

Недопекин, Семен Парамоныч.

Лисавский, Сидор Дмитрич.

1-й молодой человек.

2-й молодой человек.

Смуров, купец, дядя Недопекина.

Вася, племянник Смурова, двоюродный брат Недопекина.

Сидорыч, приказчик тетки Недопекина.

Иван, лакей.

Гришка, мальчик.

Богато меблированная комната. На задней стене дверь в переднюю, на левой — в кабинет; направо от зрителей турецкий диван и всякого рода мягкая мебель; с левой стороны — письменный стол с богатыми принадлежностями; ближе к зрителям трюмо; окна роскошно драпированы; на стенах эстампы.

I

Иван и Сидорыч сидят на креслах. Гришка сто-

ит.

Иван. Да посиди, куда ты?

Сидорыч. Пора-с, еще надо кое-куда зайти.

Иван. Еще успеешь. Да тебе на что Семена-то Пара-моныча?

Сидорыч. Да тетенька их завтрашнего числа к себе на вечер просят.

Иван. Ну, так не поедет, и дожидаться тебе нечего.

Сидорыч. Отчего ж не поедут-с?

Иван. Нечего ему делать у вас, вот тебе и все. Ваши-то ведь как есть русаки. Ведь вы по буднямто из одной чашки едите, в восьмом часу спать ложитесь. Только в именины да по праздникам и раскошеливаетесь. А мы, видишь, как живем? Смотри! *(Показывает кругом.)* То-то вот оно и есть! Так-то, братец ты мой! Да теперь будем говорить насчет компании: какая у вас компания? Ни обращения никакого, ни политики. Нам, брат, у вас нечего делать. Вот он меня за что уважает? потому я все эти порядки знаю. Я, брат, служил все у хороших людей: у генерала Симевича два года служил, у советника служил. Так уж мне пора знать. Уж он так меня и спрашивает: «Что, говорит, Иван, это как у генерала?» Вот, говорю, так и так; «а это как?» а это вот так, мол. «Хоро-

шо», говорит.

Сидорыч. А скоро они встанут?

Иван. А ты вот смотри на часы. У нас уж тенп известный. Уж поневолится, да проспит до второго часу. Я еще такого и не видывал, чтобы кто так моде подражал. Вот теперь встает во втором часу; а скажи ему, что господа встают с петухами вместе, ведь и он тоже с петухами станет вставать.

Сидорыч. Тон наблюдают-с.

Иван. Уж как наблюдает-то, просто смех смотреть на него. Увидит где на гулянье или в театре, как кто одет, как кто ходит, сейчас и перенимает; вот здесь и учится перед зеркалом. Ей-богу! А все-таки, брат, у нас чего нет, все это на барскую ногу. Видишь, как мы живем! А вы что! Вам хоть горы золотые давай: уж это все одно; заведение такое, самое необразованное. А мы, видишь, как живем! Вот, хочешь книжку почитать?

Сидорыч. Коли можно, так дайте какую-нибудь позанятнее.

Иван. Уж что тут толковать!

Сидорыч. Да не спросили бы неравно.

Иван. Ах ты, какой человек! Говорят: бери, так бери. Вот тебе. *(Дает книгу.)* У нас, брат, все есть: всякие книги, журналы, ноты всякие; вот, видишь *(показывает ему)*. Мы, брат, по-барски

живем. Вот, хочешь цыгар?

Сидорыч. Пожалуйте парочку.

Иван. Что парочку! бери десяток. У нас, брат, хорошие цыгары: пятьдесят рублей сотня.

Сидорыч. Ну, как узнают! Забранятся, пожалуй.

Иван. Что толковать! уж ты бери, коли дают. Приходи в другой раз: еще дам; у нас этого добра не переводится.

Сидорыч. Затем прощайте-с. Неколи мне ждать-то. Я уж завтра зайду-с.

Иван. А нам, брат, не рука по вашим вечеринкам ездить!

Сидорыч уходит. Гришка за ним. Иван садятся на кресло и берет газету. Гришка возвращается.

А я тебе, Гришка, один раз навсегда говорю: коли хочешь ты быть человеком, ты старших слушай, да не огрызайся; ты со старших пример бери.

Гришка. Да, со старших! А ты зачем бариновы цыгарки раздаешь?

Иван. Не тебя ли еще спрашиваться! А ты платье вычистил?

Гришка. Да когда чистить-то?

Иван. А что ж ты целое утро делал-то?

Гришка. Небось, ничего не делал.

Иван. Ну, смотри!

Гришка. Да что смотреть! Я, небось, ходил. А сам что делал? Все утро «Пчелу» читал!

Иван. Так вот я и стану тебе платье чистить! *(Передразнивает его.)* «Пчелу» читал! Я, брат, свое дело знаю!

Звонят.

Отопри, пошел! *(Встает со стула.)*

II

Лисавский *(входит, свищет)*. Сенечка дома?

Иван. Семен Парамоныч?

Лисавский. Ну да!

Иван. Да вы не очень кричите: почивает-с.

Лисавский. Ну, я подожду. *(Садится на кресло, разбирает книги.)* А где «Библиотека для чтения»?

Иван. А я почем знаю? чай, сами же взяли.

Лисавский. Что ты врешь!

Иван. Что мне врать-то? Вы, Сидор Митрнч, книжки-то, которые взяли, принесите.

Лисавский. Ну, уж это не твое дело.

Иван. Конечно, не мое. А неравно спросят, я должен отвечать-то.

Лисавский. Дай огню. *(Берет сигару, а две кладет d карман.)*

Иван. Гришка, подай огню. Вот вы, Сидор Митрич, всегда у барина цыгары берете, а он спрашивает. Отчего, говорит, Иван, скоро цыгары выходят; ты, говорит, смотри, чтоб не таскали.

Лисавский. Пошел, братец; ты мне надоел уж. Ну, скажи, что я беру.

Иван. То-то скажи! А оно нехорошо; в нашего брата спрашивают. *(Уходит.)*

Лисавский *(молча читает какой-то журнал)*. Что такое? Статья о театре! Посмотрим, посмотрим. *(Читает.)* «Где найдешь не знаешь, потеряешь не ожидаешь, или не берись за гуж, если не дюж. Шутка в одном действии, а если бы не дверь на улицу, так была бы не шутка, а серьезное дело, водевиль Лисавского». *(Читает про себя.)* Нет, это выше сил! Это ни на что не похоже! «Ни малейшего таланта!» Ах он мерзавец! Желал бы я знать, кто это написал? Кто бы? *(Думает.)* Нет, не он: где ему! Разве вот этот? Да уж, кроме его, некому. Он думает, может быть, что я не узнаю. Нет, погоди, голубчик; ведь уж этого не скроешь. Это чорт знает что такое! «Ни малейшего таланта». Только бы мне узнать, уж я доеду. Да это он; нечего и толковать, по глазам видно, что мерзавец! Однако это неприятно; вдруг тебя ругают публично. И кто! Андронову

до сих пор пятнадцать целковых должен; да и у меня, кажется, просил. Да! просил, просил! Это я помню! *(Смотрит на рукав.)* Ну, одно за другим: там какая-то скотина ругается, тут фрак протерся! *(С отчаянием махнувши рукой.)* Это со мной только с одним и может случиться. Гонит судьба, преследует. *(Сидит несколько времени задумавшись.)* Кажется, у Сенечки лишний есть?.. Иван!

Иван *(входит)*. Что угодно?

Лисавский. Что, Сенечка зеленый фрак не носит?

Иван. Не носит.

Лисавский. Ну, так ты. Ваня, завяжи его в платок.

Иван. Уж это я без приказания не могу-с.

Лисавский. Ну, так прикажут.

Иван. А тогда дело другого рода, хоть два завяжем. А без приказания не могу. Вот вы бекешку-то взяли один раз надеть, да и заносили совсем. Этак всякому раздавать, так не напасешься. Мне что за дело: не мое, а барское. Наше дело, известно, лакейское, а и то совесть знаешь.

Лисавский. Ведь вот, Ваня, ты и обижаешь меня а я ведь тебя люблю.

Иван. Ваша любовь-то известно какая: из нее шубу не сошьешь. Вы у барина и то, и се берете, а

я еще от вас гривенника не видал. Хоть бы когда в глаза плюнули. Только кричите: подай то, подай другое. Я и у хороших людей жил, да этакого обращения не видал. Известно, уж благородного человека сейчас видно.

Лисавский. Да нельзя же мне при людях к тебе на шею кидаться. А наедине я с тобой всегда по-дружески. Ей-богу, Ваня, по-дружески. Да чем мне гордиться-то перед тобой? Чем ты хуже меня? Ты свое дело знаешь, ты честен. Честность ведь, Ваня, великое дело. Я больше за честность и люблю тебя. Я всякому готов быть другом, только будь честен.

Иван. Какое же в этом дружество может заключаться? Сказано — лакей. Какая от этого может честность произойти!

Гришка *(входит)*. Приехал кто-то.

Иван. Проси.

Лисавский. Разбуди поди.

Иван. Разбуди! не велит будить-то,

Лисавский. Ну, так я сам пойду. *(Уходит.)*

III

Входят двое молодых людей: 1-й входит в комнату, 2-й остается в дверях.

2-й молодой человек. Нет, нет!

1-й молодой человек. Да полно, братец, что за вздор!

2-й молодой человек. Ни за что на свете!

1-й молодой человек. Помилуй, ты его не знаешь: он отличный малый.

2-й молодой человек. Я с ним незнаком. Да и с какой стати я являюсь к нему вдруг знакомиться. Что он за птица!

1-й молодой человек. Какое тебе дело! В нынешний век на это надо смотреть с философской точки зрения; хорошо кормит, вино хорошее — чего ж тебе еще! Очень нужно тебе его образование и манеры. Нет, ты останься; посмотри, как он рад будет с тобой познакомиться.

2-й молодой человек. Ведь мы ему делаем честь своим знакомством, а не он нам, значит — неприлично мне к нему являться первому. Он может подумать, что я нарочно для того набиваюсь на знакомство, чтобы обедать на его счет.

1-й молодой человек. А тебе-то что за дело, что он подумает!

2-й молодой человек. Не пойду, воля твоя, не пойду.

1-й молодой человек. Ты то возьми: у него денег можно занять.

2-й молодой человек. Да я все это понимаю!

Что ты мне еще рассказываешь! Да все-таки, как-то тяжело. Ты подумай, какую мы будем роль играть.

1-й молодой человек. Никакой роли! Поедим, выпьем, и все тут.

2-й молодой человек. Нет. Прощай,

1-й молодой человек. Ну, так ты вот что: отправляйся к Шевалье и жди, а я его привезу туда. Там и познакомитесь; он нас обедом угостит.

2-й молодой человек. Ну, вот это другое дело, а то все как-то неловко. Прощай! *(Уходит.)*

Лисавский *(выходя из кабинета)*. А! Здравствуйте!

1-й молодой человек. Что он, проснулся?

Лисавский. Одевается.

1-й молодой человек. Послушайте, господин Лисавский, это вы ему писали письмо в стихах к одной особе? Мне его показывали.

Лисавский. Конечно, я, где ж ему-с.

1-й молодой человек. Я так и думал. Очень хорошо написано, очень хорошо.

Лисавский. А вы видели мой водевиль: «Один жених за троих, или то же, да не то?»

1-й молодой человек. Нет, не видал. А что же?

Лисавский. Там у меня есть куплетец;

Хоть он в рядах торгует плохо,

А лезет в кресла в первый ряд.

1-й молодой человек. А, понимаю. Очень хорошо написано и, главное дело, очень похоже.

IV

Недопекин входит и махает Лисавскому; тот уходит.

1-й молодой человек. Bonjour, m-r Недопекин!

Недопекин. Извините, я вас заставил дожидаться Я вчера поздно приехал. А впрочем, я всегда так встаю — в половине первого. *(Вынимает часы.)* Вот, ровно половина первого. Я читаю долго по вечерам.

1-й молодой человек. Вы читаете?

Недопекин. Читаю. Знаете, нельзя-с.

1-й молодой человек. Что же вы читаете?

Недопекин. Журналы, ученые сочинения. Я все почти журналы выписываю.

1-й молодой человек. Русские?

Недопекин. Русские.

1-й молодой человек. Полноте, что вы! *(Смеется.)* Да что там читать-то? Переводные французские романы?

Недопекин. Да-с, французские романы.

1-й молодой человек. Так уж лучше их в под-

линнике прочесть.

Недопекин. Да-с, это несравненно лучше-с.

1-й молодой человек. А вы сами ничего не пишете?

Недопекин. Я думаю что-нибудь написать. Я стихи пишу-с. Я петь хочу учиться; только не знаю, где взять учителя, чтобы самого лучшего. Не знаете ли вы?

1-й молодой человек. Самых лучших нет здесь. А вот если вы хотите, я вас познакомлю с одним литератором — умнейший малый.

Недопекин. Ах, сделайте одолжение!

1-й молодой человек. Вы приходите нынче обедать к Шевалье, я вас отрекомендую.

Недопекин. Непременно буду-с.

1-й молодой человек. Так прощайте, до свидания!

Недопекин. Прощайте-с. Я непременно, непременно буду-с.

V

Лисавский *(из двери)*. Что, ушел?

Недопекин. Ушел. Послушай, скоро ли ты меня по-французски-то выучишь?

Лисавский. Да зачем тебе так скоро понадобилось?

Недопекин. Как зачем? читать французские книги. Не русские же читать! Ха-ха-ха! Кто же русские читает! Нет, брат, нас не обманешь. *(Ходят обнявшись.)*

Лисавский. Послушай, Сенечка! А ведь ты хорош, ей-богу, хорош. Ведь ты себе цены не знаешь. Погляди-ка ты на себя. Ведь это идеал мужчины! Аполлон, Аполлон, просто Аполлон! *(Недопекин стоит перед зеркалом и улыбается.)* Знаешь ли что, Сеня?

Недопекин. А что?

Лисавский. Ты красавец, решительно красавец; только позволь, друг, тебе правду сказать.

Недопекин. Говори.

Лисавский. Только ты, Сеня, не сердись! Ты одеваться не умеешь. Имей-ка я твое состояние, так я бы, знаешь ли, как одевался.

Недопекин. А как?

Лисавский. Убил бы всех, да и все тут. Ну, вот теперь ты порядочно одет, можно сказать, безукоризненно. А иногда надеваешь чорт знает что! Зеленые фраки носишь, просто гадость.

Недопекин. Да с чего же ты взял? я уж зеленого давно не ношу.

Лисавский. Как не носишь, да недавно надевал.

Недопекин. Когда надевал? Что ты врешь-то! Стану Я зеленый фрак носить!

Лисавский. Толкуй, толкуй! А зачем же ты его сшил?

Недопекин. Так, сшил, да и все тут. Что ж не сшить! Денег, что ли, у меня нет?

Лисавский. Счастливец ты, Сеня: богат, как чорт!.. хорош!.. Я, брат, все любуюсь на тебя! Ведь угораздило же тебя таким красавцем родиться! Каково, я думаю, на тебя смотреть женщинам. Ведь это, брат, смерть, ей-богу, смерть! Только ты уж, Сеня, не дурачься: зеленых фраков не носи.

Недопекин. Говорят тебе, не ношу.

Лисавский. Ох, Сеня, боюсь, осрамишь ты мою головушку.

Недопекин. Да ей-богу, не надену.

Лисавский. А вот взять его у тебя, так короче дело-то будет.

Недопекин. Да возьми, пожалуй! Ты думаешь, одеваться не умею? Да я захочу, так у меня завтра сто фраков будет. Я, брат, знаю, как одеваться, ты меня не учи, сделай милость. А то важность мне зеленый фрак! *(Ходит перед зеркалом.)*

Лисавский. Ты, Сеня, не сердись: я любя, ей-богу любя. Иван!

Входит Иван.

Завяжи в платок зеленый фрак.

Иван уходит.

А что мы, Сеня, с тобой завтракать будем?

Недопекин. Да мне что-то не хочется.

Лисавский. Как это ты, Сеня, говоришь: не хочется. Дивлюсь я на тебя. Да веди ты, братец, правильную жизнь. Положи ты себе за правило: завтракать в час, обедать в четыре. Все порядочные люди так делают.

Недопекин. Разве все в час завтракают?

Лисавский. Да разумеется, что все; а то как же?

Недопекин. Что ж, давай закусим что-нибудь.

Лисавский. Да не что-нибудь, а надобно выбрать полегче, поизящнее. Вот, например: спаржу, из дачи что-нибудь, лафиту хорошего.

Недопекин. Ну, уж это мы с завтрашнего дня заведем, а теперь так что-нибудь; уж один день не в счет; ведь мне еще нынче обедать у Шевалье. Иван!

Входит Иван.

Принеси нам позавтракать, да вина дай получше.

Иван уходит.

С каким, братец, я там писателем нынче познакомлюсь, не тебе чета. Вот ты и знай наших!

Лисавский. Сеня, возьми меня!

Недопекин. А тебе что там делать? Это, брат, твое общество.

Лисавский. А ты думаешь, твое? Они же над тобой после смеются, а я бы тебя, по крайней мере, поддерживал.

Недопекин. Толкуй, толкуй!

Иван приносит завтрак. Садятся.

Лисавский. Ведь мне все равно, как хочешь, так и делай; я тебе по дружбе говорю.

Недопекин *(показывая ему бутылку)*. Погляди-ка! А! Какова штука-то! Ты посмотри, чего стоит-то! Ты, я думаю, сроду не пивал. Только этого уж я тебе не дам.

Лисавский. Полно дурачиться-то, наливай!

Недопекин. Нет уж, не дам.

Лисавский. Вот уж не люблю.

Недопекин. Нет, жирно будет вас этаким вином поить. Атанде-с!

Лисавский. Что ломаешься-то! Ведь ты вкуса не знаешь в этом; тебе бы только ярлык дорогой, а там хоть уксусу налей.

Недопекин. Рассказывай, рассказывай!

Лисавский. Велика важность! Да я и сам не хочу; и просить будешь, так не стану.

Недопекин. Да не беспокойся, я и не дам.

Лисавский. Да я и завтракать не стану. *(Вста-*

ет.) И чорт меня дернул связываться-то с тобой!

Недопекин. Да ты и не связывайся.

Лисавский. А ты думаешь, нужно очень! Вашего брата и по-русски-то говорить порядочно выучишь, а вы уж и зазнаетесь. Без меня-то ты до сих пор говорил бы: оттедова, откуличи, áхтер.

Недопекин. Ты мне деньги-то отдай, которые брал.

Лисавский *(садясь к столу)*. Нет, ведь вот, Сеня, что душу-то возмущает — это неблагодарность!

Недопекин. Ну, полно, не сердись. *(Наливает ему.)* Я пошутил,

Лисавский. Нет, ведь, ей-богу, Сеня, обидно!

Недопекин. Что ж, ты принес стихи?

Лисавский *(отдает)*. На, возьми. Только ты, пожалуйста, Сеня, будь осторожен в словах. Я знаю, что это шутка; да все-таки, не хорошо — дурные замашки: между порядочными людьми этого не бывает. Ты знаешь, я щекотливый человек.

Недопекин *(читает)*. Ну уж хорошо, будет толковать-то. Что это, я не разберу.

Лисавский *(берет у него и читает)*.

Я видел вас, как вы сидели в ложе,
И, боже мой, как были вы похожи
На пери, на жизель, на этих фей…

Недопекин. Что такое «фей»?

Лисавский. Ах, как ты этого не знаешь! Это такие воздушные существа.

Недопекин. Хорошо, хорошо, читай!

Лисавский *(читает).*

На пери, на жизель, на этих фей…

Что грацией и легкостью своей

К себе сердца и взоры привлекают…

Недопекин. Ну, остальное я сам разберу.

Лисавский. Кстати, ты нынче будешь в театре?

Недопекин. Как же! Ведь нынче балет! Зайди, возьми мне кресло в первом ряду.

Лисавский. Хорошо. Так ты дай денег.

Недопекин дает.

Ну, прощай!

Недопекин. Прощай!

Лисавский *(возвращаясь)* Так я уж кстати и себе возьму рядом с тобой, а?

Недопекин. Ну, возьми, чорт с тобой! Иван! Давай одеваться!

Входит Иван с платьем и Гришка. Недопекин надевает пальто, шляпу, берет палку и начинает ходить перед зеркалом; Гришка смотрит на него.

Гришка. Вон у Яшки-то княжеского штаны-то

вот тут с пуговками.

Недопекин. Иван, какие там еще пуговки?

Иван. Это так точно; это грума называется.

Недопекин. Ну так ты вели ему сделать.

Иван. Это грума; а то вот вместо кучера во фрак сажают — так это жокей.

Недопекин уходит. Гришка за ним. Иван прибирает со стола, расставляет мебель; потом садится с книгой в кресло. Звонят.

Иван. Нет тебе покою ни на минуту! И свой-то с ног собьет, а тут чужие то и дело шляются.

VI

Смуров *(входит; за ним Вася)*. Что, Семен дома?

Иван. Уехали-с.

Смуров. А не знаешь куда?

Иван. Не знаю. Подождите; может, скоро будет.

Смуров. Подождем! Садись, Вася, будем его милости дожидаться.

Иван уходит. Молчание.

Вася. Абрам-то Сидорыч говорит нынче: я, говорит, протестую.

Смуров. Ишь ты, срам какой! А еще-то много должен, не слыхал ты?

Вася. Тысяч на пять серебром наберется.

Смуров. Все по доверенности матери?

Вася. По доверенности.

Смуров. Платежи-то не скоро?

Вася. По одному-то на этой неделе надо платить. Дан был Белорыбицыну; а он Семену Арефьичу передал. Семен-то Арефьич вчера и говорит в трактире: мне, говорит, заплатит, а то я старуху-то и в яму потяну.

Смуров. Да и поделом ей, дуре, коли допустила до этого. Хорошо еще, что я-то хватился, а то он накуралесил бы, что и не расхлебаешь. Ишь ты, как разукрасил сдуру-то! Трюмо завел! *(Смеется.)* Книжки разные! Покажь-ка, Вася, что там за книжки.

Вася *(берет книгу)*. Французская, должно быть, либо немецкая.

Смуров. Нешто он по-французски-то знает?

Вася. Где, дяденька, знать! Так, для близиру лежат.

Смуров. Эка дурачина-то! *(Смеется, потом вздыхает.)* Эх, то-то глупо-то! То-то бить-то некому! *(Молчание.)* Чей это мальчонка-то у него?

Вася. Матренин внучек, что у тетеньки-то живет старуха; еще она сродни тетеньке-то.

Смуров. Так, стало быть, он сын Сидорыча-то, что у свата на фабрике?

Вася. Сын. А сестру его, Дашу, помните, тетенька замуж выдавала за лавочника. Еще, помните, Ганька-то кудрявый весь сажей вымазался.

Смуров. Помню, помню. Отец-то славный малый, честный, а мальчишку-то как обезобразили. Ведь вот отец-то его ни в чем не замечен, а сынишка-то что делает. Обругать надо человека — этакую штуку надеть. Конечно, он мальчишка, его как хошь тормоши; да за что же обезьяной-то наряжать! Как его зовут-то?

Вася. Гришуткой.

Смуров. Гришутка, а Гришутка!

Гришка *(входит)*. Чего изволите-с?

Смуров. Повернись-ка, повернись! Хорош, брат, нечего сказать!

Вася. Дяденька! Точно он физик какой галанский. На птицу похож.

Смуров. Будешь похож, когда этакий кортекол наденут.

Гришка. Да нынче так носят.

Смуров. Да кто носит-то, глупый! Носят! Мало ли что носят! Всех нищих не перещеголяешь! Ну, за что тебя так обругали! Эх, Гриша, Гриша! Нехорошо, братец! Ты чем здесь занимаешься-то?

Гришка. Ничем не занимаюсь. На посылках, да пыль сотрешь, за столом прислужишь.

Смуров. Балуешься ты здесь, я вижу, около моего племянника-то. Тебя одели дураком, а ты и рад. А ты полно паясничать-то, ты уж не маленький, пора и об себе подумать. Чего ты здесь дождешься? Ничего не дождешься, ни лысого беса. А ты бы просился у бабушки-то, чтоб тебя куда в порядочное место отдали, в лавку, что ли, куда; на крайности со временем человек будешь, а то что народ-то смешить! Я вот бабушке-то поговорю.

Входит Иван.

Что ж, скоро ли будет-то?

Иван. Не знаю; может быть, и вовсе не приедет. Да вот вы напишите, что вам нужно. *(Подает ему бумагу и перо.)*

Смуров. Напишите! А что я стану писать! Ишь ты, разгулялся очень! Какого я ему рожна напишу! Умны вы очень! Напишите! Дурак ты, я вижу, и с барином-то о твоим; а то еще «напишите». Очень мне нужно! Поди-ка-сь, господа какие! Пойдем, Вася.

Иван. Что же сказать прикажете, коли Семен Парамоныч спросят?

Смуров. Скажи ему, что дурак он, вот что!

Вася. Дяденька, он говорит, что он образованный человек.

Смуров. Как же ему не быть образованным! Из

трактиров не выходит, по рощам шампанское пьет. *(Ивану.)* Так ты слушай! Ты скажи ему, чтоб нынче же к матери приехал, что дяденька, мол, нарочно заезжал. Да ты скажи ему, что я сам старухе-то скажу, чтобы она доверенность-то уничтожила, да в газетах публикуем, что долгов за него не платим, тогда и живи, как он хочет: уж я ему ни слова не скажу. Мы ему хвост-то прижмем.

Уходят.

Неожиданный случай*

Драматический этюд

ЛИЦА:

Сергей Андреич Розовый, неслужащий помещик лет 27.

Павел Гаврилыч Дружнин, чиновник, товарищ Розового по учебному заведению.

Софья Антоновна, вдова лет 30.

Маша, горничная Софьи Антоновны.

Сцена первая

Кабинет холостого человека

I

Розовый лежит на диване.

Розовый *(один).* Однако это чорт знает как глупо! Даже совестно!.. Ведь вот один сидишь, а тебя в краску бросает. А еще считаешь себя порядочным человеком, про других говоришь: тот не так себя ведет, другой смешон. А что может быть хуже моего-то поведения? Совершенная гадость! Ну на что это похоже, что не могу я видеть женщины равнодушно: как только подойду, так теряю и рассудок и всякое соображение, говоришь и делаешь такие вещи, что после как будто тебе все это во сне снилось. Ну с чего я так разнежился вчера, например. Сначала-то как и путный, заговорил с ней о погоде, о литературе, а там и пошел, и пошел: «и какое блаженство быть любимым такой женщиной, как вы, Софья Антоновна! Да я не смею я мечтать о таком счастье...» Положим, что и другие то же говорят, да у них это как-то на шутку похоже; а ведь я чуть не со слезами.

Ах ты, гадость какая! Да и Софья-то Антоновна хороша тоже!.. Ей бы посмеяться надо мной и кончено дело, — я бы и не лез больше, а то: «Да вам верить нельзя, да вы все так говорите». А я-то клясться, я-то божиться!.. Фу!.. *(Закрывает лицо руками.)* Для чего это я делал, теперь спрашивается? Жениться на ней мне совсем нет никакой надобности, я могу найти и лучше ее и богаче. А ведь я по своей глупости так повел дело, что она теперь думает, будто я влюблен без памяти и ей остается только осчастливить меня на всю жизнь. Да как ей не думать, когда я сам клянусь ей в этом!.. Ах, дурак, дурак! *(Лежит молча.)* Да вот что гадко-то, что каждая такая глупость меня мучит после, из головы не выходит. Ведь забываешь же иногда вещи и важнее, а тут вдруг ни с того ни с сего придет тебе в голову иногда даже во время разговора с кем-нибудь — весь вспыхнешь и сконфузишься чорт знает чему. Уж я и не знаю, говорить ли мне об этом Дружнину, или нет. он взбесится на меня, непременно взбесится, изругает, пожалуй!.. А все-таки надобно с ним посоветоваться, это дело начинает принимать серьезный характер. Только я думаю не рассказывать ему всех-то глупостей, а так кое-что, слегка, да и попросить у него совета. А то женишься,

пожалуй, ей-богу, женишься! Уж у меня сердце чувствует, что женюсь когда-нибудь так совсем на посторонней женщине, вдруг предложу руку, да и кончено дело. *(Задумывается.)* А какая там вчера была девушка!.. Что это за прелесть! Вот красавица-то! Меня так и подмывало поговорить с ней о чем-нибудь, да боялся. Ну, вдруг ни с того ни с сего откроешься в любви… Девочка молоденькая!.. Что должна подумать? Либо обидится, либо за дурака сочтет.

II

Дружнин *(входит)*. Здравствуй, Сережа!

Розовый. А, здравствуй, Павел!

Дружнин *(садится)*. Ну, что новенького у тебя?

Розовый. Какие же у меня могут быть новости!

Дружнин. Что ты толкуешь: какие новости! Ведь я тебя целую неделю не видал — неужели ты все дома сидел?

Розовый. Нет, не все дома, был кое-где.

Дружнин. А где ж бы это, например?

Розовый. В театре был, еще кое-куда заезжал.

Дружнин. Да куда же? Что это за скрытность в тебе, Сережа, как это гадко! Право ведь, Сережа, гадко. Я, кажется, от тебя ничего не скрываю.

Розовый. Никакой тут скрытности нет; да не

люблю я толковать о пустяках.

Дружнин. Какие же это пустяки? Ну, какие пустяки! Ты меня выведешь из терпения. Человек у тебя с участием спрашивает, заботится о тебе, а ты говоришь: пустяки.

Розовый. Да ей-богу, Паша, рассказывать нечего; скажи ты что-нибудь.

Дружнин. Что я, забавлять, что ли, тебя пришел! Да что ты в самом деле? Я отрываюсь от дела, бегу к нему без памяти: не случилось ли чего? а он и знать не хочет, Нет, уж это ни на что не похоже. Ну, полно, Сережа, не дурачься, скажи, где был; в середу, я знаю, ты был в театре, а потом?

Розовый. Ну, а потом: в пятницу у Софьи Антоновны, в субботу у Хохловых, вчера опять у Софьи Антоновны, вот тебе и все.

Дружнин. Постой, постой! У какой Софьи Антоновны? Что это за Софья Антоновна? Я что-то прежде не слыхал об ней.

Розовый. Как, братец, не слыхал, — я, кажется, говорил тебе.

Дружнин. Когда говорил? Ничего ты мне не говорил — ты врешь!.. Нет, брат, это у тебя какие-то новости! И уж наверно глупость какая-нибудь.

Розовый. Да какие же, Паша, глупости? Никаких глупостей нет.

Дружнин. Уж, пожалуйста, не говори, я тебя знаю. Ни слова не скажешь и знакомишься чорт знает с кем!

Розовый. Да я уж с ней давно знаком.

Дружнин. Вот это мило! Да как же я-то ничего не знаю. Что ты со мной делаешь, скажи ты, сделай милость?

Розовый. Да не стоит знать-то — так, пустое знакомство.

Дружнин. Да все-таки подло!.. Если она хорошая женщина, ты и меня должен был познакомить с ней.

Розовый. Нет, Паша, не стоит. Я наперед знаю, что она тебе не понравится.

Дружнин. А ты-то для чего знаком с ней?

Розовый. Да так, нечаянно познакомились.

Дружнин. Что она, вдова?

Розовый. Вдова.

Дружнин. Богата?

Розовый. Нет, нельзя сказать.

Дружнин. Хороша собой, что ли?

Розовый. Ничего особенного; самое обыкновенное лицо.

Дружнин. Ну, уж это рожа. Коли ты говоришь, что обыкновенное лицо, так уж нечего и толковать.

Розовый. Нет, уж ты, Паша, слишком пересаливаешь! А по правде-то сказать, так в самом деле нет ничего привлекательного.

Дружнин. По крайней мере умная женщина или уж добра очень, что ли?

Розовый. Ну, и этого не скажу. Есть у нее что-то в характере, что мне не нравится.

Дружнин. Что же ты в ней нашел? теперь спрашивается.

Розовый. Ничего не нашел. Уж будто непременно нужно искать чего-нибудь. Знаком так же, как и все с ней знакомы, ни больше ни меньше.

Дружнин. Как же, поверю я тебе! То-то и беда моя, что ты никогда не делаешь так, как люди-то делают. Ну, рассказывай теперь мне, как ты с ней познакомился, в каких вы с ней отношениях и так далее…

Розовый. Да зачем, Паша?

Дружнин. Сережа!.. Ну, сделай милость! Голубчик! Ну, я прошу тебя.

Розовый. Изволь, изволь!.. Познакомился я с ней у Окуневых. Потом, дня через три, встретил ее на Кузнецком мосту: идет пешком… Посмотрел бы ты, как идет!.. Прелесть! Походка какая!.. Ах, Паша, как иные женщины ходят.

Дружнин. Ну, так, так, я уж тебя знаю. Продол-

жай, продолжай!

Розовый. Ну, встретились мы. Она меня звала к себе.

Дружнин. Ты, разумеется, поехал.

Розовый. Известно, поехал. Отчего ж не поехать?

Дружнин. Ну, потом что?

Розовый. Так и познакомились.

Дружнин. Что ж ты у ней делаешь?

Розовый. То же, что и другие… Вот что, Паша, — ты меня этакими вопросами только с толку сбиваешь, а я с тобой серьезно хотел поговорить об этом деле.

Дружнин. Ну, говори, говори! Говори скорей!

Розовый. Только ты меня не перебивай, сделай милость. Ей-богу, ты, Паша, ко мне уж очень строг; я, право, всегда тебя конфужусь.

Дружнин. Ну, хорошо, хорошо! Я слушаю.

Розовый задумывается.

Да говори скорей, не мучь ты меня.

Розовый. Дело, Паша, важнее того, как ты думаешь, Я запутался совершенно и не знаю, как мне быть теперь. Вот видишь ли, был я на этой неделе у Хохловых, там была и она. Я не знаю, братец, что со мной сделалось: я в этот вечер был в особенном расположении к нежности. Я

предложил довезти ее домой на моих лошадях. Да ты не сердись, пожалуйста.

Дружнин. Ну, ну…

Розовый. Она согласилась. Зашел к ней, посидел у нее с полчасика, потолковали кой о чем, и пришла же мне в голову мысль целовать у ней ручки.

Дружнин. Обе?

Розовый. Обе.

Дружнин. Экий дурак-то!

Розовый. Ну, и вчера то же самое. Вчера уж я так разнежился, что, право, Паша…

Дружнин. Ну, что?

Розовый. Самому, Паша, совестно!..

Дружнин. Ну, что же ты такую глупую рожу-то еде лад? Чему ты смеешься? Делает глупости, да еще смеете л. Это просто из рук вон. *(Ходит по комнате.)* Ах, боже мой, боже мой, что он делает! *(Подходит к Розовому.)* Ну, Се режа, я буду говорить с тобой хладнокровно. Скажи теперь ты мне откровенно, зачем ты целовал у нее руки, зачем? Ну, говори, что же ты молчишь? Еще мне понятно, что человек с слабым сердцем может поцеловать руку у женщины при случае; ну, чорт возьми, что за важность! Да зачем ты другую-то целовал?

Розовый. Зачем? Сам не знаю зачем!.. Так поцеловал, да и все тут!

Дружнин. Вот гнусная-то черта в твоем характере. Вот она всегда тебя путает. Это досадно до смерти; ты ведь не дурак по природе, ну, и образованный человек, а что ты делаешь!..

Розовый. Ты, Паша, не сердись, сделай милость.

Дружнин. Да как же на тебя не сердиться, когда ты чорт знает что делаешь. Ах, батюшки мои! Уж ты попадешься когда-нибудь.

Розовый. Да что ж, брат, делать-то, нельзя удержаться.

Дружнин. Не говори мне этого, сделай милость! Нельзя удержаться! Это только ты один не можешь удержаться. Так, каша какая-то, смотреть противно. А отчего? Оттого, что распущен очень характер, до того распущен, что подло, просто подло!..

Розовый. Да, да, Паша, скверно, я сам вижу, что скверно. Плохое мне житье с моим характером. Иногда бывает так неловко, так конфузно, что не знаешь, куда спрятаться от самого себя.

Дружнин. Вот видишь, Сережа, ведь ты сам это чувствуешь. Что же ты не стараешься, Сережа, как-нибудь исправиться?

Розовый. Как тут исправишься?

Дружнин. Да ты вот что попробуй: ты прикинься разочарованным. Попробуй, Сережа!

Розовый. Да что толку-то.

Дружнин. Да ты попробуй.

Розовый. Да уж я пробовал.

Дружнин. Что же?

Розовый. Еще хуже!.. Нет, Паша, для этого нужны люди с сильными характерами. Ах, как гадко! Боже мой, как гадко! Лезешь ко всякому с нежностью, с откровенностью. Над тобой смеются, рассказывают про тебя анекдоты!..

Дружнин. Видишь, Сережа, видишь!.. Ведь вот ты сам понимаешь.

Розовый. Да что же мне делать-то? Уж ведь это у меня с детства. Ты не поверишь, Паша, меня маленькой даже секли за это. Да что, это ничего! Кабы ты знал, сколько я перенес неприятностей за свой характер! Я про сто не знаю, что мне делать с собой. Я уеду куда-нибудь, непременно уеду. Поеду к себе в деревню и останусь там на всю жизнь. Ты, Паша, навещай меня, сделай милость.

Дружнин. Полно, полно, Сережа, что ты!

Розовый. Нет, Паша, уеду, непременно уеду.

Дружнин. Что ты дурачишься-то, что ты?

Розовый. Да разве ты не видишь, что нельзя ми здесь оставаться?

Дружнин. Да отчего же?

Розовый. А характер-то у меня какой…

Дружнин. Что ж такое характер?

Розовый. Скверный характер, неприличный. Как же я с таким характером здесь останусь?

Дружнин. Полно, полно, Сережа! Ты гордись своим характером. Я бы сам желал иметь такое сердце, как ты.

Розовый *(жмет ему руку с чувством)*. Паша! Ты мой друг настоящий, единственный, это видно изо всего. Вот теперь ты меня хочешь утешить только, а совсем не то говоришь, что чувствуешь.

Дружнин. Ей-богу, Сережа, что чувствую, ей-богу)

Розовый. Эх, Паша!.. *(Сидит задумавшись.)*

Дружнин. Сережа, Сережа! выслушай ты меня. Ведь если это разбирать строго, с настоящей точки зрения, это нельзя назвать даже недостатком; это скорей хорошее качество.

Розовый. Нет, Паша, не говори: это скверная черта. Постоянно доходят до тебя стороной обидные замечания; постоянно краснеешь, конфузишься сам за себя.

Дружнин. Да чего же конфузиться-то!

Розовый. Да как же не конфузиться: принимают тебя за дурака, да не то что за дурака, а гораздо хуже, обиднее.

Дружнин. А тебе что за дело? Всегда найдутся люди, которые сумеют оценить тебя. А что ошибся раза Два-три — это не важность. Не уголовное дело, ведь не подлость же какую-нибудь ты сделал.

Розовый. Так ты думаешь, Паша, что это не важность? Поддерживай меня, Паша, а то меня мнительность моя замучает до смерти. Мне иногда приходит в голову, что это в самом деле не важность.

Дружнин. Да разумеется!

Розовый. Ей-богу, Паша, мне всегда нужна поддержка. Ведь вот теперь я сам вижу, что это не важность — просто вздор, да и все тут. Ты меня развеселил, Паша! Поедем сегодня в театр.

Дружнин. Пожалуй, поедем. Что это тебе вдруг пришло в голову?

Розовый. Да так. Поедем, да и все тут,

Дружнин. Вот ты опять, Сережа, затеваешь что-то…

Розовый. Ничего не затеваю. Это та же история.

Дружнин. Какая та же?

Розовый. Софья Антоновна звала!

Дружнин. Как звала?

Розовый. Да так, просто: я вчера стал с ней прощаться, а она мне и говорит: приезжайте завтра ко мне в ложу… А из театра к ней на минуточку заехать.

Дружнин. Ты и поедешь?

Розовый. Поеду!..

Дружнин. И таки решительно поедешь?

Розовый. Решительно поеду!.. *(Смотрит на часы.)* Да уж и пора.

Дружнин. Сережа! Я тебя умоляю, не езди.

Розовый. Нельзя, Паша!

Дружнин. Сережа! Если ты хочешь быть мне другом, так не езди.

Розовый. Нельзя, Паша, ей-богу, нельзя, — я дал честное слово.

Дружнин. Сережа, не езди!..

Розовый. Говорят тебе, нельзя!

Дружнин. Отчего нельзя? Скажи, что болен.

Розовый. Как же это можно: я нынче обедал с ее двоюродным братом.

Дружнин. Да что ты делаешь-то, опомнись!..

Розовый. Да ведь ты сам сказал, что это не важность.

Дружнин. Ишь ты выдумал — не важность! Это-то и важно. Не важность! Да рассуди ты хорошенько. Ты вот запутаешься, женишься… Ведь уж непременно женишься, стоит только женщине тебя в руки взять. Жена у тебя не хороша, по всему видно, кокетка; еще, может быть, зла. Начнет кокетничать с другими, тобой явно пренебрегать, капризничать, ты, разумеется, по мягкости своей, не будешь сметь сказать против нее ни одного слова; ты будешь все переносить на себе, не позволишь даже себе высказаться, еще сам, пожалуй, влюбишься в кого-нибудь: начнешь тосковать — запьешь, застрелишься либо от горя с ума сойдешь. Вот ведь какая участь ожидает тебя! Отчего-нибудь да умер у нее первый-то муж. Вот какая ужасная перспектива перед тобой. *(Розовый стоит задумавшись.)* Пользуйся своим положением, пока еще совершенно свободен в выборе.

Розовый. Да, я совершенно еще свободен.

Дружнин. Ты можешь взять молоденькую девушку с неиспорченной душой, с добрым сердцем, которая способна будет оценить твою нежность.

Розовый. Да, да, Паша, молоденькую девушку, именно молоденькую девушку. Ах, как это хоро-

шо взять молоденькую девушку. А какую я, Паша, знаю девочку, лет восемнадцати.

Дружнин. Ну, вот видишь.

Розовый. Красавица!.. Уж какая красавица-то… Только, Паша, этого быть не может!

Дружнин. Чего быть-то не может?

Розовый. Да как же? эдакая красавица, щечки так и горят, и вдруг — твоя жена!..

Дружнин. Что ж тут удивительного?

Розовый. Мне все кажется, что это только в романах бывает; я бы, кажется, сам не посмел посвататься за такую красавицу.

Дружнин. Вот ты дурак-то какой.

Розовый. А ведь иногда, Паша, как размечтаешься об этом, так, кажется, можно с ума сойти от счастья. Ты: представь себе — красавица, и эта красавица — твоя жена!..

Дружнин. Ну, ведь вот ты сам понимаешь.

Розовый. Так не ездить?

Дружнин. Не езди, Сережа, сделай милость, не езди!

Розовый *(садится на стул со шляпой в руке)*. Не поеду! Видишь ли, Паша, какой я послушный… *(Смотрит на часы.)* Пять минут восьмого. Знаешь ли что, Паша, — мы с тобой в кресла поедем, рядом возьмем. Я к ней в антракте зайду на

минуточку, да и назад. Коли не веришь, пойдем со мной — ты меня подождешь в коридоре. По крайней мере мне не так совестно будет; ведь ты знаешь, как я совестлив в этих вещах, А то вдруг обещал, да и не был, на что это похоже.

Дружнин. А из театра поедешь к ней чай пить?

Розовый. Можно и не ездить, — скажу, что нездоровится. А уж коли очень станет приставать, так… так мы поедем вместе. Вот и прекрасная мысль! Прекрасно, прекрасно; как это мне прежде не пришло в голову. Мы поедем вместе: ты меня будешь останавливать; по крайней мере ты все увидишь своими глазами.

Дружнин. Ну, хорошо, поедем; только ты у меня смотри!..

Розовый. Ах, Паша, как я тебе благодарен! Друг ты мой! Вот друг-то!..

Дружнин. Ты помни, какая тебя ожидает перспектива, если ты женишься на этой женщине.

Розовый. Знаю, знаю… *(Задумывается.)* Перспектива ужасная! *(Идут к дверям.)*

Дружнин. И хорошо еще, что я поспел во-время, чтобы спасти тебя из этой пропасти.

Розовый. Спасибо тебе, Паша, спасибо!.. *(Уходят.)*

Сцена вторая

Гостиная в доме Софьи Антоновны.

I

Из передней входят Софья Антоновна в шляпке и Розовый.

Софья Антоновна. Послушайте, Сергей Андреич, я на вас рассержусь.

Розовый. Да за что же, Софья Антоновна?

Софья Антоновна. Я уж вам сказала, чтобы вы мне не говорили комплиментов.

Розовый. Да ей-богу, Софья Антоновна, это не комплименты. Ей-богу, не комплименты!

Софья Антоновна. Знаю я вас, вам поверь, а после…

Розовый. Мне-то, Софья Антоновна, не поверить? Мне-то не поверить? Господи!

Софья Антоновна. Вам-то я именно и не поверю.

Розовый. Софья Антоновна! да за что же? Да вы мне прикажите доказать чем-нибудь, коли словам не верите.

Софья Антоновна. Ну, хорошо, хорошо… Кто

это с вами приехал?

Розовый. Один мой короткий приятель, Дружнин, отличнейший человек.

Софья Антоновна. У вас все отличные!

Розовый. Нет, Софья Антоновна, вы уж поверьте мне. Это совсем особенный человек, совсем особенный. Какая душа у этого человека! Необыкновенная! Он давно хотел с вами познакомиться.

Софья Антоновна. А я было думала, что мы с вами проведем вечер вдвоем. Я так расположена была к этому: я даже брату не велела приезжать.

Розовый. Вы, Софья Антоновна?

Софья Антоновна. Сергей Андреич! Вот вы и сами мне не верите, и вам тоже нужны доказательства.

Розовый. Ах, Софья Антоновна! Нет, Софья Антоновна!.. Так я пойду прогоню его. Он ничего… Он отличнейший человек.

Софья Антоновна. Что вы, что вы!.. Как это можно!..

Розовый. Ах, как же это?..

Софья Антоновна. Что ж делать-то, — сами виноваты.

Розовый. Ах, какая досада!

Входит Дружнин.

Розовый. Рекомендую вам, Софья Антоновна,

лучшего моего друга.

Софья Антоновна. Очень приятно. Я так много слышала об вас от Сергея Андреича.

Дружнин. Я давно желал-с… и давно просил Сергея Андреича.

Софья Антоновна. Садитесь, господа! Сергей Андреич, займите вашего приятеля, а меня извините; я вас оставлю на минуту. *(Уходит.)*

II

Дружнин *(отводит Розового на авансцену)*. Как ты себя подло вел, просто смерть. Измучил ты меня.

Розовый. Да чем же, Паша, измучил! Ты ко мне уж очень пристаешь нынче.

Дружнин. Во-первых: ты сказал, что пойдешь к ней в ложу на одну минуту, а я тебя в коридоре ждал целый час, ровно час, так что капельдинеров стало совестно. Вот ты всегда своих приятелей в такие положения ставишь. Во-вторых: шепчутся, любезничают… Об чем вы там шептались?

Розовый. Да так, ни о чем, о пустяках!

Дружнин. Так отчего же было таить-то?

Розовый. Да как же, Паша! Ведь легко рассуждать об этом, а был бы ты сам на моем месте… Надобно послушать, Паша, как она говорит. Нет,

я давеча ошибался: она умна, очень умна.

Дружнин. Ну, так я и ожидал! Значит, весь наш разговор пошел на ветер. Да выслушай ты меня, Сережа, я готов просить тебя со слезами, выслушай ты меня…

Розовый *(смотрит на дверь)*. Говори, Паша, я слушаю.

Дружнин. Да, слушаешь ты.

Розовый. Нет, Паша, право, здесь не место, ей-богу, не место. Мы лучше в другой раз как-нибудь.

Дружнин. Пропащий ты человек!

Входит Маша с чайным прибором.

Розовый. Что, Маша, оделась Софья Антоновна?

Маша. Оделись! Сейчас выйдут. *(Уходит.)*

Дружнин. Прощай, Сережа.

Розовый. Что ты, что ты? Как это можно. Погоди немножко!

Дружнин. Нет уж, довольно! Помучил ты меня нынешний вечер!

Розовый. Ну, немножко, Паша. Я сам сейчас поеду. *(Вынимает часы.)* Вот через четверть часа.

Дружнин. Изволь, я на четверть часа останусь, только уж ни одной секунды больше, я тебе заранее говорю.

Розовый. Вот как будет половина двенадцатого, так и поедем,

III

Входит Софья Антоновна.

Софья Антоновна. Извините, господа, что я заставила вас дожидаться.

Розовый садится подле нее.

Господин Дружнин! *(К Розовому.)* Как его зовут?

Розовый. Павел Гаврилович.

Софья Антоновна. Павел Гаврилович, садитесь к нам поближе.

Дружнин подвигается.

Как вам показался сегодняшний спектакль?

Дружнин. Не знаю, как вам сказать, я мало смотрел на сцену.

Софья Антоновна. Куда ж вы смотрели?

Дружнин. Я больше смотрел на зрителей.

Софья Антоновна. Да, кажется, смотреть-то было не на что! Народу было немного, хорошеньких лиц л не видала ни одного.

Дружнин. Ах, нет; я совсем не того ищу. Я не большой охотник смотреть на хорошенькие лица издали.

Софья Антоновна. Так чего же вы ищете? А,

я догадываюсь: вы, вероятно, ищете пищи для остроумия?

Дружнин. Да-с! Вы угадали.

Софья Антоновна. Вот как!.. Так вы опасный человек.

Розовый. Не верьте, Софья Антоновна, — он шутит. А ведь первая пьеса прошла очень хорошо.

Дружнин. А ты видел ли ее?

Розовый. Конечно, видел. Как прекрасно сыграна была роль племянника! Ты не знаешь, кто играл?

Дружнин. Какого племянника?

Розовый. Ну, что влюблен.

Дружнин. Никакого племянника не было. Что, попался!

Розовый *(сконфузившись)*. Так я перемешал, должно быть... Софья Антоновна, что же вы не курите?

Софья Антоновна. Ах, я и забыла совсем! Принесите мои папиросы, они там на столике.

Розовый проворно встает и уходит.

IV

Софья Антоновна. Не правда ли, что ваш друг очень любезный человек?

Дружнин. Мне кажется, уж чересчур!

Софья Антоновна. А разве это дурно?

Дружнин. Я, с своей стороны, не нахожу в этом ничего привлекательного. Что за мужчина, который готов растаять от всякой женщины?

Софья Антоновна. Мне кажется, что это все-таки лучше, чем быть злым человеком!

Дружнин. Едва ли!

Софья Антоновна. Вы думаете? Я не нахожу этого; впрочем, как кому кажется. Вы курите?

Дружнин. Курю.

Софья Антоновна. Курите, сделайте одолжение.

Дружнин закуривает папиросу. Непродолжительное молчание.

Мне очень не нравится в молодых людях, когда они прикидываются разочарованными. Это так нетрудно нынче, да и едва ли они этим что-нибудь выигрывают.

Дружнин. Впрочем, и они имеют успех.

Софья Антоновна. Сомнительно! Ведь много очень и клевещут на женщин. Женщина, которая понимает свое назначение, поверьте, не увлечется искусным разыгрыванием заранее заученной роли. По крайней мере для меня они всегда казались смешны.

Дружнин. Я с вами согласен; но много ли таких

женщин?

Софья Антоновна. Поверьте, что женщин, понимающих свои обязанности, гораздо больше, чем мужчин,

Дружнин. В этом позвольте с вами не согласиться.

Софья Антоновна. Очень понятно, вы мужчина… что касается до меня, высшее блаженство для женщины — быть хорошей женой и хорошей матерью. Впрочем, это мое личное мнение, и я его никому не навязываю.

Дружнин. Это очень похвальное убеждение. *(Молчание.)*

Софья Антоновна. Что же он там пропал… Сергей Андреич, что вы там делаете?

Розовый *(за сценой)*. Да не найду, Софья Антоновна!

Софья Антоновна. Да направо, на столике.

Розовый *(за сценой)*. На столике нет.

Софья Антоновна *(встает и идет)*. Какой скучный! *(Уходит.)*

V

Дружнин *(один)*. Я ее понял… Она просто кокетка, и кокетка страшная. Я удивляюсь, как Сергей не видит этого. Впрочем, где ему! Но при моем

содействии мало-помалу и он поймет это. За работу, Павел Гаврилович, за работу!.. Спасайте вашего друга, пока можно. Уж я, кажется, дал ей почувствовать, что понимаю ее. Что же это они там пропали?.. Что такое?.. *(Вскакивает со стула.)* Мой Розовый целует ей ручки? И как громко!.. это ужасно!.. Нет, это чорт знает что такое! с этим человеком нельзя иметь никакого дела. Подлец совершенный!..

Входит Розовый.

Что ты делаешь, скажи, ради бога?

Розовый. Ах, Павел, не говори этого! Я счастлив!..

Дружнин. Ты счастлив?.. Ха, ха, ха. Ты счастлив! Человек стоит на краю бездны и говорит, что я счастлив!

Розовый. Нет, Паша, не говори этого.

Дружнин. Не говори этого? А ты забыл давешний разговор?.. Ты забыл, какая ожидает тебя перспектива?

Розовый. Паша, мы давеча ошиблись с тобой; это чудо, а не женщина! Ты вглядись, сделай милость; вглядись!

Дружнин. Да что ты мне рассказываешь, я видел своими глазами, что она кокетка, каких мир не производил!

Розовый. Нет, Паша, сделай милость, не говори ты этого. Ты меня этим обижаешь. Ты вглядись, вглядись!..

Дружнин. Не хочу я вглядываться! Стоит вглядываться!

Розовый. Послушай, ты не можешь так говорить. Ты меня обижаешь!

Дружнин. А ты думаешь, мне легко смотреть на твое отвратительное поведение. Ты мне вот где сел!..

Розовый. Все-таки, Паша, если ты мне друг, ты должен уважать женщину, которая дорога для меня.

Дружнин. У тебя все дороги; тебе стул наряди в женское платье, ты и тут растаять готов.

Розовый. Ну, Паша, говори, говори, что хочешь, я на тебя не сержусь, я понимаю, что ты все это из дружбы, из любви ко мне. Я знаю, что ты мне добра желаешь. Я ценю это, Паша, ты мне поверь, что я ценю; только, извини ты меня, ты напрасно горячишься. Теперь уж поздно.

Дружнин. А я хочу, чтоб было не поздно!..

Розовый. Нет, Паша, уж поздно.

Дружнин. Я этого знать не хочу. Я приехал затем, чтоб спасти тебя, и без этого не уеду отсюда. С тобой надо принимать крутые меры. Поедем сей-

час домой, поедем, поедем, и не разговаривай!

Розовый. Ты меня не понимаешь, Паша, я уж сделал предложение.

Дружнин. Ты сделал предложение?!. Ты?.. Да как же ты смел?

Розовый. Паша, голубчик, не сердись!

Дружнин. Нет, уж это из рук вон! Как ты смел сделать со мной такую подлость? Уверял меня, что ты гибнешь, просил помощи, я изо всех сил стараюсь; а он где-то за дверью, потихоньку, делает предложение!

Розовый. Паша, я не потихоньку.

Дружнин. Этак ты под видом дружбы завезешь меня куда-нибудь к шулерам да обыграешь, наверное. От тебя станется. Нет, уж я теперь сам на всякую подлость решусь. Я сейчас пойду к Софье Антоновне и скажу ей, что у тебя две любовницы, скажу, что ты женат, что у тебя шесть человек детей…

Розовый. Паша, ты этого не сделаешь.

Дружнин. А вот увидишь… Потихоньку, за дверью… ведь уж видно, что низость, когда человек от людей бегает. Зачем я пойду за дверь, когда я честный человек. Хорошо, дружок, я тебе это припомню.

Розовый. Да ей-богу, Паша, не за дверью… У

нас давно об этом был разговор. Я только боялся сказать тебе об этом. Вот как это сделалось…

Дружнин. Да что ты мне рассказываешь? Очень мне нужно знать. Я и знать не хоту. Велика важность, что ты женишься: одним дураком больше и все тут. *(Молчание.)* Какое мне дело, на ком там кто-нибудь женится! *(Встает.)* Прощайте, Сергей Андреич!

Розовый. Куда же ты, погоди немножко!

Дружнин. Нет-с! Уж что же мне здесь делать?

Розовый. Паша, если ты меня любишь, так останься

Дружнин. Вы, я думаю, можете рассудить, что не могу я здесь оставаться.

Розовый. Бог с тобой, Паша! Я не ожидал, чтоб ты меня бросил в такое время.

Дружнин. На что вам приятели, — у вас будет жена, прекрасная женщина. Прощайте, Сергей Андреич!

Розовый. Я не могу тебя удерживать, только мне, право, это очень грустно. Прощай!

Дружнин. Прощай!

Розовый. Прощай!

Дружнин *(идет к двери, останавливается)*. И ты думаешь, что я останусь после этого тебе другом?..

Розовый. Я, ей-богу, не знаю, Паша, как мне быть. Я в самом критическом положении…

Дружнин. Нет, ты рассуди хладнокровно: могу ли я остаться твоим другом?

Розовый. Я, право, Паша, не знаю; я чувствую, что виноват перед тобою.

Дружнин. Что такое виноват! Ты думаешь, что я сержусь на тебя? Совсем нет. Это для меня ничего, что ты виноват, я совсем не в претензии на тебя. Я тебя даже больше люблю, чем прежде, гораздо больше. Но все-таки я не могу быть твоим другом, я не могу тебя видеть!

Розовый. Да отчего же, Паша?

Дружнин. Ты, пожалуйста, не думай, что я сержусь на тебя. Давай руку. Вот так! Поцелуемся. *(Целуются.)* Ну, теперь ты веришь, что я не сержусь на тебя?

Розовый. Верю, Паша, верю.

Дружнин. А все-таки, Сережа, я не должен тебя видеть. Мне это будет тяжело, очень тяжело, а делать нечего,

Розовый. Извини ты меня, я не понимаю, я точно как в тумане каком.

Дружнин. А! Ты не понимаешь?

Розовый. Не понимаю.

Дружнин. А вот я тебе объясню. Представь ты

себя на моем месте: у тебя есть друг, человек с нежным сердцем, он женится, — женится на женщине, которая не может составить его счастье; положение его безвыходно; он тает день за день, помочь ты ему не можешь, он замечает твое сострадание, и ему становится еще тяжелее; он начинает задумываться, потом сходит с ума и кончает самоубийством — и ты должен все это видеть!

Розовый. Полно, Паша, что это за черные мысли.

Дружнин. Не говори мне этого. У меня был один приятель в чахотке, каково мне было смотреть на него? Нет, Сережа, для своего спокойствия я должен отказаться от тебя: знаю, что мне будет тяжело, я, может быть, не перенесу этого…

Розовый. Ты по крайней мере останься хоть на несколько минут, я прошу тебя.

Дружнин. Изволь, это я могу для тебя сделать.

VI

Входит Софья Антоновна, садится к столу.

Софья Антоновна. Господа! Не угодно ли вам еще чаю?

Дружнин. Нет-с, покорно благодарю.

Розовый *(садится подле Софьи Антоновны)*. Ка-

кое блаженство, Софья Антоновна, кончить день такой семейной картиной. Вы не поверите, Софья Антоновна, как это приятно. Душа отдыхает. *(Целует у ней руку.)* Ах, ей-богу, как это приятно!

Софья Антоновна. Кто же вам мешает наслаждаться этим блаженством? Приезжайте ко мне почаще.

Розовый. Я буду, Софья Антоновна, к вам каждый день ездить. Вы мне позволите?

Софья Антоновна. Я вас прошу об этом.

Розовый. Ах, Софья Антоновна!

Дружнин. Сергей Андреич, мне пора!

Софья Антоновна. Куда это вы так торопитесь?

Дружнин. Да уж пора-с. Мне завтра много дела

Софья Антоновна. Уж какие у вас дела, просто вам скучно у меня.

Дружнин. Напротив, мне очень приятно. Только у меня, право, много дела завтра.

Розовый *(целует руку у Софьи Антоновны)*. Уж полно, полно. Я вам после, Софья Антоновна, скажу, отчего он торопится.

Софья Антоновна. Отчего же после, а не теперь?

Розовый. Нет, я вам после скажу.

Софья Антоновна. Нет, теперь.

Дружнин. Уж он вам наскажет.

Розовый. Признаемся, Паша! Софья Антоновна такая женщина, что, верно, нас простит.

Софья Антоновна. О, если за этим дело стало, так, пожалуйста, не затрудняйтесь.

Розовый. Я знал заранее, Софья Антоновна, что у вас ангельское сердце. *(Целует у ней руку.)* Видишь, Паша, нам бояться нечего, остается только чистосердечно покаяться.

Дружнин. Кайся, пожалуй! Я ни в чем не виноват перед Софьей Антоновной.

Розовый. Как ни в чем не виноват? А какие замыслы-то были у нас с тобой против Софьи Антоновны?

Дружнин. Что ж, мне извинительно, я совсем не знал Софью Антоновну… Да полно, перестань! *(Отходит в другую сторону и рассматривает какую-то картину.)*

Софья Антоновна. Однако это становится очень интересно. Какие же это замыслы были у вас?

Дружнин. Мне совестно вспомнить, Софья Антоновна!.. Если б не ваша доброта, я, ей-богу, ни за что бы не признался вам. Мы приехали сегодня к вам с самым низким намерением.

Софья Антоновна. Вот как!

Розовый. Ах, Софья Антоновна, уж лучше поругайте меня, мне, право, не так совестно будет!

Дружнин. Да перестань, сделай одолжение.

Розовый. Да и то перестать надобно. Когда я начинал, я думал, что у меня хватит духу рассказать все, а теперь вижу, что не могу. Мне просто стыдно! Побраните меня лучше, Софья Антоновна, мне, ей-богу, будет легче.

Софья Антоновна. Бранить я вас не стану и не имею права, а все-таки странно для меня, что у вас были какие-то намерения против женщины, о которых вам даже сказать совестно.

Розовый. Софья Антоновна, пожалуйста, вы не думайте, чтоб это было что-нибудь важное.

Софья Антоновна. Однако довольно и того, что вам совестно об этом сказать. Можно ли на вас теперь в чем-нибудь понадеяться, когда у вас достало духу сделать какую-то неприятность женщине. И чего же должна я надеяться от вас вперед?

Розовый. Софья Антоновна, позвольте, я вам расскажу. *(Берет ее за руки.)*

Софья Антоновна *(отнимает руку)*. Сделайте одолжение, не нужно. Вы уж имели довольно времени, чтоб сочинить все, что вам угодно.

Розовый. Да как же я смею, как я смею это

сделать?

Софья Антоновна. Как трудно разобрать мужчину, и сколько должна ошибаться бедная женщина.

Розовый *(тихо)*. Ах, Софья Антоновна, вы не то совсем думаете, я, ей-богу, не виноват.

Софья Антоновна. Подите вы!

Розовый. Ах, Софья Антоновна! Ей-богу, не я-с! Что же это такое? *(Показывает на Дружнина.)* Это он…

Софья Антоновна. Вот это хорошо! В вас нет даже настолько благородства, чтобы откровенно признаться в своей вине, вы сваливаете ее на приятелей.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, это он, ей-богу, он!

Софья Антоновна. И вы думаете, что этим можно оправдаться? Зачем же вы окружаете себя такими людьми?

Розовый. Ах, нет, Софья Антоновна; он, ей-богу, прекрасный человек, ей-богу, он прекрасный.

Софья Антоновна. Хорош, нечего сказать.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, нет, не то, не то! Ах! я вот выразить не умею, что я чувствую. Ах, Софья Антоновна, это бывает и с хорошими людьми; находит иногда так по глупости. Ах,

Паша! Паша!..

Дружнин. Что тебе?

Розовый *(смотрит на него умоляющим взглядом)*. Паша! Ведь ты виноват, ведь ты? Признайся, признайся, сделай милость! Скажи все откровенно.

Дружнин. Изволь, я признаюсь. Вот в чем дело, Софья Антоновна. Надобно вам признаться, что я его очень люблю… Я его очень люблю, Софья Антоновна.

Розовый смотрят на него пристальным взглядом, в котором выражается благодарность.

Я знаю его слабое сердце; мне случалось видеть неприятности, которые он должен был терпеть за этот недостаток. Я недавно узнал, что он познакомился с вами. Извините, почему-то я имел об вас не совсем выгодное мнение; я испугался, чтоб это знакомство не довело его до чего нибудь серьезного и приехал к вам с намерением воспрепятствовать вашему сближению.

Софья Антоновна. И только?

Дружнин. Больше ничего.

Софья Антоновна. Скажите, сделайте одолжение, отчего вы составили обо мне такое мнение?

Дружнин. Право, не могу вам сказать отчего!

Софья Антоновна. Вам, может быть, говорили

что-нибудь про меня? Мы, право, такие жалкие создания.

Розовый. Ах, Софья Антоновна, разве мы поверим кому-нибудь?

Софья Антоновна. Про меня может сказать всякий, что ему угодно: за меня заступиться некому.

Розовый. Как некому, Софья Антоновна? За что же вы меня-то обижаете?

Маша *(из-за двери)*. Софья Антоновна!

Софья Антоновна. Что тебе?

Маша. Пожалуйте сюда.

Софья Антоновна уходит.

VII

Дружнин. Ну, ты теперь, кажется, достиг своей цели. Я теперь тебя понимаю хорошо. Ты давно уж решился жениться на ней, а меня давеча обманывал, пользуясь моим: расположением; разыграл со мной штуку для своей потехи. Она теперь меня ненавидит. И неужели ты думаешь, что после всего этого я могу остаться твоим другом? Нет уж, покорно благодарю.

Розовый. Ты сам видел, Паша, в каком я был положении.

Дружнин. Если тебе нужно было отвязаться от меня, ты бы так и сказал.

Розовый. Да нет, Паша, нет, я совсем не думал.

Дружнин. Думал ты или нет, только ты меня выдал, и выдал, чтоб оправдать себя, из трусости. И это дружба, по-твоему? Это предательство самое низкое.

Розовый. Ах, какой у меня характер! Я даже и не помню, как это все сделалось. Точно я в каком-то тумане, впрочем, я не думаю, чтобы она на тебя сердилась, Паша.

Дружнин. Вот это мило. Да не только сердиться, она должна меня ненавидеть. Ты увидишь это сейчас, как только женишься.

Розовый. Ты пореже к нам езди.

Дружнин. Покорно благодарю. Я так и думал. А если она совсем не захочет меня видеть — ты тогда скажешь, не езди к нам совсем? Ты, конечно, уж не захочешь ей противоречить, а если и захочешь, так не посмеешь.

Розовый. Ах, Паша, я все-таки тебя не забуду; я вечно буду помнить о тебе, по гроб. Впрочем, мы можем иногда видаться потихоньку.

Дружнин. Однако каково мне будет и то, что жена лучшего моего друга считает меня чорт знает за кого.

Розовый. Да, да, мы должны будем расстаться. Только каково это будет мне? Ах, боже мой, что же

мне теперь делать? Ей-богу, я готов заплакать.

Дружнин. Ты променяешь друга, верного и испытан, ного, на жену, которую еще ты хорошо не знаешь, и, может быть, ждет тебя ужасная перспектива, и без поддержки. Это в самом деле ужасно. Нет, ты должен меня сейчас же помирить с нею; для своей пользы ты должен меня помирить. Чем я больше думаю об этом, тем яснее вижу необходимость этого. Да ты вот еще возьми в расчет: тебе нужен будет шафер. Где ты его возьмешь? Да и притом же я, как первый друг твой, должен быть шафером.

Розовый. Да, Паша, да…

Дружнин. А как же я буду шафером, когда она меня видеть не может? Нет, ты даже обязан помирить меня с ней.

Розовый. Непременно, Паша, вот как только выйдет.

Дружнин. Ты рассуди хладнокровно: ведь это твой долг, ты во всем виноват, ты и должен это устроить. Мне ведь все равно, мне, пожалуй, и не нужно; да ведь это все для тебя делается. Пойми ты, что для тебя.

Розовый. Да, Паша, для меня.

Дружнин. Ну, так ты, голубчик, обделай это дело; теперь вы в таких отношениях, что она, верно,

тебе не откажет. Да и поедем, Сережа, поедем, голубчик, тебе отдохнуть пора. Да закутывайся ты дорогой хорошенько, долго ли простудиться. *(Берет его за голову.)* Посмотри, какой у тебя жар!

Розовый. Да, уж у меня, Паша, голова кругом пошла. *(Берут шляпы.)*

VIII

Софья Антоновна *(входит)*. Куда же вы, господа, торопитесь?

Розовый. Нам уж пора, Софья Антоновна.

Дружнин. Пора-с. *(Смотрит самым подобострастным взглядом.)*

Розовый. И мы устали, да и вы, Софья Антоновна я думаю, тоже.

Дружнин. Надо же и вам дать покой-с!

Стоят молча, Дружнин толкает Розового локтем.

Розовый. Софья Антоновна, вы мне не откажете, если я вас попрошу об одном деле? Для вас это ничего не стоит, а для нас очень важно, очень важно.

Софья Антоновна. Что такое? просите!

Розовый. Не сердитесь на Павла, Софья Антоновна, *(Берет ее за руку.)*

Софья Антоновна. Да за что же мне на них

сердиться?

Дружнин. Однако я должен быть в ваших глазах к ужасным человеком.

Софья Антоновна. Э, полноте: я так к этому привыкла.

Дружнин. Мне хотелось бы, Софья Антоновна, чтоб у вас не осталось ни малейшего неприятного чувства против меня, потому что все это, Софья Антоновна, произошло от недоразумения.

Софья Антоновна. Я нисколько на вас не сержусь. *(Протягивает ему руку.)*

Дружнин *(целует)*. Ей-богу, Софья Антоновна, от недоразумения!.. Я, Софья Антоновна, его очень люблю. Вы спросите у него.

Софья Антоновна. Я вам верю! Да куда ж вы, господа, торопитесь? А я вам, Сергей Андреич, хотела сделать маленькое поручение.

Розовый. Что прикажете?

Софья Антоновна. Да нужно бы мне купить зеркало к дивану.

Дружнин. Так уж это позвольте мне-с! Где же ему, он и занят, да и толку в этом не знает. Это уж мое дело-с. К которому дивану? К этому-с?

Софья Антоновна. К этому.

Дружнин. Нет ли у вас аршинчика?

Софья Антоновна. Маша! Подай аршин!

Дружнин. Позвольте, я сам сбегаю. *(Уходит.)*

IX

Розовый *(целует руку Софьи Антоновны)*. Ах, Софья Антоновна, иметь такого друга, такую жену! за что, за что судьба так милостива ко мне!

Софья Антоновна *(с заметным, кокетством)*. Вы этого стоите, Сергей Андреич! Вы слишком мало себя цените.

Розовый. Не стою, не стою, Софья Антоновна, это вы так только, по своей доброте говорите, что стою. Есть люди, которые всю свою жизнь не могут найти себе ни друга, ни хорошей жены… Ах, Софья Антоновна, есть бедные люди… Мы часто в счастье забываем про это!

X

Входят Дружнин с аршином и Маша.

Дружнин *(влезает на диван и меряет стену аршином)*. Нет ли у тебя, милая, снурочка?

Маша. Извольте!

Дружнин *(меряет снурком; завязывает на снурке узел и потом стоит несколько времени задумавшись)*. Аршин девять вершков и три четверти. *(Прячет снурок в карман.)* Готово-с!.. Я к

вам завтра утром.

Розовый. Прощайте, Софья Антоновна! *(Целует руку.)*

Дружнин. Прощайте! *(Тоже целует руку.)*

Софья Антоновна. Прощайте, господа. Не забывайте меня.

Дружнин. Как можно, помилуйте! Однако как все это неожиданно сделалось!

Розовый. Да, Паша, совсем неожиданно.

Дружнин. Удивительное дело!.. Прощайте, Софья Антоновна!

Розовый *(целуя руку Софьи Антоновны)*. Прощайте. Софья Антоновна! Если вы хотите, чтоб я был совершенно счастлив, не сердитесь на Павла!

Софья Антоновна. Я и не думала сердиться.

Дружнин *(целуя у ней руку)*. Прощайте, София Антоновна! Я постараюсь оправдать себя перед вами. *(Уходит.)*

Софья Антоновна подходит к дверям.

Дружнин *(из передней)*. Не простудитесь, Софья Антоновна! Прощайте-с.

Розовый *(тоже из передней)*. Прощайте!

Дружнин *(подходя к двери)*. Прощайте, Софья Антоновна. Так я завтра чем свет-с!

XI

Софья Антоновна *(садится на диван)*. Какой смешной этот его приятель *(зевает)*, а должен быть добрый человек *(зевает)*. Чудаки!!.

Бедная невеста*

Комедия в пяти действиях.

ЛИЦА:

Анна Петровна Незабудкина, вдова небогатого чиновника.

Марья Андреевна, ее дочь.

Владимир Васильевич Мерич, Иван Иванович Милашин } молодые люди, знакомые Незабудкиной.

Платон Маркович Добротворский, старый стряпчий.

Максим Дорофеевич Беневоленский, чиновник.

Арина Егоровна Хорькова, вдова, мещанка.

Михайло Иванович Хорьков, сын ее, бывший студент.

Карповна, сваха (по купечеству) в платочке.

Панкратьевна, сваха (по дворянству) в чепчике.

Дарья, горничная Незабудкиных.

Мальчик Добротворского.

Дуня, Паша } молодые девушки.

Официант и разные лица, являющиеся в пятом

действии смотреть свадьбу.

Действие первое

Театр представляет комнату; на задней стене две двери: одна в комнаты, другая на улицу; с левой стороны окно, у окна пяльцы, далее фортепьяно; с правой стороны диван и большой круглый стол.

Явление первое

Марья Андреевна (сидит за пяльцами) и Анна Петровна (на диване).

Анна Петровна. Вот тут и живи, как хочешь. Как бы папенька-то твой не мотал без памяти, так бы другое дело было, а то оставил нас почти ни с чем. Дела все запутаны, тут тяжба еще!.. Вот дом-то отнимут, что тогда делать-то? Ты только подумай, как мы тогда жить-то будем!.. А что я? Мое дело женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить. *(Молчание.)* Х5ть бы ты замуж, что ль, Маша, шла поскорей. Я бы уж, кажется, не знала, как и бога-то благодарить! А то, как это без мужчины в доме!.. Это никак нельзя.

Марья Андреевна. У вас ведь, маменька, уж один разговор.

Анна Петровна. Что ж такое не говорить-то! От слова-то тебя убудет, что ли? На-ка поди, уж и говорить-то нельзя. Что такое, в самом деле!

Марья Андреевна. Разве я виновата, маменька, что мне никто не нравится?

Анна Петровна. Как это не нравится, я не знаю; это так, каприз просто, Маша.

Марья Андреевна. Какой же каприз, маменька? Кто за меня сватался, вспомните хорошенько, что это за люди?

Анна Петровна. Что ж делать-то, Машенька? Что ж делать-то, друг мой? Где ж нам тебе красавцев-то взять? Нынче хорошие-то женихи всё денег ищут, не хотят видеть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, уж и не знаю! Посмотри-ка там на столике… Постой, здесь, в кармане. Нет уж, как бы, кажется, тебя не полюбить! Все ветер в голове-то у молодых людей. Да, признаться сказать, ведь и ты-то очень разборчива. А ты подумай, ведь у нас не горы золотые — умничать-то не из чего!

Марья Андреевна. Хорошо, хорошо.

Анна Петровна. Да что хорошо-то?

Марья Андреевна. Я подумаю.

Анна Петровна. Да о чем думать-то, скажи ты мне, сделай милость. Додумаешься до того, что

просидишь с девках.

Марья Андреевна. А что ж за беда такая?

Анна Петровна. Глупа еще ты, вот что. *(Сидит надувшись. Молчание.)* Что это, ей-богу, хоть бы Платон Маркыч пришел. Уж я и не знаю, что мне делать-то. Вот был чулок, вот где теперь чулок?

Марья Андреевна. Вот, маменька, чулок. *(Подает.)*

Анна Петровна *(вяжет чулок)*. Нейдет Платон Маркыч, да и только; что хочешь, тут и делай.

Марья Андреевна. Да зачем вам, маменька, Платон Маркыч понадобился?

Анна Петровна. Как зачем? Что мы знаем тут, сидя-то; а он все-таки мужчина. Буточник бумагу какую-то приносил, кто ее там разберет? Вот поди ж ты, женское-то дело какое! Так и ходишь, как дура. Вот целое утро денег не сочту. Как это без мужчины, это я уж и не знаю, тут и без беды беда. Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай мне деньги-то, сделай милость.

Марья Андреевна. Говорите, я и так сочту.

Анна Петровна. Постой, Маша. Заторопишь ты меня — я опять собьюсь. Где это бумажка-то у меня? Дай бог памяти… Вот она! Постой — нашла. Вот сочти возьми. Давеча считала, считала на счетах — либо целкового нехватает, либо два

лишних, а уж Дарью лучше не заставляй. Да уж и в голове-то все не то. Дело-то меня беспокоит очень, об доме-то нужно с Платоном Маркычем поговорить. Все-таки мужчина.

Дарья входит.

Явление второе

Те же и Дарья.

Дарья. Барыня, а барыня! От Платона Маркыча мальчик пришел.

Анна Петровна. Позови его сюда.

Дарья уходит. Входит мальчик.

Мальчик. Платон Маркыч кланяться приказали; прислали газеты вчерашние и записочку-с да приказали о здоровье спросить.

Анна Петровна. Господи! Куды это я очки дела? Поищи, Маша, сделай милость.

Марья Андреевна ищет очки.

Марья Андреевна. Да позвольте, маменька, прочитаю. Я думаю, у вас с Платоном Маркычем секретов нет.

Анна Петровна. Прочитай, Маша! Какие секреты! Я его об деле просила. Вот женское-то дело: ведь и жаль беспокоить Платона-то Маркыча — старый человек, а делать нечего.

Марья Андреевна *(читает)*. «Ваше высокобла-

городие, милостивая государыня Анна Петровна! Честь имею вас уведомить, что все поручения ваши я исполнил в точности и с удовольствием, и впредь прошу вас таковые возлагать на меня. При сем посылаю вам ведомости вчерашнего числа. Насчет того пункта, о котором вы меня просили, я в названном вами присутственном месте был: холостых чиновников для Марьи Андреевны достойных нет; есть один, но я сомневаюсь, чтобы оный вам понравился, ибо очень велик ростом, весьма много больше обыкновенного, и рябой…» *(Смотрит с умоляющим видом.)* Маменька!

Анна Петровна. Читай, читай.

Марья Андреевна *(продолжает)*. «Но, по справкам моим от секретаря и прочих его сослуживцев, оказался нравственности хорошей и непьющий, что, как мне известно, вам весьма желательно. Не прикажете ли посмотреть в других присутственных местах, что и будет мною исполнено с величайшим удовольствием. Дело ваше, по случаю упущений с вашей стороны, приняло дурной оборот; но вы, сударыня, не извольте беспокоиться: ибо я нашел весьма знающего человека, который может оным делом руководствовать. О прочем буду иметь честь объяснить вам при личном свидании. Остаюсь, всегда готовый к

услугам, Платон Добротворский». Что это вы, маменька, делаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственным местам женихов искать! Это уж бог знает что такое!.. И ни слова об этом не скажете; это уж обидно даже. Ах, маменька, что вы со мной делаете! *(Садится к пяльцам.)*

Анна Петровна. Никакой тут обиды нет! Ты, Маша, этого не знаешь, это уж мое дело. Я ведь тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это уж мой долг тебе жениха найти. *(Мальчику.)* Кланяйся, милый, Платону Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава богу, мол, здоровы.

Мальчик. Слушаю-с.

Анна Петровна. Поди сюда, я тебе дам записочку Платону Маркычу.

Уходят.

Явление третье

Марья Андреевна *(одна)*. Вот всякий день этакий разговор! Как это не надоест маменьке, право. Такая тоска, такая тоска, что не знаешь, куда деться! *(Шьет в пяльцах.)*

Дарья входит.

Явление четвертое

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас!

Марья Андреевна. Что ты все сердишься?

Дарья. Да как же, барышня, не сердиться-то! Этакой народ, не поверите! Бегу из лавочки, а тут какой-то дурак остановился на дороге да прямо в глаза и смотрит. Что, говорю, бельмы-то выпучил, чего не видал, на мне ничего не написано. Да как, говорит, на тебя, на красавицу этакую, не посмотреть. Плюнула да и пошла. *(Ищет что-то.)* Вот вечно растеряет, а тут ищи. О чтоб!..

Марья Андреевна. Что ты там ищешь?

Дарья. Да табатерку барыня потеряла… Нашла.

Марья Андреевна. Что, Даша, хороша я?

Дарья. Вы-то? Красавица-раскрасавица.

Марья Андреевна. Давай поменяемся, вот и не будут смеяться над тобой.

Дарья. И, матушка, на что мне красота.

Марья Андреевна. А мне на что?

Дарья. Что это вы, барышня, говорите! Посмотрите-ка, какой молодец в вас влюбится, любо-дорого глядеть; полковник какой-нибудь возьмет.

Марья Андреевна. Где уж, Даша, влюбиться! Маменька говорит, что замуж пора.

Дарья. Что ж! Отчего ж и замуж нейти?

Марья Андреевна. Так зачем же быть красавицей-то?

Дарья. Как это можно, лучше муж будет любить. Вот соседки две дочери: старшая-то худая такая, как спичка; а младшая-то румяная да гладкая; еще шестнадцати лет нет, а как словно она троих ребят выкормила. Вот мать-то и говорит: боюсь, говорит, старшую-то замуж отдавать, муж любить не станет; вот эту, говорит, любить будет. Затолковалась я с вами, барышня; старуха-то, пожалуй, рассердится. *(Уходит.)*

Явление пятое

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Маменьке легко говорить: выходи замуж! Да за кого я пойду? Я без ужаса себе представить не могу, как выйти за человека, к которому, кроме отвращения, ничего не чувствуешь. *(Задумывается.)* Всякий урод думает, что он вправе посвататься, и даже считает это каким-то одолжением, потому что она, говорят, бедная невеста. Иной просто торгует меня, как вещь какую-нибудь: я, говорит, имею состояние, у вас ничего нет, я вашу дочь за красоту возьму. *(Смотрит в окно задумавшись.)* Мерич! Вот пре-

красно. Идет такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чем он думает, уж верно не обо мне. *(Подходит к зеркалу.)* Ах, какая я глупая! Ну с чего я так покраснела вся, и голос дрожит. Надобно немного успокоиться — он, пожалуй, заметит. А что ж такое, мне бы даже хотелось, чтоб он заметил; что бы он стал делать? Ах, какие глупости! Что я вру! Дарья! Дарья!

Входит Дарья.

Поди попроси Владимира Васильевича в сад пройти!

Дарья. Хорошо, барышня. *(Уходит.)*

Марья Андреевна *(поправляется перед зеркалом)*. Тут поминутно разные свахи являются, очень приятно смотреть на них! Я-то уж приглядела, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ах, как я рада ему; он так редко у нас бывает…

Дарья *(входит)*. Пожалуйте, барышня, он в саду. *(Марья Андреевна уходит. Дарья, стирая пыль с мебели.)* Чтой-то у меня за барышня, право… Дай ей бог жениха хорошего! *(Останавливается посредине комнаты с тряпкой в руке.)* Если это рассудить теперь, как это все на свете делается: богат ты, ну и всякий тебя уважает, а беден, так и рыло воротят. Уж это значит, не человек нужен, а богатство. *(Растопыривает руки.)* Мудрено это все

делается! *(Взглянув в окно.)* О, чтоб вас! Кого-то принесло. *(Идет к двери.)*

Карповна входит.

Явление шестое

Дарья и Карповна.

Карповна. Даша, здравствуй!

Дарья. Здравствуй, Карповна. Чтой-то ты пропала?

Карповна. Что, душа, — все хлопоты; нет ли чего новенького у вас?

Дарья. Какое новенькое! Откуда ему быть-то.

Карповна *(садясь)*. Уж и как, девушка, жарко.

Дарья. Ишь ты, как расползлась, бог с тобой.

Карповна. А что, девка, ведь и то никак я потолстела. Ты что ж не поправляешься?

Дарья. Ты говоришь: не поправляешься! Да с чего мне поправляться-то? Другое дело, кабы жила я покойно, а то… ах… *(Подходит к ней и говорит вполголоса.)* То есть ты, Карповна, не поверишь, целый-то она день-деньской, как часы заведенные, — и то не так, и другое не по ней — и пошла ворчать, и пошла… Женщина я горячая, ничего на себе не могу перенести, ну и выговоришь; и пошел дым коромыслом… брань да история. То есть, кажется, кабы только моя не привычка к

этому дому, как уж седьмой год живу, так я бы ни одного дня не осталась.

Карповна. Ишь ты, девка! а!.. *(Качает головой.)*

Дарья. Женщина же я горячая; закипит это, закипит, и как вдруг туман в глазах, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сейчас как ничего и не бывало, а она все ворчит… То есть, кажется, кабы моя не привычка, как я седьмой год живу… Уж так думаю: ну… *(Махнув рукой.)*

Карповна. В людях жить, душа, кому сладко.

Дарья *(подходит к ней ближе и говорит почти шопотом)*. Намедни говорит: такая ты и этакая! Что, говорит, долго в лавочку ходила! Ты с лавочниками якшаешься! Как, говорю, сударыня! Кто меня застал? Нет, говорю, не извольте… Я, говорю, девушка, как есть… ни в чем… Ах, кажется… уж лучше не говорить… *(Помолчавши.)* Барышню поедом съела! Выходи, говорит, замуж… «За кого я, говорит, маменька, пойду?» Да ведь и вправду: ну за кого она пойдет, за какого шута горохового? Уж хоть бы ты, Карповна, ей хорошего жениха нашла.

Карповна. Найтить-то я нашла, да не знаю, как понравится.

Дарья. Я так думаю: офицера бы ей найти.

Смотри-ка, мимо нас какие хорошие ездят. Никак кто-то идет. *(Идет к двери.)*

Входит Панкратьевна.

Явление седьмое

Те же и Панкратьевна.

Панкратьевна. Что, милушка, дома барыня?

Дарья. Дома.

Панкратьевна. Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла.

Дарья уходит.

(Взглянув на Карповну.) Ба, ба, ба… Залетела ворона в высокие хоромы! Ты как сюда попала?

Карповна. А вот как попала, так и попала. Это что еще за спрос такой проявляется!

Панкратьевна. Ишь тебя везде носит! Знала бы свое купечество.

Карповна. А ты, небось, с дворянством все знакома; то-то ты хвосты-то и отрепала, по передним-то шлямшись.

Панкратьевна. Невежа! Я с тобой и говорить-то не хочу.

Карповна. Ха, ха, ха, ха… Ты, что ль, больно вежлива! Ты вот с дворянами водишься, а ходишь ощипанная да обдерганная, страм смотреть-то; а я с купечеством, да своим домом живу, не хуже

кого другого, и в ламбарте есть. Напялила чепчик-то, так и на́ поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь!.. Да я коли захочу, так в пол-аршина взбодрю. *(Смеется.)* Еще важней тебя буду!

Панкратьевна. Что с невежей и говорить. Обращения ты никакого не знаешь, как есть дура, невоспитанная!

Карповна. Вот дура, да почище тебя, никто на ногу не наступит. *(Молчание.)*

Панкратьевна. А вот как узнает Мартын Мартьяныч, зачем ты к ним ходишь, так он тебе форс-то собьет.

Карповна. А зачем я хожу-то? Ну, скажи, зачем?

Панкратьевна. Ну, известно зачем.

Карповна. Как тебе не знать! Врешь, врешь ты! Тринадцатый год вдовею, ни в чем не замешана. Ты, видно, с больной головы на здоровую.

Анна Петровна входит.

Явление восьмое

Те же и Анна Петровна. Свахи встают и кланяются.

Анна Петровна. Здравствуйте! Ну что? Что? Говорите скорей.

Обе молчат.

Что вы молчите?

Карповна. Пусть она сначала говорит, у нее благородные.

Анна Петровна. Ну, говори ты, Панкратьевна!

Панкратьевна. Есть у меня два жениха, Анна Петровна, такие кавалеры, что чудо!

Анна Петровна. Какие ж они такие?

Панкратьевна. Служащие, матушка, благородные.

Анна Петровна. Что ж они, с состоянием?

Панкратьевна. Служат, матушка, жалованье получают.

Анна Петровна. Да живут-то они каково?

Панкратьевна. Живут хорошо. Один стихи пишет, другой все поет целый день. А уж какие учтивые, да какие влюбчивые! Как, говорит, увижу хорошенькую барышню, так бы и женился, ни на что не посмотрел.

Анна Петровна. А чины у них какие?

Панкратьевна. Чины небольшие, из себя-то уж больно красавцы.

Карповна. Голь все это, как я посмотрю.

Анна Петровна. Ну, а у тебя что, Карповна?

Карповна. Есть-то у меня, есть, такой туз — не ее женихам чета, да лишнее бревнышко у нас в горнице.

Анна Петровна. Ну, хорошо. Поди, Панкратьевна! Наведайся как-нибудь на-днях.

Панкратьевна. Прощайте, Анна Петровна. *(Уходит, свирепо взглянув на Карповну.)*

Анна Петровна. Ах, Карповна, уж кабы ты нам нашла жениха, я бы тебе такое спасибо сказала… Сама ты знаешь, мое дело женское, ничего я не знаю… Как это можно без мужчины!..

Карповна. Так вот, матушка, не было ни гроша, да вдруг алтын. Такой туз, что рукой не достанешь.

Анна Петровна. Кто ж такой? Говори, не мучай.

Карповна. Савва Саввич Белугин.

Анна Петровна. Что ты! Ведь миллионщик!

Карповна. Миллионщик, миллионщик.

Анна Петровна. Как же это он вздумал?

Карповна. Да что, матушка, дети одолели. Ведь у него дети-то поди-ка какие. Сам-от он в большом доме не живет, знаешь, что с балконом-то. Сыновья-то там запрутся, да и пьют, кранболь у них там всякий идет. Да что ж выдумали: выскочит это который-нибудь на балкон, глаза вытаращит, руки подымет, закричит страшным голосом да назад; потом, погодя немного, другой, так и прокуратят. Что хорошего!

Анна Петровна *(качая головой)*. А-я-яй, а-я-яй!

Карповна. Ну, сама посуди, отец-то смотрит, смотрит…

Анна Петровна *(заглянув в окно и увидав идущую Харькову)*. Ну, хорошо, Карповна, спасибо тебе. Сама ты знаешь, мое дело женское… зайди на-днях, потолкуем… теперь некогда, — вон Хорькова идет.

Карповна. Зайду, зайду. *(Кланяется и уходит.)*

Входит Хорькова.

Явление девятое

Анна Петровна и Хорькова.

Анна Петровна. Арина Егоровна! Милости просим! Присядьте!

Хорькова. Я ведь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была в городе — дай, думаю, зайду к Анне Петровне; они хоть и спесивы, никогда нас не навестят, ну да уж, думаю, зайду.

Анна Петровна. Извините, матушка, все дела, ей-богу, некогда, сами посудите, дело мое женское: везде сама должна. Вот у нас теперь тяжба об доме, так ведь ночи не сплю. Ну, как отнимут, куда я денусь?.. А у меня дочь невеста.

Хорькова. Вот я, Анна Петровна, благодарю

бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мне, говорит, маменька, нужды нет, что вы женщина простая и необразованная, а я, говорит, образованный человек — я вас люблю и обожаю. Вы представьте, ведь он у меня теперь на линии дворянина. Старостиха наша говорит мне намедни: «У вас такой сын, Арина Егоровна, такой сын, что мы, говорит, все завидуем: скромный, почтительный, и никаких, говорит, шалостей за ним не слыхать. Что, говорит, вы его, Арина Егоровна, не жените?» А я думаю себе: понимаю, куда ты метишь. У нее, представьте, три дочери, и она помногу денег дает за ними; только девушки, я вам скажу, без всякого образования; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: — Миша! Не хочешь ли, друг мой, жениться; мне, говорю, от богатых невест отбою нет, все, говорю, друг мой, в тебя за твою кротость и образование влюбляются. Я, говорю, с тебя, друг мой, воли не снимаю — ты сам умнее меня и образованнее; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мне свои мысли, я тебе найду невесту. — «Хоть я, говорит, маменька, и образованный человек, но я завсегда предпочитаю с вами об деле разговаривать». — Всякая,

говорю, девушка за тебя пойдет с радостью, есть, говорю, у меня для тебя невеста и с богатством, и с красотой. — Миша меня, представьте себе, обнял и говорит мне: «Милая маменька, не в богатстве счастие, все, говорит, это тлен. Сходите, говорит, к Анне Петровне: я их уважаю; какое они обо мне мнение имеют; душевное, говорит, мое есть желание понравиться Марье Андревне».

Анна Петровна. Покорно вас благодарю, Арина Егоровна! Мне самой ваш сын очень нравится. Я все к вам думала побывать, да памяти нет: совсем и забуду, как забуду. Вы знаете мое душевное желание видеть Машеньку замужем поскорее; все средства употребляю, чтобы ей хорошего человека найти. Я, признаться вам сказать, смолоду была женщина избалованная: при муже, при покойнике, как за каменной стеной жила, ни во что не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломит всю. Как это без мужчины в доме, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мне ее с рук сбыть, я бы была гораздо покойнее.

Хорькова. Чего ж думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете с хорошей стороны; в обществе он, по своему званию, превозвышен. Я, конечно, женщина простого звания, но совсем не

тех понятий: я довольно далека от этого круга и довольно облагорожена в своих чувствах.

Анна Петровна. Я принуждать Машеньку не могу — это ее воля. Вы скажите Михаилу Иванычу, чтобы он постарался понравиться Машеньке — я буду очень рада.

Хорькова. Он у меня такой застенчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человек образованный, а такой застенчивый; чего тебе, друг мой, с твоим умом и образованием бояться? — всякая девушка с радостью тебя полюбит. Так уж вы мне позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

Анна Петровна. Скажите ему, что я с своей стороны согласна и переговорю об этом с Машенькой.

Хорькова. Покорно вас благодарим, мы будем надеяться. *(Молчание.)* Какой миленький чепчик на вас; почем вы брали ленточки?

Анна Петровна. Уж и не спрашивайте — память ведь у меня плоха; кажется, по восьми, не то по семи гривен.

Хорькова. Миленький, очень миленький… Вы мне одолжите выкроечку вашей визитки, хочется черный муаре сделать. Вот, представьте себе, так и сплю и вижу — непременно черный муаре.

Анна Петровна. Куда это я ее засунула? Спросить у Дарьи надобно. Вот кабы Машенька замуж вышла, уж я к свадьбе-то бы себе какую-нибудь на Кузнецком мосту заказала, понарядней.

Хорькова. Не советую, Анна Петровна, не советую. У меня есть знакомая портниха, она вам сделает просто и благородно. Я женщина простого звания, а люблю одеваться со вкусом и чтобы все было благородно. Мне Миша всегда говорит: «Вам, говорит, маменька, удивляться надобно, какой вы имеете вкус и рассудок. Я, говорит, вас люблю и уважаю; мне, говорит, нужды нет, что вы не получили никакого образования». Прощайте, Анна Петровна, поищите мне выкроечку.

Анна Петровна *(встает)*. Пойдемте, она, должно быть, у меня в комнате; поищемте вместе.

Идут к двери. Милашин входит.

Явление десятое

Те же и Милашин.

Милашин. Здравствуйте, Анна Петровна!

Анна Петровна. Здравствуйте, Иван Иваныч! Машенька, должно быть, в саду гуляет.

Милашин подходит к окну.

Хорькова *(осматривает Милашина)*. Кто это, Анна Петровна?

Анна Петровна. Милашин, Иван Иваныч.
Хорькова. Ну, это вашей дочке не жених.
Анна Петровна. Какой жених! *(Уходят.)*

Явление одиннадцатое

Милашин *(один у окна.)* Что это! Мерич опять здесь! Ну, так и есть. Я этого и ожидал. Чорт возьми, это досадно! Нет, я этого не позволю. *(Ходит по комнате.)* Сколько времени я все силы употребляю, чтоб ей понравиться, бьюсь, бьюсь — и все ничего; а тут какой-нибудь… Я решительно не могу видеть, как она с ним любезничает. Как бы мне его выжить отсюда! Жениться на ней? Так она за меня не пойдет, потому что мне жить нечем, да и, кажется, она не любит меня. Да из чего ж я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать внимания. Но, однакоже, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: «У вас теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, с которыми вам веселей, чем со старыми; но вы теряете друга, который был вам предан». Она, конечно, будет меня уговаривать, а я ей: «Нет, скажу, коли у вас лучше, так уж что же мне здесь делать; может быть, я вам уж надоел; прощайте, скажу…. навсегда». — «Но зачем же навсегда, Иван Иваныч?» — «Нет, скажу, если прощаться, так навсегда, у

меня такой характер». Взять шляпу и уйти… Ну, что ж потом! А, чорт возьми! Она еще, пожалуй, будет рада, что я ушел, а Мерич и подавно! Так нет же, останусь, назло им; буду ходить каждый день; буду в глаза смеяться над Меричем: уж как-нибудь да я его выживу отсюда!.. Я на всякое средство решусь!.. *(Ходит по комнате.)*

Входят Марья Андреевна и Мерич.

Явление двенадцатое

Милашин, Мерич и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Здравствуйте, Иван Иваныч! Что, ушли свахи?

Милашин. Кажется, ушли; мне навстречу две попались.

Марья Андреевна. Как это скучно! *(Стоит задумавшись.)* Заходите к нам, Владимир Васильич, почаще. Обещайте.

Мерич. Смею ли я ослушаться, когда вы приказываете. Только я вам повторяю, Марья Андревна, я вас боюсь.

Марья Андреевна. Полноте шутить-то!

Милашин делает гримасы довольно заметно.

Марья Андреевна *(Милашину)*. Что с вами: вы нынче как будто не в духе?

Милашин. Так-с, у меня что-то голова болит.

Мерич. Голова болит! Это нехорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андревна, засвидетельствуйте мое почтение маменьке.

Марья Андреевна. Когда же вы к нам?

Мерич. Завтра, если можно.

Марья Андреевна. Очень можно! Так завтра. Я буду ждать.

Мерич. Непременно. *(Уходит.)*

Марья Андреевна подходит к двери.

Марья Андреевна. Смотрите же, не обманите. Мерич *(за сценой)*. Честное слово!

Явление тринадцатое

Марья Андреевна и Милашин.

Милашин. Что это он с вами говорил в саду, Марья Андревна?

Марья Андреевна. А вам какое дело? Вы очень любопытны.

Милашин. Извините, Марья Андревна, я думал, что у вас с Меричем нет особенных секретов. Я не знал… Может быть, это что-нибудь такое, чего и сказать нельзя.

Марья Андреевна. Может быть.

Милашин *(после непродолжительного молчания)*. Скажите, Марья Андревна, за что вы меня не любите?

Марья Андреевна. Полноте, что вы! За что мне вас не любить?

Милашин. Конечно, я не так хорош, как Мерич; не бываю в обществе; не говорю по-французски. Нынче эти качества очень ценят. Будь глуп, как пробка, только умей любезничать, болтать… Вот что нынче нравится. Это смерть досадно!

Марья Андреевна. Вы очень любезны.

Милашин. Вы меня извините, Марья Андревна, а я говорю правду; я не виноват, если это вам не нравится… Чем я хуже какого-нибудь Мерича? Если б я захотел, я бы мог во сто раз быть лучше его. Мальчишка! Нигде не учился; выучился только болтать по-французски в каком-то пансионе. Я по крайней мере в гимназии курс кончил. Как он смеет смеяться надо мной? Ничего не делает, только числится на службе, чтобы первый чин получить. Что у него отец-то богат, так невелика важность!

Марья Андреевна. Что он вам мешает?

Милашин. Да помилуйте, самый пустой человек! *(Молчание.)*

Марья Андреевна. Послушайте, Иван Иваныч, вы влюблены в меня? *(Милашин в смущении.)* Бедный, мне вас жаль! Извините вы меня…

Милашин. Пожалуйста, не жалейте! Что ж

делать, насильно мил не будешь. Осчастливьте того, кто достойнее меня!

Дарья *(входит с самоваром)*. Матушка барышня, Платон Маркыч пришел.

Милашин. Очень кстати!

Марья Андреевна. Отчего ж не кстати?

Милашин. Да так, я его не люблю что-то.

Марья Андреевна. Вы, кажется, никого не любите.

Входят Анна Петровна с Добротворским.

Явление четырнадцатое

Те же, Анна Петровна и Добротворский.

Добротворский. Так вот, сударыня, дело-то какого роду.

Анна Петровна. Понимаю, понимаю, Платон Маркыч. *(Садится к столу и наливает чай.)*

Добротворский. Здравствуйте, матушка барышня, что это вы не веселы?

Марья Андреевна. Да чему же мне радоваться-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Да и то правда. Неурожай нынче, барышня, на женихов-то, неурожай.

Анна Петровна. Чаю не угодно ли?

Добротворский. Выпью-с. Не с чего невестам веселым-то быть. Ну, да уж для вас, матушка

барышня, постараюсь отыскать хорошего — будете благодарить. Я еще папеньку вашего знал покойного: благодетель для меня был. Так уж не извольте беспокоиться, постараюсь. Пожалуйте ручку.

Марья Андреевна. Нет, зачем, Платон Маркыч!

Добротворский. Ничего-с, пожалуйте. *(Целует руку.)*

Анна Петровна. Подвигайтесь, Платон Маркыч, сюда поближе.

Анна Петровна и Добротворский садятся с одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашин с другой.

Добротворский. Слушаю, сударыня! Народ то нынче, я говорю, сударыня, поизветреничался, женихов-то трудно искать. В наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало, чуть мальчик пооперится, поступит на службу, глядишь — женится. Тогда, сударыня, Анна Петровна, холостых-то что-то мало было и видно, а у нас в суде, так, поверите ли, ни одного холостого чиновника не было. А нынче как живут молодые люди, так только дивиться надо. А уж это непорядок.

Анна Петровна. Какой уж это порядок! Что хорошего! Ох, да никак я вам сахару-то забыла. Что,

Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

Марья Андреевна. Положили, маменька.

Добротворский. Что вы, сударыня, изволите говорить?

Анна Петровна. Говорю, что хорошего, — нехорошо.

Добротворский. Нет, как можно, что хорошего! В наше-то время совсем не так было. Вот оно и невестам-то веселей было: долго-то не засиживались; разве уж которая с каким-нибудь недостатком телесным, горбатая там какая, да и теми не брезгали. Вот у моей у невестки, сударыня, шесть пальцев было на правой руке, мать-то все ахала, что, говорит, не возьмут…

Анна Петровна. Скажите!

Добротворский. Хороший человек взял — и ничего. Так я и говорю, сударыня, что невестам-то веселей было, задумываться-то было не о чем.

Марья Андреевна. Да я совсем об этом и не думаю.

Добротворский. Как, чай, не думать, барышня! Не скажете только, а то как не думать! Конечно, дело девичье: этого не говорят, как будто от совести; а то как не думать, все думают. Так ли я, сударыня, говорю?

Анна Петровна. Так, Платон Маркыч, так, уж

что толковать! Не хотите ли еще чашечку?

Добротворский. Пожалуйте. Вот, матушка барышня, и ваша маменька то же говорит. *(Говорит потихоньку с Анной Петровной.)*

Милашин. Дурак!

Марья Андреевна. За что вы его браните?

Милашин. Он вас совсем не понимает! Он думает, что вы так же о женихах хлопочете, как невестка его, у которой было шесть пальцев.

Марья Андреевна. А пусть его думает, что хочет; он очень добрый человек.

Милашин. Однако что они там шепчут?

Марья Андреевна. Что-нибудь о своих делах.

Добротворский *(вполголоса)*. Прекрасный, сударыня, человек, и молодой еще, очень молодой. Он секретарь.

Анна Петровна. Что?

Добротворский *(громче)*. Секретарь, говорю. Чин небольшой — да место хорошее. Всего у него в доме много, лошади свои.

Анна Петровна. Что? Не слышу.

Добротворский. Лошади свои.

Марья Андреевна. Что такое он говорит?

Милашин. Это что-то интересно.

Анна Петровна. Послушай-ка, Машенька, Платон Маркыч какое нам одолжение делает: нашел

человека, который хочет взяться за наше дело. Говорит, что очень хороший молодой человек.

Добротворский. Прекрасный, барышня, человек а уж делец какой — беда!

Анна Петровна. Никак я про вас-то и забыла, Иван Иваныч. *(Наливает ему чай.)* А не пьет он, Платон Маркыч?

Добротворский. Как, чай, не пить, да должно быть, немного: кабы много пил, так бы слышно было.

Анна Петровна. Вот, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

Марья Андреевна. Да вы, маменька, опять за свой разговор.

Анна Петровна. Ах, боже мой! Что ж такое за важность! Ты ведь его еще не видала; посмотришь, может быть и самой понравится.

Добротворский. Мы, сударыня, с ним к вам приедем.

Анна Петровна. Ах, Платон Маркыч, как я вам благодарна! Уж я, право, не знаю, как вам это и выразить! Сами видите, наше дело женское, что мы знаем. Так только маешься.

Добротворский. И, сударыня, что это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязан был… По гроб не забуду. Благодетель мне был, дай

ему, господи, царство небесное, место покойное. Чем же мне ему заплатить-то? Ну, стар стал, не на все ума хватает.

Марья Андреевна *(встает)*. Вы слышали, Иван Иваныч?

Милашин *(встает)*. Слышал. Это ужасно!

Марья Андреевна. Вот это у нас вечно такой раз говор.

Милашин. Я не знаю. Я не могу притти в себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убивает меня. Я, кажется, этого не перенесу.

Марья Андреевна. Вы все о себе. Вы обо мне-то подумайте хоть немножко.

Милашин. Что же об вас-то! Вы посмотрите, может быть, он вам понравится. Вы будете счастливы. Что ж! Я готов пожертвовать даже жизнью, чтобы вы были счастливы.

Марья Андреевна. Это что такое! Полноте, перестаньте. Пойдемте в сад.

Уходят.

Добротворский. Так мы завтра приедем, сударыня. Об деле потолкуем, да он Марью Андревну посмотрит. Может, она ему и понравится. Вот два дела разом и сделаем.

Анна Петровна. Хорошо бы, Платон Маркыч,

очень хорошо. Тяжба-то эта у меня из головы нейдет, — ночи ведь не сплю. Ну, как дом-то отнимут, куда я денусь? Да и Машеньку-то уж пора выдавать, право, пора.

Добротворский. Чего, матушка, ждать! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня! *(Перевертывает чашку.)* Прощенья просим.

Анна Петровна. Прощайте, Платон Маркыч; так мы ждать будем.

Добротворский. Хорошо-с.

Уходят.

Действие второе
Сцена I

Сцена представляет небольшой тенистый сад: направо от зрителей скамейка, сзади которой большой куст. Хорьков сидит на скамейке, повеся голову.

Явление первое

Хорьков. Ушел, струсил! Какой я жалкий человек! Однако что я делаю наконец! За что же я гублю себя? Вот уж три года, как я кончил курс, и в эти три года я не сделал ровно ничего для себя. Меня обдает холодом, когда я вспомню, как я прожил эти три года! Лень, праздность, грязная холостая жизнь — и никаких стремлений выйти из этой жизни, ни капли самолюбия! Для себя я ни на что не решусь, я это знаю. В ней мое единственное спасение, а я не смею сказать ей, что люблю ее. Нет, надобно кончить! Неужели она не сжалится надо мной? Для нее я бы стал работать, трудиться; она одна только способна привязать меня к жизни. *(Садится.)* Боже мой, как я люблю эту девушку! Как я люблю ее!

Хорькова входит.

Явление второе

Хорьков и Хорькова

Хорькова *(садясь на скамейку)*. Как это тебе, Миша, не стыдно! Зачем ты ушел? Только что я стала выражать Марье Андревне, как ты их любишь и как ты об них относишься, ты сейчас и бежать… Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь, а ты всего конфузишься.

Хорьков. Ах, маменька! Не говорите, сделайте милость, обо мне с Марьей Андревной! Я сам поговорю. Вы и так про меня всегда бог знает что рассказываете.

Хорькова. Да, дождешься тебя! Странно это, Миша, ты человек образованный…

Хорьков. Да, маменька, я образован, у меня сердце доброе; кроме этого, я знаю, что со мной она будет счастлива, что только я один могу оценить ее, что она погибнет в этом кругу жертвой расчета или невежества… но я боюсь, что она мне откажет.

Хорькова. Ах, боже мой! Свет-то не клином сошелся — найдем другую.

Хорьков. Где я найду другую? Хорошо, что случай свел меня с Марьей Андревной, я ее узнал,

полюбил… Да поверьте же вы мне, что я так люблю Марью Андревну, что никого не могу видеть, кроме нее… Я и не думал, что так могу полюбить. Я измучился в последнее время… Вы видите, я плачу… Я не могу жить без нее.

Хорькова. А коли любишь, так откройся — это всегда так делают.

Хорьков. Я поговорю с ней, непременно поговорю: надобно же чем-нибудь кончить… А что, если она мне откажет? Теперь по крайней мере есть надежда, есть мечты, а тогда что?

Хорькова. Странно это, Миша: ты человек образованный, а что ты делаешь, как погляжу я на тебя. Никакого ты знакомства не имеешь, делом не занимаешься, валяешься дома в халате с трубкой. Вот теперь влюбился, а сказать боишься. Ты посмотри, как другие-то образованные люди живут: барышни за ними сами ухаживают… Вот, кажется, Марья Андревна сюда идет.

Хорьков. Маменька! Ради бога, не говорите ни слова!

Хорькова. Сделай милость, не учи! Я хоть женщина и необразованная, а умею себя вести.

Марья Андреевна входит.

Явление третье

Те же и Марья Андреевна.

Хорькова *(встает)*. Погулять вышли?

Марья Андреевна. Да, немножко освежиться. *(К Хорькову.)* Вы что здесь делаете?

Хорьков. Так-с, мечтаю…

Хорькова. Он у меня все тоскует.

Марья Андреевна. Об чем?

Хорькова. Влюблен, должно быть: я так замечаю по его словам.

Хорьков. Маменька!

Хорькова. Посмотрите, как страдает: право, мне на него даже тяжело смотреть.

Хорьков. Маменька! Ах, боже мой!

Марья Андреевна. Право, мне не верится. В кого же влюблен Михаило Иваныч?

Хорькова. Уж это извольте спросить сами. Миша! *(Делает ему знак и уходит.)*

Явление четвертое

Хорьков и Марья Андреевна.

Марья Андреевна *(садясь подле Хорькова)*. Что вы такие скучные? Вы в самом деле влюблены?

Хорьков. Да, я не знаю, что со мной делается.

Марья Андреевна. А я так плачу нынче целое утро.

Хорьков. Об чем же вы плачете?

Марья Андреевна. Маменька все с женихами пристает. Какой-то купец старик, да нынче еще чиновник приедет. Как вам это покажется?

Хорьков. Это ужасно!

Марья Андреевна. Да и к тому же, Михаило Иваныч, — я с вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны с вами. Не правда ли? *(Протягивает ему руку.)*

Хорьков *(берет ее руку)*. Говорите, говорите.

Марья Андреевна. Я сама влюблена немножко.

Хорьков *(встает быстро)*. Вы?

Марья Андреевна. Что вы так испугались? Не бойтесь, не в вас.

Хорьков *(садится)*. Нет-с. Я так, извините.

Марья Андреевна. Как вы испугались! А вы думали, что в вас? Не бойтесь, не бойтесь: я не потревожу вашей солидности. *(Молчание.)* Вот какое мое положение, Михаило Иваныч. Что вы мне посоветуете?

Хорьков. Я-с? Я решительно ничего.

Марья Андреевна. Я теперь не могу ни за кого итти… Неделю прежде я бы пошла, если бы на-

шелся хороший человек.

Хорьков. Неужели ни за кого?

Марья Андреевна. Решительно ни за кого.

Хорьков. А если б я за вас посватался? *(Принужденно смеется.)* Я шутя вас спрашиваю.

Марья Андреевна. И за вас бы не пошла. Я с вами дружна, а любить вас не могу.

Хорьков *(с возрастающим волнением)*. А как бы я любил вас! Как бы я старался угождать вам! С какой бы готовностью исполнял малейшее ваше желание! С какой бы благодарностью я принимал каждую вашу ласку!

Марья Андреевна *(взглянув на него)*. Вы шутите?.. Впрочем, если бы вы посватались, мне все-таки было бы не так тяжело: я вам могу откровенно сказать, что вас не люблю, и вы не обидитесь, а другие еще обижаются.

Хорьков. Да, да, конечно. *(Молчание.)*

Марья Андреевна. Что, каков человек Мерич?

Хорьков. Мерич?

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич.

Хорьков. Не знаю, Марья Андревна, что вам сказать; право, не знаю.

Марья Андреевна. То есть вы не хотите. Однако прощайте: мне пора к маменьке. *(Уходит.)*

Хорьков. И я, дурак, мечтал о счастье!.. Боже

мой, боже мой!.. *(Сидит, закрывши лицо руками.)*

Милашин и Мерич входят.

Явление пятое

Хорьков, Милашин и Мерич.

Мерич. Что нынче здесь за праздник? Дарья такая нарядная; так разрядилась, что смотреть не хочет. Бегает взад и вперед с крахмальными юбками.

Милашин. Гостей ждут.

Мерич. Каких же это гостей?

Милашин. Приедет какой-то чиновник по делу Анны Петровны. Да его, кажется, прочат в женихи Марье Андревне. Это ужасно досадно!

Мерич. Что же вы не женитесь на Марье Андревне?

Милашин. Я-с? По самой простой причине. Нам будет жить нечем: у меня нет состояния, у нее также.

Мерич. А любовь? G милым рай и в шалаше. Мне кажется, что она вас любит.

Милашин. Может быть! Да-с, может быть! Разве вы что-нибудь заметили?

Мерич. Нет, я нарочно, Иван Иваныч; она вас не любит.

Милашин. Почему же вы так думаете?

Мерич. Я не думаю, а наверное знаю. Она мне сама сказывала.

Милашин. Это странно, что Марья Андревна так говорит. Это обидно даже. Мне, конечно, все равно: любит ли она меня, или нет, я на это никакого внимания не обращаю. Я сам к ней совершенно равнодушен. Да зачем говорить? Этим она хочет показать, что я за ней ухаживаю. Нет, уж я предоставлю это другим.

Мерич. И прекрасно! И я бы на вашем месте то же сделал. Однако это жалко, если она выйдет замуж: она такая хорошенькая. Мне всегда жаль, когда хорошенькие девушки замуж выходят. Вам не жаль?

Милашин. Нет, не жаль.

Мерич. Софи Барашкова тоже недавно вышла замуж. Вы ее не знали?

Милашин. Нет, не знал.

Мерич. Мы были очень привязаны друг к другу. Вам я могу признаться, Иван Иваныч, вы, конечно, никому не скажете: она меня очень любила. Вот, посмотрите, какое она мне письмо написала перед свадьбой. *(Вынимает.)* Хотите прочесть?

Милашин. Зачем же я буду читать чужие письма?

Мерич. Как хотите! *(Прячет опять.)* Я надеюсь,

что вы никому не скажете. Марья Андревна, вероятно, в комнатах, — я пойду к ней! *(Уходит.)*

Явление шестое

Милашин и Хорьков.

Хорьков. Иван Иваныч!

Милашин. А, вы здесь! Я вас и не заметил.

Хорьков. Что, этот Мерич часто здесь бывает?

Милашин. Прежде редко бывал, а теперь опять стал каждый день ходить.

Хорьков. Это дурно.

Милашин. Да вы представьте мое-то положение: каждый день ходит, чорт знает зачем!

Хорьков. Да вам-то что ж?

Милашин. Нет, как хотите, Михайло Иваныч, это мне ужасно неприятно.

Хорьков. Тут не об вас толк. Он может иметь очень дурное влияние на Марью Андревну. Я его давно знаю. Он еще мальчишкой был, сам к себе письма писывал да хвастался товарищам в пансионе, что от барышень получает. Если вы имеете влияние на Марью Андревну, так вы ее предостерегите: мне будет очень жаль, если она поверит этому пустому человеку.

Милашин. Хорошо, Михайло Иваныч. Покорно вас благодарю, что вы мне открыли глаза насчет

этого человека. Я ей непременно скажу.

Хорьков. Да поверит ли она вам?

Милашин. Поверит, непременно поверит: она меня очень любит.

Хорьков. Едва ли, Иван Иваныч! Мне кажется, что она вас совсем не любит.

Милашин. Отчего вы так думаете? Разве я хуже других? Нет, уж извините! Вы меня не знаете: меня тоже женщины очень любят.

Хорьков. Ну, положим, что так. Только надо сделать поумнее, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы из ревности хлопочем. Эх, не хочется мне с ним связываться-то только, а то бы я его сразу выгнал отсюда.

Милашин. Хотите, я это сделаю? Я буду в глаза смеяться над ним.

Хорьков. Из этого ничего не выйдет; Марья Андревна на вас рассердится, и только. А впрочем, что нам за Дело, пусть их как хотят! *(Молчание.)* Чудак этот Мерич! Мне случайно попалась тетрадка из его дневника да несколько писем, которые он писал нашей соседке, а та отдавала мужу; уж чего там нет!

Милашин. Одолжите мне этих писем на время.

Хорьков. На что они вам? Пожалуй, возьмите.

Милашин. Покорно вас благодарю! *(Берет его за руку.)* Вы меня очень обязали.

Хорьков. Да за что вы меня благодарите: я стараюсь об Марье Андревне, а не об вас, потому что очень люблю ее и принимаю в ней большое участие.

Милашин. И я люблю…

Хорьков. Я верю. Мерич может очень много вреда сделать Марье Андревне. Он человек совершенно без правил.

Милашин. Да и мне ужасно надоел: старается очернить меня в глазах Марьи Андреевы, мешает мне.

Хорьков. Пойдемте домой, Иван Иваныч; нам, кажется, нечего здесь делать.

Милашин. Нет, мне нельзя уйти; мне надобно здесь остаться. Марья Андреева, пожалуй, рассердится, что я ушел.

Хорьков. Не беспокойтесь, не рассердится; ей теперь не до вас: нынче Анна Петровна ждет какого-то чиновника, которого она хочет просить о своем деле. Что вы будете здесь делать?

Милашин. Пожалуй, пойдемте.

Уходят. С другой стороны выходят Мерич и Марья Андреевна.

Явление седьмое

Марья Андреевна и Мерич.

Мерич. Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Куда вы? Мне будет скучно одной; посидимте здесь немножко. *(Садятся.)*

Мерич. Я слышал от Милашина, Марья Андревна, что вам сватают какого-то жениха.

Марья Андреевна. Да, Владимир Васильич, поминутно сватают то одного, то другого.

Мерич. И вы пойдете?

Марья Андреевна. Не знаю; но что же мне делать? Надо же выйти замуж,

Мерич. Ну, я с своей стороны не вижу никакой необходимости; разве вас что-нибудь заставляет?

Марья Андреевна. Много причин. Вы не знаете наших обстоятельств.

Мерич. Но, боже мой, неужели это так необходимо?

Марья Андреевна. Маменька говорит, что необходимо.

Мерич. Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андревна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права

отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдаться одному человеку.

Марья Андреевна. Вы все шутите!

Мерич. Нет, не шучу. Вы рассудите, Марья Андревна, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни… Ну, в деле сердца я бы не послушался маменьки. Для маменьки вы хотите губить свое счастье и счастье других. Какой еще вы ребенок!

Марья Андреевна. Да, если б это счастье было возможно для меня! А то мне нечего жалеть, нечего ждать! Меня никто не любит, я тоже никого не люблю,

Мерич. Вы никого не любите?

Марья Андреевна. Никого.

Мерич. И вас никто не любит?

Марья Андреевна. Мне кажется.

Мерич. В таком случае, другое дело. Но все-таки страшно пожертвовать собой расчетам других.

Марья Андреевна. Что ж делать-то! Я буду выбирать такого человека, который, имея состояние, удовлетворял бы несколько и моим требованиям.

Мерич. Откуда в вас такая положительность, такие практические правила?

Марья Андреевна. Нужда научит.

Мерич. Если вы решились, я не хочу поколебать вашей решимости; она делает вам честь. Но что, если б вы полюбили кого-нибудь, если б вам случилось встретить человека, который вас любит пламенно, со всем пылом юношеской страсти?

Марья Андреевна. Я не знаю, Владимир Васильич, но едва ли это случится когда-нибудь.

Мерич *(меланхолическим тоном)*. Теперь, когда уж дело кончено, когда вы соглашаетесь пожертвовать собой для вашей маменьки, что, разумеется, очень похвально, я могу вам сказать, что я вас любил, Марья Андреева, любил страстно; я вас до сих пор люблю так, как никто вас любить не будет.

Марья Андреевна. Вы меня не обманываете, Владимир Васильич?

Мерич. О нет, нет…

Марья Андреевна. Вы меня не обманываете?

Мерич. Все клятвы, какие я знаю…

Марья Андреевна. Не нужно, не нужно… Ах, Владимир Васильич! Не обманывайте меня, ради бога! Вам так легко меня обмануть — я сама вас… люблю…

Мерич. Ангел мой! Я не верю своему счастью… Зачем же слезы! Марья Андревна! Машенька!

Мери! *(Целует руку.)* Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ах, как ты хороша в эту минуту! Я бы желал, чтобы теперь весь свет тебя видел с этими слезами на глазах.

Марья Андреевна. Я, кажется, дурно сделала, что призналась вам.

Мерич. Отчего же дурно? Тебе совестно, что у тебя есть сердце, что ты выше всех этих бесчувственных кукол, которые хвастаются тем, что не любили никогда. Я могу оценить твою любовь.

Марья Андреевна. Я надеюсь. *(Припадает к нему.)* Ах, не смотри на меня, я, право, такая глупая; я думала, что у меня достанет твердости скрыть мою любовь.

Мерич. Да зачем же скрывать ее?

Марья Андреевна. Да, теперь уж, конечно, незачем. Напротив, теперь я хотела бы тебе вдруг открыть свою душу, чтобы ты знал, как много я люблю тебя.

Мерич. Зачем? Ты и так для меня дороже всего на свете.

Марья Андреевна. Нет, Владимир, нет, ты так меня не любишь, как я тебя люблю. Ты для меня все теперь, все, все! Ты веришь моим словам?

Мерич. А ты моим веришь?

Марья Андреевна. Не знаю: и хочется верить,

и боюсь… С твоей стороны будет безжалостно обмануть меня.

Мерич. К чему эти черные мысли! Посмотри, вся природа нам улыбается. *(Сидят несколько времени молча.)*

Марья Андреевна. Ах, боже мой, я и забыла: нынче к нам хотел приехать чиновник какой-то. Маменька там хлопочет, велела мне одеваться хорошенько.

Мерич. Уж не жених ли какой-нибудь?

Марья Андреевна. Не знаю. Ты, впрочем, не бес-покойся. Я скажу маменьке, что не нравится… Уж как-нибудь сделаю.

Мерич. И скоро будет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так я пойду, прощай. *(Встают со скамейки.)*

Марья Андреевна. Прощай. Когда же ты придешь? Приходи завтра поутру; маменьки не будет дома.

Мерич *(целует ее)*. Приду, приду. Прощай! *(Уходит.)*

Явление восьмое

Марья Андреевна *(одна, прислонившись к дереву)*. Он ушел! Хорошо ли я сделала? Мне и

стыдно и весело. Что, если это только шалость с его стороны? Боже мой, как мне совестно за себя! *(Молчание.)* А если он любит в самом деле? Он всегда такой скучный, печальный. Он говорит, что до сих пор постоянно обманывался в женщинах. Ах, как бы мне хотелось знать, любит ли он меня… а я его очень люблю. Чего я для него не сделаю!.. все, все, все!.. *(Стоит, закрывши лицо платком.)*

Входит Дарья.

Явление девятое

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас! Сбилась с ног нынче день-то деньской… Барышня, а барышня! Где вы тут?

Марья Андреевна. А! Что?

Дарья. Ищу, матушка, засовалась совсем, как угорелая кошка. Кто-то приехал, маменька вас спрашивает.

Марья Андреевна. Приехал! Ах, боже мой!

Дарья. Пойдемте, я вам головку причешу, да и платьице-то бы другое надели.

Марья Андреевна. Пойдем, пойдем.

Уходят.

Сцена II

Комната первого действия.

Явление десятое

Добротворский и Беневоленский входят.

Добротворский. Пожалуйте, Максим Дорофеич, пожалуйте. Признаться сказать, вас не ждали так рано. Поторопились, батюшка, раненько пожаловали. Ну, известно, женское дело. Повремените маленечко.

Беневоленский. Ты говорил, что здесь есть барышня хорошенькая. Ты смотри — я ведь разборчив.

Добротворский. Нет, как же можно, помилуйте, Максим Дорофеич. Такая барышня, что генералу взять не совестно. Я еще с папенькой ихним был знаком…

Беневоленский. А хорошо ли она образована?

Добротворский. Отлично образована.

Беневоленский. То-то же. Ты ведь знаешь меня, Платон Маркыч, у меня и состояние есть, и место, ну и знакомство. Мне такую невесту нужно, чтобы не стыдно было в люди показать: ну, чтоб

и хозяйка в доме была, знаешь, в этаком чепчике, по-нынешнему, чтобы принять кого-нибудь… Ну, чтобы и тон этакий светский. Понял ты меня?

Добротворский. Как не понять! Уж, конечно, что вам за крайность на дурной жениться, сами-то вы ишь какой молодец! Ах, батюшка, голубчик! *(Треплет его по спиче и потом кланяется.)*

Беневоленский. Ну, то-то же. Что, манишка у меня тут вот сзади не выбилась?

Добротворский. Нет-с, ничего — в исправности. Причесаться вам разве не угодно ли — вот гребеночка.

Беневоленский *(берет и причесывается перед зеркалом.)* Ну, так как же, братец, ты говоришь, хороша барышня-то?

Добротворский. А вот увидите, Максим Дорофеич. Что прежде времени говорить, сами посмотрите.

Беневоленский. Посмотрим, братец, посмотрим. А отдадут за меня, коли мне понравится?

Добротворский. Как, чай, не отдать. Да ведь что ж такое: попытка не шутка, а спрос не беда.

Беневоленский. Хорошо, братец, хорошо. *(Садится.)* Платон Маркыч! Ты не видал у меня дрожки?

Добротворский. Нет, не видал-с.

Беневоленский. А вороную, что на пристяжке ходит, не видал? Вот посмотри! *(Показывает в окно.)* Что, хороша?

Добротворский. Ах, проказник вы, проказник, Максим Дорофеич! Да ведь, чай, некупленая?

Беневоленский. Разумеется.

Добротворский. Ну, так даровому коню в зубы не смотрят.

Молчание.

Беневоленский. Послушай, Платон Маркыч, найди мне где-нибудь органчик небольшой.

Добротворский. Извольте, батюшка! На что вам?

Беневоленский. Канареек учить.

Добротворский. Хорошо, поищу.

Беневоленский. Поищи. *(Вынимает табакерку, нюхает.)* Хочешь?

Добротворский *(нюхает, потом берет табакерку и взвешивает то на одной, то на другой руке)*. Вещичка-то хорошая! Где изволили приобресть?

Беневоленский. Так, нечаянно хороший человек набежал. Да не помнишь ли ты, было у нас дело купца Пересемкина с малолетними наследниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходила до Правительствующе-

го сената и возвращено для справок…

Анна Петровна входит.

Явление одиннадцатое

Те же и Анна Петровна.

Беневоленский. Честь имею представиться. Коллежский секретарь Беневоленский.

Анна Петровна. Очень приятно познакомиться. Милости просим садиться. Служить изволите-с?

Беневоленский. Как же, служу-с с восемьсот тридцать восьмого года. Я вам скажу, я очень доволен своим местом и своим начальством. К службе я человек усердный, с подчиненными строг.

Анна Петровна. И родство имеете здесь, в Москве?

Беневоленский. Нет, совершенно никого-с.

Анна Петровна. Я думаю, вам *(к Добротворскому)*…Как, бишь, Платон Маркыч, я всё забываю?

Добротворский. Максим Дорофеич.

Анна Петровна. Памяти нет совсем, Максим Дорофеич! Вот что ты будешь делать, право. Я думаю, вам, Максим Дорофеич, скучно. Я вот по себе сужу, дело женское, сами знаете… Еще при покойнике-то было туда-сюда: ну знакомство все этакое, а теперь просто не знаю, что делать.

Беневоленский. Я с вами, сударыня, согласен.

Анна Петровна. Вот процесс теперь. Как это без мужчины; пожалуй, проиграешь.

Беневоленский. А позвольте узнать, в чем состоит ваше дело?

Анна Петровна. Я уж и не запомню всего-то, еще, пожалуй, перевру, а вот уж вам Платон Маркыч расскажет.

Добротворский. Вникните, батюшка, Максим Дорофеич, вникните!

Беневоленский. Хорошо, я посмотрю. Если можно что-нибудь, сударыня, сделать, так сделаем, а если нельзя, так не взыщите — наше дело такое. Конечно, кто богу не грешен, царю не виноват, но я вам доложу, нынче насчет этого очень строго.

Добротворский. Точно, матушка, строго. Это они правду говорят. Строгости пошли. Это так точно.

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста!

Беневоленский. Нынче уж держи ухо востро. Я вам про себя скажу: в постоянном страхе находишься. Нельзя, чтобы грешков не было; того гляди, под суд отдадут, выгонят из службы, куда денешься? Ну, хорошо, я холостой человек, а другой женатый…

Анна Петровна. А вы не намерены обзавестись семейством?

Беневоленский. Это вопрос, сударыня, очень важный в жизни, особенно в моей. Я имею состояние, всего у меня много, своих лошадей держу. Кабы посмотрели, какую я квартиру занимаю; вон Платон Маркыч видел. Ты видел, Платон Маркыч, квартиру?.

Добротворский. Как же, видел-с; квартира отличная.

Беневоленский. Следовательно, чего же я должен искать, я вас спрашиваю?

Анна Петровна. Подругу жизни, Максим Дорофеич, я так думаю.

Беневоленский. Я с вами согласен, сударыня. Но, сколько мне известно, всякая жена есть подруга жизни. Я должен преимущественно искать хозяйку. Мое дело приобретать всеми силами, а ее дело хозяйничать. У меня порядку нет в доме; ведь, пожалуй, и растащат у холостого человека. Все может случиться.

Анна Петровна. Что мудреного, Максим Дорофеич.

Добротворский. Мудрено ли, долго ли до греха. Это точно.

Беневоленский. Я желал бы, чтоб недурна

была собой и образована, чтобы не стыдно было в люди показаться, выехать куда-нибудь. Хотя у нас знакомство и неважное, все больше мелкие чиновники, но все-таки, знаете ли, я вам скажу откровенно, приятно иметь красивую и образованную жену. А главное — мне нужно хозяйку.

Анна Петровна. Вы справедливо рассуждаете, Максим Дорофеич; но, может быть, вы захотите также большого приданого?

Беневоленский. Я? Нет-с, я не того ищу. Девушку с состоянием за меня не отдадут, по незначительности моего происхождения и даже самого положения в свете. А есть невесты благородные и образованные, но бедные — и для них-то, я вам без гордости скажу, такой жених, как я, — находка.

Анна Петровна. Я с вами согласна, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Разумеется, я красотой не могу похвалиться; образование я тоже получил, сказать вам по простонародному выражению, на медные деньги; но я видел людей, не конфужусь в обществе и могу сказать, что очень развязен даже с дамами. Теперь я вас спрошу, что такое красота в мужчине? — Последнее дело.

Анна Петровна. Это одна глупость, Максим Дорофеич… Так, фантазии.

Беневоленский. Умная девушка не обратит внимания на красоту; для нее довольно, чтобы мужчина был умен, ну там… одет порядочно…

Анна Петровна. Непьющий…

Беневоленский. Конечно… А знаете ли вы, сударыня, я вам осмелюсь сказать, что в мужчине даже и это ничего. Как ты думаешь, Платон Маркыч, об этом?

Добротворский. Ничего, сударыня Анна Петровна, мужчине это не мешает. Был бы добрый человек.

Анна Петровна. Ну, как же, Платон Маркыч? Разве уж изредка, а то как же?

Беневоленский. В женщине это порок, я с вами согласен, а для мужчины даже составляет иногда необходимую потребность. Особенно, если деловой человек; должен же он иметь какое-нибудь развлечение. Разумеется, я сам первый осуждаю тех, которые имеют к этому большое пристрастие. *(Молчание.)* Так вот, сударыня я какое мнение имею насчет женитьбы. Впрочем, мне еще торопиться некуда, я могу выбрать невесту совершенно по моему желанию.

Добротворский. Куда вам торопиться, что вам за крайность.

Входит Марья Андреевна.

Явление двенадцатое

Те же и Марья Андреевна.

Анна Петровна. Дочь моя, Машенька! Максим Дорофеич Беневоленский!

Беневоленский. Очень приятно познакомиться. *(Подходит к руке, потом садится рядом очень развязно.)* Вы, я слышал, очень любите музыку?

Марья Андреевна. Иногда, от скуки, играю.

Анна Петровна. Неправда, неправда: все сидит за фортепьянами, никак не отгонишь. Что, бишь, ты, Маша, играешь-то так часто, я все позабываю?

Марья Андреевна. Право, не знаю — я много играю.

Анна Петровна. Нет, вот это, что ты еще нынче играла?

Марья Андреевна. Из «Роберта-Дьявола» — Grace.

Анна Петровна. Да, да. *(Тихо.)* Будь поразвязнее.

Беневоленский. Вообразите, я никогда не видал этой оперы; говорят, очень хорошая музыка. Как-то раз собрались компанией, да и то не попали.

Анна Петровна. Как же это?

Беневоленский. Очень просто. Мы прямо из присутствия зашли обедать в трактир, чтобы оттуда отправиться в театр. Ну, люди молодые, про театр-то и позабыли; так и просидели в трактире.

Марья Андреевна *(тихо)*. Это ужасно!

Беневоленский. Я сам тоже люблю музыку, но, к несчастию, я не играю ни на одном инструменте, да деловому человеку это и не нужно. Играл прежде на гитаре, да и то бросил — некогда, совершенно некогда.

Марья Андреевна *(про себя)*. О, господи!

Беневоленский. Вы, может быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читают; еще в пансионах начинают читать потихоньку от надзирательницы.

Марья Андреевна. Да, я читаю кой-что. А вы?

Беневоленский. Я совершенно отстал; прежде читал, а теперь, знаете ли, дела, так решительно ничего не читаю.

Анна Петровна. Что это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофеичу: у него и без того дела много, без этих глупостей.

Беневоленский. Что же нынче пишут, скажите?

Анна Петровна. Бог знает, что пишут, чего

никогда не бывает — одни фантазии.

Добротворский. Именно, сударыня, фантазии. Так, мечта.

Беневоленский. Вероятно, больше все про любовь пишут.

Анна Петровна. Какая любовь! Все глупости, никогда этого не бывает. Чайку, Максим Дорофеич, не угодно ли?

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю — я до него совсем не охотник.

Добротворский. Что, сударыня, за чай; не такие мы гости, чтоб чай пить. А вы велите-ка закусочку подать, так мы с Максимом Дорофеичем по рюмочке бы выпили.

Анна Петровна. Сейчас, батюшка, сейчас. Извините меня, я вас оставляю на минуточку. *(Уходит.)*

Явление тринадцатое

Те же, без Анны Петровны.

Беневоленский. Это ты недурно выдумал, Платон Маркыч. *(Вынимает часы. К Марье Андреевне.)* Я обыкновенно в это время водку пью, такую уж привычку сделал.

Добротворский. Хе, хе, хе! А то что за чай! Что мы, дети, что ль, маленькие!

Беневоленский. Ваша маменька об любви рассуждает, как старый человек; я им не хотел противоречить, потому что понимаю уважение к старшим. А я совсем противного мнения об любви; я сам имею сердце нежное, способное к любви; только у нас дел очень много: вы не поверите, нам подумать об этом некогда. *(Смотрит на нее нежно.)* Какие вы конфекты любите?

Марья Андреевна. Я никаких не люблю.

Беневоленский. Не может быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтоб я угадал ваш вкус. Позвольте мне привезти вам в следующий раз. Платон Маркыч, какие Марья Андревна конфекты любят, они не сказывают?

Добротворский. Не знаю-с; надо у маменьки спросить.

Беневоленский. А вот мы спросим.

Марья Андреевна. Пожалуйста, не беспокойтесь; я не хочу никаких конфект.

Беневоленский. Ну, уж как вам угодно, а я все-таки привезу. Позвольте вас попросить сыграть что-нибудь.

Марья Андреевна. Я, право, ничего не играю.

Беневоленский. Сделайте одолжение, я стану на коленях просить вас.

Марья Андреевна. Ах нет, зачем же! Извольте.

(Садится к фортепьянам, берет несколько аккордов и начинает играть.)

Входит Анна Петровна, за ней Дарья вносит закуску, ставит на стол и уходит.

Явление четырнадцатое

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Не угодно ли, Максим Дорофеич; пожалуйте, без церемонии.

Беневоленский. Не беспокойтесь.

Добротворский. С вас начинать. *(Наливает.)* Пожалуйте.

Беневоленский. *(Пьет, потом закусывает и, еще не прожевавши, подходит к фортепьянам и начинает подпевать. Марья Андреевна оборачивается и взглядывает на него вопросительно.)* Не в тон взял… Сделайте милость, продолжайте.

Анна Петровна. Играй, Машенька.

Добротворский. Марья Андревна отменно играют.

Беневоленский. Очень проворно. У меня был товарищ, он был регентом в певчих, так он на фортепьянах все, что вам угодно, самоучкой играл, по слуху; только проворства в пальцах нет; ну, вот что вы хотите, нет проворства.

Добротворский. Не повторить ли, Максим До-

рофеич? Как это говорится-то: репетиция…

Беневоленский. Est mater studiorum[4]. Да, это правда. Налей.

Добротворский *(наливает)*. Пожалуйте, готово-с.

Беневоленский *(пьет и закусывает)*. Прекрасный балык.

Анна Петровна. Уж не знаю, Максим Дорофеич, коли не обманул купец, так хорош. Везде все сама. Дело женское, сами знаете, долго ли обмануть? Без мужчины в этом деле никак нельзя. Как это без мужчины, посудите сами!

Добротворский *(отводит к стороне Беневоленского и говорит тихо)*. Ну, батюшка, Максим Дорофеич, как вам наша барышня показалась?

Беневоленский. Послушай ты, Платон Маркыч, довольно с тебя этого: я влюблен. Я деловой человек, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотник, но я тебе говорю: я влюблен. Кажется, этого довольно. *(Подходит к Марье Андреевне и опять подпевает.)*

Анна Петровна *(Добротворскому)*. Что он вам говорил?

Добротворский. Говорит: влюблен.

---

[4] Примечания: 4
…мать учения.

Анна Петровна. Что?

Добротворский. Влюблен, говорит.

Анна Петровна. Ну, и слава богу. Потчуйте его, отец мой, хорошенько.

Добротворский. Хорошо, сударыня, хорошо. Максим Дорофеич, винца не угодно ли?

Беневоленский. Налей.

Марья Андреевна *(перестает играть и остается на стуле)*. Я устала.

Беневоленский. Чувствительно вам благодарен. Вы прекрасно играете, главное — нигде не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сбиваются. *(Смотрит на часы.)* Извините меня, Анна Петровна, мне пора, у меня дела много, я ведь человек деловой. Позвольте мне выпить рюмку вина и проститься с вами. *(Подходит к столу и пьет.)* Ты со мной, что ли, Платон Маркыч?

Добротворский. G вами, Максим Дорофеич.

Беневоленский. Ну, поедем, я тебя довезу.

Анна Петровна. Да вы бы, Максим Дорофеич, закусили чего-нибудь.

Беневоленский. Нет-с, покорно благодарю. Я выпью еще рюмку вина и имею честь откланяться. *(Пьет и раскланивается, подходит к Марье Андреевне и целует руку.)* До приятного свидания! Вы мне, вероятно, позволите еще раз посетить

вас.

Анна Петровна. Сделайте милость, мы очень будем рады.

Беневоленский. А уж конфект привезу, непременно привезу. *(Уходит с Добротворским.)*

Анна Петровна. Какой человек-то, Машенька, чудо просто!

Марья Андреевна. Господи! Что это за мука! *(Убегает.)*

Анна Петровна. Машенька! Машенька! Куда ты? постой! Ну, вот теперь пода разговаривай с ней. Эко наказание!

Действие третье

Комната первого действия.

Явление первое

Анна Петровна входит в салопе, с большим ридикюлем; за ней Марья Андреевна.

Анна Петровна *(садится на стул подле двери).* Не забыть бы чего! Сначала в город… Ты все записала, что купить-то надо?

Марья Андреевна. Все, маменька.

Анна Петровна. Где, бишь, записочка-то? Постой! да, в ридикюле. Так сначала в город, потом в суд зайти, об деле справиться. Еще чего не надо ли?

Марья Андреевна. Нет, ничего. Ступайте, маменька, скорей, а то опоздаете.

Анна Петровна. Прощай, бог с тобой! *(Идет, потом возвращается.)* Скажи Дарье, чтобы без меня никого не принимать, особенно из молодежи: ты теперь невеста, за тебя женихи сватаются. Что хорошего, еще какой-нибудь разговор пойдет.

Марья Андреевна. Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорей.

Анна Петровна. Ну, прощай! Я скоро буду. *(Уходит.)*

Явление второе

Марья Андреевна *(одна)*. Насилу-то ушла. А уж я боялась, что Владимир придет при ней… Знает ли Владимир, с каким нетерпением я жду его?.. *(Садится к столу.)* Я только теперь узнала, какое блаженство любить и быть любимой!.. Что же это он нейдет?.. Я измучаюсь от нетерпения… Однако хорошо ли я сделала, что велела ему сегодня притти?.. Мы будем одни… *(Молчание.)* Если б можно было знать будущее, как бы я желала узнать, чем кончится наша любовь. А впрочем, что мне за дело, чем это кончится — мне теперь хорошо: я люблю его, он меня любит, а там будь что будет. Кто-то идет! Не он ли? *(Бежит к двери.)*

Милашин входит.

Явление третье

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Вы зачем?

Милашин. Как зачем? Я к вам пришел.

Марья Андреевна. Маменьки нет дома; она не велела никого принимать без себя.

Милашин. Полноте шутить-то!

Марья Андреевна. Я совсем не шучу! Право, маменька не велела никого пускать.

Милашин. Ну, я вашей маменьки не послушаюсь… Но, может быть, вам самим не угодно, чтобы я здесь оставался?

Марья Андреевна. Ну, а если мне не угодно?

Милашин. В таком случае я уйду.

Марья Андреевна. Ну, и прощайте!

Милашин. Прощайте! Однако позвольте мне по крайней мере узнать, отчего вы меня гоните?

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Ну, да так, из капризу. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

Милашин. Как же я смею не исполнить!

Марья Андреевна. Так ступайте!

Милашин. Я пойду, что вы беспокоитесь.

Марья Андреевна. А сами ни с места.

Милашин. Да ведь это странно: вдруг, ни с того ни с сего, вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это ведь досадно!

Марья Андреевна. Ну, оставайтесь, пожалуй; я уйду в свою комнату, а вы сидите здесь одни. *(Молчание.)* Так вы не уйдете?

Милашин. Уйду-с… Я ведь к вам нынче за делом пришел.

Марья Андреевна сидит, отвернувшись к окну.

Вы меня не слушаете, а это дело касается вас.

Марья Андреевна. Что еще такое?

Милашин. Я хотел вам открыть глаза насчет одного человека.

Марья Андреевна. То есть вы сплетничать пришли. Так это можно сделать в другой раз, когда-нибудь на досуге.

Милашин. Нет, не сплетничать, а я хотел только предостеречь вас.

Марья Андреевна. В другой раз, Иван Иваныч, пожалуйста, в другой раз! Ужо приходите.

Милашин. Да ведь только десять слов, Марья Андреена. Я узнал про одного человека очень хорошие вещи.

Марья Андреевна *(в сторону)*. Это наказание! *(Милашину.)* Про кого же?

Милашин. Про Мерича…

Марья Андреевна. Не рассказывайте мне, пожалуйста, я все знаю. *(В сторону.)* Мерзавец, выдумал что-нибудь про него.

Милашин. И прекрасно, что вы знаете; мне только этого и хотелось. Каков! Каким прикидывается!

Марья Андреевна. Да, да, ужасный человек!

Милашин. Ничего нет ужасного. Просто сме-

шон! Мальчишка! Над всеми его шутками смеяться нужно.

Марья Андреевна. Ну, да, смешон! Иван Иваныч, вы меня любите?

Милашин. Люблю, Марья Андревна, ей-богу, люблю!

Марья Андреевна. Сделайте для меня одно одолжение.

Милашин. Все, что вам угодно; я для вас готов жизнью пожертвовать.

Марья Андреевна. Должно быть, на словах только? Я целый час прошу вас уйти, а вы все ни с места.

Милашин. Сейчас, сейчас! *(Берет шляпу.)* Прощайте! *(Идет, потом возвращается.)* Марья Андревна! Умоляю вас, скажите, зачем вам хочется одной остаться?

Марья Андреевна. Иван Иваныч, мы поссоримся!

Милашин. Виноват, виноват! *(Несколько времени стоит.)* Позвольте вашу ручку поцеловать на прощанье.

Марья Андреевна. С удовольствием!

Милашин целует, потом уходит.

Явление четвертое

Марья Андреевна *(одна)*. Наконец-то ушел. Бедный Владимир! Какой-нибудь Милашин смеет рассказывать про него, рассуждать об его поступках… Это ужасно! Он, бедный, нигде не находит сочувствия. Оттого, что он выше всех стоит, ему душно в этом обществе, — ему все завидуют. Я так его люблю в эту минуту, что, кажется, всем бы для него пожертвовала. *(Задумывается.)* Однако что же он нейдет? *(Садится у окна и смотрит.)* Это, кажется, он! Брошусь ему на шею прямо, ни об чем не думая! *(Отходит на середину комнаты.)*

Входит Мерич. Она робко подходят к нему.

Явление пятое

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна. Как я рада! Как я ждала тебя, Владимир!

Мерич. Мы одни?

Марья Андреевна. Одни.

Мерич целует ее.

Ах, сколько передумала я, перечувствовала со вчерашнего дня — ты не поверишь. Мне хочется пересказать тебе это поскорей, поскорей — я

боюсь забыть.

Мерич. Что же такое ты перечувствовала?

Марья Андреевна. Ты, может быть, будешь смеяться — смейся, пожалуй. Пойдем сядем к окну, оттуда видно будет, как маменька пойдет.

Мерич. А ты меня поцелуешь еще разик?

Марья Андреевна. Хоть десять раз, только поговорим немножко о моем положении.

Мерич. Ну, поговорим. Что же ты мне будешь рассказывать?

Марья Андреевна. Я тебе хотела много, много сказать. Вчерашнее наше свидание так было коротко, так много я думала о тебе вчера вечером, ночью, нынче поутру… а теперь я так взволнована: мне кажется, я уж рее позабыла.

Мерич. Ну и хорошо, что позабыла.

Марья Андреевна. Ах, вообрази, Владимир! Вчера вдруг явился какой-то урод, говорил об музыке, об Литературе, хотел мне конфект привезть. Каково было мое положение! Препротивный! Маменька за ним ухаживает… Да ты меня не слушаешь!..

Мерич. Я гляжу на твои глазки. Какие они у тебя хорошенькие. Так и хочется поцеловать. Я помню другие такие глазки… Она умерла… Бедная женщина! Ну, да что толковать о прошедшем:

будем пользоваться настоящим. Ах, Мери, много я пережил… Я боюсь, хватит ли у меня сил, чтоб отвечать твоей детской любви. Если б я встретил тебя, Мери, года два тому назад!..

Марья Андреевна. Да ты выслушай, ради бога.

Мерич. Хорошо, хорошо — слушаю.

Марья Андреевна. Приехал этот Беневоленский. Он груб, необразован — просто ужас!

Мерич. Мери! Ведь это скучная материя. Зачем нам на эти пустяки терять драгоценное время?

Марья Андреевна. Да как же мне быть с этим Беневоленским? Я просто его боюсь.

Мерич. Стоит об этом думать! Тебе что за дело до этого Беневоленского?

Марья Андреевна. А маменька-то? Как же мне быть с маменькой-то? Ах, Владимир, ты многого не знаешь и не хочешь слушать.

Мерич. Что мне знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь; а если ты меня любишь, то я не думаю, чтоб ты пошла за Беневоленского.

Марья Андреевна. Но все-таки я в очень неловком положении. Посоветуй, что мне делать.

Мерич целует ее в плечо.

Ах, Владимир, кабы ты знал, как мне тяжело, а ты все с нежностями!

Мерич. Ах, боже мой, Мери, я люблю тебя! Я рад

случаю, что застал тебя одну, а ты мне рассказываешь про маменьку, про женихов каких-то; да какое мне дело до них? *(Целует опять в плечо.)*

Марья Андреевна *(уклоняется от него)*. Тебе, кажется, и до меня нет никакого дела, потому что ты не хочешь войти в мое положение. Бог с тобой!

Мерич. Ты сердишься… И это любовь!

Марья Андреевна. А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? *(Плачет.)*

Мерич. Вот и слезы! Раненько! *(Садится на стул.)* Впрочем, я так и думал! Это уж обыкновенная история! Вот любовь-то ваша! Сначала признания, страстность, а потом — либо папенька, либо маменька, или там жених какой-нибудь. *(Молчание.)*

Марья Андреевна. Владимир! Ты сердишься?

Мерич. Нет, я уж привык к этому. И тебе не жаль меня, Мери? Я уж и так измучен жизнью, а ты мне не хочешь доставить ни одной минуты неотравленного удовольствия.

Марья Андреевна. Не сердись, Владимир… Помиримся. *(Целует его.)* Мало тебе этого?

Мерич. Очень мало.

Марья Андреевна целует его еще несколько раз.

Смелей, Мери, смелей! Вот теперь я вижу, что

ты умная девушка. Ах, Мери, я вспомнил одну женщину: вот это была любовь!

Марья Андреевна. Зачем же ты мне это говоришь? Ты думаешь, мне это приятно слышать?

Мерич. Что ж это? Ревность! Ты разве ревнива? Я очень люблю дразнить ревнивых женщин.

Марья Андреевна. Нет, это не ревность, а мне обидно, что ты говоришь о других женщинах в то время, когда я к тебе ласкаюсь. Ты и про меня также станешь рассказывать…

Мерич. За кого же ты меня принимаешь! Нет, Мери, мне уж некого больше любить. Поцелуй меня, Мери!

Марья Андреевна. Довольно, Владимир, довольно. Лучше поговорим о чем-нибудь.

Мерич *(садится рядом с ней и обнимает ее)*. О чем говорить, о чем говорить?

Марья Андреевна *(проворно взглядывает в окно)*. Ах! Маменька!..

Мерич *(вставая со стула)*. В самом деле?

Марья Андреевна *(смеется)*. Нет, я нарочно, только чтобы ты сел подальше. В самом деле, Владимир, сядь подальше да поговорим. Мне так хочется поговорить с тобой.

Мерич *(рассеянно)*. В следующий раз я тебе принесу свой дневник, мы его почитаем вместе,

а теперь, знаешь ли что? Пойдем в сад.

Марья Андреевна. Как можно! Того и гляди, маменька придет.

Мерич. А скоро она придет?

Марья Андреевна. Я думаю, скоро.

Мерич. Так прощай.

Марья Андреевна. Тебе уж скучно стало, не правда ли? Тебе скучно? Какой ты, Владимир! Кабы ты знал, с каким нетерпением я ждала тебя! Какое мне наслаждение тебя видеть! А ты десяти минут не хочешь посидеть со мной.

Мерич. Я боюсь, что Анна Петровна меня здесь застанет; тебе же будут неприятности.

Марья Андреевна. Ну что ж, она побранит меня, да и все тут.

Мерич. Ведь и мне тоже достанется. А впрочем, у меня есть дело необходимое: я, пожалуй, минут десять побуду, а больше нельзя. *(Садится подле нее.)* Я готов всю жизнь сидеть с тобой и любоваться на тебя.

Марья Андреевна. Ты, кажется, опять близко ко мне.

Мерич. Какие вы все странные: уйди от вас — вы сердитесь; очень близко к вам — вам тоже неприятно. Выбирай из двух: или уйти, или сидеть подле тебя.

Марья Андреевна. Останься, только с уговором: посиди подольше.

Мерич. Изволь, изволь. *(Обнимает ее. Сидят несколько времени молча)*. Погоди, мой друг Мери, придет время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдешь за меня?

Марья Андреевна. Зачем же ты спрашиваешь?

Мерич. А может быть, тебя не отдадут за меня?

Марья Андреевна. Вот вздор какой!

Мерич. Впрочем, мне надобно устроить кой-какие дела свои — и тогда, Мери, тогда… мы с тобой заживем славно.

Марья Андреевна. Да только сбудется ли это?

Мерич. Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какие обстоятельства… Не отдадут тебя — я увезу.

Марья Андреевна. Маменька идет!

Мерич. Куда ж мне теперь деться! Ведь я ей навстречу попадусь. Мне бы этого не хотелось.

Марья Андреевна. Ступай через сад.

Мерич. Прощай. *(Целует ее.)*

Марья Андреевна. Прощай! Когда же?

Мерич. Скоро, скоро.

Марья Андреевна. Приходи поскорей!

Мерич уходит.

Явление шестое

Марья Андреевна *(одна, садится за работу)*. Боже мой, как я счастлива! Я не могу опомниться!.. Теперь для меня не страшна жизнь. Что б ни делалось вокруг меня — у меня есть надежда, *(видит задумавшись.)*

Входят Добротворский и Анна Петровна, Дарья снимает с нее салоп и уходит.

Явление седьмое

Марья Андреевна, Добротворский и Анна Петровна.

Анна Петровна *(садится)*. Что же нам теперь делать-то, Платон Маркыч?

Добротворский. Что делать-то, сударыня — божья воля! В отчаяние только приходить не надо.

Анна Петровна. Куда я теперь денусь с дочерью-то? Посудите, Платон Маркыч! Что я знаю, что я умею? Уж и до этого-то горя я не знала, что делать, а теперь вовсе дура сделалась. Посоветуйте.

Марья Андреевна. Что такое, маменька, сделалось?

Анна Петровна. А то, что вот мы с тобой нищие

теперь. Дело-то наше проиграно, дом-то отнимут, да еще взыскание положено.

Марья Андреевна. Ах, какое несчастье!

Анна Петровна. Что делать-то, Платон Маркыч? Посоветуйте.

Добротворский. Что я вам могу, сударыня, посоветовать? Ничего не могу. Вот хоть теперича прикажите меня казнить — ничего не выдумаю, постарелся, поглупел. Делец был, Анна Петровна!.. Что ж делать-то?.. Вот уж и оглох совсем…

Анна Петровна. Да вы все-таки мужчина, а я и ума не приложу; женщина я слабая, сырая да и памяти совсем нет.

Добротворский. Какой уж я мужчина! Эх, эх! Вот так-то и всегда бывает: не ждали, не чаяли, а тут вдруг этакое несчастие. Ах ты, господи, боже мой! *(Качает головой.)*

Анна Петровна. Эко горе-то, Платон Маркыч, мне на старости лет-то! Одна-то-одинешенька, без мужчины… Вон еще обуза-то: не знаю, как с рук сбыть.

Добротворский. Точно, сударыня, точно… Уж что говорить.

Анна Петровна. Да уж горюй не горюй — этим не поможешь.

Добротворский. Не поможешь.

Анна Петровна. Хлопотать надо как-нибудь; говорят, в сенат надо жалобу подавать.

Добротворский. Надо, сударыня, непременно надо; как же можно не хлопотать…

Анна Петровна. Знакомых-то у меня нет, попросить-то некого.

Добротворский. Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станет! Попросить, так надо денег дать.

Анна Петровна. Поищите, Платон Маркыч, нет ли у вас кого из знакомых, чтобы делами-то занимался.

Добротворский. Да уж кроме Максима Дорофеича, некого просить.

Анна Петровна. Вот и прекрасно! Он вчера с вами говорил что-нибудь, как от нас-то поехал?

Добротворский. Как же, говорил-с. Он говорит: коли отдадут Марью Андревну, так я хлопотать стану. Это дело еще можно исправить. Мне, говорит, Марья Андревна очень нравится; мне, говорит, лучше и не надо; узнай, как их расположение, а я, говорит, хоть сейчас готов.

Анна Петровна. Что ж вы до сих пор молчали?

Добротворский. Извините, сударыня, совсем из ума вон, а теперь вот к слову пришлось, и сказал.

Анна Петровна. Слышишь, Машенька!

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Ты Максиму Дорофеичу очень понравилась.

Марья Андреевна. Очень рада.

Анна Петровна. Ну, и слава богу, что рада; он предложение делает.

Марья Андреевна. Ни за что на свете!

Анна Петровна. Ты никак с ума сошла, как я погляжу на тебя. Разве ты не видишь, что нам теперь больше делать нечего; не по миру же нам итти.

Марья Андреевна. Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленского, я про него и слышать не хочу.

Анна Петровна. Что ты! Что ты! Ты опомнись — ведь не десятки женихов-то у тебя, выбирать-то не из кого; не сотни тысяч за тобой, чтоб такими женихами брезгать: такого-то жениха нам с тобою и не дождаться.

Марья Андреевна. Ради бога, маменька, не говорите мне про Беневоленского.

Анна Петровна. Ты дура совсем, я вижу. Да что с ней толковать, у нее еще все ветер в голове; она и сама не знает, что говорит… Неужто ее глупости слушать? Скажите, Платон Маркыч,

Максиму Дорофеичу, что мы очень рады, чтобы он формальное предложение сделал.

Добротворский. Хорошо, сударыня, нынче же скажу.

Марья Андреевна *(быстро встает со стула)*. Что вы делаете! Платон Маркыч, не ходите к Беневоленскому! Он мне не нравится, он мне противен!.. Я не пойду за него ни за какие сокровища!

Анна Петровна. Что вы ее слушаете, все вздор болтает! Я уж и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Делайте, как я вам говорю, что ее слушать; она еще одумается двадцать раз.

Марья Андреевна. Я не стану ничего говорить; делайте, что хотите, только я не пойду за Беневоленского.

Анна Петровна. Ты не пойдешь?

Марья Андреевна. Не пойду.

Анна Петровна. А мне кажется, что это только каприз у тебя; только, чтоб матери напротив что-нибудь сделать. Тебе меня только расстроить хочется. А ты пожалей меня на старости лет; ты видишь, я и так насилу ноги таскаю. Я женщина сырая, а тут этакой удар — последнее состояние отнимают! Вот, говорят, в сенат надо жалобу подать, а кто напишет-то… Мы, что ли, с тобой? Так

мы и аза в глаза не знаем. Коли Максим Дорофеич не возьмется, так ведь мы нищие будем, понимаешь ли ты это? А что ему за радость браться за дело, коли ты от него свою физиономию-то отворачиваешь. Коли ты об себе-то не хочешь подумать, так ты хоть мать-то пожалей. Куда я денусь, на старости лет — я женщина слабая, сырая, уж и теперь насилу ноги таскаю. В кухарки мне, что ли, итти?

Марья Андреевна. Господи! Что ж мне делать!

Анна Петровна. Матери послушайся.

Добротворский. Маменьки надо послушаться, матушка барышня.

Марья Андреевна. Нет, что хотите со мною делайте, я не могу!

Добротворский. Переломите себя как-нибудь.

Марья Андреевна. Не могу, не могу, не могу!..

Анна Петровна. Оставьте ее, Платон Маркыч! Бог с ней!.. Каково мне, Платон Маркыч, это видеть, матери-то, старухе-то! *(Плачет.)* Батюшки! Где платок-то! Так и есть — потеряла в городе, еще и с деньгами… Одно к одному. А! Да гори все прахом — ничего мне не нужно, коля уж дочь родная об моем горе и подумать не хочет. Живи, как знаешь, бог с тобой! Вот вырастила на свою голову!..

Марья Андреевна. Маменька, что вы говорите! За что вы меня терзаете!..

Анна Петровна. А ты слушайся матери! Ты думаешь, мне легко с тобой разговаривать… Иногда что и скажешь… У меня сердце слабое, женское.

Марья Андреевна. Маменька! Он мне очень не нравится. Я все для вас готова, все, что вам угодно, только не принуждайте меня замуж итти; я не хочу замуж. Я не пойду ни за кого.

Анна Петровна. Скажите, пожалуйста, Платон Маркыч, она совсем сумасшедшая! Ведь ты не понимаешь, что говоришь! Ну, можно ли этакую вещь сказать: не пойду замуж! Это все только фантазии. Очень интересно быть старой девкой! А мне-то что ж, в богадельню, что ль, итти! Во-первых, ты, коли любишь мать, должна выйти замуж, а во-вторых, потому что так нужно. Что такое незамужняя женщина? Ничего! Что она значит? Уж и вдовье-то дело плохо, а девичье-то уж и совсем нехорошо! Женщина должна жить с мужем, хозяйничать, воспитывать детей, а ты что ж будешь делать-то старой девкой? Чулок вязать! Подумала ли ты об этом?

Марья Андреевна. Нет, маменька, я об этом не думала.

Анна Петровна. Ну, поди сюда, сядь подле ме-

ня! Поговорим с тобой хорошенько. Я сердиться не буду.

Марья Андреевна садится подле нее.

Выслушай ты меня хладнокровно. Я ведь знаю, у вас один разговор: по любви выйти замуж. Влюбляются-то, Машенька, только те, которым жениться нельзя, либо рано, потому что еще в курточках ходят, либо нечем жить с женой; так вот они и влюбляются. Порядочный человек не станет вам в любви открываться да влюбления-то свои высказывать, а просто придет к матери да скажет: «Мне ваша дочка нравится», да и тебе-то тоже прямо, без разных там фарсов дурацких: «Сударыня, маменька ваша согласны, вы мне нравитесь, угодно вам меня осчастливить?» И все это честно и благородно. Вот как это бывает, Машенька. Ты вот с Беневоленским и десяти слов не сказала, а уж и слышать про него не хочешь. А будет ездить, познакомишься, может быть и увидишь, что хороший человек. Ведь вертопрахи-то ваши только мастера разговаривать, а что от них толку — только слава дурная.

Добротворский. Это правда, сударыня.

Молчание.

Анна Петровна. Машенька, потешь ты меня на старости лет, послушайся матери.

Марья Андреевна *(встает)*. Маменька! Я не могу теперь итти ни за Беневоленского, ни за кого. Сделайте милость — не принуждайте меня. Я одного у вас прошу: не говорите мне про замужество, подождите немного. Ради бога, дайте мне пожить на свободе.

Анна Петровна. Эка невидаль девичье житье! Жаль расставаться!

Марья Андреевна. Пусть Беневоленский к нам ездит, я буду с ним ласкова, все что вам угодно; только пусть он подождет… Ну, месяц, один месяц. Я посмотрю на него хорошенько, узнаю его. Согласны?

Анна Петровна *(целует Марью Андреевну)*. Ну, что с тобой делать, так и быть. Что, утешилась теперь? Вот ведь ты какая глупая!

Марья Андреевна уходит.

Что делать-то, Платон Маркыч! Скажите Максиму Дорофеичу, что я очень рада, но чтоб он месяц погодил делать предложение… Да и об деле-то попросите.

Добротворский. Очень хорошо-с.

Хорькова входит.

Явление восьмое

Те же и Хорькова.

Хорькова. Покорно благодарю, матушка Анна Петровна, покорно благодарю! Одолжили, нечего сказать!

Анна Петровна. Что такое? Что я вам сделала?

Хорькова. Я хоть необразованная женщина, а над собой смеяться не позволю. Вы тогда меня обнадежили. Я, разумеется, прихожу домой, говорю: «Миша, друг мой, Анна Петровна согласна; открой, говорю, друг мой, свои мысли Марье Андревне», — а та ему напрямки отказала! Приходит такой расстроенный. «Нет, говорит, мне, маменька, счастия в моей жизни; вы, говорит, меня обманули». — «Я, говорю, мой друг, никогда обманщицей не была, а если нами пренебрегают, так нечего тебе, говорю, беспокоиться — ты, с твоим образованием, всегда найдешь себе невесту не хуже Марьи Андреевны… А уж я не утерплю, пусть меня ругают, я все-таки пойду отчитаю Анне Петровне».

Анна Петровна. Что ж делать-то мне? Ее воля, я ее принуждать не могу.

Хорькова. Это, Анна Петровна, просто насмешка; я так это за насмешку и принимаю.

Анна Петровна. Да помилуйте, матушка, какая же это насмешка?

Хорькова. Насмешка, насмешка! Вам просто хотелось из меня перед сыном дуру сделать. Я хоть и необразованная женщина, а понимаю…

Анна Петровна. Что вы тут понимаете! Нечего вам тут понимать-то.

Хорькова. Ну, уж не говорите, пожалуйста… Знаем мы кой-что. У вас теперь какой-то богатый жених на примете, так вы другими-то и брезгуете. Только вы поторопитесь, Анна Петровна, я вам советую, а то чтобы разговору какого не было.

Анна Петровна. Какого разговору? Что вы, ссориться, что ли, со мной пришли, Арина Егоровна?

Хорькова. Уж там, матушка, как хотите, принимайте: я сама вами кругом обижена. Что я не знаю, про то говорить не стану, а что знаю, про то напрямки отпечатаю. Люди ложь, и мы то ж.

Анна Петровна. Язык-то без костей, говорить все можно, только слушать-то нечего.

Хорькова. Слушай не слушай, как кому угодно, а уж коли говорят, так, значит, что-нибудь есть.

Анна Петровна. Кто говорит и что говорит? Кому нужно про меня говорить что-нибудь?

Хорькова. Не про вас и речь, а про Марью Ан-

древну; а то горда уж очень она у вас, вот теперь гордости-то поубудет. Нам-то отказали, а этот-то ваш богатый жених как бы сам не отказался, коли прослышит что-нибудь.

Анна Петровна. Да что вы, Арина Егоровна, рехнулись, должно быть! Да кто же смеет что-нибудь сказать про мою Машеньку?

Хорькова. Ах, матушка, никому рта не зажмешь; всякий волен говорить, на то язык дан.

Анна Петровна. Что ж это такое! Вот послушайте, Платон Маркыч, еще тут сплетни какие-то распустили про Машеньку! На что это похоже!

Добротворский. На всякое чиханье, сударыня, не наздравствуешься. Слушать-то не приходится.

Анна Петровна *(Добротворскому)*. Да что же, можно сказать про мою Машеньку, скажите на милость.

Хорькова. Уж известно что! Зачем к вам Мерич каждый день ходит? Ведь соседи видят — скрыть нельзя. И при вас и без вас бывает. Вы-то, может быть, еще и сами всего не знаете. Я необразованная женщина, да не позволила бы этого своей дочери. Мне сын говорит, что его ни в один порядочный дом не пускают за его пошлости. Своими глазами видела, как он от вас из саду крадется, точно вор какой.

Анна Петровна. Что же это, господи! Вот что значит без мужчины-то в доме — всякий и сочиняет, что ему в голову придет. Вот дело-то женское какое. Пожалейте вы меня, Арина Егоровна! Я женщина слабая, сырая, что вы меня расстраиваете, как вам не грех!

Хорькова. Снявши-то голову, по волосам не плачут. Сами виноваты, что допустили до этого. Теперь вот ищите-ка женихов: не всякий-то польстится. Хоть бы вы и согласны были, а уж я теперь своему Мише не позволю. Нет, покорно вас благодарю!

Анна Петровна. Да мы ни в Мише, ни в вас не нуждаемся! Эка важная партия! Невидаль какая! Вам бы только сплетничать!..

Хорькова *(встает)*. Да уж, матушка, не взыщите; что слышала, того от других не потаю.

Анна Петровна. Где утаить! Еще своего прибавите. Вы уж обрадовались, что вам случай есть. От вас только этого и ждать можно.

Хорькова. Я сама от вас, кроме обиды да насмешки, ничего не видала. Только вот не могла вытерпеть, чтобы не выговорить вам за Мишу, а то бы и нога моя в вашем доме не была. А Мише я и думать не позволю о вашей дочери: с его умом и образованием мы и почище найдем. *(Уходит.)*

Явление девятое

Те же без Хорьковой.

Анна Петровна. Что ж это такое? Платон Маркыч, посудите вы сами. Опомниться-то ведь я не успела, а то бы уж я напела ей. Ведь теперь, чего доброго, расславит везде… погубит она мою голову! Вот как без мужчины-то, Платон Маркыч! И туды и сюды — все сама, да еще и за дочерью смотри; отлучиться из дому нельзя, а я женщина сырая. Маша! Маша! Дарья! Дарья!

Входит Дарья.

Что ты, оглохла, что ли? Не докличешься тебя!.. Позови барышню,

Дарья. У меня ведь не одно дело-то; сложа руки не сижу. *(Уходит.)*

Анна Петровна. Ох, измаялась я нынче день-то, а тут еще напасть этакая. И руки и ноги дрожат. Что ж это Маша со мной делает! Чувствую, что слабая мать. Поддержите меня, Платон Маркыч!

Входит Марья Андреевна.

Явление десятое

Те же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Вы меня кликали, мамень-

ка?

Анна Петровна. Что ты, в гроб, что ли, хочешь меня вогнать прежде времени! Что ты еще затеяла!..

Марья Андреевна. Что такое?

Анна Петровна. Был здесь Мерич без меня? *(Молчание.)* Что ж ты молчишь?

Марья Андреевна. Был не надолго. Я ему сказала, что вас дома нет, он и ушел.

Анна Петровна. Не обманывай ты меня; что у тебя с ним за шашни? Говори!

Марья Андреевна. Да какие шашни, кто вам сказал, маменька?

Анна Петровна. Кто сказал? Все говорят. Мне теперь глаза показать никуда нельзя. Сейчас Хорькова приходила — уж и она знает. Чтоб его у нас и духу не было, я его и пускать не велю. Слышишь, сударыня?

Марья Андреевна. Нет, маменька, этого нельзя.

Анна Петровна. Отчего это нельзя? Что с ним церемониться, что ли? Не велик барин! Прогоню, да и все тут. Тебе надо замуж итти, а с этими-то разговорами не скоро жениха сыщешь. Осрамила ты меня совсем. Или сейчас же Максиму Дорофеичу надо слово дать, или завтра же скажу Меричу,

чтоб он и глаз к нам не показывал.

Марья Андреевна. Не делайте этого, ради бога. Я вас умоляю, маменька. Как это можно!

Анна Петровна. Так ступай замуж.

Марья Андреевна. Маменька, дайте мне подумать. Я совершенно растерялась, у меня голова кругом идет. Дайте мне подумать.

Анна Петровна. Об чем тут думать! Надо сейчас что-нибудь делать, а то услышит Максим Дорофеич эти сплетни, пожалуй откажется. Что ты тогда с моей головой сделаешь? Какой тогда срам-то будет! Завтра надо сказать Максиму Дорофеичу, что мы согласны.

Марья Андреевна. Нет, маменька, это выше сил моих!

Анна Петровна. Ну, так живи, как знаешь! Мне теперь до тебя и дела нет. Я тебя растила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня ни ночи покою себе не имею, а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякого, прости господи! Я теперь слова тебе не скажу, повесничай с кем хочешь! Ты мать позабыла, ты для матери ничего не хочешь сделать; авось, добрые люди найдутся, не оставят старуху. Пойдемте, Платон Маркыч, ко мне в комнату. *(Встает и идет.)* Видно, уж мне, старухе, век горе мыкать.

Марья Андреевна *(за ней)*. Маменька!..

Анна Петровна. Ты не ходи за мной! Я теперь тебя и видеть не хочу. *(Уходит.)*

Явление одиннадцатое

Марья Андреевна и Добротворский.

Марья Андреевна *(садится на стул и закрывает лицо платком. Добротворский стоит против нее.)* Это мученье!

Добротворский. Что, побранила вас маменька-то! Ну, ничего! Не плачьте, барышня! Помиритесь как-нибудь.

Марья Андреевна. Ах, Платон Маркыч! Быть может, маменька и права, но она требует от меня невозможного.

Добротворский. Отчего ж, матушка барышня, невозможно? Ей-богу, возможно! Утешьте старуху. Ведь уж лучше Максима Дорофеича жениха не найти вам.

Марья Андреевна. Послушайте, Платон Маркыч — вы человек добрый, я с вами буду говорить откровенно. Я люблю другого; он хорош, умен, образован; посудите сами, как же мне променять его на Беневоленского.

Добротворский. Да он молодой человек, барышня?

Марья Андреевна. Очень молодой…

Добротворский. Свистуны ведь они, матушка, никакой основательности нет. Не верьте вы им. Нынче любит, а завтра разлюбит. Им потеха, а бедные девушки плачут.

Марья Андреевна. Я не знаю, разлюбит он меня или нет, только я его люблю.

Добротворский. Матушка барышня, я вас еще вот какую знал: ребенок были, несмысленочек, на руках носил. Ваш папенька покойник мне благодетель, в люди меня вывел, я прежде очень маленький человек был. Как умирал покойник, — ты, говорит, Платон, жену с дочерью не оставь! Слушаю, говорю, батюшка Андрей Петрович, служить буду, пока сил хватит. Я вас, барышня, больше родной люблю, так горько мне будет, как вертопрах какой-нибудь посмеется над вами. Плюньте вы на них! А ведь и то сказать, барышня, вы лучше нас знаете, мы люди старые, из ума выжили! Советовать не смею, рассудите сами. Вот на старости лет для вас, сударыня, за сватовство принялся. Нашел человека, кажется, хорош, а ведь бог его знает, где мне разобрать, посмотрите сами; как бы греха на душу не взять. А все мой совет — лучше маменьки послушаться, меньше греха будет.

Марья Андреевна. Платон Маркыч, помирите меня с маменькой, она вас любит.

Добротворский. Не беспокойтесь, матушка, помирю, об этом не беспокойтесь.

Марья Андреевна. Подите скажите ей, что я через три дня ей дам ответ. Мне нужно подумать, поговорить с ним, он обещал жениться на мне.

Добротворский. Хорошо, барышня. Сейчас прикажете к маменьке сходить?

Марья Андреевна. Да, пожалуйста, сейчас. Мне всегда тяжело, когда она сердится, за дело ли, не за дело ли.

Добротворский. Как же, матушка, не тяжело — ведь мать. Хорошо-с. *(Уходит.)*

Явление двенадцатое

Марья Андреевна одна и потом Дарья.

Марья Андреевна. Что мне делать, я решительно не знаю! Я чувствую, что дурно делаю, что ссорюсь с маменькой, но итти за Беневоленского я не могу — я люблю Владимира. Да если б я и решилась пожертвовать собой, я теперь не имею права. За что же я обману бедного Владимира: он так меня любит.

Дарья *(входит)*. О! чтоб вас!.. Вечно все растеряет! *(Берет платок Анны Петровны.)*

Марья Андреевна. Даша, что маменька делает?

Дарья. Разговаривает с Платоном Маркычем.

Марья Андреевна. Сердита она?

Дарья. Приступу нет! *(Уходит.)*

Марья Андреевна. Жаль мне маменьку, ей-богу жаль! Если б я не наделала глупостей, я бы теперь с ней поговорила откровенно, что Беневоленский мне не нравится, а теперь не могу, — теперь мне одно средство: поговорить с Владимиром, потом скажем маменьке — и не об чем думать. Ах, дура, да об чем же я плачу? Человек говорит мне прямо, что он женится на мне, а я плачу да выдумываю разные несчастия. *(Смеется, потом задумывается.)* А если нет? Если нет? Что ж тогда? Впрочем, какое же я имею право так дурно думать о нем: я его еще не знаю. Да что это, господи! Что я говорю! Я помешалась совсем. Другая бы на моем месте прыгала от радости, а мне всякий вздор в голову лезет. Нет, нет, не хочу ни об чем думать! Владимир на мне женится. О, кабы мне его увидать поскорей!

Входит Добротворский.

Явление тринадцатое

Марья Андреевна и Добротворский.

Добротворский. Пожалуйте к маменьке, барышня. Я ее уговорил немножко. Не бойтесь ничего, теперь браниться не станет, поговорить хочет. Пусть, говорит, она увидит, что мать ей зла не желает. Вот сейчас и поговорим все вместе, авось, барышня, как-нибудь и уладим. *(Уходит.)*

Действие четвертое

Комната первого действия.

Явление первое

Марья Андреевна *(одна).* Вот уж третий день его нет. Что это значит? Третий день ужасных мучений! Он, должно быть, нездоров! Что, если он и нынче не придет, я, кажется, сойду с ума. Как незаметно подкралось ко мне это горе. Неделю тому назад я была весела и ни об чем не думала. Я так и жду, что приедет Беневоленский и сделает предложение. Что я буду делать? Маменька так уверена во мне, так меня любит!.. Теперь ее спокойствие зависит от меня. Неужели у меня хватит сил противиться ей.

Дарья входит.

Явление второе

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья. О, чтоб!.. Вот везде одна, поспевай тут… Что это вы, барышня, какие скучные?

Марья Андреевна. С чего же мне веселой-то

быть. Погадай-ка мне, Даша, на картах.

Дарья. Извольте, барышня, сейчас разложу. *(Раскидывает карты.)*

Марья Андреевна. Что, Даша, выходит что-нибудь? Чай, все вздор.

Дарья. Нет, матушка, не говорите этого. Вот недавно куме Аксинье гадала: все винновый туз выходит. Смотри, говорю, будет тебе горе какое-нибудь. Что ж, барышня, так и есть: шубку новенькую украли, с иголочки. *(Разводит руками.)* При своем антиресе от треф!.. в собственном доме… исполнение желания… бубновый король марьяжный…

Марья Андреевна. Кто же это бубновый король?

Дарья. Уж, известно, Владимир Васильевич, кому ж быть!

Входит Анна Петровна.

Явление третье

Те жен Анна Петровна.

Анна Петровна. Что это вы, никак гадаете? Погадай-ка, Дарья, и мне.

Дарья. Извольте, матушка, сейчас.

Анна Петровна. На какую, бишь, я даму-то гадаю? Не помнишь ли, Машенька?

Дарья. Я вас червонной, матушка, положу. Ах, барышня, почтальон идет. *(Идет за письмом.)*

Марья Андреевна. От кого это? Боже мой, как у меня сердце забилось!

Дарья возвращается с письмом.

Анна Петровна. Поищи-ка, Даша, очки. *(Распечатывает письмо.)*

Дарья. Вот они, матушка.

Анна Петровна *(смотрит на подпись)*. От Беневоленского.

Марья Андреевна. От Беневоленского? Что ж он пишет?

Анна Петровна *(читает)*. «Милостивая государыня, многоуважаемая Анна Петровна! Принимая в уважение ваше расположение и радушный прием, оказанные мне в прошедший четверток, я беру на себя смелость предложить свою руку и сердце вашей бесподобнейшей дочке Марье Андревне, коей достоинствами и красотою я очарован. Причем честь имею присовокупить, что я слышал от Платона Маркыча о вашем деле, в котором, как знающий человек, могу быть ходатаем, конечно только в том случае, когда вы согласитесь принять мое предложение. Я человек деловой, и мне терять время понапрасну на чужие хлопоты нельзя. Состояние мое вы знаете,

и я неусыпно стараюсь о приращении оного, употребляя на это все свои способности; ибо, как вам известно, состояние дает вес в обществе. Принимая в соображение все оное, а равно положение, в котором вы находитесь, я не думаю, чтобы вы отказались породниться со мной. Ожидаю вашего ответа сегодня же или, в крайнем случае, завтра, чтобы не оставаться в неизвестности. Засвидетельствуйте мое нижайшее почтение Марье Андревне и передайте им, что я, как страстный их обожатель, с душевным трепетом ожидаю их ответа. G истинным почтением и таковою же преданностию честь имею пребыть Максим Беневоленский». Ну, что же, Машенька, надобно писать.

Марья Андреевна *(в волнении).* Погодите, маменька, погодите…

Анна Петровна. Чего ж годить-то? Маша! Послушай ты меня, ведь уж этакой партии нам с тобой не дождаться. Максим Дорофеич человек деликатный, надо же ему что-нибудь написать, чтоб не сомневался по крайней мере.

Марья Андреевна. Погодите, маменька, ради бога, погодите, завтра… завтра…

Анна Петровна. Да отчего ж не теперь?

Марья Андреевна. Теперь я не могу. Я не знаю,

что отвечать; я так взволнована… Мне нездоровится что-то, у меня голова болит. Я решительно не могу!..

Анна Петровна. Ну, как хочешь! Завтра так завтра. А я все-таки пойду подумаю, как написать поскладней. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Марья Андреевна и Дарья.

Марья Андреевна. Даша, ты знаешь, где Владимир Васильич живет?

Дарья. Знаю, матушка.

Марья Андреевна. Беги к нему, Даша, голубушка, беги поскорей.

Дарья. Что вы, матушка! Ну, как маменька узнает!

Марья Андреевна. Ступай, ничего, ступай. Я как-нибудь скажу маменьке. Только, ради бога, поскорей. Скажи ему, чтоб он сейчас же пришел сюда, сию минуту.

Дарья. Ну, видно, нечего с вами делать.

Марья Андреевна. Проворней, Даша, проворней!

Дарья уходит.

Явление пятое

Марья Андреевна *(одна)*. Нет, этого не будет! Владимир спасет меня… Ну, как она его дома не застанет! Ну, а если… нет, этого не может быть, он меня любит. Ну, уж я теперь и сама не разберу, что я думаю, что я чувствую… мне только страшно чего-то. Ах, кабы она поскорей воротилась. Кто-то идет, не он ли? Нет, это Милашин.

Милашин входит.

Явление шестое

Марья Андреевна и Милашин.

Марья Андреевна. Скажите, Иван Иваныч, не видали ли вы Владимира Васильича?

Милашин. На что он вам?

Марья Андреевна. Ах, боже мой, когда я спрашиваю, значит, что нужно.

Милашин. Кто ж его знает. Помилуйте, разве можно знать, где подобные люди бывают!

Марья Андреевна отворачивается и плачет.

Милашин. Вы думаете, я это говорю из ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мне вас жаль, и больше ничего.

Марья Андреевна. Сделайте милость, не жа-

лейте. Да какое право вы имеете жалеть меня?

Милашин. Как вам угодно! Я из привязанности к вам, к вашей маменьке говорю это. Я опять-таки повторяю, что такого человека, как Мерич, я бы, на месте Анны Петровны, к воротам бы не подпустил. Если Анне Петровне угодно, чтоб он расславлял везде, хвастался, что вы влюблены в него, так пускай принимает.

Марья Андреевна. Вы лжете!

Милашин. Я лгу? Нет, я никогда не лгу-с. Лжет кто-нибудь другой, только не я.

Марья Андреевна. Зачем вы мне говорите про него: вы знаете, что я не поверю вам. Я его люблю, слышите ли, люблю, люблю! Не смейте при мне говорить про него дурно.

Милашин. Вы его любите? А он вас любит, вы думаете?

Марья Андреевна. Послушайте, я начинаю терять терпение! Или замолчите, или убирайтесь прочь от меня!

Милашин *(садится на другой стороне комнаты; молчание)*. Вы меня обидели, Марья Андревна, жестоко обидели. Я желал вам добра, я с малолетства с вами знаком, а вы меня от себя гоните. Скажите, пожалуйста, чем я это заслужил? *(Молчание.)* Я только, по правам дружбы, хотел

предостеречь вас.

Марья Андреевна. От кого предостеречь? Не нужно мне ваших предостережений.

Милашин. Теперь уж я вижу, что не нужно — вы так ему слепо верите, что никого слушать не хотите. Я и не стану вас разуверять, а все-таки это не мешает мне знать про него кой-какие вещи, не очень хорошие.

Марья Андреевна. Вы можете знать и можете говорить кому угодно, а все-таки вам никто не поверит.

Милашин. Что я, подлец, что ли, по-вашему? Вот чего я дождался от вас за мою привязанность!

Марья Андреевна. Что ж вы узнали? Говорите.

Милашин. Много узнал, всего не перескажешь.

Марья Андреевна. И есть у вас доказательства?

Милашин. Какие же доказательства? Его поведение и без доказательств ясно.

Марья Андреевна. Ну, а если у вас нет доказательств, так я вам говорю: не верю, не верю, не верю!

Милашин. Может быть, когда-нибудь я и докажу вам мои слова на самом деле, только не будет

ли поздно.

Марья Андреевна. Это уж не ваше дело. Когда будете иметь доказательства, тогда и говорите, а до тех пор молчите. *(Молчание.)* Что ж это так долго? *(Смотрит в окно. Молчание.)* Наконец-то!

Милашин. Что такое?

Марья Андреевна. Владимир Васильич. Ну, уж достанется ему от меня.

Мерич входит.

Явление седьмое

Те же и Мерич.

Марья Андреевна. Что это вы пропали? Как вам не совестно!

Мерич *(целует руку)*. Виноват, Марья Андревна, виноват! И оправдываться не стану. Здравствуйте, Иван Иваныч.

Марья Андреевна. Мне нужно рассказать ва?л кой-какие новости, не совсем приятные.

Мерич. Неприятные! Это дурно. Вы меня пугаете.

Марья Андреевна. Да, для меня — очень неприятные.

Мерич. А если для вас они неприятны, так уж и для меня также.

Милашин. Отчего же это так? Позвольте вас

спросить.

Мерич. По очень простой причине, Иван Иваныч: я принимаю очень близко к сердцу все, что касается до Марьи Андревны. Теперь вы поняли?

Марья Андреевна. Да, Иван Иваныч, это дело касается нас обоих.

Милашин. В таком случае, извините.

Мерич. Что это вы похудели, побледнели, Марья Андревна?

Марья Андреевна. Я вам говорю, что у меня есть много неприятного; да уж и того довольно: я три дни вас не видала. Чего я не передумала в это время!..

Мерич. Если я был хоть сколько-нибудь причиной вашего горя, то я считаю себя так виноватым, что не смею и оправдываться. Сердце у вас доброе. А я постараюсь загладить свой проступок. Дайте ручку, в знак перемирия. *(Целует у Марьи Андреевны руку.)*

Марья Андреевна. Да, уж, конечно, виноваты. Как это не заглянуть почти неделю! Бог с вами! Я уж к вам посылала Дарью.

Мерич. Она, вероятно, меня не застала дома; мы с ней разошлись.

Милашин *(в сторону)*. Это невыносимо!

Мерич. Зачем же вы присылали Дарью ко

мне?

Марья Андреевна. За вами. Мне очень нужно с вами переговорить об одном весьма важном деле.

Милашин. Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Куда вы?

Милашин. За доказательствами.

Марья Андреевна. Желаю вам успеха.

Милашин уходит.

Явление восьмое

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна. Владимир, Владимир! Что ты со мной делаешь! Я жду тебя не дождусь!

Мерич. Что такое, что такое! Об чем ты плачешь?

Марья Андреевна. Владимир, у нас страшное горе: мы проиграли дело… у нас отнимают все.

Мерич. Ах, боже мой!

Марья Андреевна. Что теперь делать? Маменька говорит, что нам будет жить нечем. Единственное средство мне — пожертвовать собой, выйти за Беневоленского. Я не могу опомниться, нынче я должна дать ответ.

Мерич. Как это скверно!

Марья Андреевна *(обнимает его)*, Владимир,

спаси меня!

Мерич *(освобождаясь)*. Погоди, погоди. Поговорим хладнокровно.

Марья Андреевна. Как же я могу говорить об этом хладнокровно! Владимир, что мне делать!.. Жизнь и смерть моя от этого зависят. *(Обнимает его.)*

Мерич. Как ты, Мери, неосторожна! Ну, как кто увидит, что скажут?

Марья Андреевна. Мне теперь уж все равно, что бы ни говорили.

Мерич. А я-то чем же виноват! Ведь все на меня падет; скажут, что я тут бог знает что. Ты знаешь, у меня и без того какая репутация.

Марья Андреевна. Ты боишься? Ты, кажется, прежде не боялся.

Мерич. Ты не понимаешь, теперь совсем другое дело; тогда не было твоей маменьки.

Марья Андреевна. Что же мне делать! Я, ей-богу, не знаю.

Мерич. Ах, как это нехорошо, я совсем этого не ожидал.

Марья Андреевна. Владимир! Пока я не видала тебя, я бы пошла за кого угодно маменьке. Я полюбила тебя; ты мне говорил, что меня любишь, — как же мне теперь расстаться с тобой?

Мерич. Скажи же мне, Мери, сделай милость, чего тебе от меня хочется?

Марья Андреевна. Владимир, опомнись, что ты говоришь! В какое ты меня ставишь положение! Мне стыдно за себя. Я тебе, как другу, рассказываю свое горе, а ты спрашиваешь, чего мне хочется! Что же мне сказать тебе: женись на мне? Пощади меня!

Мерич. Ах, Мери! Мери! Ты не знаешь, в каких я теперь странных обстоятельствах. *(Ходит по комнате.)* Я решительно теперь ничего не могу придумать… решительно ничего.

Марья Андреевна. Ничего?

Мерич. Ничего.

Марья Андреевна. О, боже мой! *(Закрывает лицо руками.)*

Мерич. То-то вот все еще неопытность! Мне надобно было бежать от тебя. Зачем я тебя встретил! О, судьба, судьба! Мне легче бы было совсем не видать тебя, нежели смотреть, как ты страдаешь. Впрочем, я не думал, что ты так привяжешься ко мне.

Марья Андреевна. Что же ты думал?

Мерич. Я думал, что из наших отношений не выйдет ничего серьезного.

Марья Андреевна. Ты хотел позабавиться от

скуки, для развлечения, не правда ли? Не ты ли сам говорил, что играть любовью тебе надоело.

Мерич. Да разве я не люблю тебя? Разве я не страдаю теперь? О, кабы ты могла заглянуть в мою душу! Но как же быть? Надобно покориться своей участи; надобно быть тверже, Мери!

Марья Андреевна. Я была тверда, пока ты не обманул меня так жестоко. И тебе не жаль меня? Скажи, ради бога!

Мерич. Мне очень жаль тебя, Мери, и тем больше жаль, что я не могу никак помочь тебе. Жениться я не могу на тебе, да и отец мой не позволит. Конечно, я бы не посмотрел на него, а обстоятельства, обстоятельства, которые гнетут меня всю жизнь…

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Скажи ты мне, для чего ты меня обманывал, зачем клялся, когда я от тебя этого не требовала?

Мерич. Я люблю тебя, Мери! Я увлекся, я не сообразил. Я человек очень страстный.

Марья Андреевна. Ты любил? Никогда ты не любил меня. Я одна любила. Теперь мне поведение твое стало ясно. Хоть уж и поздно, а я узнала тебя. Господи, боже мой! И ты смеешь называть это любовью! Хороша любовь! — не только без самопожертвования, даже без увлечения! На

нас весь суд, нам не прощают ничего… Я к тебе бросаюсь на шею, а ты оглядываешься, не увидал бы кто. Ты вспомни хорошенько: бывало, ждешь тебя не дождешься; все глаза проглядишь, а ты придешь, как ни в чем не бывало, только разве обдумаешь дома, что говорить, да как бы сделать шаг вперед.

Мерич. Ты меня обижаешь. Что ж, ты можешь говорить, что хочешь — ты вправе.

Марья Андреевна. Не говори, ради бога! Вспомни о совести хоть теперь-то. Теперь уж тебе нет никакой нужды лгать. Теперь тебе остается только хвастаться своими успехами.

Мерич. Послушай, однако за кого ж ты меня считаешь?

Марья Андреевна. За кого нужно.

Мерич. Я, наконец, не могу переносить этого. *(Берет шляпу.)*

Марья Андреевна. Ты уходишь? Прощай!

Мерич. Не могу же я слушать этого! Ну, я виноват, я сознаюсь, да все не так же, как ты говоришь. Все-таки я честный человек. Ведь обстоятельства, Мери, много значат… Где же вам это все знать — вы женщины.

Марья Андреевна. Верю, верю.

Мерич. Нет, право. Ты не сердись на меня. Я не

мог и не могу иначе поступить при всей любви к тебе. Ты что хочешь говори, а я все-таки буду утверждать, что люблю тебя. Ты этому не веришь! Ты ошибаешься и обижаешь меня. Могу ли я не любить тебя, такое прекрасное, невинное создание!

Марья Андреевна. Перестань, ради бога!

Мерич. При других обстоятельствах я бы отдал все на свете за счастье обладать тобой.

Марья Андреевна. Перестань же наконец.

Мерич. Но мне не суждено; что ж делать! Нам нужно расстаться.

Марья Андреевна. Прощайте, прощайте!

Мерич целует руку, уходит медленно, потом возвращается.

Мерич. Нет, я решительно не могу уйти без того, чтоб еще раз не взглянуть на тебя. *(Стоит, сложа руки на груди.)* Ты на меня не сердишься?

Марья Андреевна. Не сержусь.

Мерич. Вот и прекрасно. Прощай, Мери, прощай! Желаю тебе всякого счастья. *(Отходит немного.)* Обо мне забудь! *(Уходит.)*

Явление девятое

Марья Андреевна *(одна)*. И я поверила этому человеку! Как мне стыдно за себя… Он ушел, и ему

ничего! Он даже рад, я думаю, что развязался... А я, я? За что же я страдаю, чем я виновата! О, господи! зачем в людях так мало правды! Могла ли я знать, что он меня обманывает! Как мне было знать! Почем мне было знать!.. За что он меня обманул! *(Плачет.)*

Входит Милашин.

Явление десятое

Марья Андреевна и Милашин.

Милашин. Вот доказательства, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Теперь уж не нужно.

Милашин. Значит, правду я говорил. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. *(Читает)*. «Простите моей дерзости, но я не могу более скрывать страсти, которая меня сожигает». — Скажите, какие нежности!

Марья Андреевна. Что вы там еще читаете?

Милашин. Вот, извольте посмотреть. *(Подает ей записки. Марья Андреевна читает про себя.)* Вы давеча говорили, что я лгу; я это помню, Марья Андревна.

Марья Андреевна *(рвет записки и бросает их за окно)*. Только этого недоставало! Это ужасно!

Милашин. Вот у меня еще есть. Не хотите ли?

Марья Андреевна. Ах, боже мой! Да на что мне они? Оставьте меня, ради бога. Вы видите, в каком я положении. *(После непродолжительного молчания.)* Я сейчас видела Владимира Васильича.

Милашин. Что же он?

Марья Андреевна *(плачет)*. Ему нет никакого дела до меня. Он говорит, что нужно покориться своей участи.

Милашин. Мерзавец! Марья Андревна, перестаньте, не плачьте! Я готов жизнью пожертвовать для вас. Скажите, Марья Андреевна, чем я могу быть для вас полезен — я на все готов.

Марья Андреевна. Вы ничего не можете для меня сделать. Дайте мне немного успокоиться. Мое самолюбие оскорблено, мне стыдно за себя. Я не о том плачу, что мне нужно пожертвовать собой — я уж примирилась с этой мыслью, — а об том, что я была игрушкой пустого человека. Чем вы мне можете помочь?

Милашин. Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете, не вызову? Непременно вызову.

Марья Андреевна. Что вы выдумываете! Зачем вы это сделаете, как, по какому праву?

Милашин. Да, в самом деле, неловко! Я так только спросил у вас, а то, как вам угодно. Мне жизнь не дорога… Я не могу видеть, как вы стра-

даете! Неужели я решительно ничем не могу вам помочь?

Марья Андреевна. Одним только: оставьте меня в покое.

Милашин. Вы меня гоните! Вы вот как со мной поступаете! Ну, так я вам докажу, что я не заслуживаю этого. Я, Марья Андревна, не Мерич! Я очень хорошо понимаю ваше положение! Выйти за Беневоленского! Какому-нибудь скоту придет фантазия за вас свататься, а вы должны итти за него! Нет, это невыносимо! Это ужасно досадно! Знаете ли что, Марья Андревна? Я человек бедный, я, может быть, сам не знаю, чем содержать себя одного, не только с женой, но я не сделал бы так, как Мерич, не уступил бы вас на жертву Беневоленскому. Марья Андревна! Я предлагаю вам свою руку, мне хочется доказать вам, что я благородный человек.

Марья Андреевна. Ах, Иван Иваныч, не хотелось бы мне вас обидеть, да нечего делать. Не нуждаюсь я ни в вашей помощи, ни в вашем благородстве; не пойду я за вас ни за что на свете.

Милашин. Да, конечно, я не Беневоленский; он завидный жених.

Марья Андреевна. Беневоленский человек с состоянием, да и маменька хочет, чтоб я за него

вышла; вот почему я предпочту Беневоленского.

Милашин. Не угодно? Как вам угодно! Мне только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича. Я делаю вам честное предложение, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда он ухаживал за вами.

Марья Андреевна. Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже не имеете уважения ко мне. Нет, надобно это покончить одним разом. Будет плакать. *(Утирает глаза.)* Если б теперь Мерич сделал предложение, я б не пошла за него. Я выхожу за Беневоленского — это решено. Незаметно, что я плакала? Мне хочется показать маменьке, что я без всякого усилия решилась выйти замуж. Пусть она будет весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы. Посмотрите, в самом деле, незаметно слез?

Милашин. Почти незаметно.

Марья Андреевна. Ну, и слава богу! Станемте смеяться, станемте разговаривать о чем-нибудь о постороннем. Не были ли вы в театрах как-нибудь на-днях?

Милашин. Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Ведь я знаю, что у вас на душе.

Марья Андреевна *(топает ногой)*. Я совсем вас не обманываю; мне, право, что-то вдруг весело сделалось. Давайте играть во что-нибудь. Ах, вот карты! Давайте играть в карты.

Милашин. Давайте, пожалуй, если вам угодно. *(Садится к столу.)*

Марья Андреевна. Во что же? В дураки давайте.

Милашин *(сдает)*. Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андревна, вы притворяетесь. Вы не хотите, чтоб я видел ваши слезы. Зачем же вы от меня-то скрываетесь: я вам не чужой. Это досадно!

Марья Андреевна. Играйте, играйте, а то останетесь.

Милашин. Вы так горды, что не хотите мне позволить принимать в вас участие. Ведь это заметно, что вы притворяетесь.

Марья Андреевна. Что, остались! *(Смеется.)*

Милашин. Ну, что ж, остался. *(Мешает карты, сдает.)* Ведь это ужасно досадно! Это гордость! Вы меня этим унижаете, не считаете ни за что!..

Марья Андреевна. Вы принимаете! Еще принимаете. Ну, так вы опять остались! *(Хохочет.)*

Милашин. Ведь это невыносимо просто.

Марья Андреевна. Сдавайте, сдавайте. Что

же вы!

Милашин сдает.

(Марья Андреевна задумывается, закрывает глаза платком и опирается на стол, потом утирает глаза и берет, карты.) Кому ходить, мне?

Анна Петровна входит.

Явление одиннадцатое

Те же и Анна Петровна.

Анна Петровна. Что это у вас за смех?

Марья Андреевна. Да вот Иван Иваныч все остается. Вы совсем не умеете играть. Когда же мы, маменька, напишем ответ Максиму Дорофеичу? *(Продолжает играть в карты.)* Поблагодарите его за предложение и напишите, что я согласна.

Анна Петровна. Ты, Маша, согласна? Ну, спасибо тебе, утешила ты меня. Вот теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня… Уж так обрадовала, что и сказать нельзя… Вот, Иван Иваныч, у меня дочка… И красавица и умница. Где тут бумага была? Вот теперь вдруг-то и не придумаешь, что написать. *(Берет бумагу и пишет.)*

Марья Андреевна и Милашин играют в карты.

Марья Андреевна *(Милашину)*. Хоть бы поскорее это кончилось, моих сил больше недостает. *(Встает.)* Дайте, я вам помогу. Что вы пишете?

Анна Петровна. А вот: «Милостивый государь, Максим Дорофеич! Благодарю вас за лестное для нас предложение. Машенька согласна и просит вас сегодня на чашку чаю». Хорошо ли так-то? Уж я не знаю. А? Аль другое написать?

Марья Андреевна. Нет, прекрасно, прекрасно! Вот и отошлите поскорей.

Анна Петровна. Нет, в самом деле, хорошо? Иван Иваныч, хорошо?

Милашин. Очень хорошо.

Анна Петровна. А не надо ли чего прибавить?

Марья Андреевна. Нет, не надо, ничего не надо… довольно и этого. Пошлите поскорей. Дарья, Дарья!

Входит Дарья.

Пошли поскорей кого-нибудь с этим письмом к Максиму Дорофеичу. Ступай, Дарья, поскорей. Я не выдержу больше… Иван Иваныч, мне дурно!

Милашин подбегает, подает ей стул, Марья Андреевна сидит несколько времени в изнеможении, потом заливается слезами.

Анна Петровна. Машенька! Машенька! Что ты? Что с тобой?

Милашин *(в сторону)*. Что же это такое!

Марья Андреевна. Ничего, это пройдет. Мне дурно что-то. Не беспокойтесь.

Анна Петровна. Поцелуй меня, Машенька! Умница ты моя…

Марья Андреевна. Что, маменька, хороший он человек?

Анна Петровна. Хороший! Уж я не отдам тебя за дурного.

Марья Андреевна *(в слезах)*. Он меня станет любить? Если он меня будет любить, и я его буду любить.

Анна Петровна. Да о чем же ты плачешь-то, глупенькая?

Милашин. Неужели это вас удивляет, что Марья Андревна плачет? Это странно!

Анна Петровна. А что ж тут, батюшка, странного? Она сама объявила желание выйти за Беневоленского, а теперь плачет. Чем же не партия?

Милашин. А что ж особенно завидного в Беневоленском?

Анна Петровна. А то, что ты молод еще судить-то постарше себя. Он солидный человек, с небольшим в тридцать лет уж состояние имеет, делом занимается, а у вас все гулимоны да пошлости на уме.

Милашин. Состояние! А где взял он это состояние, спросить надобно. У нас совесть есть, оттого

и состояния нет. Состояние нажить немудрено.

Анна Петровна. Да, поди вот, наживи, да тогда уж и разговаривай!

Милашин. Я и теперь могу рассуждать, кто честный человек, а кто нет. Счастье не в богатстве, а в душевном спокойствии. Соединить свою судьбу с таким человеком, которого, того и гляди, отдадут под суд…

Анна Петровна. Да, очень нужны мне все эти резоны! Я, батюшка, мать! Так, зря, дела не сделаю. Еще молод очень учить-то меня! Наживи-ка своих детей, да тогда и выдавай, как знаешь. Учить-то всякий умеет, а попробуй-ка за дело-то взяться, так и нет ничего. Все одни фантазии дурацкие. Вот тут с вами табатерку потеряла. О! чтоб вас! Дарья! Дарья!

Дарья *(входит)*. Что угодно?

Анна Петровна. Что глаза-то вытаращила! Сыщи табатерку!

Дарья уходит.

Милашин. Меня вы можете бранить, сколько вам угодно, а за что же должна гибнуть Марья Андревна?

Анна Петровна. Поди ты, я тебя и слушать-то не хочу. А она должна понимать, кажется, что такое мать для нее. Чего мне стоило ее вырастить-то.

Надо мне видеть от нее какое-нибудь утешение. Полно плакать-то!

Марья Андреевна. Разве я вам, маменька, не угождала? Разве вы были недовольны мной когда-нибудь?

Анна Петровна. Что там про старое толковать, я того и знать не хочу. Легко ли дело, нужно мне очень помнить, когда ты мне угодила, когда нет. Вот теперь я вижу твою благодарность. Мать на старости лет ни дня, ни ночи покою не знает, женское дело, измаялась вся. Нашла ей жениха, что она и сама-то его не стоит, а она плачет да убивается, как будто я ей злодейка какая!

Марья Андреевна. Да ведь я, маменька, согласна.

Анна Петровна. Вижу я, как ты согласна-то.

Входит Дарья,

Что ты еще?

Дарья. Табатерку извольте.

Анна Петровна. Ишь тебя принесло, нашла время!

Дарья *(идет)*. Ну, раскудахталась,

Анна Петровна. Другая бы радовалась да не знала, как благодарить мать-то за такого жениха, а не то чтоб расстраивать. Мое дело женское, я женщина сырая, а тебе все ничего. Ты об матери-

то и не думаешь, как бы мать порадовать.

Марья Андреевна. Маменька! Ради бога! Что вы говорите! *(Плачет.)* Боже мой, что это такое!

Анна Петровна *(помолчавши и успокоившись)*. Что ж, конечно, я на тебя не могу пожаловаться, ты меня всегда слушалась… Да что ж теперь-то ты, Машенька! Ну, полно, перестань! Мне ведь и самой тебя жаль. Я тебя обидела… Что ж делать, прости. Я ведь женщина, у меня сердце слабое, горячее, раскипится другой раз, и не уймешь; сами виноваты, что до этого доводите! Иногда что и скажется сгоряча… Обижаться-то на меня за это грех, дело женское.

Марья Андреевна. Я на вас не обижаюсь…

Анна Петровна. Что ж делать, хороша ли, худа ли, все-таки мать. Выдешь замуж, и такой не будет. Ну, полно же, друг мой. Мне разве весело смотреть на тебя, как ты плачешь. Бог с тобой, что ты это!

Все лица на левой стороне; входит Хорьков и останавливается среди сцены.

Явление двенадцатое

Те же и Хорьков.

Хорьков. Марья Андревна! Моя мать вас обидела; я пришел просить прощения за нее.

Анна Петровна. Да, батюшка, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

Марья Андреевна *(тихо)*. Маменька, он, кажется, пьян; молчите, пожалуйста.

Милашин *(Марье Андреевне)*. Он уж четвертый день пьет; как ушел тогда от вас, и запил. Ходит по комнате, плачет и пьет.

Марья Андреевна. Неужели? Ах, бедный!

Хорьков. Что такое? Слезы! Об чем вы плачете? Я не хотел вас обидеть… Я бы умер для вас, Марья Андревна. Это мать… Она простая женщина. Я не знал, что она была у вас, не знал… Я б ее не пустил к вам… Она простая женщина, не понимает ничего… Где же ей вас понять! Что же делать! Мать… любит… воспитала… Марья Андревна, простите! *(Становится на колени.)*

Марья Андреевна. Что вы, что вы, Мнхайло Иваныч! Встаньте! Я ни на вас, ни на вашу маменьку не сержусь; напротив, я вам очень благодарна за ваше расположение.

Хорьков *(встает)*. Об чем же вы плачете? Скажите мне, об чем вы плачете? Кто вас обидел?

Анна Петровна. Ах, молодой человек, молодой человек…

Хорьков. Что вы, Анна Петровна!.. Ах, вы не знаете!.. Уж молчите лучше! *(К Марье Андреевне.)*

Вас, вероятно, маменька обидела? Не сердитесь на нее… Бог с ними… они не знают… не сердитесь на нее… ведь любят… воспитывали… учили…

Анна Петровна. Пойдем, Машенька, пора одеваться, скоро Максим Дорофеич приедет. *(Милашину тихо.)* Уведите его, Иван Иваныч.

Милашин *(берет шляпу)*. Пойдемте, Михаило Иваныч.

Хорьков. Что? Мальчишка!

Милашин. Что же вы бранитесь! Я вас хочу увести отсюда, потому что вы пьяны.

Хорьков стоит задумавшись.

Марья Андреевна *(встает)*. Перестаньте, Иван Иваныч!

Милашин. Что же он бранится! Это досадно.

Хорьков. Да, скверно, скверно! Извините… Куда я годен! Пьяный… в чужом доме…

Марья Андреевна. Ах, как мне его жаль! Как мне его жаль!

Хорьков. Марья Андревна, не презирайте меня! Я люблю вас… Я не мог перенести вашего отказу. Конечно, это гадко… подло… недостойно… Но что ж делать, я жалкий человек! Я ведь люблю вас, очень люблю!..

Марья Андреевна. Я сама вас люблю, Михайло Иваныч. Я очень жалею, что поздно вас узнала. Я

выхожу замуж… за Беневоленского. *(Плачет.)*

Хорьков. За Беневоленского!.. Это жертва… да, жертва. Что ж, благородно… благородно… слезы…

Марья Андреевна *(садится на стул)*. Ах, Михайло Иваныч, мне тяжело, очень тяжело!

Анна Петровна. Она это для матери делает. Максим Дорофеич — человек хороший и с состоянием.

Хорьков. Да, с состоянием. Слезы, слезы… вечные слезы… чахотка, не живши, не видавши радостей жизни… Прощайте. *(Становится на колени, берет руку Марьи Андреевны и целует.)* Я сам не переживу!

Марья Андреевна в обмороке, все суетятся около нее; Хорьков плачет, прислонившись к стене.

Действие пятое

Сцена представляет небольшую комнату. Направо от зрителей дверь в залу; ближе к зрителям трюмо; прямо — дверь в переднюю, налево диван, перед диваном круглый стол, далее еще дверь, в углу простой стол, на котором чашки и бутылки. Дарья устанавливает бутылки на столе, официант устанавливает чашки на поднос, потом берет поднос и идет к двери. Входит Добротворский.

Явление первое

Дарья, официант и Добротворский.

Добротворский. Ты что это, любезный, несешь?

Официант. Чай-с.

Добротворский. А рому-то что ж не захватил?

Официант. Сперва так обнесем-с.

Добротворский. Эх, братец! Не знаешь ты, кого чем потчевать. Ишь, все деловые люди собрались, со светлыми пуговицами сидят.

Официант. Дарья Семеновна, пожалуйте рому-с.

Дарья. Что там еще! О! Чтоб вас! Рому, что ль?

Официант. Рому требуют-с. *(Берет бутылку и ставит на поднос.)*

Добротворский. Дай уж и мне, я тут к сторонке сяду, на просторе пуншику попью. *(Берет чашку и садится на диван.)*

Официант уходит в дверь направо. Входит женщина в капоте и в платке.

Женщина в капоте. Танцы будут, матушка? Барышня прислала спросить. У нас, матушка, семь барышень. Беспременно, говорит, узнай: коли танцы будут, так и мы придем посмотреть.

Дарья. Будут, будут. О! Чтоб вас тут!

Женщина уходит. Входят несколько лиц и проходят к двери направо; в дверях показывается кучер.

Дарья. Ты зачем?

Кучер. Свадьбу смотреть.

Дарья. О! мужлан, туда же лезет!

Кучер. А ты что за барыня!

Дарья. Да ты не хайли! Что горло-то распустил?

Кучер. А вы потише, а то неравно испугаюсь.

Дарья. Говорят, пошел вон!

Кучер. Пойду. *(Уходит.)*

Дарья. О! чтоб вас, так бы, кажется!.. *(Уходит.)*

Входят разные лица и смотрят в дверь напра-

во. Между ними две женщины, довольно хорошо одетые, девушка, покрытая платочком, и двое молодых людей в синих чуйках.

Первый молодой человек *(девушке, покрытой платком)*. Позвольте узнать, который жених-с?

Девушка. Вот этот.

Первый молодой человек. Так-с. А где невеста-с?

Девушка. Вот она.

Первый молодой человек. Так-с. А вы далеко живете-с?

Девушка. Не доходя — прошедши.

Первый молодой человек. Я сам оттедова недалечко-с. Позвольте вас проводить.

Девушка. И без вас дорогу знаем.

Второй молодой человек *(первому молодому человеку)*. Что! Налетел с ковшом на брагу! *(Девушке.)* Что вы его слушаете, он у нас уж известный по этим делам. *(К первому.)* Что ты пристаешь, в самом деле! Тут, брат, тебе нечего взять. Ишь, разлетелся! *(Девушке.)* Он намедни из городу одну в Рогожскую провожал, а там его метлой дворник и пугнул; так взад-вперед даром пешком и проходил.

Первый молодой человек. Буде врать-то, любезный!

Второй молодой человек. Что врать-то! Не с твоим, брат, рылом! Ты видишь, барышня какая! Что вы, сударыня, здешние?

Продолжают говорить шопотом. Из толпы выходят на авансцену две женщины — Дуня и Паша.

Паша. Будто тебе его, Дуня, не жаль?

Дуня. Ничего-таки не жаль. Что я жила — маялась! Приедет, бывало, пьяный да олаберный — так как обеснующий какой. Я уж давно ему говорю: развяжи ты мою голову; хоть бы ты женился; авось, остепенишься немножко. Взял бы, говорю, хорошенькую барышню, так и сам бы, может быть, стал порядочным человеком, а то что так-то мотаешься!

Паша. Что ты говоришь!

Дуня. Да право, так, Паша.

Паша. Так это другое дело. Пойдем посмотрим приданое.

Дуня. Пойдем, Паша.

Уходят в дверь налево. Толпа мало-помалу расходится, остаются несколько старух. Добротворский пьет пунш. Входят Марья Андреевна и Беневоленский.

Явление второе

Добротворский, Беневоленский и Марья Андреевна.

Беневоленский. Вы, сударыня, только извольте приказывать, а уж я буду все исполнять в точности.

Марья Андреевна. Вы меня станете слушаться во всем, Максим Дорофеич?

Беневоленский. Честное слово благородного человека.

Марья Андреевна. Я вам откровенно скажу: мне в вашем характере кой-что не нравится; мне бы хотелось, чтобы вы оставили некоторые привычки. С тем и иду за вас. Вы меня послушаетесь?

Беневоленский. Все, что вам угодно. Из любви к вам я на все готов. Вам не угодно было, чтоб я водку пил, — я ее бросил; вы мне не приказывали табак нюхать — я и не нюхаю. А, Платон Маркыч, ты здесь! Приходи ко мне как-нибудь, я тебе подарю серебряную табакерку.

Добротворский. Покорно благодарю, Максим Дорофеич, зайду как-нибудь.

Беневоленский. Я ваш покорнейший слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцеловать. Вам,

может быть, угодно здесь одним остаться?

Марья Андреевна. Да, мне нужно поговорить с Платоном Маркычем.

Беневоленский. Ухожу-с. Видите, как я послушен. *(Подходит к Платону Марковичу.)* Что, ловко я себя держу?

Добротворский *(одобрительно кивая головой)*. Хорошо.

Беневоленский уходит.

Явление третье

Марья Андреевна и Добротворский.

Марья Андреевна. Глупа я, Платон Маркыч, скажите мне. Так ведь, не правда ли?

Добротворский. Что вы! Кто смеет сказать! Нет, вы у нас умница.

Марья Андреевна. Послушайте, Платон Маркыч, что мне в голову пришло. Может быть, вам это смешно покажется. Я думала, думала… да знаете ли, до чего додумалась?

Добротворский смотрит на нее.

Только вы не смейтесь надо мной… Мне показалось, что я затем иду за него замуж, чтобы исправить его, сделать из него порядочного человека. Глупо ведь это, Платон Маркыч? Ведь это пустяки, нельзя этого сделать, а? Платон Маркыч,

не так ли? Все это детские мечты?

Добротворский. Звери лютые, и те укрощаются…

Марья Андреевна. Без этой мысли, Платон Маркыч, мне было бы очень тяжело. Только этим я теперь и живу. Поддерживайте меня, Платон Маркыч,

Добротворский. Знаете ли, барышня, я вам русскую пословицу скажу: что будет, то будет, а что будет, то бог даст. А другая еще пословица говорится: суженого конем не объедешь.

Марья Андреевна садится на стул к трюмо и задумывается; входит Дарья и выгоняет со сцены зрителей, которые проходят в заднюю дверь.

Явление четвертое

Те же и Дарья.

Дарья. О, чтоб вас! Куда зашли! Коли хотите смотреть, так стойте в передней. Да чего и смотреть-то! Эка невидаль какая!

Марья Андреевна. Поправь мне прическу.

Добротворский уходит.

Дарья *(поправляет прическу)*. Барышня, Владимир Васильевич здесь в саду.

Марья Андреевна. Ну так что ж?

Дарья. Они просят позволения войти, хотят

поговорить с вами.

Марья Андреевна. Это что еще? Затвори эту дверь. Позови его.

Дарья уходит.

Зачем он? Послушаем, что он скажет. Странно, как скоро я его разлюбила. Мне теперь он представляется совершенно посторонним человеком. Я его жду без всякого волнения. А прежде?

Мерич входит.

Явление пятое

Марья Андреевна и Мерич.

Марья Андреевна *(не оборачиваясь к нему)*. Зачем вы?

Мерич. Поглядеть на вас последний раз. Неужели вы мне в этом откажете!

Марья Андреевна *(поворачиваясь к нему)*. Хороша я?

Мерич. Обворожительна.

Марья Андреевна. Прощайте, мне пора к жениху.

Мерич. Ах, погодите, Марья Андревна, ради бога. Выслушайте меня. Позвольте мне хоть полюбоваться на вас еще несколько минут.

Марья Андреевна. Я слушаю. Что вам угодно?

Мерич. Не сердитесь на меня, Марья Андревна.

Марья Андреевна. Я на вас не сержусь.

Мерич. Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы, кажется, меня не так поняли. Мне хочется перед вами оправдаться.

Марья Андреевна. В чем вам оправдываться? Я во всем виню себя. Я думала, что вы человек, способный любить, и ошиблась. Я искала любви, вы — интриги, побед. Мы с вами не пара.

Мерич. Вас я любил истинно, Марья Андревна…

Марья Андреевна. Это неправда, Владимир Васильич. *(Подумав.)* Скажите, пожалуйста, кого вы обманываете? Чем вы берете? Все ваши победы, вероятно, то же, что было со мной. Девушка сама бросается к вам, а вы потом хвастаетесь победой. Не так ли? Я бы вас сама разлюбила скоро, как бы далеко ни зашла наша любовь. Немного больше страданий, раскаяния, стыда, а все-таки разлюбила бы вас. Мне нужно было, чтоб меня любили! Только этого я хотела.

Мерич. Бесценная женщина!

Марья Андреевна. Вы прежде не хотели меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Как бы я была счастлива, если б я родилась полегкомысленнее. Меня бы занимали наряды, маленькие

интрижки, и все бы было так легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу замуж и хочу быть хорошей женой.

Мерич. Боже мой, как я ошибался! Я не знал вас, Марья Андревна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведения…

Марья Андреевна. Не знаю, от души вы сознаетесь или нет, но я вам верю, не хочу вас обижать. За себя я на вас не сержусь; я бы желала только, чтобы это послужило вам уроком. Расстанемся друзьями. *(Протягивает ему руку.)*

Мерич *(целуя ее руку)*. Мери, я люблю тебя!

Марья Андреевна. Поздно, Владимир Васильич, поздно… Передо мной новый путь, и я его наперед знаю. У меня еще много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник, но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец — дети, я буду жить для детей. Вы улыбаетесь! Как это честно с вашей стороны! Даже если бы все, что я вам говорю, были мечты одни, которым никогда не

осуществиться, вы все-таки не должны разочаровывать меня. Мне они нужны, чтобы поддержать меня в моем теперешнем положении… Ах, Владимир Васильич, бог с вами… Ведь мне тяжело… Мне очень тяжело, и никто не хочет знать этого.

Мерич. Я вам желаю всякого счастья. Но мне кажется, что с таким человеком оно для вас невозможно.

Марья Андреевна. Нет, Владимир Васильич, вам не видать моих страданий. Я не доставлю вам удовольствия пожалеть меня. Какие бы ни были обстоятельства, я хочу быть счастливой, хочу, чего бы мне это ни стоило. За что же мне страдать? Рассудите сами, — ну, рассудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я, наконец, исполняю долг и спасаю мать… Нет, нет, нет!.. Я буду счастлива, буду любима… Не правда ли? Скажите… да, да… Говорите же! Мне так нужно, не противоречьте мне…

Мерич *(подумав)*. Да!

Марья Андреевна. Покорно вас благодарю. Прощайте. *(Уходит.)* Мер и ч *(один)*. Какая умная девушка! Желал бы я знать, что она обо мне думает. Неужели она меня считает пустым человеком?.. А впрочем, еще слава богу, что так кончилось: будь она поглупее, так не знал бы, как

и развязаться; одним упрекам не было бы конца, а еще, пожалуй, женили бы.

Милашин входит.

Явление шестое

Мерич и Милашин.

Милашин. И вы здесь!

Мерич. Да, приходил проститься с Мери. Я ее любил, Иван Иваныч. Я от вас не скрою: для меня очень чувствительно потерять такую женщину. Ах, как она меня любила! И вы посмотрите на нее теперь: сколько у ней воли, как она твердо переносит свои страдания! Только я знаю, как она страдает. Я не говорю про себя — я мужчина. Вы здесь на вечере?

Милашин. Да.

Мерич. Сделайте милость, если заметите, что она будет очень грустить, утешайте ее, вы меня этим много обяжете. И, пожалуйста, старайтесь сделать так, чтобы ничто ей не напоминало меня. Я на вас надеюсь, Иван Иваныч. Прощайте… *(Уходит.)*

Явление седьмое

Милашин *(один)*. Однако это ужасно! В целый

вечер она не сказала со мной ни одного слова, а приходила сюда прощаться с Меричем. Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы один взгляд! Это ужасно досадно. Или лицо у меня не так выразительно, что ли? Мне хотелось бы, чтобы лицо мое выражало теперь самую глубокую скорбь. *(Смотрит в зеркало.)* Фу, какое глупое выражение… смешное даже! Нет, пусть же она заметит злую иронию в моих глазах. *(Смотрит в зеркало.)* А если она не захочет заметить… Ах, да из чего же я хлопочу?.. Уйти? Она, пожалуй, не заметит моего отсутствия. А, чорт возьми!.. Нет, останусь. Буду хладнокровным зрителем, буду смотреть холодно. Из чего я в самом деле горячусь! А как она нынче хороша-то! Как держит себя! Нет, чорт возьми, это ужасно досадно. И какие скоты всё кругом нее! У меня, кажется, нынче разольется желчь. И этот жених, этот жених! И она еще к нему ласкается! Нет, она заметит, какими я глазами буду глядеть на него.

Уходит. Разные лица проходят по сцене к двери направо. Беневоленский и Добротворский входят под руку.

Явление восьмое

Беневоленский и Добротворский.

Беневоленский. Благодарен тебе, Платон Маркыч, весьма благодарен. Ты меня много, много обязал. Марья Андревна и умна и образованна. Именно такую жену мне и нужно.

Добротворский. Хе, хе, хе, любезнейший! Что уж теперь толковать. Поддели молодца! Какова ни есть, уж теперь нечего назад пятиться!.. Шучу, шучу…

Беневоленский. Да-с, я тебе скажу, с этакой женой не стыдно показаться в общество. *(Останавливается перед зеркалом и гладит подбородок).* Что ж, нас будет пара, как ты думаешь?

Добротворский. Ах вы, проказник! *(Хохочет.)* Ишь ты, какие штучки выдумывает!

Беневоленский. Чему же ты смеешься?

Добротворский. Будет вам проказничать-то, уморили со смеху! Поцелуемтесь. *(Целуются.)*

Беневоленский *(в сторону)*. Чему он смеется? *(Добротворскому.)* Послушай, Платон Маркыч, у меня есть к тебе серьезное дело.

Добротворский. Что прикажете?

Беневоленский *(берет его под руку)*. Все мы были молоды.

Добротворский кивает головой в знак согласия.

Молодость, как ты знаешь, имеет свои слабости. Ты сам это очень хорошо знаешь, иначе я бы тебе и не стал говорить.

Добротворский. Все мы грешны, и все мы смертны…

Беневоленский. Это правда, да не об том речь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любил одну девушку…

Добротворский. Гм! Скажите! Хорошенькая была девушка?

Беневоленский. Очень недурна. Ну, конечно, из низкого сословия, но очень недурна. Только характер у нее совсем не соответствовал наружности: ревнива…

Добротворский. Вам это кажется удивительно. Эх, молодость! Поживите-ка с наше, так не то увидите. Вот я вам сейчас какую историю расскажу, вот послушайте, не вашей чета, а то что вы мне рассказываете! Это еще до француза было…

Беневоленский. Ах, какой ты бестолковый, Платон Маркыч! Я боюсь, что она сюда придет.

Добротворский. Кто?

Беневоленский. Эта девушка-то.

Добротворский. Зачем? Нет, зачем она пойдет, что вы говорите!

Беневоленский. Пойми ты меня, Платон Маркыч: я тебе говорю, что она ревнива, так я боюсь, чтобы она тут шуму какого не наделала.

Добротворский. Вот что! а!.. Теперь я вас понял.

Беневоленский. Так уж ты распорядись, братец, так, чтобы не пускали никого посторонних.

Добротворский. Что ж вы, отец мой, у меня с Марьей-то Андревной делаете! Вы этак у меня ее уморите, сердечную… А уж вы, батюшка, эти глупости-то оставьте.

Беневоленский. Что ты, что ты! Я давно оставил. Только все-таки осторожность не мешает. Понимаешь ты меня?

Добротворский. Хорошо-с, теперь понимаю. *(Уходит.)*

Явление девятое

Беневоленский *(один)*. В жизни главное дело — ум и предусмотрительность. Что такое я был, и что я теперь? Вот она история-то! Бывало, всякому встречному кланяешься, чтоб тебя не прибил как-нибудь, а теперь нас и рукой не достанешь. И капитал есть, и жену красавицу нашел. Чорт возьми! *(Пожимает руки, потом дерет себя за хохол.)* Ах ты, Максимка Беневоленский! А думал

ли ты об этом счастии, сидя в школе в затрапезном халате? Ничего, братец! Вот *(стучит себя пальцем по лбу)*, вот чем пробьем себе дорогу. Нужда ум родит, а ум родит деньгу, а с умом да с деньгами все можно сделать! *(Задумывается.)* Не поучиться ли мне танцевать? Поучусь. Или не надо? Нет, что! Деловому человеку неловко. А иногда так тебе и хочется плясать.

Немного подпрыгивает; проходят разные лица из залы; он становится в приличную позу и закладывает руку за жилет. Из двери налево выходят первая и вторая женщины — Паша и Дуня.

Дуня. Ах, Максим Дорофеич, здравствуйте. Наше вам почтение!

Беневоленский отворачивается в сторону.

Что ж, ты меня не узнал, что ли?

Беневоленский. Ах, это ты, Дуня! Зачем же ты…

Дуня. Невесту твою посмотреть.

Беневоленский. Да как же это! Ведь я не велел было…

Дуня. Что это не велел? Ты меня пускать не велел! Ах, бессовестный ты человек! Бесстыжие твои глаза!..

Беневоленский. Нет, я ничего… Я так! Что ж, Дуня, посмотри поди. Там вон невеста, там при-

даное…

Дуня. То-то, посмотри! Не глядели б мои глаза-то, кажется, на тебя. Вот, Паша, смотреть посылает, видишь, какой добрый! Сам все покажет. Что ж, матушка, ведь не чужой. Ах ты, соколик!

Беневоленский. Ты, Дуня, поосторожней — увидит кто-нибудь, нехорошо! *(Становится в позицию.)*

Дуня. А хочешь, сейчас дебош сделаю?

Беневоленский. Дура, дура! Что ты, что ты!

Дуня. Не бойся, не бойся! Что ты испугался? Я не в тебя.

Беневоленский. Нет, Дуня, полно, в самом деле. Коли тебе что нужно, ты лучше ко мне на дом приди.

Дуня. Не пойду я к тебе, не беспокойся.

Беневоленский. А здесь, Дуня, тебе что ж делать? Посмотри невесту и ступай.

Дуня. Уж я видела! Хороша ведь, Паша, уж можно сказать, что хороша. *(К Беневоленскому.)* Только сумеешь ли ты с этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужого веку даром. Грех тебе будет. Остепенись, да живи хорошенько. Это ведь не со мной: жили, жили, да и был таков. *(Утирает глаза.)*

Паша. А ты говорила, что тебе его не жаль.

Дуня. Ведь я его любила когда-то. Что ж, надо же когда-нибудь расставаться: не век так жить. Еще хорошо, что женится; авось, будет жить порядочно. А все-таки, Паша, ты то возьми, лет пять жили… ведь жалко. Конечно, немного я от него доброго видела… больше слез… одного сраму что перенесла. Так, ни за что прошла молодость, и помянуть нечем.

Паша. Что делать, Дуня.

Дуня. А ведь бывало, и ему рада-радешенька, как приедет. Смотри ж, живи хорошенько!

Беневоленский. Ну, уж конечно.

Дуня. То-то же. Эта ведь тебе навек, не то что я. Ну, прощай, не поминай лихом, добром нечем. Что это я, как дура, расплакалась, в самом деле! О! махнем рукой, Паша, завьем горе веревочкой!

Беневоленский. Прощай, Дуня!

Дуня. Адье, мусье! Пойдем, Паша.

Уходят.

Беневоленский. Сумасшедшая женщина! Еще хорошо, что так обошлось. Однако я было перетрухнул.

Входит официант.

Дай-ка мне, братец, рюмочку хересу. Фу! Как гора с плеч.

Официант подает.

Благодарю, любезный. *(Уходит.)*

Появляются на сцене разные лица.

Две женщины.

Первая. Вот, говорят: не завидуй! Как тут не завидовать! Одна дочь, и той какого молодца поддели, а у меня вот три, да нейдут с рук. Что ты хочешь, делай! А ведь, чай, малого-то опутали как-нибудь, а то где б ему жениться, ведь за ней ничего нет.

Вторая. Ну, уж, матушка, нашла кому позавидовать!

Первая. А что?

Вторая. Да, говорят, такой сокол, что беда!

Две старухи.

Первая старуха. Сундуки-то кованые, да, должно быть, пустые.

Вторая старуха. Ан нет, полные.

Первая старуха. Где уж полные! У них всего и добра-то кругом пальца обвести.

Вторая старуха. Ты в чужие сундуки-то лазила, что ль?

Первая старуха. Я не лазию; может, кто другой лазит.

Вторая старуха. Тебе только пересуживать, а самое-то с чем отдавали?

Первая старуха. Да уж почище тебя!

Вторая старуха. А кто по чужим дворам дрова ворует?

Первая старуха. Врешь, я не ворую.

Вторая старуха. Ан, воруешь.

Первая старуха. Ах, ты…

Скрываются в толпе. Из двери, направо, выходят Анна Петровна, Добротворский и Дарья.

Явление десятое

Анна Петровна, Добротворский и Дарья.

Анна Петровна. Ох, захлопоталась я нынче совсем, моченьки моей нет. Отдохнуть присесть. *(Садится на диван.)*

Добротворский. Что ж, свои ведь, сударыня, хлопоты. Своя ноша не тянет, говорит пословица. Благо все устроили.

Анна Петровна. Уж как я рада-то, Платон Маркыч, вы себе и представить не можете. Пора уж и мне знать покой. Женщина я слабая, сырая, во всем должна была себе отказывать. А я ведь как при покойнике-то жила, вы знаете, всем была избалована.

Добротворский. В холе жили и в неженье, Анна Петровна.

Анна Петровна. И я вам скажу, Платон Мар-

кыч, как я свадьбы всегда любила. Меня хлебом не корми, только где бы нибудь на свадьбе пировать. Вот теперь бог привел дочку выдавать. Уж не чаяла, как и дождаться-то такой радости. Во сне сколько раз снилось. То приснится мне, что пляшу я, вот так и пляшу, так и пляшу. Ведь я смолоду-то плясывала. А то вижу я раз, будто пьяна, вот! так-таки совсем пьяна, и побранилась я с вами на чем свет-стоит.

Добротворский. К радости, сударыня.

Анна Петровна. Ну да, слава богу, все теперь устроилось.

Добротворский. Слава богу, слава богу.

Анна Петровна. Дай-ка нам, Даша, винца какого-нибудь. Мы с Платоном Маркычем выпьем на радости. Дарья подает на подносе бутылку и рюмки и ставит на стол.

Добротворский *(пьет)*. Честь имею поздравить, Анна Петровна. Дай бог внучат и правнучат дождаться.

Анна Петровна. Покорно благодарю, Платон Маркыч. Вам, батюшка, мы всем этим обязаны.

Входит Марья Андреевна.

Явление одиннадцатое

Те же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна. Вы здесь, маменька? Я вас ищу. *(Подходит к матери.)*

Анна Петровна. Что тебе, душенька, что тебе?

Марья Андреевна. Так, маменька, что-то мне очень скучно стало. *(Садится на диван и припадает к матери головой.)*

Добротворский *(берет бокал)*. Что делать-то, барышня, надобно привыкать! За ваше здоровье. Будете богаты, тогда и нас не забудьте. Хе, хе, хе! Пожалуйте ручку, барышня. *(Целует.)*

Анна Петровна *(пьет)*. Ну, дочка, будь счастлива, не поминай лихом мать-старуху. Поживешь, сама узнаешь, что такое дети-то. *(Целует.)* Нравится ли он тебе? Признаться сказать, скоренько дело-то сделали; кто его знает, в него не влезешь.

Марья Андреевна *(в слезах)*. Ничего, маменька, Он мне нравится. Вы не глядите, что я плачу; это так, от волнения. Мне кажется, что я буду счастлива…

Голос из толпы. Другой, матушка, нравный, любит, чтоб ему угождали. Домой-то, известное дело, больше пьяные приезжают, так любят, чтоб сама ухаживала, людей к себе не подпускают.

Марья Андреевна. А если и не буду счастлива, так уж не вы виноваты; вы сделали для меня все, что могли, что умели. Благодарю вас, маменька, и вас, Платон Маркыч.

Из другой комнаты слышна музыка: Беневоленский выходит, Марья Андреевна идет к нему навстречу и подает руку.

Добротворский *(подает руку Анне Петровне)*. А мы с вами, сударыня, польскую пройдемся.

Уходят.

Одна из толпы. Эта, что ль, невеста-то?

Старуха. Эта, матушка, эта.

Женщина. Ишь ты, как плачет, бедная.

Старуха. Да, матушка, бедная: за красоту берет.

Не в свои сани не садись*

Комедия в трех действиях

ЛИЦА:

Максим Федотыч Русаков, богатый купец.

Авдотья Максимовна, его дочь.

Арина Федотовна, его сестра, пожилая девушка,

Селиверст Потапыч Маломальский, содержатель трактира и гостиницы.

Анна Антоновна, его жена.

Иван Петрович Бородкин, молодой купец, имеющий мелочную лавочку и погребок.

Виктор Аркадьич Вихорев, отставной кавалерист.

Андрей Андреич Баранчевский, чиновник.

Степан, слуга Вихорева.

Половой в гостинице.

Мальчик и девушка (без речей).

Действие происходит в уездном городе Черемухине.

Действие первое

Общая комната в гостинице; на задней и по боковым стенам по двери, в левом углу от зрителей стол.

Явление первое

Степан сидит за столом и ест селедку на синей сахарной бумаге. Половой стоит подле него с полотенцем на плече.

Степан. Что ты, братец, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое житье! Третий день вот селедками пробавляюсь, а что в них проку-то, только пьешь да в животе бурчит.

Половой. Что ваш барин-то, служащий?

Степан. Да, служили мы с барином-то без году неделю.

Половой. Что ж так мало-с?

Степан. Гм! где ему служить! Не то у него на уме, и притом же горд… *(Глотает с трудом.)* Кто я, да что я! Да другие провинности да шалушки водились, так все к одному пригнали, да и машир на хаус.

Половой. А имение-то есть у вас?

Степан. Было большое село, да от жару в кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано! То есть поверишь ли ты, друг мой, приехали мы это в деревню — ни кола, ни двора; а хлеб-то на поле, так не глядели б глаза мои: колос от колоса — не слыхать девичьего голоса.

Половой. А много ль душ-то?

Степан. У тетеньки-то было полтораста, а у нас только одиннадцать, да я двенадцатый — дворовый. Вот и все.

Половой. Зачем же ваш барин сюда приехал?

Степан. Жениться хочет, из себя очень красив… Как женюсь, говорит, на богатой, все дела поправлю.

Голос за сценой: «Степан!»

Иду-с. *(Завертывает селедку в бумагу и кладет в карман. Уходит.)*

Половой стирает со стола полотенцем. Бородкин и Маломальский входят.

Явление второе

Бородкин и Маломальский.

Бородкин. Теперича которые я вина получил, Селиверст Потапыч, так останетесь довольны, первейшие сорта.

Маломальский. Молодцы! Соберите чайку…

поскорей… лучшего… *(Садится за стол.)*

Бородкин. Если вы теперича попробуете, так вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вам, Селиверст Потапыч, завсегда могу этим делом услужить.

Половой приносит чай и ставит на стол. Бородкин начинает мыть чашки и разливать.

Позвольте вас попотчевать бутылочку лисабончику.

Маломальский. Я, брат, ничего… я выпью.

Бородкин. Мальчик! Паренек!

Входит мальчик.

Сбегай в лавку, скажи приказчику, чтоб отпустил бутылку лисабону лучшего.

Мальчик уходит. Бородкин разливает чай.

А ему, Селиверст Потапыч, нет, врет, — не удастся ему замарать меня.

Маломальский. Теперича, если ты ведешь свой дела правильно и, значит, аккуратно… ну, и никто тебя не может замарать.

Бородкин. Я, истинно, Селиверст Потапыч, благодарю бога! Как остался я после родителя семнадцати лет, всякое притеснение терпел от родных, и теперича, который капитал от тятеньки остался, я даже мог решиться всего капиталу: все это я перенес равнодушно, и когда я пришел

в возраст, как должно — не токма чтобы я промотал, или там как прожил, а сами знаете, имею, может быть, вдвое-с, живу сам по себе, своим умом, и никому уважать не намерен.

Маломальский. Это ты в правиле… действуешь.

Бородкин *(стучит крышкой чайника)*. Кипяточку!

Половой подходит и берет чайник.

Маломальский. Ты… имеешь свою… правилу…

Бородкин. Опять, Селиверст Потапыч, за что он меня обижает?

Маломальский. Он не должон этого…

Бородкин. Теперича он пущает слух, якобы, то есть, я занимаюсь этим малодушеством — пить. Так это он врет: кто меня видел пьяным!.. Опять хоша б я доподлинно пил, все-таки, стало быть, на свои: что ли, я на его счет буду пить? А все это, главная причина — одна зависть.

Половой приносит воды. Бородкин разливает.

А может, он того не знает, что я плевать хотел на все это.

Маломальский. Слушай, ты! Оставь втуне… пренебреги! Как ты свой круг имеешь дела, и действуешь ты, примерно, в этом круге… так ты

и должон действовать, и тебе ничего не может препятствовать никто.

Бородкин. Все-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежит, а худая бежит. Зачем я теперь скажу, про человека худо? Лучше я должен сказать про человека хорошо.

Маломальский. Это ты правильно говоришь.

Бородкин. Всякий по чужим словам судит. А почем он знает: может, он мне этим вред делает. Я жениться хочу, так кому же это нужно, когда про человека такая слава идет.

Маломальский. Слушай! Коли ты женишься… кто же может ему поверить… потому как он пустой человек и, с позволения сказать, ничтожный его весь разговор… Никому вреда… окромя себе.

Бородкин. Конечно, Селиверст Потапыч, всякий знает, что все это наносные слова, да к чему же это-с? Что я ему сделал? Я об нем и думать-то забыл, потому как он есть невежа и ругатель.

Половой *(приносит бутылку)*. Прикажете откупорить?

Бородкин. Откупори да бокальчиков дай.

Половой. Сейчас. *(Откупоривает, подает на подносе два бокала и наливает.)*

Бородкин. Пожалуйте-с. *(Берут бокалы и пьют.)* Как на ваш вкус?

Маломальский. Ничего… живет… Эй ты! Прибирай чай.

Бородкин. Я вам это самое по полтинничку поставлю. *(Молчание. Пьют.)* А я вам вот… перед истинным… то есть не то чтобы пьянство или там что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили. Как живу я при матушке теперича пятый год, сами знаете, честно и благородно… Пожалуйте еще… выкушайте. *(Наливает.)* Никого я не трогаю, значит никому до меня дела нет. Конечно, я по молодости своей обязан уважать старшим, да не всякому же: другой не стоит того и внимания, чтоб ему уважать-то. А я к вам с просьбою, Селиверст Потапыч, заставьте за себя богу молить. *(Встает и кланяется в пояс.)*

Маломальский. Какая же может быть твоя просьба?

Бородкин. Это дело будет касаться Максима Федотыча… Я теперича буду вас просить замолвить за меня словечко.

Маломальский. То есть насчет чего же… это… касающее?..

Бородкин. Насчет Авдотьи Максимовны-с! Есть на то мое желание и маменькино-с.

Маломальский. Это ничего… это можно…

Бородкин. Вы не думайте, Селиверст Потапыч, чтобы я польстился на деньги, или там на приданое, ничего этого нет; мне что приданое, бог с ним, потому у меня и своего довольно; а как собственно я оченно влюблен в Авдотью Максимовну. Стараюсь об ней, примерно, не думать — никак невозможно, потому это сверх моих чувств. Поверите ли, Селиверст Потапыч, сядешь это вечером дома к окну, возьмешь гитару собственно как для увеселения себя, — такая найдет на тебя тоска, что даже до слез.

Маломальский. Это я могу… орудовать…

Бородкин. И мне, кажется, ничего в жизни не надо, кроме как если бы Максим Федотыч отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякого награждения.

Маломальский. Это все в наших руках.

Бородкин. Будьте отец и благодетель! Нынче Максим Федотыч зайдут к вам, так уж вы ему поговорите, а уж я вам по гроб жизни буду обязан, то есть вот как-с — скажите: Иван, сделай то, я всей душой-с. Прикажете еще бутылочку послать?

Маломальский. Что ж… посылай…

Бородкин *(половому)*. Пошли мальчика-то, чтоб еще бутылочку принес.

Половой. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Входит Русаков. Бородкин быстро встает и раскланивается. Маломальский тоже встает.

Явление третье

Те же и Русаков.

Бородкин *(показывая на диван).* Пожалуйте-с, Максим Федотыч! Наше вам почтение.

Русаков. Ну, вот, сват, я к тебе пришел, чем-то ты меня станешь потчевать.

Маломальский. Китайских трав… первых сортов… велим подать.

Русаков. Ну тебя с травами!..

Бородкин. Домашние ваши здоровы ли, Авдотья Максимовна, Арина Федотовна?

Русаков. Ничего, живут помаленьку. Ты, Иванушка, что к нам редко заглядываешь?..

Бородкин. Побываю, Максим Федотыч, как-нибудь-с. Это время всё делишки были. Не прикажете ли рюмочку лисабончику?

Русаков. Нет, я этого, брат, не пью. А вот с дорожки-то ты бы, сват, велел подать рюмочку ерофеичу.

Маломальский. Молодцы! Ерофеичу подайте… поскорей, домашнего… да закусочки… Слышь ты, скажи жене, что сват, мол, пришел.

Половой уходит.

Русаков. Об чем вы тут, дружки, толкуете?

Маломальский. Такое дело примерно… важное, рассудку требует.

Русаков. Это ты хорошо, Иванушка, делаешь, что к старшим за советом ходишь. Ум хорошо, а два лучше… Хоть ты парень и умный, а старика послушай… старик тебе худа не посоветует. Так ли я говорю, а?

Маломальский. Это ты правильно.

Половой приносит водку и ставит на стол.

Русаков *(пьет)*. А ты, сват, выпьешь?

Маломальский. Я, сват… я выпью… я нынче загулял. *(Пьет; делает серьезную физиономию.)* А у меня есть слово к тебе, сват…

Русаков. Какое же это слово?

Маломальский *(с важною физиономиею показывает на Бородкина.)* Теперича этот молодец… гм!.. к примеру… *(мигает глазом)* то есть, примерно, приходит он ко мне… и все этакое…

Русаков. Да ты полно ломаться-то!.. Ты и так-то разговаривать не мастер, а как уж важность-то на себя напустишь, так хоть вовсе брось.

Маломальский. Погода… дело говорю. Гм!.. Выпьем сперва-наперва.

Русаков. Пей, я не хочу.

Маломальский *(пьет и морщится)*. Только

вот приходит он ко мне… видишь… так и так, говорит… что он, примерно оказать, влюблен…

Бородкин встает.

Ну, и значит… он просит меня, чтобы я руководствовал его… всему этому делу.

Русаков. Ну?..

Маломальский. Ты погоди!.. Как он теперь в состоянии… то есть… при всем своем полном капитале… ну, и должен законным браком… Гм… приходит это, примерно, ко мне…

Русаков. Уж слышали.

Маломальский. Я, сват… я говорить не умею, а то есть у тебя, примерно, товар, а у нас купец…

Русаков. У тебя, сват, не разберешь — так ли ты городишь, зря, или ты про дело толкуешь.

Маломальский. Про дело, сват.

Русаков. Так про дело делом и толковать надо, а не так. Ведь это не шутка, ты сам посуди! Это навек.

Маломальский. Послушай, сват… ты нам теперь-то что-нибудь, примерно, хоть обиняком…

Русаков. Да что вам сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна… Одно утешение только и есть. Мне не надо ни знатного, ни богатого, а чтобы был добрый человек да любил Дунюшку, а мне бы любоваться на их житье… право, так. Я, значит,

должен это дело сделать с разумом, потому мне придется за нее богу отвечать.

Бородкин. Конечно, Максим Федотыч, главная причина, как сами Авдотья Максимовна, как им человек понравится.

Маломальский. Это он… так точно.

Русаков. Врете вы оба! Статочное ли дело, чтоб поверить девке, кто ей понравится!.. Известно, дело девичье — глупое… Девку долго ли обмануть!.. Ветрогон какой-нибудь, прости господи, подвернется, подластится, ну, девка и полюбит; так ее и отдавать бестолку?.. Нет, это не порядок: пусть мне человек понравится. Я не за того отдам, кого она полюбит, а за того, кого я полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдам. Да я год буду смотреть на человека, со всех сторон его огляжу. А то как девке поверить?.Что она видела? Кого она знает?.. А я, сват, недаром шестьдесят лет на свете живу, видал-таки людей-то: меня на кривой-то не объедешь.

Маломальский. Ты слушай, сват: значит, за кого отец… за того и ступай… потому он лучше… как можно… девке где?.. Дай им волю-то… после и не расчерпаешь, так ли… а?..

Русаков. Да ты что!.. Все ты не дело толкуешь!.. Моя дочь не такая… Моя Дунюшка вылитая жена

покойница… Помнишь, сват?.. Ну что! Роптать грех. *(Утирая слезы.)* Годков тридцать пожил! и за то должон бога благодарить. Да как пожил! Тридцать лет слова неласкового друг от друга не слыхали! Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же: пусти ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри: у нее в глазах-то только любовь да кротость. Она будет любить всякого мужа, надо найти ей такого, чтоб ее-то любил да мог бы понять, что это за душа… душа у ней русская.

Бородкин. Я, Максим Федотыч, это очень могу понимать-с.

Русаков. Что ж, Иванушка, я тебя обманывать не стану: ты мне нравишься, ты парень хороший; лучше тебя у нас в городе нет. Заходи ужотка, да скажи матери, чтоб побывала, я с ней поговорю.

Мальчик приносит бутылку вина.

Бородкин. Первым долгом почту передать это своей родительнице-с.

Маломальский. Ну, так по рукам… что ль… а?.. А вот теперь, сват, давайте… вобче… все выпьем. *(Пьют.)*

Русаков *(встает)*. Ну, прощай, сват.

Маломальский. Погоди!

Русаков. Некогда! Дома обедать ждут.

Маломальский. Нет, постой… я тебе расскажу историю… Слышь ты… остановились у меня проезжие… только, примерно, напились… и какой же маскарад сделали!

Русаков. Ну тебя с маскарадом! Прощай!

Бородкин. Я вот сбегаю в лавку, заверну домой-с. Да и к вам-с.

Уходят.

Явление четвертое

Маломальский один, потом Анна Антоновна.

Маломальский *(допивает, стучит по столу и кричит)*. Эй, молодцы!.. Прибирай всё, слышь ты, прибирай… *(Стучит.)*

Анна Антоновна *(входит)*. Необразованность ты моя! Что ты шумишь-то?.. Мужик, мужик!..

Маломальский. Жена, молчи! дело сделали… теперь гуляй!..

Анна Антоновна. Стен-то бы ты постыдился, что ты орешь-то?..

Приходит половой, собирает со стола, уносит поднос и опять возвращается.

Маломальский. Жена! Поди сюда… дело сделали…

Анна Антоновна. Необразованность!

Маломальский. Веди меня… я спать хочу…

(Жена берет его за руку и ведет.) Постой, поцелуй меня!..

Анна Антоновна. Пойдем, пойдем, беспутный.

Уходят. Входят Баранчевский и Вихорев.

Явление пятое

Половой, Баранчевский и Вихорев.

Вихорев. Вот как это случилось. Я услыхал, что у Русакова много денег; ну, и приехал сюда из деревни нарочно; думаю, рискну! Уж либо пан, либо пропал… Отрекомендовался ему, познакомились; а с ней-то я познакомился через хозяйку здешнюю, Анну Антоновну. Авдотья Максимовна к ней ходит иногда. Ну, знаешь, поразговорились, то да се, а тут уж долго ли влюбиться.

Баранчевский. Что толковать!..

Вихорев. Дело в том, Баранчевский, что мне нужны деньги. Состояние, которое у меня было когда-то, давно прожито, имение расстроено. Мой друг! мне жить нечем, мне не с чем в Москву приехать, а я там много должен. Мне нужно жениться на богатой во что бы то ни стало; это единственное средство.

Баранчевский. Женись на Русаковой. Чего ж тебе лучше? К тому же она в тебя влюблена.

Вихорев. Влюблена-то она влюблена, да что

скажет отец. А что, Баранчевский, много у него денег?..

Баранчевский. Полмиллиона, наверно.

Вихорев. Нет, ты не шутишь?

Баранчевский. Что за шутки! Непременно есть полмиллиона, если не больше. *(Смотрит на часы.)* Торопиться-то мне некуда; давай выпьем маленькую.

Вихорев. Изволь.

Баранчевский *(половому)*. Бутылку шампанского! *(Садятся.)*

Вихорев. Нет, послушай, Баранчевский, неужели в самом деле у Максима Федотыча полмиллиона?

Баранчевский. Что ж тут мудреного! У нас много богатых купцов. Я сам взял за женой полтораста тысяч.

Вихорев. Ты?.. Нет, уж это, брат, шутки!.. Я этому не поверю.

Баранчевский. Не верь, пожалуй; а я вот имение купил, премиленькое, верстах в семи от города, душ 200, дом отделал великолепным образом.

Вихорев. Баранчевский! Да ты великий человек! Счастливчик просто! А мне так вот нет счастья. Я было в Москве тоже присватался за

одну — куш порядочный; влюбилась, сдуру, ужас как, просто средств нет никаких, да не отдают ни за какие благополучия. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкуешь — дура ужаснейшая! Дура a la lettre, mon cher,[5] такое несчастие!

Баранчевский. Одно, брат, неприятно, уж сейчас заметно, что из купчих.

Вихорев. Что за важность! Стоит об этом разговаривать! Послушай, Баранчевский, будь друг, ты мне помоги!

Баранчевский. Еще бы не помочь!

Вихорев. Ведь этот народ не понимает самой простой истины… Что такое деньги?.. Ни больше ни меньше как средство жить порядочно, в свое удовольствие. А они стараются как можно больше копить и как можно меньше проживать; а уж доказано всеми науками, что это вредно… для торговли… и для целого общества.

Баранчевский. Так, так, душа моя, так!

Вихорев. Вот видишь, если бы у тебя не было денег, ты бы не спросил бутылки шампанского, а этим поддерживается торговля.

Баранчевский утвердительно кивает головой.

Следовательно, если мы, люди образованные и

---

[5] Примечания: 5
Буквально, мой милый.

со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даем, знаешь, некоторое движение… можно ли нас за это упрекнуть?

Баранчевский. Никоим образом!

Вихорев. А ведь есть такие философы, которые осуждают это!..

Баранчевский. Осуждай, пожалуй!..

Вихорев. Теперь ты возьми в расчет мой меланхолический характер: мне и так все кажется в черном цвете, а во время безденежья… ты себе и вообразить не можешь… При деньгах я совсем другой человек: я делаюсь весел, развязен, могу заняться делом… Нет, Андрюша, в самом деле!.. Особенно в последнее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братец, тоска нашла, хандрить начал. Серьезно я говорю, помоги, Баранчевский.

Баранчевский. Изволь, изволь!..

Вихорев. А вот, во-первых, есть у тебя экипаж хороший?

Баранчевский. Лучший в городе.

Вихорев. Ты мне одолжи его к ним съездить.

Баранчевский. С удовольствием, мой друг! *(Встают и ходят по сцене.)* Что ж вина не дают?..

Вихорев *(ухватывая его за талию)*. Так-то,

Андрюша!.. вот дела-то!.. Привел бог свидеться!.. Однако ты потолстел.

Половой приносит бутылку и два стакана, ставит стаканы на стол и откупоривает.

Вихорев. Без грому, братец, без грому; я этого терпеть не могу.

Садятся к столу. Половой наливает им стаканы и отходит к стороне. Пьют молча.

Что это у вас за шум был?..

Половой. Хозяин загулял-с.

Вихорев. Что ж, это с ним часто бывает?

Половой. Со временем бывает-с. G знакомыми сидели; Максимыч Федотыч был-с, Бородкин.

Вихорев. И Максим Федотыч был?

Половой. Был-с. Они дочку просватали-с.

Вихорев. Что за вздор!.. Ты, братец, врешь! За кого?

Половой. За Бородкина-с.

Вихорев. Это пустяки, этого быть не может. Послушай, мой друг, вот это несчастье!.. вот что называется несчастье!.. *(Вскакивает.)* Это, наконец, чорт знает что такое… Понимаешь ли ты, я за этим ехал сюда!.. Согласись, Баранчевский, что ведь это ужасно досадно!.. Кто этот Бородкин?..

Половой. Здешний купец-с.

Вихорев. Что, он богат, хорош собою, образо-

ван?..

Половой. Как есть из русских-с.

Вихорев. Родство, что ли, у него богатое?

Половой. Какое родство-с! Нашему слесарю двоюродный кузнец!

Вихорев. Так она за него не пойдет ни за что! Я говорю тебе, Баранчевский, что она влюблена в меня; не стану же я тебя обманывать. Или, может быть, у вас тут обычай выдавать насильно. Ведь кто вас знает. Заедешь в такую глушь!.. Это чорт знает как досадно.

Половой. Одна необразованность; по необразованию все делается.

Баранчевский. Ну, из чего ты так горячишься?

Вихорев. Да, вот ты тут устроился, так тебе и хорошо: тебе тепло здесь с богатой-то женой, а я чем виноват! Ты представь мое-то положение… *(Ходит по комнате.)* Однако, что ж мне теперь делать?

Баранчевский. Вот что делать: поедем ко мне обедать, я тебя с женой познакомлю, а вечером возьми моих лошадей да и поезжай к Русакову, объяснись с ним поумнее, может быть, еще это все вздор.

Вихорев. Ну, так едем. Допивай.

Анна Антоновна входит.

Явление шестое

Те же и Анна Антоновна.

Анна Антоновна. Виктор Аркадьич, Виктор Аркадьич!

Вихорев *(подходя к ней.)* Что вам угодно?

Анна Антоновна. Ваш предмет у меня теперь сидит; она собирается домой, так вы погодите, я ее здесь проведу.

Вихорев. Благодарю вас.

Анна Антоновна. Амур! *(Уходит.)*

Вихорев *(поправляется перед зеркалом.)* Ты поезжай да пришли за мной лошадей; я сейчас приеду. *(Половому.)* А ты пошел вон.

Баранчевский. Ну, прощай, я тебя жду. *(Уходит.)*

Явление седьмое

Вихорев *(один.)* Если этот Максим Федотыч не согласится, так я ее увезу; нечего и разговаривать!.. Будет, помаялся, надобно чем-нибудь кончить. Что ж, мне в ремесленники, что ли, итти?.. Нет, как у меня деньги-то в кармане, так мне что хочешь пой, я никого и слушать не хочу.

Входят Авдотья Максимовна и Анна Анто-

новна.

Явление восьмое

Вихорев, Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Вихорев. Какая нечаянность! *(Раскланивается.)*

Авдотья Максимовна кланяется ему.

Анна Антоновна *(тихо Вихореву.)* Поговорите, полюбезничайте, а я посмотрю, не взошел бы кто.

Вихорев. Я должен с вами проститься, Авдотья Максимовна!..

Авдотья Максимовна стоит в недоумении.

Я еду отсюда.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы едете, Виктор Аркадьич?

Вихорев. А зачем мне оставаться, Авдотья Максимовна?.. Я слышал, вы выходите замуж.

Авдотья Максимовна. Это неправда, Виктор Аркадьич, это вас обманули — это только хотят нас расстроить. И кому это только нужно!

Вихорев. Помилуйте, нынче утром Максим Федотыч дал слово какому-то Бородкину. Согласитесь сами, после этого что же мне здесь делать!

Авдотья Максимовна. Ах, боже мой! Тятенька

мне ничего не говорил об этом. Я не пойду за Бородкина, Виктор Аркадьич, вы не беспокойтесь, пожалуйста.

Вихорев. Вам тятенька прикажет итти.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, тятенька меня любит. Я скажу ему, что не люблю Бородкина; он насильно не заставит…

Вихорев. А как он этого не послушает, что тогда?

Авдотья Максимовна. Я уж, право, не знаю, что мне делать с этим делом, такая-то напасть на меня!

Вихорев. Хотите, я научу вас, что делать?

Авдотья Максимовна. Научите.

Вихорев. Уедемте потихоньку, да и обвенчаемся.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, нет! — что вы это, ни за что на свете!.. Ни-ни, ни за какие сокровища!..

Вихорев. Тятенька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете, по русскому обыкновению, ему в ноги… Ну, старик и того…

Авдотья Максимовна. Да и не говорите!.. Он проклянет меня!.. Каково мне тогда будет жить на белом свете! До самой смерти у меня будет

камень на сердце.

Вихорев. Ну, извините, я другого средства не знаю.

Авдотья Максимовна. Вы лучше вот что сделайте, Виктор Аркадьич: приезжайте к нам нынче вечером, да и поговорите с тятенькой, а я сама его тоже попрошу; хоть и стыдно будет, да уж переломлю себя.

Вихорев. А ну, как он откажет мне?

Авдотья Максимовна. Что ж делать!.. Знать, моя такая судьба несчастная. Вчера тетенька на картах гадала, что-то все дурно выходило, я уж немало плакала. *(Подносит платок к глазам.)*

Вихорев. Послушайте, коли вы меня так любите, так вы уговорите Максима Федотыча, он вас послушает. Тогда мы оба будем счастливы!

Авдотья Максимовна. Вы-то меня любите ли так, Виктор Аркадьич, как я вас люблю?..

Вихорев. Какое же может быть сомнение! Если вы не будете моей, я сейчас же уеду на Кавказ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорее застрелили. Вы знаете, как черкесы хорошо стреляют.

Авдотья Максимовна. Что это вы, Виктор Аркадьич, какие страсти говорите! Нет, не ездите. Приезжайте ужо к нам.

Вихорев. Непременно приеду.

Авдотья Максимовна. Прощайте, мне пора.

Вихорев берет ее за руку и хочет обнять.

Нет, мне стыдно, ей-богу, стыдно!..

Вихорев *(в сторону)*. Вот нежности! *(Ей.)* Что за стыд, когда любите. *(Целует ее.)*

Авдотья Максимовна. Вы будете после смеяться.

Вихорев. За кого же вы меня принимаете? Смею ли я!

Авдотья Максимовна. Нет, мне, право, стыдно. *(Обнимает и целует его сама, закрывает лицо и отходит.)* Прощайте, приезжайте ужо.

Вихорев. Непременно приеду.

Авдотья Максимовна подходит к Анне Антоновне и, шепнувши ей что-то, уходит.

Анна Антоновна *(в дверях, грозя пальцем)*. Амур! *(Уходит.)*

Явление девятое

Вихорев *(один)*. А она даже очень недурна и, как кажется, такая простенькая девушка. А уж как влюблена, ужас! Тысяч сто взять к ней в придачу, да и довольно. Конечно, с такой женой нельзя в столицу показаться, а в уезде ничего, жили бы припеваючи. *(Уходит.)*

Действие второе

Небольшая комната в доме Русакова; на обеих боковых стенах по окну и по двери, на задней стене дверь; два стола, один о правой стороны, другой с левой, почти у самой двери; за столом диван; на окнах цветы и на одном гитара.

Явление первое

Авдотья Максимовна сидит у окна. Арина Федотовна сидит у окна на диване, шьет.

Авдотья Максимовна *(смотря в окно, поет русскую песню, потом обращается к Арине Федотовне),*

Научить ли те, Ванюша,
Научить ли те, Ванюша,
Как ко мне ходить.
Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи?
Переулочком.
Ты не голосом кричи.
Ты не голосом кричи?

Соловьем свищи.
Чтобы я, млада-младенька,
Чтобы я, млада-младенька,
Догадалася.

Что это со мной, тетенька, за чудо сделалось! Я надивиться не могу, как полюбила я Виктора Аркадьича!.. И надо же было этому делу сделаться!.. Беда, да и только…

Арина Федотовна. Никакой тут беды нет, все так и быть должно!..

Авдотья Максимовна. Как же, тетенька, не беда? Просто моя погибель это. Тятенька давеча, как пришла я от Анны Антоновны, говорил, чтоб я шла за Бородкина. Ни тятеньку мне огорчить не захочется, да и с сердцем-то я не совладаю.

Арина Федотовна. Была оказия итти за Бородкина!

Авдотья Максимовна. Вот нынче хотел Виктор Аркадьич приехать поговорить с тятенькой. Что-то будет!.. Хоть бы уж поскорее он приехал; по крайней мере, я бы уж знала, а то как тень какая хожу, ног под собой не слышу. Только чувствует мое сердце, что ничего из этого хорошего не выйдет. Уж я знаю, что много мне, бедной, тут слез пролить.

Арина Федотовна. Плачь, пожалуй, коли тебе хочется. А по мне — сказала отцу, что не хочу, мол, за Бородкина итти, да и конец.

Авдотья Максимовна. Нет, тетенька, не могу я этого сделать, не мой это характер. Как я ему скажу? Ему и в голову-то не приходит, чтоб я смела не послушать его. *(Взглянув в окно.)* Ну, идет. И без него-то уж мне тошнехонько, не глядели б глаза ни на что! *(Встает.)*

Арина Федотовна. Кто идет?

Авдотья Максимовна. Иван Петрович!.. *(Уходит.)*

Бородкин входит.

Явление второе

Арина Федотовна и Бородкин.

Бородкин. Наше вам почтенье-с. Как ваше здоровье-с?

Арина Федотовна. Полно ты рядские-то учтивости разводить, слыхали мы это.

Бородкин. Как не слыхать-с. *(Садится.)*

Арина Федотовна. Ты с чего это вздумал за Дунюшку-то свататься!

Бородкин. Да вам-то какое теперича до этого дело?

Арина Федотовна. Неприятно для меня это

видеть. Ну, какая ты ей пара? Какой ты кавалер? И с бородой, и необразованный?

Бородкин. Опять-таки это не ваше дело. Нешто я за вами…

Арина Федотовна. Да смел ли бы ты это подумать? Я в Москве воспитывалась, там видала людей-то не тебе чета.

Бородкин. А я так думаю, что люди всё одне-с.

Арина Федотовна. Вот то-то и есть, что разница. Есть необразованные, вот как ты, а то есть люди с понятием.

Бородкин. Хоть бы посмотреть когда на таких-то. Что ж вы там замуж не шли?

Арина Федотовна. А оттого, что не хочу, чтоб надо мной мужчина командовал. Все они невежи и очень много о себе думают. Да и опять это не твое дело.

Бородкин. Нет-с, я так. Жалко только со стороны смотреть, что, при вашем таком образовании, на вас никто не прельщается.

Арина Федотовна. Невежа, смеешь ли ты так с дамой разговаривать?

Бородкин. Да что с вами разговаривать! Разговаривать-то с вами нечего, потому что вы не дело толкуете… все равно, что воду толочь. *(Берет гитару и настраивает.)* Я буду разговаривать с

Максимом Федотычем.

Арина Федотовна. Разговаривай, пожалуй, да ничего толку не будет, потому что лезешь ты, мой друг, сдуру, куда не следует. *(Оставляет шитье, берет карты и раскладывает.)*

Бородкин. Хоша бы и так, все это наше дело… Вас не спросим. *(Берет несколько аккордов и поет вполголоса русские мотивы.)*

Арина Федотовна. Ну, что ты поешь?.. Есть ли тут склад какой-нибудь! Как есть деревня!

Бородкин. Спойте вы, коли лучше знаете. *(Подает ей гитару.)*

Арина Федотовна. Да уж, конечно, не стану ваших мужицких песен петь. *(Поет с чувством романс.)*

Бородкин. Это что ж такое-с?

Арина Федотовна. Что? Известно что — романс. *(Задумывается.)* У нас, Ваня, как жила я в Москве, был приказчик Вася, это он меня выучил. Только как он пел, это прелести слушать. *(Опять раскладывает карты, потом быстро смешивает их и задумывается.)*

Бородкин. Скоро придет Максим Федотыч?

Арина Федотовна. Ах, отстань ты от меня, почем я знаю.

Входит Авдотья Максимовна.

Явление третье

Те же и Авдотья Максимовна.

Бородкин *(быстро вскакивает.)* Наше вам почтенье, Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна. Здравствуйте, Иван Петрович. Здорова ли ваша маменька?

Бородкин. Слава богу, покорно вас благодарю. Ваше как здоровье-с?

Авдотья Максимовна. Понемножку. Вы тятеньку дожидаетесь?

Бородкин. Тятеньку-с.

Авдотья Максимовна. Он скоро придет, подождите.

Бородкин. Подождем-с. *(Садится на стул.)*

Авдотья Максимовна. А я, тетенька, к вам погадать пришла. Загадайте мне на трефового короля.

Бородкин. Кто же это трефовый король-с?

Арина Федотовна *(раскладывая карты)* — Уж, конечно, не ты. Ты думаешь, что только у нас и свету, что ты… *(После молчания.)* Вот, Дуня, смотри!.. Он тебя любит. Вот видишь… *(Показывает на карты и шепчет Авдотье Максимовне.)*

Бородкин. Загадайте мне-с.

Арина Федотовна *(гадает).* Ну, брат, не дожи-

дайся ничего. Слезы тебе выходят…

Бородкин. Что ж такое-с, плакать-то нам не впервой-с; радости-то мало видали-с!

Авдотья Максимовна. Вы давеча говорили что-нибудь с тятенькой?

Бородкин. Насчет чего-с?

Авдотья Максимовна. Вы говорили, так сами знаете, насчет чего.

Бородкин. У нас вообще был разговор, втроем-с — и Селиверст Потапыч тут был-с.

Арина Федотовна. Ты полно сиротой-то притворяться; мы уж слышали.

Авдотья Максимовна. Как же это вам, Иван Петрович, не совестно: не сказавши мне ни слова, да прямо тятеньке!

Арина Федотовна. Захотела ты от мужика совести!

Бородкин. Да вы что ж такое, в самом деле!.. Все мужик да мужик!..

Арина Федотовна. Он братцу Лазаря поет да штуки разные подводит, а тот ему и верит.

Бородкин. Полноте обижать-то, Арина Федотовна, мы на этакие дела не пойдем-с. Эх, Авдотья Максимовна, вспомните-с! Было времячко-с, да, должно быть, прошло-с! Должно быть, лучше нас нашли-с.

Арина Федотовна. Да уж, разумеется, лучше вас. Ишь ты, какой красавец! Думаешь, что уж лучше тебя и на свете нет.

Бородкин. Были и мы хороши-с.

Арина Федотовна. Пойтить велеть самоварчик поставить, братец придет, чтоб готово было. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Авдотья Максимовна и Бородкин.

Бородкин. Эх, Авдотья Максимовна, грех вам! Вспомните: бывало, осенние темные вечера вдвоем просиживали, вот у этого окошечка. Бывало, в сенях встретимся, в сумеречках, так не наговоримся; долго нейду, так, накинувши шубку-то на плечики, у калитки дожидались. Был я и Ванечка, и дружок, а теперь не хорош стал.

Авдотья Максимовна *(оглядывается кругом, тихо)*. Да ты, Ваня, не сердись! Я тебе все расскажу, ты сам рассудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавец собой-то, какой умный. Любила я тебя, ты знаешь, а уж как его полюбила, я и не знаю, как это словами сказать. Увидала я его у Анны Антоновны, на прошлой неделе… Сидим это мы с ней, пьем чай, вдруг он входит… как увидела я этакого красавца, так у ме-

ня сердце и упало; ну, думаю, быть беде. А он, как нарочно, такой ласковый, такие речи говорит.

Бородкин. Знаем мы эти речи-то. Оне хороши, пока вы их слушаете. Бывало, сидишь в лавке, вечера-то ждешь не дождешься, вся душа изомрет, и то и другое передумаешь, что тебе сказать-то, а как придешь, и слова не выговоришь. А скажется слово, так от сердца, что душа чувствует; а у них речи ученые — говорят одно, а думают другое. Видимое дело, что ему твои деньги нужны; нешто б он не нашел невесту помимо тебя.

Авдотья Максимовна. Нет, Ваня, не говори этого, он меня любит.

Бородкин. А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю?

Авдотья Максимовна. Что же мне делать-то! На грех я его увидела! Так вот с тех пор из ума нейдет, и во сне все его вижу. Словно я к нему приворожденная какая. *(Сидит задумавшись.)* И нет мне никакой радости! Прежде я веселилась, девка, как птичка порхала, а теперь сижу вот, как к смерти приговоренная, не веселит меня ничто, не глядела б я ни на кого. Уж и что я, бедная, в эти дни слез пролила!.. Ведь надо ж быть такой беде!..

Бородкин. Ты, может, думаешь, что мне легче тебя!.. Тебе, горе, а мне вдвое.

Авдотья Максимовна. Женись, Ваня, на Груше, она мне ровесница и подруга, а уж со мной пусть будет, что бог велит.

Бородкин. Что мне жениться-то!.. на что?.. Чужой век заедать? Я уж любить ее не буду.

Авдотья Максимовна. Вот я тебе, Ваня, все сказала, что только сердце мое чувствовало… Не захотела я тебя обмануть.

Бородкин. Эх! загубила ты мою молодость!.. *(Плачет, отворотившись к окну, потом берет гитару и поет).*

Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь,
Как мы с тобой, моя любезная,
Погуливали,
Осенние, темные ночи
Просиживали.
Забавные, тайные речи
Говаривали —
Тебе, мой друг, мой друг,
Не жениться,
А мне, молодой, замуж
Нейти.

Авдотья Максимовна. Не пой ты, не терзай мою душу!

Бородкин перестает играть, она подходит к нему.

Бородкин *(ударяя себя в грудь, обнимает ее и крепко целует)*. Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородкин.

Она садится на диван, а он ходит по комнате. Входят Русаков и Арина Федотовна.

Явление пятое

Те же, Русаков и Арина Федотовна.

Русаков *(раздевается, ему помогают дочь и сестра)*. Старость-то что значит! Устал! Вот далеко ли сходил, устал… Право, так. Что, Иванушка, не весел?..

Бородкин. Маленько сгрустнулось что-то.

Русаков. Об чем тебе грустить-то, паренек, паренек!.. Что бога-то гневить! Дунюшка, поди-ка сюда. *(Гладит по голове и целует.)* Вот какова у меня дочка-то! Невеста! Замуж пора отдавать. А и жаль: радость-то, Иванушка, у меня только одна. Что есть, детушки, лучше того на свете, как жить всем вместе да в радости! Нет больше счастия на земле, как жить своей семьей в мире да в благочестии — и самому весело, и люди на тебя будут

радоваться. А врагу рода человеческого это досада немалая; он тебя будет всяким соблазном соблазнять, всяким прельщением. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь в семье, и еще того хуже бывает. Не поддался, ну и он бежит далеко, потому ему смерть смотреть на честное житье. Какие бывают дела, Иванушка! Поживешь-то, всего насмотришься. Дети ли не почитают родителей, жены ли живут с мужьями неладно — все это дело вражье. Всякий час от него берегись! Эхе-хе! Недаром пословица говорится: не бойся смерти, а бойся греха. *(Молчание.)* Одна у меня теперь забота, как бы мне Дунюшку пристроить. Полюбовался б на тебя, мое дитятко, внучат бы понянчил, коли бог приведет… Ну, а там уж что, чего мне ждать, умер бы покойно; по крайности бы знал, что есть кому душу помянуть, добрым словом вспомнить. Пойдем-ка, Иванушка, мне с тобой поговорить нужно.

Уходят.

Явление шестое

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна. Что мне делать, тетенька?

Арина Федотовна. Неужели ж за Бородкина ит-

ти! Что ты говоришь!.. Виктор Аркадьич все-таки человек… а это что? мразь какая-то!

Авдотья Максимовна. А знаете, тетенька, я как-то боюсь Виктора Аркадьича.

Арина Федотовна. То-то вот, матушка, деревня-то что значит! Жила ты все в этом городишке и людей-то не видывала.

Авдотья Максимовна. Он давеча мне говорит, что коли тятенька не согласится, так он меня потихоньку увезет. Я, тетенька, так испугалась, насилу до дому добежала.

Арина Федотовна. Есть чего пугаться, скажите, пожалуйста! Ах, Дунюшка, как это интересно, кабы ты знала! Коли мужчина хочет увезти, уж значит, что любит, пойми ты это.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то?.. Что я тогда с ним, с стариком, сделаю!

Арина Федотовна. Что тятенька-то! Тятенька твой еще ему должен быть благодарен. Где он тебе такого жениха найдет! Чтой-то ты, матушка, совсем деревенская. Нет, я смолоду поудалей была.

Авдотья Максимовна *(смотрит в окно)*. Тетенька, голубушка, едет! Бегите к тятеньке, скажите ему, а я пойду посижу у себя в комнате. Вот когда смерть-то моя! *(Уходит.)*

Арина Федотовна *(подходя к двери)*. Братец!

братец! пожалуйте сюда; к вам гость приехал.

Русаков за сценой: «Кто там еще? Сейчас». Вихорев входит.

Явление седьмое

Арина Федотовна и Вихорев.

Вихорев. Здравствуйте, Арина Федотовна! Максим Федотыч дома?

Арина Федотовна. Дома-с, сейчас выйдет. *(Уходит.)*

Явление восьмое

Вихорев *(один)*. Ну, борода, поговорим теперь с тобой! С которой бы стороны к нему подъехать?.. Мудрен ведь этот народ! Решительно не знаю… ну, да уж пущусь на счастье, куда кривая не вынесет. Нет ничего хуже, как с мужиками разговаривать. Еще обругает, того гляди. Ну, да уж нечего делать, амбицию-то пока в сторону отложим. Вот крайность-то до чего доводит нашего брата!..

Входят Русаков и Бородкин.

Явление девятое

Вихорев, Русаков и Бородкин.

Русаков. Прощай, Иванушка, заходи ужо, теперь мне некогда.

Бородкин. Прощайте, Максим Федотыч, желаю вам быть здоровым. *(Уходит.)*

Вихорев *(подходит к Максиму Федотычу)*. Здравствуйте, почтеннейший Максим Федотыч, как вы поживаете?

Русаков. Слава богу, живем, пока бог грехам терпит. Просим милости садиться…

Вихорев. Сделайте одолжение, не беспокойтесь. *(Садится.)*

Русаков. Сестрица, велите нам чайку подать.

Вихорев. Не для меня ли вы это, Максим Федотыч, беспокоитесь? Я уже пил, уверяю вас.

Русаков. Нельзя же, батюшка, без этого.

Вихорев. Впрочем, сколько я заметил, уж такой обычай у русского народа — потчевать. Я, знаете ли, сам человек русский и, признаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мне нравится это гостеприимство, радушие…

Русаков. Не знаю, батюшка, как сказать. Что ж, худого тут нет ничего.

Входит девка с подносом чаю.

Русаков. Просим покорно. *(Берут и пьют молча.)*

Вихорев. Скажите, сделайте одолжение, Максим Федотыч, бывали вы в столицах?

Русаков. Как, батюшка, не бывать, в Москву по делам езжал.

Вихорев. Не правда ли, там жизнь совсем другая: больше образованности, больше развлечения. Я думаю, посмотревши на столичную жизнь, довольно скучно жить в уездном городе.

Русаков. Не всем же жить в столицах, надобно кому-нибудь жить и в уездном городе.

Вихорев. Я с вами согласен; но, впрочем, Максим Федотыч, вы ведь не такой купец, как прочие уездные купцы: вы составляете некоторым образом исключение. Но что же я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы с вашим капиталом были бы и в Москве одним из первых.

Русаков. Как знать чужой капитал!.. Нет, мне и здесь хорошо.

Вихорев. Я понимаю, что вам здесь хорошо: вы здесь родились, привыкли, вам весь город знаком — конечно, привычка много значит; но у вас есть дочь.

Русаков. Так что ж что дочь?

Вихорев. Вы, вероятно, захотите ей дать неко-

торое образование, показать ей людей… наконец, найти хорошую партию. А где вы это здесь найдете?

Русаков. Да что ж, разве здесь звери живут?.. чай, тоже люди.

Вихорев. Да разве здесь вас могут оценить, Максим Федотыч, разве могут! что вы говорите!

Русаков. Да что нас ценить-то! Нам этого не нужно. Ну их совсем и с оценкой-то! Был бы сам по себе хорош, а то про меня что хошь говори.

Вихорев. Нет, скажите: разве есть здесь женихи для Авдотьи Максимовны? Разве есть? Где это? Покажите мне их! Кто посмеет за нее посвататься из здешних? В вас мало самолюбия — и это напрасно, Максим Федотыч: в человеке с такими достоинствами и с такими средствами оно весьма извинительно… Я вам говорю безо всякой лести, я горжусь вашим знакомством… Я много ездил по России, но такого семейства, как ваше, я не встречал нигде до сих пор,

Русаков. Благодарим покорно.

Вихорев. Нет, в самом деле. Много есть купцов, да все в них нет того, что я вижу в вас — этой патриархальности… Знаете ли что, Максим Федотыч?.. Ваша доброта, ваше простодушие, наконец ваш ум дают мне смелость говорить с вами откро-

венно… Я надеюсь, что вы на меня не обидитесь?

Русаков. Что вам, батюшка, угодно?..

Вихорев. Ох, Максим Федотыч, страшно! Но, во всяком случае, так ли, не так ли, я надеюсь, что мы останемся друзьями. *(Подает ему руку, тот кланяется. Вихорев подвигается к нему.)* Влюблен, Максим Федотыч, влюблен… в Авдотью Максимовну влюблен. Я бы свозил ее в Москву, показал бы ей общество, разные удовольствия… у меня есть имение не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронит… А главное, мне хочется породниться с вами, Максим Федотыч… Ну, и чин у меня…

Русаков. Полноте, ваше благородие, мы люди простые, едим пряники неписаные, где нам! Ведь нас только за карман и уважают.

Вихорев. Полноте, Максим Федотыч! Что за идея!

Русаков. Право, так. А то за что нас любить-то?

Вихорев. За добрую душу.

Русаков. Так ли, полно?

Вихорев. Я не понимаю, Максим Федотыч: у нас какой-то странный разговор происходит.

Русаков. Не дело вы говорите. Вы люди благородные, ищите себе барышень… воспитанных, а уж наших-то дур оставьте нам, мы своим-то

найдем женихов каких-нибудь дешевеньких.

Вихорев. Однако неужели же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать ее за человека благородного и притом такого, который ее любит?

Русаков. Оттого-то и не отдам, что желаю добра; а вы как думали? Я худа, что ль, ей желаю? Ну какая она барыня, посудите, отец: жила здесь в четырех стенах, свету не видала. А купцу-то она будет жена хорошая, будет хозяйничать да детей нянчить.

Вихорев. Но, Максим Федотыч, я ее люблю.

Русаков. Эх! *(Махнув рукой, отворачивается.)*

Вихорев. Я вас уверяю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумия.

Русаков. Не поверю я вам.

Вихорев. Как не поверите?

Русаков. Так, не поверю, да и все тут.

Вихорев. Да как же вы не поверите, когда я вам даю честное слово благородного человека?

Русаков. Не за что вам ее любить! Она девушка простая, невоспитанная и совсем вам не пара. У вас есть родные, знакомые, все будут смеяться над ней, как над дурой, да и вам-то она опротивеет хуже горькой полыни… так отдам я свою дочь на такую каторгу!.. Да накажи меня бог!..

Вихорев. Я вам говорю, что со мной она будет счастлива, я за это ручаюсь.

Русаков. Нечего нам об этом разговаривать — это дело несбыточное. Поищите себе другую, я свою не отдам.

Вихорев. Я вам только одно могу на это сказать, что вы меня делаете несчастным человеком. *(Встает.)* Извините, что я вас обеспокоил. У вас, вероятно, есть кто-нибудь на примете, иначе я не могу предположить, чтобы вы, любя свою дочь и желая ей счастия, отказали мне. И мне кажется, если б вы меня покороче узнали… но таков уж, видно, русский человек — ему только бы поставить на своем; из одного упрямства он не подорожит счастьем дочери…

Русаков. Тьфу ты, прах побери! Да я б с тебя ничего не взял слушать-то такие речи! Этакой обиды я родясь не слыхивал! *(Отворотись.)* Приедет, незванный, непрошенный, да еще и наругается над тобой! *(Идет.)* Провались ты совсем!

Явление десятое

Вихорев *(один)*. Вот тебе раз! Ну есть ли какая возможность говорить с этим народом. Ломит свое — ни малейшей деликатности!.. Однако это чорт знает как обидно!

Входит Арина Федотовна; Авдотья Максимовна выглядывает из дверей.

Явление одиннадцатое

Вихорев, Арина Федотовна и Авдотья Максимовна.

Арина Федотовна. Виктор Аркадьич, как дела?

Вихорев. Помилуйте, с этим мужиком нельзя разговаривать; он чуть меня не прогнал.

Авдотья Максимовна *(выходя)*. Скажите мне, Виктор Аркадьич, правду, как перед богом: любите вы меня?

Вихорев. Я вас люблю, Авдотья Максимовна; но нас хотят разлучить.

Авдотья Максимовна. Я сейчас сама пойду к тятеньке. Поезжайте вы домой и не беспокойтесь. Он меня любит, он мне не откажет. Только каково мне просить его об этом, как бы вы знали! *(Садится и плачет.)*

Вихорев *(раскланиваясь)*. Как же вы мне дадите знать?

Арина Федотовна. Мы пойдем нынче в церковь.

Вихорев. Так я вас подожду подле вала, на мосту.

Арина Федотовна. Хорошо.

Вихорев. Прощайте. *(Раскланивается и уходит.)*

Явление двенадцатое

Те же и потом Русаков.

Арина Федотовна. Ну, Дунюшка, теперь от тебя самой зависит твое счастие.

Авдотья Максимовна. Ну уж, тетенька, что будет, то будет. Вот уж правду-то говорят, что любовь-то на свете мука.

Русаков *(входя)*. Что, уехал этот барин-то?

Арина Федотовна. Уехал, братец.

Русаков. Ишь, его принесло, нужно очень.

Арина Федотовна. Я не знаю, братец, отчего он вам не понравился.

Русаков. Оттого, что дурак.

Арина Федотовна. Да чем же он, братец, дурак? Он образованный человек.

Русаков. А тем, что не умеет говорить с людьми постарше себя.

Арина Федотовна. Как, братец, кажется, ему не уметь: он человек столичный, жил в Москве все промежду благородными.

Русаков. Ну, и пусть туда едет.

Арина Федотовна. Ах, братец! Он такой образованный, такой политичный кавалер, что и в

Москве-то на редкость, а уж здесь-то нам и никогда не найти.

Русаков. Поди ты с своим образованием! Много ты знаешь! Прожила пять лет в Таганке, да и думаешь, куда как образована! Что ты там видела? Кроме сидельцев да приказных, ты и людей-то не видала.

Арина Федотовна. Все-таки, братец…

Русаков. Все-таки, сестрица, не тебе меня учить… вот что!.. Ты что там надувшись сидишь! Дуня! Никак ты плачешь?.. О чем ты плачешь?..

Авдотья Максимовна. Я так, тятенька.

Русаков. Говори, об чем?

Авдотья Максимовна. Об себе. Об своем горе.

Русаков. Что за горе там у тебя? Откуда оно взялось?

Авдотья Максимовна. Тятенька, вы не будете сердиться?

Русаков. Говори! Не сержусь!..

Авдотья Максимовна. Тятенька! Я его люблю!

Русаков. Кого его? Ветрогона-то этого? Опомнись, полоумная!

Авдотья Максимовна. Я без него жить не могу. Умереть мне легче, чем итти за другого.

Русаков. Что ты!.. что ты!.. Да ты подумай, что ты говоришь-то.

Авдотья Максимовна. Я уж думала, и дни думала, и ночи напролет думала, не смыкаючи глаз. Без него мне не мил белый свет! Я от тоски да от слез в гроб сойду!

Арина Федотовна. Братец, пожалейте; у вас ведь одна дочь-то.

Русаков. Ты, сестра, молчи — это не твое дело. Дуня, не дури! Не печаль отца на старости лет. Выкинь блажь-то из головы. Отец лучше тебя знает, что делает. Ты думаешь, ему ты нужна? Ему деньги нужны, дура! Он тебя только обманывает, он выманит деньги-то, а тебя прогонит через неделю. У меня есть для тебя жених: Иван Петрович; уж я ему обещал.

Арина Федотовна. Легко ли!.. Уж вот партия! Променять такого кавалера на Бородкина.

Авдотья Максимовна *(заливаясь слезами)*. Не видала б уж я его лучше, чем так мучиться.

Русаков. Да что ж вы в самом деле, с ума, что ли, сошли! Да как вы смеете со мной так разговаривать? Ты еще, дура, тут своими разговорами девку с толку сбиваешь, из ума выводишь. От тебя-то вся и беда. Что у тебя, вместо головы-то, надето? Кабы не твоя болтовня, смела б она так с отцом разговаривать?

Арина Федотовна. Вот, братец, вы всегда…

Русаков. Молчи, пустоголовая!.. Вот тебе, Авдотья, мое последнее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу!

Авдотья Максимовна *(подымаясь со стула)*, Тятенька…

Русаков. Не подходи! Я тебя растил, я тебя берег пуще глазу. Что греха на душу принял… ведь гордость меня одолела с тобой, я не давал никому про своих детей слова выговорить, я думал, что уж лучше тебя и на свете нет. Наказал бог по грехам! Говорю тебе, Авдотья, иди за Бородкина. Не пойдешь, не будет тебе моего благословения. А чтоб я и не слыхал про этого проходимца! Я его и знать не хочу. Слышишь ты, не доводи меня до греха! *(Уходит.)*

Явление тринадцатое

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна *(почти без памяти)*. Тетенька! мне давеча было жаль Ваню, теперь он мне опостылел… опостылел… ах!.. *(Падает в обморок.)*

Арина Федотовна. Ах, батюшки!.. Ах, батюшки!.. Поди погляди, уморил дочь-то, уморил!.. Варвар этакой!.. Тиран!.. Воды подайте! Воды!..

Русаков входит.

Явление четырнадцатое

Арина Федотовна, Авдотья Максимовна и Русаков.

Русаков *(вбегая)*. Где? Что? Господи! *(Всплеснув руками.)* Побелела как снег, хоть в гроб клади!.. Дунюшка! *(Берет за руку.)* Дунюшка! *(Смотрит на нее.)* Вот и мать такая же лежала в гробу — вот две капли воды. *(Утирает слезы.)* Господи! не попусти! Дуня! *(С ужасом.)* Очнется ли она, очнется ль?.. Нет! Ужли ж я ее убил?.. *(Стоит подле в оцепенении.)*

Девка приносит воду и уходит.

Арина Федотовна *(брызгает водою на Дуню)*. Дунюшка! Дунюшка!.. Говорила я вам, братец, так не послушали.

Русаков. Ну, что она?.. Что, Дунюшка?..

Арина Федотовна. Тихонько, тихонько, очнулась, кажется.

Авдотья Максимовна *(открывая глаза)*. Где тятенька?

Русаков. Здесь, дитятко, здесь. *(Садится подле нее на диване.)*

Авдотья Максимовна *(прилегая к нему на грудь)*. Тятенька!..

Русаков. Что, Дунюшка, что?

Авдотья Максимовна. Я люблю его.

Русаков. Ах, Дунюшка, кабы я знал, что он степенный человек, да что он тебя любит, я б тебя сейчас за него отдал, и разговаривать бы не стал.

Авдотья Максимовна. Он меня любит.

Русаков. Ох, Дунюшка, не верится мне… Ну, да вот мы это узнаем. Дело-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дам; коли любит, пускай так берет. Коли любит, возьмет и так.

Авдотья Максимовна. Неужели он меня из-за денег любит?..

Арина Федотовна. Ах, братец, разве это можно вообразить, чтобы в таком мужчине не было никаких чувств; он совсем не такой интересан, как вы думаете.

Русаков. А вот посмотрим, что он скажет.

Арина Федотовна. Ну, уж, братец, я вас уверяю, что он человек самый благородный.

Авдотья Максимовна. Тятенька, да разве в богатстве счастье?.. Коли любишь человека, так никаких сокровищ не надо.

Русаков. Это ты, мое дитятко, так рассуждаешь, а у них-то другое на уме; ну, да вот посмотрим.

Авдотья Максимовна *(целует отца)*. Тятенька, голубчик, вы меня воскресили, а то уж я, право, думала, что умираю; да я б и умерла с горя, я

уж это знаю. Тятенька, ведь мы хотели итти в церковь…

Русаков. Поди, Дунюшка, помолись, а мне нужно по делу сходить. Прощай! *(Целует ее и уходит.)*

Явление пятнадцатое

Те же без Русакова.

Авдотья Максимовна. Ах, тетенька, я все еще не могу оправиться.

Арина Федотовна. Ну, уж теперь не о чем тужить. На нашей улице праздник. Пойдем-ка скорей. Одевайся. То-то он, бедный, обрадуется, как услышит.

Уходят.

Действие третье
Сцена I

Небольшая комната на постоялом дворе. Темно.

Явление первое

Входят: Вихорев, Авдотья Максимовна и Степан со свечой. Авдотья Максимовна садится к столу. Вихорев ходит по комнате. Степан ставит свечу на стол.

Вихорев. Что это за народ! Ведь я тебе, дураку, приказывал, чтобы лошади были готовы.

Степан. Разве с ними сговоришь? Известное дело — мужики. Говорят: сейчас будет готово.

Вихорев. Ступай, да скажи, чтоб они у меня живей поворачивались, я этого не люблю.

Степан уходит.

Авдотья Максимовна. Куда вы меня завезли?

Вихорев. Мы теперь в Ямской слободе.

Авдотья Максимовна. Зачем же вы завезли меня сюда?

Вихорев. Затем, что я люблю тебя. Сейчас заложат лошадей, мы поедем к Баранчевскому в

деревню, это всего семь верст от города, там и обвенчаемся, а завтра в город. *(Садится подле нее.)*

Авдотья Максимовна. Конечно, Виктор Аркадьич, я люблю вас и готова для вас сделать все на свете, да зачем же вы меня увезли насильно? Тятенька теперь меня хватится… и беда моя просто… Что он подумает?.. С какими глазами я к нему покажусь?..

Вихорев. Послушай, мой друг! Ты сама мне говорила, что Максим Федотыч согласен; так за что же он будет сердиться? Я тебе скажу откровенно, я тебя увез потому, что у меня был тут свой расчет. Я знаю, что старики упрямы; нынче он согласен, а завтра, пожалуй, заупрямится, как лошадь. Ну, что ж хорошего?.. А уж как дело-то сделано, так назад не воротишь.

Авдотья Максимовна. Виктор Аркадьич! я с вами и в огонь и в воду готова, только пустите меня к тятеньке; я еще теперь приду во-время. А вы завтра приезжайте к нам.

Вихорев. Ни за что, душа моя! Нет, уж я так глуп не буду; уж я теперь с тобой не расстанусь, благо мне случай помог!

Авдотья Максимовна плачет.

Полно плакать-то, перестань! Так-то ты меня любишь!..

Авдотья Максимовна. Я вас люблю, видит бог, люблю!.. *(Привстает, обнимает и целует его.)* Голубчик, Виктор Аркадьич, что хотите со мной делайте, только пустите к тятеньке.

Вихорев. Полно, перестань! Это дело невозможное, об этом и говорить нечего. *(Встает и ходит по комнате, Авдотья Максимовна плачет.)* Что ж это лошадей не дают? Это ужасно!.. Ну, об чем ты плачешь, скажи?.. *(Напевает.)*

Ах, об чем ты проливаешь
Слезы горькие тайком
И украдкой утираешь
Их кисейным рукавом?..

Авдотья Максимовна. Вам, я вижу, Виктор Аркадьич, ничего меня не жалко.

Вихорев. Жалеть-то нечего: все это вздор и пустяки.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то?..

Вихорев. Что ж тятенька! Посердится, да и перестанет, велика важность!.. Ты мне лучше расскажи, как ты его уговорила, вот это интересно знать. Давеча он на меня зарычал, как медведь!

Авдотья Максимовна. И сама не знаю, как у меня духу достало. Говорю ему прямо, что люблю вас, и не помню себя, и не знаю, как выговорила.

Потом уж и не слышу, что он говорит; твержу только одно, что умру, что без вас жить не могу.

Вихорев. Вот любовь! вот любовь! Да я тебя расцелую за это. *(Целует ее.)*

Авдотья Максимовна *(тихо)*. Любишь меня?..

Вихорев. Люблю, люблю!

Авдотья Максимовна. Ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь с тобой! Никого я теперь не боюсь и никого мне не жалко. Так бы вот улетела с тобой куда-нибудь. *(Обнявши его, смотрит ему в глаза.)* Какой ты хорошенький! я таких и не видывала… точно нарисованный! *(Говорит с расстановкой.)* Знаешь, что! Давай жить здесь все вместе с тятенькой! Точно бы жила я, как в раю. А то уедешь далеко… тятеньки нет… скучно будет без него.

Вихорев. Ну, об этом после поговорим. Ты мне расскажи, как ты тятеньку-то уговорила!

Авдотья Максимовна. Ну, вот слушай: начал он меня бранить, так бранить, так бранить… Я в слезы… Иди, говорит, за Бородкина, вот тебе жених; а об этом и думать не смей, а то, говорит, я тебя и знать не хочу. У меня так к сердцу подкатило, стало в глазах темнеть, темнеть… Тут уж я и не помню ничего, как стояла, так и упала.

Вихорев. Вот народ-то! Однако что же это ло-

шадей!.. Степан!

Входит Степан.

Что ж лошади? Осел!

Степан. Сейчас будут готовы-с: взвазживают. *(Уходит.)*

Авдотья Максимовна. Как я очнулась — не помню; только вижу, тятенька сидит подле меня, плачет… Ну, говорит, бог с тобой!

Вихорев. Ну, а согласился, так и конец, только и надобно было для нашего благополучия. Погоди, заживем мы с тобой.

Авдотья Максимовна. Он мне еще одно словечко сказал, да это так, пустяки, не стоит и внимания.

Вихорев. Что же это за словечко?

Авдотья Максимовна. А вот что: говорит, он тебя, Дуня, не любит, он тебя обманывает, ему только деньги нужны, а не ты. Коли хочет, так пусть берет безо всего. А я думаю: на что деньги? Бог с ними, и с деньгами, не в деньгах счастье. Ну, конечно, приданое, там, что мне нужно, он даст. А деньги… на что они? Не с деньгами жить, а с добрыми людьми.

Вихорев. Да это он врет, он и денег даст.

Авдотья Максимовна. Ну, нет, не знаю: он у нас что сказал, то и свято. Опять же он на меня

теперь в сердцах, что я его не послушала; он ни за что не даст.

Вихорев. Гм! Дело-то скверно!.. *(Берет себя за голову.)* А-ах!

Авдотья Максимовна. Я, Виктор Аркадьич, так рассудила, что лучше жить в бедности, да с милым человеком, чем в богатстве, да с постылым.

Вихорев. С милым! А как с милым-то жить нечем будет?

Авдотья Максимовна. Да ведь у вас есть деревня своя?

Вихорев. Деревня? Какая деревня!.. Все это вздор!.. Ты вот что скажи, только говори откровенно: даст он денег, или нет?

Авдотья Максимовна. Не даст!..

Вихорев. Так что ж ты со мной делаешь?

Авдотья Максимовна. Да разве я виновата, Виктор Аркадьич?

Вихорев *(ходя по комнате)*. Вам только влюбляться, да как бы замуж выйти за благородного, чтобы барыней быть!

Авдотья Максимовна. Что вы говорите, Виктор Аркадьич?

Вихорев. Кому нужно даром-то вас брать! Можно было, я думаю, догадаться, не маленькая! Любовь да нежности всё на уме!.. Ведь глупость-

то какая! Все вы думаете, что вас за красоту берут, так с ума и сходят!

Авдотья Максимовна *(закрывая лицо руками)*. Бедная я, горемычная! Для чего это я только на свет рождена!..

Вихорев. Видимое дело, что человеку деньги нужны, коли он на купчихе хочет жениться! Влюбиться-то бы я и в Москве нашел в двадцать раз лучше, а то всякая дура думает, что в нее влюблены без памяти.

Степан *(входит)*. Лошади готовы-с.

Вихорев. Пошел вон, дурак!

Степан уходит.

Авдотья Максимовна. Что вы со мной сделали!.. Куда я теперь денусь?.. Как я домой покажусь?..

Вихорев. А мне-то какое дело!.. Зачем ехала?..

Авдотья Максимовна. Ведь вы меня насильно посадили.

Вихорев. Выпроси у отца сто тысяч, так я, пожалуй, женюсь на тебе. Будешь барыня!

Авдотья Максимовна *(вставая и покрываясь платком)*. Да отсохни у меня язык, если я у него попрошу хоть копейку! *(Подходит к нему.)* Не будет вам счастья, Виктор Аркадьич, за то, что вы наругались над бедной девушкой… Вы у меня всю

жизнь отняли. Мне теперь легче живой в гроб лечь, чем домой явиться: родной отец от меня отступится; осрамила я его на старости лет; весь город будет на меня пальцами показывать.

Вихорев. Уж это мы слыхали не один раз.

Авдотья Максимовна. Бог вас накажет за это, а я вам зла не желаю. Найдите себе жену богатую, да такую, чтоб любила вас так, как я; живите с ней в радости, а я девушка простая, доживу как-нибудь, скоротаю свой век в четырех стенах сидя, проклинаючи свою жизнь. Прощайте! *(Плачет.)* Прощайте… Я к тятеньке пойду!.. *(Быстро уходит.)*

Явление второе

Вихорев, потом Степан.

Вихорев *(один)*. Опять несчастье! Ах, чорт возьми! Куда я теперь денусь?.. Домотался! Хоть в маркёры ступай! Поеду еще куда-нибудь… Говорят, в Короваеве есть богатые купцы, и недалёко — всего верст пятьдесят… Степка!

Степан *(входит)*. Чего изволите-с?..

Вихорев. Вели этих лошадей откладывать, а мне найми других, в Короваев. Да поезжай в гостиницу, укладывайся, я сейчас там буду. *(Уходит.)*

Явление третье

Степан *(один)*. Должно быть, опять не выгорело! Эх, жизнь, жизнь! Теперь злой сделается, аки лев. Всякую беду все на мне любит срывать. Да это легче в Сибирь Тобольской итти. Дождется уж он, что я от него убегом уйду.

Сцена II

Комната 2-го акта

Явление четвертое

Арина Федотовна и Анна Антоновна выходят из боковой двери и подходят к задней.

Анна Антоновна. Скажите, пожалуйста! Ах-ах-ах!.. *(Качает головой.)*

Арина Федотовна. Увез, увез, матушка! Такой молодец! Подхватил в коляску проворным манером, только я их и видела.

Анна Антоновна. Уж это по глазам было видно, что парень ловкий.

Арина Федотовна. Какой еще ловкий-то!.. Одного я боюсь: братец спросит, где Дунечка, что я скажу? Скажу, что у тебя; запоздала, мол, и но-

чевать осталась. Ну, а завтра сами приедут, там как хотят.

Анна Антоновна. Обещал мне материи на платье подарить.

Арина Федотовна. Что ты!

Анна Антоновна. Право.

Арина Федотовна. Видишь ты, какой благородный человек! *(Целуются.)*

Анна Антоновна уходит. Арина Федотовна садится к столу.

Посмотрим, что карты скажут.

Входят Бородкин и Русаков.

Явление пятое

Арина Федотовна, Русаков и Бородкин.

Русаков. Сестрица, а сестрица!

Арина Федотовна *(смешивая карты)*. Чего изволите, братец?

Русаков. Да пора бы ужинать, ведь уж время-то поздно.

Арина Федотовна. Сейчас, братец. *(Уходит.)*

Русаков. А ты, Иванушка, поужинай с нами. Мать-то знает, что ты ко мне пошел?

Бородкин. Знает.

Русаков. Ну, так что ж, ну, и ничего, беспокоиться не будет. А ты с нами посиди.

Входит девка и накрывает стол.

Скажи ты мне, Иванушка, отчего тебя Дуня не любит?

Бородкин. Я, Максим Федотыч, не знаю-с. Я, кажется, готов всю душу положить за Авдотью Максимовну и всячески стараюсь, как угодить. Если не любят, все-таки, не я тому причиной. Может, есть лучше нас, а между прочим, не знаю-с.

Русаков. Ничего, Иванушка, не тужи. Девичье сердце переменчивое: нынче не любит, а завтра полюбит.

Бородкин. Хорошо, кабы так-с.

Арина Федотовна *(входит)*. Готово, братец.

Русаков. А Дунюшка где?

Арина Федотовна. Не знаю, братец, еще не бывала.

Русаков. Как же не знаешь; ведь ты с ней вместе ходила?

Арина Федотовна. Да она хотела к Анне Антоновне зайти; должно быть, там засиделась.

Русаков. Что ж ты ее одну бросила! Пошли за ней девку поскорей — это недалёко.

Арина Федотовна. Да она, может быть, братец, там кочевать останется.

Русаков. Это зачем еще?.. Пошли, я хочу ее видеть.

Арина Федотовна. Сейчас, братец! *(Уходит.)*

Русаков. Подождем Дунюшку, посидим, покалякаем о чем-нибудь. *(Молчание.)* Что это, Иванушка, как я погляжу, народ-то все хуже и хуже делается, и что это будет, уж и не знаю. Возьмем хоть из нашего брата: ну, старики-то еще туда-сюда, а молодые-то?.. На что это похоже?.. Ни стыда, ни совести; ведь поверить ничего нельзя, а уж уважения и не спрашивай. Нет, мы, бывало, страх имели, старших уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде ее не было, так лучше было, право. Проще жили, ну, и народ честней был. А то — я, говорит, хочу по моде жить, по-нынешнему, а глядишь, тому не платит, другому не платит.

Бородкин. Все это, Максим Федотыч, от необузданности, а то и от глупости.

Русаков. Именно от необузданности. Бить некому! А то-то бы учить-то надо… Охо-хо — палка-то по них плачет.

Бородкин. Ведь всё себе на гибель, Максим Федотыч.

Русаков. Да ведь другого жалко. Глядишь, мальчонка-то и не дурак, ведь, может, из него бы и путный вышел, кабы в руки-то взять. А то его точно как вихорем каким носит, либо кружится тебе, как турман, ровно как угорелый, что ли,

да беспутство, да пьянство. Не глядели б глаза, кажется.

Бородкин. Потому, главная причина, Максим Федотыч, основательности нет… к жизни… Кабы основательность была, ну, другое дело; а то помилуйте, Максим Федотыч, в голове одно: какое бы колено сделать почудней, чтоб невиданное…

Входит Маломальский.

Явление шестое

Те же и Маломальский.

Маломальский. Сват, я к тебе пришел… примерно, за делом…

Русаков. Ну, что ж, садись, милости просим. *(Маломальский садится. Молчание.)* Ну, что же у тебя за дело?

Маломальский. Только, чтоб тово… не вдруг…

Русаков. Да что там такое?

Маломальский. Это, сват, со всяким может…. гм… потому захочет что сделать, если, примерно… как ты ее удержишь или усмотришь… настоящее я тебе дело говорю…

Русаков. Эх, бестолков ты, сват.

Маломальский *(отойдя на авансцену, мигая и маня рукой Русакова)*. Поди сюда.

Русаков. Говори вслух, что тебе?..

Маломальский. Примерно, такая штука… секретная…

Русаков. Что там еще?

Маломальский *(оглядываясь)*. Сват… а где у тебя дочь?

Русаков. Говорят, к вам пошла, к Анне Антоновне.

Маломальский. Говорят! Кто говорит?.. Не верь, врут!.. врут, сват… Обман, один обман…

Русаков. Поди проспись!.. Еще у тебя, видно, хмель-то не вышел… пьян еще…

Маломальский. Нет, не пьян… Видел… своими глазами видел…

Русаков. Да что ты видел-то, говори, злодей!..

Маломальский. Ее, сват, видел… ее… едут… в коляске…

Русаков. С кем?..

Маломальский. С барином… с моим с постояльцем… Да… я не пьяный… я видел…

Бородкин. Кое место-с?

Маломальский. За валом… на мосту…

Русаков *(садится к столу и подпирает голову рукой)*. Господи, поддержи! *(Молчание.)* Сестра!

Арина Федотовна входит.

Явление седьмое

Те же и Арина Федотовна.

Арина Федотовна. Что вы, братец?

Русаков. Где дочь?

Арина Федотовна. Право, братец, не знаю…

Русаков. Говори, сестра, говори всю правду, слышишь!

Арина Федотовна. Право, братец, не знаю… Может быть, Виктор Аркадьич… Они тут на лошадях подъезжали…

Бородкин. На чьих лошадях — на извозчичьих-с?..

Арина Федотовна. Нет, на Баранчевских.

Бородкин. Так далеко не уедут-с. Либо у Баранчевского надо искать, либо по гостиницам-с.

Русаков. Постой ты. Что ж, она с ним села да и поехала?

Арина Федотовна. Нет, братец, он ее насильно посадил.

Русаков. Насильно! *(Встает.)* Что ж это, отцы мои!.. Увезли девушку насильно! Помогите! Дочь мою, голубушку мою, последнюю мою радость. Ведь это разбой!.. Побежимте!..

Бородкин. Я хоть сию минуту-с.

Маломальский. Поедем… у меня, сват, лошадь

здесь...

Русаков *(хватаясь за голову)*. Постойте! Откуда он ее увез?

Арина Федотовна. За валом, братец, от мосту.

Русаков. А зачем она там была? Вы ведь в церковь пошли?

Арина Федотовна. Мы, братец, гуляли.

Русаков *(хватая ее за руку)*. Врешь, у вас уговор был! Говори, был уговор? Говори!

Арина Федотовна. Был.

Русаков *(садится со слезами)*. Так зачем же мы поедем? Она своей волей уехала, она своей волей бросила отца, насмех людям, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! не век тебе будут радости. Вспомнишь ты и обо мне. Кто тебя так любить будет, как я тебя любил?.. Поживи в чужих людях, узнаешь, что такое отец!.. Диви бы, я с ней строг был или жалел для нее что. Я ли ее не любил, я ли ее не голубил?.. *(Плачет.)*

Бородкин. Полноте, Максим Федотыч, пойдемте, может и найдем.

Русаков. Не трожь, Иванушка, дай мне наплакаться, потом легче будет.

Бородкин. Да ведь уж слезами, Максим Федотыч, не поможешь; лучше пойти поискать.

Русаков. Где искать! Зачем искать!

Арина Федотовна. Ах, братец, как вы себя убиваете. Что вы беспокоитесь; они завтра сами приедут: обвенчаются и приедут.

Русаков *(встает.)*. Обвенчаются! Так нет, не хочу, не хочу! Поедем, сват! Отниму, коли найду. Запру в светлицу, там и сиди. Пусть лучше умрет на моих глазах, только не доставайся моему врагу.

Бородкин. Мне тоже прикажете?

Русаков. Ты останься. Ну, сестрица, голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлеб-соль! Спасибо! Лучше б ты у меня с плеч голову сняла, нечем ты это сделала. Твое дело, порадуйся! Я ее в страхе воспитывал да в добродетели, она у меня как голубка была чистая. Ты приехала с заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было что глупости… все речи-то твои были такие вздорные. Ведь тебя нельзя пустить в хорошую семью: ты яд и соблазн! Вон из моего дома, вон! Чтобы нога твоя не была здесь!

Арина Федотовна. Вы всегда, братец, обижаете…

Русаков *(уходя с Маломальским)*. Потаскушка ты этакая! *(Уходят.)*

Явление восьмое

Арина Федотовна и Бородкин.

Арина Федотовна *(садится, плачет, потом, поднявши голову).* Ишь ты, разгулялся! Ругатель, обидчик, мужик необразованный!

Бородкин. А то вас не ругать! Что ж, хвалить, что ли, за этакие дела?

Арина Федотовна. И ты туда ж!.. Ах ты, дрянь бородастая! Молчал бы уж лучше…

Бородкин. Так что ж, небойсь, хорошо сделали!..

Арина Федотовна. Да вот как ни сделали, а тебе не досталось. Теперь ищите с батюшкой-то, а уж дело-то кончено; по крайней мере на своем поставили.

Бородкин. Как бы после не плакать.

Арина Федотовна. Не об тебе ли уж?.. Эко несчастие, скажите! Какого жениха упустили!.. Как не плакать!.. А посмотри-ка, как он завтра с ней прикатит, да взойдет-то этакой кавалер, так любоваться мило-дорого будет.

Бородкин. Хорошо, кабы вашими устами да мед пить. Я бы сам вчуже за Авдотью Максимовну порадовался.

Арина Федотовна. Да уж теперь не то, что

прежде — и посмотреть-то на нее ты должен за счастье считать.

Авдотья Максимовна входит держась за дверь и молча садится к столу. Арина Федотовна и Бородкин смотрят на нее в недоумении.

Явление девятое

Те же и Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна. Господи! измучилась… Ну, слава богу, теперь, по крайней мере, я дома…

Арина Федотовна. Дунечка, что с тобой! Откуда ты?..

Авдотья Максимовна. Где тятенька?

Бородкин. Они пошли-с… гм… недалечко-с… скоро придут…

Авдотья Максимовна. Мне его нужно видеть поскорей… Где он, скажите вы мне!..

Арина Федотовна. Дунечка, беда у нас: ведь он все узнал. Тебя искать поехал. Селиверст Потапыч ему все рассказал — он видел, как вы ехали с Виктором Аркадьичем.

Авдотья Максимовна. Тятенька, голубчик! Скоро ли он придет, скоро ли?.. Я измучаюсь, исстрадается мое сердце до него, вся душа изноет.

Бородкин *(Арине Федотовне)*. Надо вам было говорить!

Авдотья Максимовна. Кто-то стукнул, не тятенька ли?.. *(Встает шатаясь.)*

Бородкин *(поддерживая ее)*. А хоть бы и он, что ж за беда-с?.. Нешто вы в этом виноваты, коли вас насильно увезли.

Авдотья Максимовна. Только как мне горько, кабы вы знали!.. На кого была надежда, что он со мной сделал!.. Тошнехонько мне!..

Бородкин. Что же он с вами сделал-с?

Авдотья Максимовна *(с отчаянием)*. Что сделал? Прогнал! Мне, говорит, тебя не нужно, а нужны деньги. А я, дура, думала, что он меня любит.

Бородкин. Значит, Авдотья Максимовна, я так думаю; это дело надо будет бросить-с.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то что скажет? Что люди-то скажут?

Бородкин. Позвольте мне за это дело взяться: я его обделаю, как должно.

Авдотья Максимовна. Вы?..

Бородкин. Я-с. Только, Авдотья Максимовна, как собственно теперича этот барин за все свои невежества не сто́ит того, чтобы вы его любили, так уж я буду в надежде-с.

Авдотья Максимовна. Я все на свете для вас сделаю, только бы тятенька не гневался на меня.

Бородкин. А когда так, не извольте ничего беспокоиться, идите себе в комнату, а я с тятенькой переговорю. А то расстроите его, да и сами от чувств даже больны можете быть. Что хорошего?..

Авдотья Максимовна. У меня на вас только и надежда!..

Бородкин. Будьте спокойны.

Авдотья Максимовна уходит.

Явление десятое

Бородкин и Арина Федотовна.

Бородкин. Что, есть чему радоваться?.. Убирайтесь-ка лучше от греха, пока Максим Федотыч не пришел.

Арина Федотовна. Кто ж это знал, что так случится; я и ума не приложу.

Бородкин. Говорили вам, кажется, так вы сами умнее всех хотите быть. Посмотрите на Авдотью Максимовну теперь, у меня ажио слезы прошибла.

Арина Федотовна. Ну, вот, поди ж ты, разве можно было ждать от него такого невежества?..

Бородкин. Ох, кабы я на месте Максима Федотыча, я бы вам феферу задал.

Арина Федотовна. Полно храбриться-то!

Бородкин. Что храбриться-то?.. За что погубили девушку?.. Али вам это ничего?..

Арина Федотовна *(прислушивается)*. Братец приехал. *(Уходит в боковую дверь. Бородкин притворяет ее.)*

Входит Русаков.

Явление одиннадцатое

Бородкин и Русаков (садится к столу).

Русаков. Нет ее. Ну, Иванушка, сирота я теперь!. Поди домой. Оставь меня, поди!

Бородкин. Куда ж мне торопиться-то, я с вами посижу.

Русаков. Нет ее, Иванушка, ну и не надо, один поживу… имение нищим раздам.

Бородкин. Да помилуйте, Максим Федотыч, может, еще все это благополучно кончится.

Русаков. Я ее теперь и видеть не хочу, не велю и пускать к себе, живи она, как хочешь! *(Молчание.)* Я уж не увижу ее… Коли кто из вас увидит ее, так скажите ей, что отец ей зла не желает, что коли она, бросивши отца, может быть душой покойна, жить в радости, так бог с ней! Но за поругание мое, моей седой головы, я видеть ее не хочу никогда. Дуня умерла у меня! Нет, не умерла, ее и не было никогда! Имени ее никто не смей говорить

при мне!..

Авдотья Максимовна входит и останавливается на пороге.

Явление двенадцатое

Те же и Авдотья Максимовна.

Русаков. Кто? кто это?

Авдотья Максимовна. Я, тятенька.

Русаков. Ты? А полюбовник где?

Авдотья Максимовна. Тятенька!..

Русаков. К нему, к нему, ступай к нему!

Авдотья Максимовна *(твердо)*. Я не пойду из дому. Прогоните — я умру на пороге.

Русаков *(молча смотрит на нее)*. Где же тот-то? где мой враг-то?..

Авдотья Максимовна. Он меня обманул, он меня не любит — ему только деньги нужны.

Русаков. А! вот что! Я, кажется, давеча говорил тебе об этом. Да где отцу знать: он на старости лет из ума выжил. Ну, зачем же ты пришла?

Авдотья Максимовна. Куда ж я, тятенька, денусь?

Русаков. Ну, что ж, известно, не гнать же мне тебя. *(Притворно смеется.)*

Авдотья Максимовна *(падает ему в ноги)*. Тятенька! простите меня!

Русаков. Простите! Нет, ты меня уморила было!.. Ведь мне теперь стыдно людям глаза показать, а про тебя-то и говорить нечего. Нет, голубушка, я тебя запру. Поди! *(Отходит.)*

Бородкин. Встаньте, Авдотья Максимовна, бог милостив! Дело обойдется как-нибудь.

Поднимает ее, она плачет; они отходят в сторону и разговаривают вполголоса. Входит Маломальский.

Явление тринадцатое

Те же и Маломальский.

Маломальский. Сват, а сват, я, примерно, молодца-то остановил.

Русаков. Ах, провались он совсем! Мне-то что за дело?..

Маломальский. Как, сват, нет, ты не то… Он этого не должóн… Он, примерно, теперь осрамил девушку… ну, и женись… мы заставим.

Русаков. Да мне его и даром не надо, не то что насильно заставить. Осрамил — ну, что ж, наш грех!.. Да меня золотом осыпь, я на него и глядеть-то не хочу, не то чтоб в зятья взять.

Маломальский. Это к тому, что теперича… слух этот пойдет… так и так… и, примерно, разойдется по городу: кто ее возьмет?

Русаков. Что ж делать-то, согрешили. На себя пеняй.

Бородкин *(выступая вперед)*. Я возьму-с.

Маломальский. Гм!.. *(Мигает глазом.)* Не бери!

Бородкин. Будет вам врать-то-с. Это наше дело.

Русаков. Нет, Иванушка, тебе эта невеста не годится, я тебе найду другую.

Бородкин. Мне другой не надобно-с.

Русаков. Тебе надобно девушку честную, чтоб про нее худой славы не было.

Бородкин. Что это значит худая слава! Коли я люблю Авдотью Максимовну, так это для меня все одно.

Русаков. Да она тебя не стоит. Ей теперь нечего об замужестве думать.

Бородкин. Вы давеча сами обещали. Я вот от своего слова не пячусь, а вы пятитесь. А уж это не порядок, Максим Федотыч!.. Положим, хоша она ваша дочь, а за что ж ее обижать. Авдотья Максимовна и так обижена кругом, должен кто-нибудь за нее заступиться. Ее ж обидели, да ее же и бранить. По крайней мере она у нас будет ласку видеть от меня и от маменьки. Что ж такое, со всяким грех бывает. Не нам судить!

Русаков. Да ты что шумишь-то?

Бородкин. Да мне что шуметь-то?.. Вы мне обещали Авдотью Максимовну, и отдайте!..

Русаков *(подумавши)*. Да возьми, пожалуй. Эка невидаль!

Бородкин *(подходя к Авдотье Максимовне)*. Авдотья Максимовна, не плачьте, перестаньте-с. Теперь вас никто обидеть не смеет-с. Никому не позволю… самому Максиму Федотычу, провалиться на этом месте!..

Авдотья Максимовна. Иван Петрович! любите хоть вы меня, меня никто не любит. Весь свет на меня!

Бородкин. Помилуйте, Авдотья Максимовна, есть же во мне какое-нибудь чувство; я ведь не зверь, и во мне есть искра божья!

Авдотья Максимовна. Иван Петрович! я за вас буду вечно богу молить, вы заступились за бедную девушку. Уж коли тятенька говорит вам, что вам нужно девушку честную, чего же мне ждать от других-то?.. Этакую муку терпеть!.. Меня б на неделю не стало!.. Кабы кто видел мою душу!.. Каково мне теперь!.. Я честная девушка, Иван Петрович — я вас обманывать не стану. Скажите вы это всем и тятеньке.

Русаков *(пораженный)*. Эх-ма, сват, состарелся я, а все еще глуп. За что я ее обидел? Во гневе ска-

жешь слово, а его уж не воротишь. Слово-то, как стрела. Ведь иногда словом-то обидишь больше, чем делом! Так ли, сват?.. А это грех… Дунюшка, словечко-то у меня давеча всердцах вырвалось, маленько оно обидно, так ты его к сердцу не принимай. Самому было горько, ну и сказал лишнее.

Авдотья Максимовна. Тятенька! простите меня.

Русаков. Бог тебя простит, ты меня-то прости! *(Целует ее.)* Нет, Иванушка, я тебе ее не отдам!..

Бородкин. Как же это, Максим Федотыч? Это на что ж похоже-с?

Русаков. Коли хочешь ее взять, так переезжай сюда, и с матерью, и будем жить вместе.

Бородкин. Это-то все одно-с, а то было уж я перепужался.

Русаков. Сестра, поди сюда!

Входит Арина Федотовна.

Явление четырнадцатое

Те же и Арина Федотовна.

Арина Федотовна. Что вам угодно, братец?

Русаков. Ну, прости меня!.. Теперь, на радости, не ссорятся!

Арина Федотовна. И, братец, что это вы!.. Да смею ли я обижаться?..

Маломальский. А я… все-таки… примерно… его не отпущу…

Русаков. Кого его?..

Маломальский. Барина… То есть ни копейки, примерно, за постой…

Русаков. Ну, уж я за него заплачу, только чтоб он убирался поскорей.

Маломальский. А что, сват, угощение будет?

Русаков. Будет, как не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица, приготовь-ка нам что-нибудь, поздравить жениха с невестой.

Арина Федотовна. Сейчас, братец.

Маломальский. Ну, уж теперь, сват, я загулял… уж теперь вплоть до свадьбы. Там хозяйка как хочет, а я, примерно, гуляю!..

Бедность не порок

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Гордей Карпыч Торцов, богатый купец.

Пелагея Егоровна, его жена.

Любовь Гордеевна, их дочь.

Любим Карпыч Торцов, его брат, промотавшийся.

Африкан Савич Коршунов, фабрикант.

Митя, приказчик Торцова.

Яша Гуслин, племянник Торцова.

Гриша Разлюляев, молодой купчик, сын богатого отца.

Анна Ивановна, молодая вдова.

Маша, Лиза } подруги Любови Гордеевны.

Егорушка, мальчик, дальний родственник Торцова.

Арина, нянька Любови Гордеевны.

Гости, гостьи, прислуга, ряженые и прочие.

Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время Святок.

Действие первое

Небольшая приказчичья комната; на задней стене дверь, налево в углу кровать, направо шкаф; на левой стене окно, подле окна стол, у стола стул; подле правой стены конторка и деревянная табуретка; подле кровати гитара; на столе и конторке книги и бумаги.

Явление первое

Митя ходит взад и вперед по комнате; Егорушка сидит на табуретке и читает «Бову Королевича».

Егорушка *(читает).* «Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибит Верзоулович, ныне идти за него смелости не имею, потому что когда я была во младости, то король Гвидон за меня сватался».

Митя. Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка *(зажимает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться).* Никого нет; кататься уехали. Один Гордей Карпыч дома. *(Читает.)* «На то сказал дщери своей Кирибит Верзоулович…» *(Зажимает пальцем.)* Только

такой сердитый, что беда! Я уж ушел — все ругается. *(Читает.)* «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвав к себе слугу Личарду…»

Митя. На кого же он сердит?

Егорушка *(опять зажимает).* На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздник дяденька Любим Карпыч обедал у нас, за обедом-то захмелел, да и начал разные колена выкидывать, да смешно таково. Я смешлив ведь больно, не вытерпел, так и покатился со смеху, а уж на меня глядя и все. Дяденька Гордей-то Карпыч принял это себе за обиду да за невежество, осерчал на него, да и прогнал. Дяденька-то Любим Карпыч взял да в отместку ему и созорничал, пошел да с нищими и стал у собора. Дяденька-то Гордей Карпыч говорит: осрамил, говорит, на весь город. Да теперь и сердится на всех без разбору, кто под руку подвернется. *(Читает.)* «С тем намерением, чтобы подступил под наш град».

Митя *(взглянув в окно).* Кажется, наши приехали… Так и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, да и гости с ними.

Егорушка *(прячет сказку в карман).* Побежать наверх. *(Уходит.)*

Явление второе

Митя *(один).* Эка тоска, Господи!.. На улице праздник, у всякого в доме праздник, а ты сиди в четырех стенах!.. Всем-то я чужой, ни родных, ни знакомых!.. А тут еще… Ах, да ну! сесть лучше за дело, авось тоска пройдет. *(Садится к конторке и задумывается, потом запевает.)*

Красоты ее не можно описать!..

Черны брови, с поволокою глаза.

Да, с поволокою. А как вчера в собольем салопе, покрывшись платочком, идет от обедни, так это… ах!.. Я так думаю, и не привидано такой красоты! *(Задумывается, потом поет.)*

Уж и где ж эта родилась красота…

Как же, пойдет тут работа на ум! Все бы я думал об ней!.. Душу-то всю истерзал тосковамши. Ах ты, горе-гореваньице!.. *(Закрывает лицо руками и сидит молча.)*

Входит Пелагея Егоровна, одетая по-зимнему, и останавливается в дверях.

Явление третье

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Митя, Митенька!

Митя. Что вам угодно?

Пелагея Егоровна. Зайди ужо вечерком к нам, голубчик. Поиграете с девушками, песенок попоете.

Митя. Премного благодарен. Первым долгом сочту-с.

Пелагея Егоровна. Что тебе в конторе все сидеть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что ли? Гордея-то Карпыча дома не будет.

Митя. Хорошо-с, зайду беспременно.

Пелагея Егоровна. Уедет ведь опять… да, уедет туда, к этому, к своему-то… как его?..

Митя. К Африкану Савичу-с?

Пелагея Егоровна. Да, да! Вот навязался, прости Господи!

Митя *(подавая стул).* Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ох, некогда. Ну да уж присяду немножко. *(Садится.)* Так вот поди ж ты… этакая напасть! Право!.. Подружились ведь так, что н□-поди. Да! Вот какое дело! А зачем? К чему пристало? Скажи ты на милость! Человек-то он

буйный да пьяный, Африкан-то Савич… да!

Митя. Может, дела какие есть у Гордея Карпыча с Африканом Савичем.

Пелагея Егоровна. Какие дела! Никаких делов нет. Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. Там у него агличин на фабрике дилехтор — и пьют… да! А нашему-то не след с ними. Да разве с ним сговоришь! Гордость-то его одна чего стоит! Мне, говорит здесь не с кем компанию водить, всё, говорит, сволочь, всё, видишь ты, мужики, и живут-то по-мужицки; а тот-то, видишь ты, московский, больше всё в Москве… и богатый. И что это с ним сделалось? Да ведь вдруг, любезненький, вдруг! То все-таки рассудок имел. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки так, что дай Бог всякому; а вот в прошлом году в отъезд ездил, да перенял у кого-то. Перенял, перенял, уж мне сказывали… все эти штуки-то перенял. Теперь все ему наше русское не мило; ладит одно — хочу жить по-нынешнему, модами заниматься. Да, да!.. Надень, говорит, чепчик!.. Ведь что выдумает-то!.. Прельщать, что ли, мне кого на старости, говорю, разные прелести делать! Тьфу! Ну вот поди ж ты с ним! Да! Не пил ведь прежде… право… никогда, а теперь с этим с Африканом пьют! Спьяну-то, должно быть, у него *(показы-*

вая на голову) и помутилось. *(Молчание.)* Уж я так думаю, что это враг его смущает! Как-таки рассудку не иметь!.. Ну, еще кабы молоденький: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то ведь под шестьдесят, миленький, под шестьдесят! Право! Модное-то ваше да нынешнее, я говорю ему, каждый день меняется, а русской-то наш обычай испокон веку живет! Старики-то не глупей нас были. Да разве с ним сговоришь, при его же, голубчик, крутом-то характере.

Митя. Что говорить! Строгий человек-с.

Пелагея Егоровна. Любочка теперь в настоящей поре, надобно ее пристроить, а он одно ладит: нет ей ровни… нет да нет!.. Ан вот есть!.. А у него все нет… А каково же это материнскому-то сердцу!

Митя. Может быть, Гордей Карпыч хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну.

Пелагея Егоровна. Кто его знает, что у него на уме. Смотрит зверем, ни словечка не скажет, точно я и не мать… да, право… ничего я ему сказать не смею; разве с кем поговоришь с посторонним про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. *(Встает.)* Заходи, Митенька.

Митя. Приду-с.

Гуслин входит.

Явление четвертое

Те же и Гуслин.

Пелагея Егоровна. Вот и еще молодец! Приходи, Яшенька ужо к нам наверх с девушками песни попеть, ты ведь мастер, да гитару захвати.

Гуслин. Хорошо-с, это нам не в труд, а еще, можно сказать, в удовольствие-с.

Пелагея Егоровна. Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслин и Митя. Прощайте-с.

Пелагея Егоровна уходит; Митя садится к столу пригорюнившись; Гуслин садится на кровать и берет гитару.

Явление пятое

Митя и Яша Гуслин.

Гуслин. Что народу было на катанье!.. И ваши были. Что ж ты не был?

Митя. Да что, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслин. Что за тоска? Об чем тебе тужить-то?

Митя. Как же не тужить-то? Вдруг в голову взойдут такие мысли: что я такое за человек на свете есть? Теперь родительница у меня в старости и бедности находится, ее должен содержать,

а чем? Жалованье маленькое, от Гордея Карпыча все обида да брань, да все бедностью попрекает, точно я виноват… а жалованья не прибавляет. Поискал бы другого места, да где его найдешь без знакомства-то. Да, признаться сказать, я к другому-то месту и не пойду.

Гуслин. Отчего же не пойдешь? Вот у Разлюляевых жить хорошо — люди богатые и добрые.

Митя. Нет, Яша, не рука! Уж буду все терпеть от Гордея Карпыча, бедствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслин. Отчего же так?

Митя *(встает).* Так, уж есть тому делу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знает. Никому я про свое горе не сказывал.

Гуслин. Скажи мне.

Митя *(махнув рукой).* Зачем!

Гуслин. Да скажи, что за важность!

Митя. Говори не говори, ведь не поможешь!

Гуслин. А почем знать?

Митя *(подходит к Гуслину).* Никто мне не поможет. Пропала моя голова! Полюбилась мне больно Любовь Гордеевна.

Гуслин. Что ты, Митя?! Да как же это?

Митя. Да вот как-никак, а уж сделалось.

Гуслин. Лучше, Митя, из головы выкинь. Этому

делу никогда не бывать, да и не р□живаться.

Митя. Знамши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!..» *(Говорит с сильными жестами.)* «Полюбил я красну девицу, пуще роду, пуще племени!.. Злые люди не велят, велят бросить, перестать!»

Гуслин. Да и то надоть бросить. Вот Анна Ивановна мне и ровня: у ней пусто, у меня ничего, — да и то дяденька не велит жениться. А тебе и думать нечего. А то заберешь в голову, потом еще тяжельше будет.

Митя *(декламирует).*

Что на свете прежестоко? —

Прежестока есть любовь!

(Ходит по комнате.) Яша, читал ты Кольцова? *(Останавливается.)*

Гуслин. Читал, а что?

Митя. Как он описывал все эти чувства!

Гуслин. В точности описывал.

Митя. Уж именно что в точности. *(Ходит по комнате.)* Яша!

Гуслин. Что?

Митя. Я сам песню сочинил.

Гуслин. Ты?

Митя. Да.

Гуслин. Давай голос подберем, да и будем петь.

Митя. Хорошо. На, вот. *(Отдает ему бумагу.)* А я попишу немного — дело есть: неравно Гордей Карпыч спросит. *(Садится и пишет.)*

Гуслин берет гитару и начинает подбирать голос; Разлюляев входит с гармонией.

Явление шестое

Те же и Разлюляев.

Разлюляев. Здравствуйте, братцы! *(Наигрывает на гармонии и приплясывает.)*

Гуслин. Эко дурак! На что это ты гармонию-то купил?

Разлюляев. Известно на что — играть. Вот так… *(Играет.)*

Гуслин. Ну уж, важная музыка… нечего сказать! Брось, говорят тебе.

Разлюляев. Что ж, не брошу разве!.. Коли захочу, так и брошу… Вот важность! Денег что ли у нас нет? *(Бьет себя по карману.)* Звенят. У нас гулять — так гулять! *(Бросает гармонию.)*

Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,

А другая близко.

Митя *(ударяет Митю по плечу),* а Митя! Что ты сидишь?

Митя. Дело есть. *(Продолжает заниматься.)*

Разлюляев. Митя, а Митя, а я гуляю, брат… право слово, гуляю. Ух, ходи!.. *(Поет: «Одна гора высока» и проч.)* Митя, а Митя! весь праздник буду гулять, а там за дело… Право слово! Что ж, у нас денег что ли нет? Вот они!.. А я не пьян… Нет, так гуляю… весело…

Митя. Ну гуляй на здоровье.

Разлюляев. А после праздника женюсь!.. Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслин *(Мите).* Ну, вот слушай-ка, так-то ладно ль будет?

Разлюляев. Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслин *(поет).*

Нет-то злей, постылее
Злой сиротской доли,
Злее горя лютого,
Тяжелей неволи.
Всем на свете праздничек,
Тебе не веселье!..
Буйной ли головушке

Без вина похмелье!
Молодость не радует,
Красота не тешит;
Не заноба-девушка —
Горе кудри чешет.

Во все это время Разлюляев стоит как вкопанный и слушает с чувством; по окончании пения все молчат.

Разлюляев. Хорошо, больно хорошо! Жалко таково… Так за сердце и хватит. *(Вздыхает.)* Эх, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть — нынче праздник. *(Поет.)*

Ух! Как гусара не любить!
Это не Годится!
Подыгрывай, Яша.

Гуслин подыгрывает.

Митя. Полно вам дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте в кучку да полегоньку песенку споем.

Разлюляев. Ладно! *(Садятся.)*

Гуслин *(запевает; Митя и Разлюляев подтягивают).*

Размолодчики вы молоденькие,

Вы дружки мои…

Входит Гордей Карпыч; все встают и перестают петь.

Явление седьмое

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. Что распелись! Горланят, точно мужичье! *(Мите.)* И ты туда ж! Кажется, не в таком доме живешь, не у мужиков. Что за полпивная! Чтоб у меня этого не было вперед! *(Походит к столу и рассматривает бумаги.)* Что бумаги-то разбросал!..

Митя. Это я счета проверял-с.

Гордей Карпыч *(берет книгу Кольцова и тетрадь со стихами).* А это еще что за глупости?

Митя. Это я от скуки, по праздникам-с, стихотворения господина Кольцова переписываю.

Гордей Карпыч. Какие нежности при нашей бедности!

Митя. Собственно, для образования своего занимаюсь, чтоб иметь понятие.

Гордей Карпыч. Образование! Знаешь ли ты, что такое образование?.. А еще туда же разговаривает! Ты бы вот сертучишко новенький сшил! Ведь к нам наверх ходишь, гости бывают… срам!

Куда деньги-то деваешь?

Митя. Маменьке посылаю, потому она в старости, ей негде взять.

Гордей Карпыч. Матери посылаешь! Ты себя-то бы обр□зил прежде; матери-то не Бог знает что нужно, не в роскоши воспитана, чай сама хлевы затворяла.

Митя. Уж пущай же лучше я буду терпеть, да маменька, по крайности, ни в чем не нуждается.

Гордей Карпыч. Да ведь безобразно! Уж коли не умеешь над собою приличия наблюдать, так и сиди в своей конуре; коли гол кругом, так нечего о себе мечтать! Стихи пишет; образовать себя хочет, а сам как фабричный ходит! Разве в этом образование-то состоит, что дурацкие песни петь? То-то глупо-то! *(Сквозь зубы и косясь на Митю.)* Дурак! *(Помолчав.)* Ты и не смей показываться в этом сертучишке наверх. Слышишь, я тебе говорю! *(К Разлюляеву.)* А ты тоже! Отец-то, чай, деньги лопатой загребает, а тебя в этаком зипунишке водит.

Разлюляев. Что ж такое! Он новый… сукно-то французское, из Москвы выписывали, по знакомству… двадцать рублев аршин. Что ж, нешто мне этакую штуку надеть, как у Франца Федорыча, у аптекаря… кургузую; так его вон и дразнят

все: страм пальто! Так что ж хорошего людей смешить!

Гордей Карпыч. Много ты знаешь! Да что, с тебя взыскать-то нечего! Сам-то ты глуп, да и отец-то твой не больно умен… целый век с засаленным брюхом ходит; дураками непросвещенными живете, дураками и умрете.

Разлюляев. Уж ладно.

Гордей Карпыч *(строго).* Что?

Разлюляев. Ладно, мол.

Гордей Карпыч. Неуч, и сказать-то путно умешь! Говорить-то с вами — только слова тратить; все равно, что стене горох, так и вам, дуракам. *(Уходит.)*

Явление восьмое

Те же, без Торцова.

Разлюляев. Поди-кось, какой грозный! Ишь ты, развоевался! Так вот тебя и испугались… Как же, держи карман-то!

Митя *(Гуслину).* Вот она жизнь-то моя какова! Вот каково мне сладко жить-то на свете!

Разлюляев. Да от этакова житья — запьешь, право запьешь! А ты брось, не думай. *(Запевает.)*

Одна гора высока,

А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко.

Входят: Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Явление девятое

Те же, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна. Мир честной компании!

Разлюляев. Милости прошу к нашему шалашу.

Митя. Наше почтение-с! Милости просим!.. Какими судьбами?..

Анна Ивановна. А никакими, просто — взяли да и пришли. Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля… Гуляй — не хочу!..

Митя. Просим покорно садиться.

Садятся; Митя садится против Любови Гордеевны; Разлюляев ходит.

Анна Ивановна. Надоело молча-то сидеть, орехи щелкать, — пойдемте, говорю, девушки, к парням, а девушкам и любо.

Любовь Гордеевна. Что ты выдумываешь-то!

Мы не воображали сюда идти, это ты выдумала.

Анна Ивановна. Как же не так! Да ты первая… Известное дело, кому что нужно, тот об том и думает: парни об девках, а девки об парнях.

Разлюляев. Ха, ха, ха!.. Это вы, Анна Ивановна, я точности говорите.

Любовь Гордеевна. Вот уж никогда!

Маша *(Лизе).* Ах, стыд какой!

Лиза. Это, Анна Ивановна, вы говорите совсем напротив.

Анна Ивановна. Ах вы, скромность! Уж сказала бы словечко, да нехорошо при парнях-то… Сама была в девках, все знаю.

Любовь Гордеевна. Девушка девушке рознь.

Маша. Ах, стыд какой!

Лиза. Что вы говорите, это даже для нас оченно странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна. А об чем сейчас наверху разговор был? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, что ли? Что, присмирели!

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна. Ты что рот-то разинул! Не об тебе, небось!

Разлюляев. Хоша и не обо мне, однако, может быть, есть, кто и об нас думает. Мы знаем, мы

знаем! *(Приплясывает.)*

Как гусара не любить!

Это не годится!

Анна Ивановна *(подходит к Гуслину).* Что же ты, бандурист, когда на мне женишься?

Гуслин *(играя на гитаре).* А вот когда от Гордея Карпыча разрешенье выдет. Куда нам торопиться-то, над нами не каплет. *(Кивает ей головой.)* Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мне нужно сказать тебе одно дело.

Она подходит к нему и садится подле него; он ей шепчет на ухо, показывая на Любовь Гордеевну и Митю.

Анна Ивановна. Что ты говоришь!.. Неужто!

Гуслин. Уж это верно так.

Анна Ивановна. Ну, так хорошо, молчи! *(Говорят шепотом.)*

Любовь Гордеевна. Ты, Митя, придешь к нам ужо вечером?

Митя. Приду-с.

Разлюляев. И я приду. Я больно плясать горазд. *(Становится фертом.)* Девушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша. Как вам не стыдно! Что это вы такое говорите!

Разлюляев. Что ж такое за важность! Я говорю — полюбите меня… да… за мою простоту.

Лиза. Этого не говорят девушкам. А должны были сами дожидаться, чтобы вас полюбили.

Разлюляев. Да, дождешься от вас, как же! *(Пляшет.)*

Как гусара не любить!

Любовь Гордеевна *(взглянув на Митю).* Может быть, кто-нибудь и любит кого-нибудь, да не скажет: надобно самому догадаться.

Лиза. Какая же девушка в мире может сказать это!

Маша. Конечно.

Анна Ивановна *(подходит к ним и поглядывает то на Любовь Гордеевну, то на Митю и запевает).*

Уж и как это видно,
Коли кто кого любит —
Против милого садится,
Тяжеленько вздыхает.

Митя. На чей счет это принимать нужно?

Анна Ивановна. Уж мы знаем на чей.

Разлюляев. Стойте, девушки, я вам песню спою.

Анна Ивановна. Спой, спой!
Разлюляев *(поет протяжно).*

Летал медведь по поднебесью…

Анна Ивановна. А ты хуже этой-то не знаешь?
Лиза. Даже можно принять это в насмешку.
Разлюляев. А коли эта нехороша, я вам другую спою; я ведь веселый. *(Поет.)*

Ах, бей в доску,
Поминай Москву!
Москве хочется жениться —
Коломну взять.
А Тула-то хохочет,
Да в приданое не хочет!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вот просо у нас гривна,
А ячмень три алтына.

(Обращаясь к девушкам.)

Вздешевел бы и овес —
Больно дорого провоз!
Видите, погода какова!

Маша. Это к нам не относится.

Лиза. Мы мукой не торгуем.

Анна Ивановна. Да ты что пристал! Ты вот отгадай загадку. Что такое: кругла — да не девка; с хвостом — да не мышь?

Разлюляев. Это штука мудреная!

Анна Ивановна. То-то мудреная!.. Вот ты и думай! Ну, девушки, пойдемте.

Девушки встают и собираются идти.

Парни, пойдемте.

Гуслин и Разлюляев собираются.

Митя. А я после приду. Я тут уберу кой-что.

Анна Ивановна *(пока собираются).*

Вечор девки,
Вечор красны,
Вечор девки пиво варивали.
Зашел к девкам,
Зашел к красным,
Зашел к девкам да незваный гость.

Анна Ивановна за дверью пропускает всех, исключая Любови Гордеевны, затворяет и не пускает ее.

Явление десятое

Митя и Любовь Гордеевна.

Любовь Гордеевна *(у двери).* Перестаньте, не дурачьтесь.

За дверью девичий смех.

Не пускают!.. Ах, какие! *(Отходит от дверей).* Баловницы, право!..

Митя *(подавая стул).* Присядьте, Любовь Гордеевна, побеседуйте минуточку. Я очень рад, видемши вас у себя.

Любовь Гордеевна *(садится).* Чему тут радоваться, я не понимаю.

Митя. Да как же-с!.. Мне очень приятно-с видеть с вашей стороны такое внимание, сверх моих для вас заслуг. Вот уж другой раз я имею счастие-с…

Любовь Гордеевна. Ну, что ж! Пришла, посидела и ушла, в этом важности не состоит. Я, пожалуй, и сейчас уйду.

Митя. Ах, нет, не уходите-с!.. Для чего же-с!.. *(Вынимает из кармана бумагу.)* Позвольте мне презентовать вам мой труд… как умею, от души.

Любовь Гордеевна. Это что такое?

Митя. Собственно для вас сочинил стихи.

Любовь Гордеевна *(стараясь скрыть радость).* Еще, может быть, глупость какая-нибудь… не стоит читать.

Митя. Этого я не могу судить, потому как сам я это писал и притом не учимшись.

Любовь Гордеевна. Прочитай.

Митя. Сейчас-с. *(Садится подле стола и берет бумагу; Любовь Гордеевна подвигается к нему очень близко.)*

Не цветочек в поле вянет, не былинка,
—
Вянет, сохнет добрый молодец-детинка.
Полюбил он красну девицу на горе,
На несчастьице себе да на большое.
Понапрасну свое сердце парень губит,
Что неровнюшку девицу парень любит:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнем красной девице не быти.

Любовь Гордеевна *(сидит несколько времени задумавшись)*. Дай сюда. *(Берет бумагу и прячет, потом встает.)* Я тебе сама напишу.

Митя. Вы-с?!

Любовь Гордеевна. Только стихами я не умею, а так, просто.

Митя. За великое счастие почту для себя ваше такое одолжение-с. *(Дает бумагу и перо.)* Извольте-с.

Любовь Гордеевна. Жаль только, что скверно пишу-то. *(Пишет.)*

Митя хочет заглянуть.

Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя. Я не буду смотреть-с. Но вы позвольте мне на ваше снисхождение соответствовать тем же, сколь могу, и написать для вас стихи вторично-с.

Любовь Гордеевна *(положив перо).* Пиши, пожалуй… Только пальцы все выпачкала, кабы знала, лучше бы не писала.

Митя. Пожалуйте-с.

Любовь Гордеевна. На, возьми. Только ты не смей читать при мне, а прочти после, когда я уйду. *(Складывает бумажку и отдает ему; он прячет в карман.)*

Митя. Будет по вашему желанию-с.

Любовь Гордеевна *(встает).* Придешь к нам наверх?

Митя. Приду-с… сию минуту-с.

Любовь Гордеевна. Прощай.

Митя. До приятного свидания-с.

Любовь Гордеевна идет к дверям; из дверей выходит Любим Карпыч.

Явление одиннадцатое

Те же и Любим Карпыч.

Любовь Гордеевна. Ах!

Любим Карпыч *(указывая на Любовь Гордеевну).* Стой! Что за человек? По какому виду? За каким делом? Взять ее под сумнение.

Любовь Гордеевна. Это вы, дяденька!

Любим Карпыч. Я, племянница! Что, испугалась! Ступай, не бось! Я не доказчик, а кладу все в ящик, — разберу после, на досуге.

Любовь Гордеевна. Прощайте! *(Уходит.)*

Явление двенадцатое

Митя и Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Митя, прими к себе купеческого брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя. Милости просим.

Любим Карпыч *(садится).* Брат выгнал! А на улице, в этом бурнусе, немного натанцуешь! Морозы… время крещенское — бррр… И руки-то озябли, и ноги-то ознобил — бррр…

Митя. Погрейтесь, Любим Карпыч.

Любим Карпыч. Ты меня не прогонишь, Митя? А то ведь замерзну на дворе-то… как собака

замерзну.

Митя. Как можно, что вы говорите!..

Любим Карпыч. Ведь вот брат выгнал же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-где по теплым местам; а денег нет — нигде не пускают. А и денег-то было два франка да несколько сантимов! Не велик капитал! Каменный дом не выстроишь!.. Деревни не купишь!.. Как же надо поступить с этим капиталом? Куда его деть? Не в ломбард его несть! Вот я этот капитал взял да пропил, промотал. Туда ему и дорога!

Митя. Зачем же вы пьете, Любим Карпыч? Через это вы сами себе враг!

Любим Карпыч. Зачем я пью?.. От глупости! Да, от своей глупости. А ты думал, от чего?

Митя. Так вы лучше перестаньте.

Любим Карпыч. Нельзя перестать: на такую линию попал.

Митя. Какая же это линия?

Любим Карпыч. А вот слушай ты, живая душа, какая это линия. Только ты слушай да на ус мотай. Остался я после отца, видишь ты, мал-малехонек, с коломенскую версту, лет двадцати несмышленочек. В голове-то, как в пустом чердаке, ветер так и ходит! Разделились мы с братом: себе он взял заведение, а мне дал деньгами, да билетами,

да векселями. Ну, уж как он там разделил — не наше дело, Бог ему судья! Вот я и поехал в Москву по билетам деньги получать. Нельзя не ехать! Надо людей посмотреть, себя показать, высокого тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человек, а еще свету не видывал, в частном доме не ночевывал. Надобно до всего дойти! Первое дело, оделся франтом, знай, дескать, наших! То есть такого-то дурака разыгрываю, что на редкость! Сейчас, разумеется, по трактирам… Шпилен зи полька, дайте еще бутылочку похолоднее. Приятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди! По театрам ездил…

Митя. А ведь это, должно быть, Любим Карпыч, очень хорошо в театре представляют.

Любим Карпыч. Я все трагедию ходил смотреть, очень любил, только не видал ничего путем и не помню ничего, потому что больше все пьяный. *(Встает.)* «Пей под ножом Прокопа Ляпунова!» *(Садится.)* Таким-то п□□бытом деньжонки все я ухнул; что осталось, поверил приятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; с ним же я пил да гулял, он же всему беспутству заводчик, главный заторщик из бражного, он же меня и надул, вывел на свежую воду. И сел я как рак на мели: выпить не на что, а выпить-то хочется.

Как тут быть? Куда бежать, тоску девать? Продал платье, все свои модные штуки, взял бумажками, разменял на серебро, серебро на медные, а там только пшик, да и все тут!

Митя. Как же вы жили, Любим Карпыч?

Любим Карпыч. Как жил? Не дай Бог лихому татарину. Жил в просторной квартире, между небом и землей, ни с боков ни сверху нет ничего. Людей стыдно, от свету хоронишься, а выйти на Божий свет надобно: есть нечего. Идешь по улице, все на тебя смотрят… Все видели, какие я штуки выделывал, на лихачах с градом закатывал, а теперь иду оборванный да обдерганный, небритый… Покачают головами, да и прочь пойдут. Страмота, страмота, страмота! *(Сидит повеся голову.)* Есть ремесло хорошее, коммерция выгодная — воровать. Да не гожусь я на это дело — совесть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряет.

Митя. Последнее дело!

Любим Карпыч. Говорят, в других землях за это по талеру плотят, а у нас добрые люди по шеям колотят. Нет, брат, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора… Да ведь голод-то не тетка, что-нибудь надобно делать! Стал по городу скоморохом ходить, по копеечке собирать, шута

из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожишь с утра раннего в городе, где-нибудь за углом от людей хоронишься да дожидаешься купцов. Как приедет, особенно кто побогаче, выскочишь, сделаешь колено, ну и даст, кто пятачок, кто гривну. Что наберешь, тем и дышишь день-то, тем и существуешь.

Митя. Вы бы лучше, Любим Карпыч, к брату ехали, чем так жить-то.

Любим Карпыч. Нельзя, втянулся. Эх, Митя, попадешь на эту зарубку — не скоро соскочишь. Да ты не перебивай, твоя речь впереди. Ну вот слушай! Простудился я в городе — зима-то стояла холодная, а я вот в этом пальтишке щеголял, в кулаки подувал, с ноги на ногу перепрыгивал. Свезли меня добрые люди в больницу. Как стал я выздоравливать да в рассудок приходить, хмелю-то нет в голове — страх на меня напал, ужасть на меня нашла!.. Как я жил? Что я за дела делал? Стал я тосковать, да так тосковать, что, кажется, умереть лучше. Так уж решился, как совсем выздоровею, так сходить Богу помолиться да идти к брату, пусть возьмет хоть в дворники. Так и сделал. Бух ему в ноги!.. Будь, говорю, вместо отца! Жил так и так, теперь хочу за ум взяться. А

ты знаешь, как брат меня принял! Ему, видишь, стыдно, что у него брат такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человек буду. Так нет, говорит, — куда я тебя дену. Ко мне гости хорошие ездят, купцы богатые, дворяне; ты, говорит, с меня голову снимешь. По моим чувствам и понятиям мне бы совсем, говорит, не в этом роду родиться. Я, видишь, говорит, как живу: кто может заметить, что у нас тятенька мужик был? С меня, говорит, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразил он меня, как громом! С этих-то слов я опять стал зашибаться немного. Ну да, я думаю, Бог с ним, у него вот эта кость очень толста. *(Показывает на лоб.)* Ему, дураку, наука нужна. Нам, дуракам, не впрок богатство, оно нас портит. С деньгами нужно обращаться умеючи… *(Дремлет.)* Митя, я полежу у тебя, мне соснуть хочется.

Митя. Прилягте, Любим Карпыч.

Любим Карпыч *(встает).* Митя, ты мне денег не давай… то есть много не давай, а немножко дай. Я вот сосну, да схожу погреться немного, понимаешь!.. Только я немного… ни-ни!.. Будет дурачиться.

Митя *(вынимает деньги).* Вот извольте, сколько вам нужно.

Любим Карпыч *(берет).* Гривенник надо. Тут все серебро, мне серебра не надо. Ты дай мне еще семитку, вот и будет в настоящий такт. *(Митя дает.)* Вот и довольно. Добрая ты душа, Митя! *(Ложится.)* Брат не умеет ценить тебя. Ну, да я с ним штуку сделаю. Дуракам богатство — зло! Дай умному человеку деньги, он дело сделает. Я походил по Москве-то, я все видел, все… Большую науку произошел! А дураку лучше денег не давай, а то он заломается… фу, фу, фу, трр!.. вот как брат, да как я, скотина… *(Полусонным голосом.)* Митя, я ночевать к тебе приду.

Митя. Приходите. Теперь контора пустая… праздники…

Любим Карпыч *(засыпая).* А я с братом смешную штуку сделаю. *(Засыпает.)*

Митя *(подойдя к двери, вынимает письмо из кармана).* Что-то тут? Боюсь!.. Руки дрожат!.. Ну уж, что будет, то будет — прочитаю. *(Читает.)* «И я тебя люблю. Любовь Торцова». *(Схватывает себя за голову и убегает.)*

Действие второе

Гостиная в доме Торцова. У задней стены диван, перед диваном круглый стол и шесть кресел, по три на стороне; в левом углу дверь; на стенах по зеркалу и под ними маленькие столики; в боковых стенах по двери и дверь на задней в углу. На сцене темно; из левой двери свет.

Явление первое

Любовь Гордеевна и Анна Ивановна входят из двери освещенной.

Анна Ивановна. Что ж это они не идут, соколы-то наши?.. Не сходить ли за ними?

Любовь Гордеевна. Нет, не надо. А то, пожалуй, сходи. *(Обнимает ее.)* Сходи-ка, Аннушка.

Анна Ивановна. Что, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордеевна. Ах, Аннушка, как я его люблю-то, кабы ты знала!..

Анна Ивановна. А ты, девка, люби, да ума не теряй. Не давай повадки, чтоб не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каков парень-то.

Любовь Гордеевна. Парень-то хороший…

Больно уж он мне по сердцу, такой тихий да сиротливый.

Анна Ивановна. Ну, а коли хорош, так люби, тебе ближе знать. Я ведь так говорю, к примеру. Мало ли нашей сестры от них плачутся. Долго ль до греха, не спросившись-то ума-разума.

Любовь Гордеевна. Что наша любовь? Как былинка в поле: не расцветет путем, да и поблекнет.

Анна Ивановна. Постой-ка, девушка, никак кто-то идет. Не он ли? Я пойду, а ты подожди, может, это и он… Потолкуете по душе. *(Уходит.)*

Входит Митя.

Явление второе

Любовь Гордеевна и Митя.

Любовь Гордеевна. Кто там?

Митя. Я-с, Митя.

Любовь Гордеевна. Что ж ты так долго не шел?

Митя. Меня задержали-с. *(Подходит.)* Любовь Гордеевна, вы одне-с?

Любовь Гордеевна. Одна. А что?

Митя. Любовь Гордеевна, как прикажете понимать вашу записку, в правду или в шутку-с?

Любовь Гордеевна молчит.

Скажите, Любовь Гордеевна! Я теперича нахожусь в таком сумнении, что не могу этого вам выразить. Положение мое в вашем доме вам известно-с: от всякого зависим, от Гордея Карпыча я, можно сказать, пренебрежен совсем; у меня только и было одно чувство что к вам-с: если же от вас я буду принят в насмешку, значит, лучше мне не жить на свете-с. Это вы поверьте душе моей. Я вам истину говорю-с.

Любовь Гордеевна. Нет, Митенька, я тебе в правду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?

Митя. Конечно, Любовь Гордеевна, я не умею вам всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тем заверить. что я имею у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видеть из всего-с.

Любовь Гордеевна. А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя. Это неправда-с.

Любовь Гордеевна. Право, мне так сказывали.

Митя. Если б это было правда, значит, что же я за человек после этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует! А я считаю так, что это бесчестно. Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что

вас обмануть.

Любовь Гордеевна. Вам нельзя верить: все мужчины на свете обманщики.

Митя. Пущай же их обманщики, но только не я.

Любовь Гордеевна. Почем знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

Митя. Легче бы мне, кажется, умереть на этом месте, чем слышать от вас такие слова! *(Отворачивается.)*

Любовь Гордеевна. Нет, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мне только так хотелось пошутить с тобой.

Митя молчит.

Митенька, Митя… Что ж ты молчишь? Ты рассердился на меня? Я ведь говорю тебе, что шучу. Митя! Да ну же, скажи что-нибудь. *(Берет его за руку.)*

Митя. Эх, Любовь Гордеевна, не шутки у меня на уме! Не такой я человек.

Любовь Гордеевна. Да не сердись.

Митя. Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не к месту они. Эх, пропадай моя голова! *(Обнимает ее.)* Разве силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордеевна *(прижимаясь к нему).* Митенька, как же нам быть-то теперь?

Митя. Как быть? Не на то уж мы слюбились, чтоб расставаться.

Любовь Гордеевна. А ну, как да меня сговорят за кого-нибудь?

Митя. А вот что, Люба: одно слово — надоть идти завтра к Гордею Карпычу нам вместе, да в ноги ему. Так и так, мол, на все ваша воля, а нам друг без друга не жить Да уж коль любишь друга, так забудь гордость!

Любовь Гордеевна. Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моих прежних слов: это только девичья глупость была одна, я винюсь перед тобой! Не шутки с тобой шутить, а приласкать бы мне тебя, бедного, надо было. *(Прилегает к нему на грудь.)* А ну как тятенька да не захочет нашего счастия, что тогда?

Митя. Что загадывать вперед, там как Бог даст. Не знаю, как тебе, а мне без тебя жизнь не в жизнь!

Молчание.

Любовь Гордеевна. Идет кто-то!.. Ступай, голубчик, потихоньку, а я после приду.

Митя тихо уходит; Арина входит со свечой;

Любовь Гордеевна идет к ней навстречу.

Явление третье

Арина, Любовь Гордеевна и потом Егорушка.

Арина. Ну тебя! Перепугала совсем. Что ты тут делаешь? Маменька там ищет тебя, а ты вот где. Чтой-то в потемках-то бродишь! Ишь ты, скромница, несмеяна царевна.

Любовь Гордеевна уходит.

Уж и в самом деле не было ль тут кого с ней. *(Смотрит по углам.)* И я-то, дура, на кого подумала! *(Зажигает свечи.)* Ведь ишь ты, грех-то какой придет на старости лет.

Егорушка входит.

Поди, Егорушка, позови соседних девушек. Скажи, мол, Пелагея Егоровна приказала звать песни петь.

Егорушка. Ой! Что ты, Аринушка, матушка! *(Пляшет.)*

Арина. Чему ж ты рад-то, глупый!

Егорушка. Еще б не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!.. *(Прыгает.)*

Арина. Еще, может, ряженые будут; молодцы нарядиться хотели.

Егорушка. Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина. Да что ты, постреленок?

Егорушка. Да со смеху умру; смешлив я больно, бабушка!

Арина. А ты сам нарядись.

Егорушка. Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!

Арина. Да ты беги поскорей за девками-то.

Егорушка. В секунт! *(Уходит.)*

Входит Пелагея Егоровна.

Явление четвертое

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Аринушка, послала ты за девушками-то?

Арина. Послала, матушка.

Пелагея Егоровна. То-то. Пусть попоют с нашими-то. Любушку с гостьями потешат. По тех пор и веселиться-то, пока молоды… да; известно, дело девичье, взаперти да взаперти, свету не видят… Ну, а теперь их праздник… да, уж пусть их, пусть их!

Арина. Что ж, матушка, что ж! Пускай их, что ж!

Пелагея Егоровна. Да мадерки, Аринушка, мадерки-то… постарше которым; ну, а молодым пряничков, конфеток, там что знаешь… да! Сама уж, сама уж догадайся. Да мадерки-то, Аринушка,

не забудь.

Арина. Знаю, матушка, знаю! Уж всего будет довольно. Сейчас, матушка, сейчас!

Пелагея Егоровна. Да молодцам-то закусочки.

Арина. Все, все, матушка, будет. Уж ты не беспокойся, ты поди к гостям-то, а я уж все с удовольствием сделаю. *(Уходит.)*

Пелагея Егоровна *(подойдя к двери).* Девушки, молодцы, подите сюда, тут попросторней да посветлее.

Входят Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи: 1-я и 2-я.

Явление пятое

Пелагея Егоровна, Любовь Гордеевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляев, Митя, Гуслин и две гостьи-старухи: 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна *(старухам).* А мы вот здесь усядемся.

Садится на диван, старухи подле нее; Анна Ивановна и Гуслин садятся на стулья и говорят тихо; Митя стоит подле них; Маша, Любовь Гордеевна и Лиза ходят по зале, обнявшись; Разлюляев ходит за ними.

Поглядим на них, пусть их играют.

Лиза. Я говорю: представьте, маменька, он не имеет никакой политики в разговоре и даже такие слова говорит, что совсем неучтиво.

Разлюляев. Это не в наш ли огород?

Лиза. Не об вас речь; ваше дело сторона. *(Продолжает.)* Но за что же, маменька, я должна его любить… *(Говорит шепотом.)*

Пелагея Егоровна. Я, матушка, люблю по-старому, по-старому… да, по-нашему, по-русскому. Вот муж у меня не любит, что делать, характером такой вышел. А я люблю, я веселая… да… чтоб попотчевать, да чтоб мне песни пели… да, в родню в свою: у нас весь род веселый… песельники.

1-я гостья. Как я посмотрю, матушка Пелагея Егоровна, нет того веселья, как прежде, как мы-то были молоды.

2-я гостья. Нету, нету.

Пелагея Егоровна. Я молодая-то была первая затейница — и попеть, и поплясать — уж меня взять… да… что песен знала! Уж теперь таких и не поют.

1-я гостья. Нет, не поют, все новые пошли.

2-я гостья. Да, да, вспомянешь старину-то.

Пелагея Егоровна. Яшенька, спой-ка какую-нибудь песенку старенькую.

Гуслин берет гитару.

Разлюляев *(девушкам).* Стало быть, уж мне и не дожидаться; видно, от вас никакого толку не будет.

Лиза. Какого вам толку, я не понимаю.

Маша. Даже смешно слышать.

Разлюляев. Да, вам смешно, а мне-то каково? За что в самом деле, не любите?

Любовь Гордеевна. Сядемте.

Садятся.

Гуслин *(поет).*

За реченькой за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках
Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитеся, любитеся,
Любите меня.
Пойдете вы в зеленый сад —
Возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать —
Сорвите и мне;
Вы станете веночки плесть —

Сплетите и мне;
Пойдете на реченьку —
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать —
Вы бросьте и мой.
Как все венки посверх воды,
А мой потонул;
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришел.

Арина *(входит с бутылками, стаканами и девушка с закусками).* Вот, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна *(девушке).* Попотчуй барышень-то.

Девушка обносит девиц, ставит поднос на стол и уходит.

Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то... Повеселей будет. Что ж, ничего, выпьем. Нас не осудят — мы старухи, да... *(Пьют.)* Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что ли?

Анна Ивановна. Вота, что ж не выпить! Говорят, без людей не пей, а при людях нужды нет. *(Подходит к Пелагее Егоровне, пьет и разговаривает потихоньку.)*

Арина. Молодцы, что ж вы осовели?

Митя. Я не пью-с.

Разлюляев. Можно! *(Подходит с Гуслиным и пьет потом, ухватив Арину.)* Ну-ка, тряхнем стариной! *(Поет.)*

Эх, тряхону ль я старину
Про Ерему, про Фому…

Арина. Отстань, озорник, изломал всю!

Разлюляев *(поет).*

Ах, вожжи во Калуге,
Хомут во Тарусе,
Сани с подрезами,
Едут они сами.

Девушки смеются.

Арина. Отвяжись, говорят!.. Ну те совсем! *(Уходит.)*

Анна Ивановна. Да ты что старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляев. Ну, давай! Играй, Яша!

Яша играет, они пляшут.

1-я гостья. Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна. Веселая, веселая.

Разлюляев *(топнув ногой).* У нас вот как! *(Перестает плясать.)*

Егорушка *(входит).* Девушки пришли.

Пелагея Егоровна. Ну зови их.

Егорушка уходит; девушки входят; Арина приносит блюдо и покрывает.

Садитесь-ка, садитесь, да запойте подблюдные, я их очень люблю.

Любовь Гордеевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимают кольца и кладут на блюдо; девушки запевают.

Сей, мати, мучицу,
Пеки пироги.
Слава!
К тебе будут гости,
Ко мне женихи.
Слава!
К тебе будут в лаптях,
Ко мне в сапогах.
Слава!
Кому спели —
Тому добро.
Слава!
Кому вынется —
Тому сбудется.

Слава!

Разлюляев засучивает рукава, вынимает кольцо, отдает Любови Гордеевне.

Пелагея Егоровна. Пора уж, пора.

Девушки *(запевают).*

Сидит воробей
На Беле-городе.
Слава!
На Беле-городе,
На высокой стене.
Слава!
Глядит воробей
На чужу сторону.
Слава!
Кому вынется —
Тому сбудется.
Слава!

Арина *(входит).* Ряженые пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна. Что ж, пусти, пусть поплясшут. А вы, девушки, после попоете.

Явление шестое

Те же и ряженые: старик с балалайкой или гитарой, вожак с медведем и козой, Егорушка с патокой.

Старик *(кланяется).* Всей честной беседе поклон.

Вожак. Кланяйся, Мишка.

Медведь кланяется.

Старик. Прикажите попеть, поплясать, позабавить, свои старые косточки поправить.

Пелагея Егоровна. Что ж, ничего, попляшите. Попотчуй их, Аринушка, винцом.

Арина подносит вино; некоторые пьют.

Старик. Благодарим покорно на ласковом слове да на потчеванье. *(Запевает.)*

Как уж наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали —
Всем кафтаны першивали.
Нам не дороги кафтаны,
Были б денежки в кармане.

Целковые по мошнам
Не дают спать по ночам;
Медны денежки гремят —
Во кабак идти велят.
Целовальничек Андрей,
Отпирай кабак скорей:
У нас новый кафтан есть,
Мы заложим его здесь,
Не домой же его несть.

(Отходит в сторону.)
Егорушка *(пляшет с патокой).*

Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Зима, зимушка-зима
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятельливая —
Все дорожки замети,
Нельзя к миленькой пройти.
Ах, патока, патка,
Варёная, сладка!
Сидит моя женка,

Ровно перепелка!
Я за то ее люблю,
За то почитаю,
Что чопорно ходит,
Хорошо гуляет.

(Кланяется.)

1-я гостья. Ишь ты какой молодец!.. а!

Пелагея Егоровна. Что ж, матушка, по детству, как умеет. Ведь ребенок еще. Поди сюда, Егорушка.

Егорушка подходит.

На тебе пряничка… *(Дает.)*

Егорушка кланяется и уходит.

Да… ребенок еще, что с него взять-то!

Вожак водит медведя; коза пляшет.

Старик *(поет).*

Как у нас-то козел
Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и кашу варил —
Деда с бабкой кормил.
Как пошел наш козел,
Он во темный лес,

Как навстречу козлу
Да семь волков:
Как один-то волк,
Он голодный был,
Он три года ходил,
Все козлятинки просил.

Вожак *(медведю).* Проси вина, поминать козла.

Медведь кланяется.

Пелагея Егоровна. Аринушка, попотчуй ряженых-то.

Арина подносит; они пьют и кланяются.

Вожак. А ну-ка, Мишенька, потешь честных господ. А как красные девицы, молодые молодицы белятся, румянятся, на молодцов поглядывают, женихов выглядывают.

Медведь ломается.

А как старая старушка на работу идет, сгорбимшись, съежимшись, пришибла ее старость, одолела ее древность.

Медведь ломается.

Ну, поклонись теперь честным господам. *(Отходят.)*

Старик играет на гитаре, прочие ряженые пляшут; все на них смотрят; Гуслин и Митя стоят подле Любови Гордеевны; Митя шепчет ей что-то

и целует; Разлюляев подходит.

Разлюляев. Это ты что делаешь?

Митя. А тебе что за дело?

Разлюляев. Вот я Пелагее-то Егоровне скажу, дай срок!

Митя. Ты у меня пикни только!

Гуслин *(наступает на него).* Ты смотри у меня! Нам ведь вместе идти отсюда: дело-то ночное, а переулок-то у вас глухой, так ты помни это!

Разлюляев. Что вы пристали? К чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что, взяли! Да, женюсь!

Митя. Увидим.

Разлюляев. Так за тебя, что ль, отдадут? Как же, держи карман-то!.. А у нас денег много!..

Арина. Ведь ишь ты шум какой!.. Перестаньте вы!.. Никак, кто-то стучит…

Все прислушиваются.

Так и есть… стучат.

Пелагея Егоровна. Отопри поди.

Арина *(уходит, потом возвращается).* Сам приехал!

Все встают.

Явление седьмое

Те же, Гордей Карпыч и Коршунов.

Гордей Карпыч *(к ряженым).* Это что за сволочь!.. Вон! *(К жене.)* Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. *(Тихо.)* Зарезала ты меня!

Пелагея Егоровна. Милости просим, Африкан Савич, милости просим.

Коршунов. Здравствуйте, Пелагея Егоровна… Хе, хе, хе… Да у вас веселье! Вот как мы впору попали.

Пелагея Егоровна. А я вот с девушками… Да, я все с девушками. Что ж, Святки; дочку потешить хочется.

Гордей Карпыч. Милости просим, Африкан Савич, без церемонии.

Африкан Савич садится на кресло к столу.

(К жене). Гони девок-то вон!

Коршунов. За что их гнать! Кто ж девушек гонит… Хе, хе, хе… Они попоют, а мы послушаем, да посмотрим на них, да еще денег дадим, а не то что гнать.

Гордей Карпыч. Как тебе угодно, Африкан Савич! Мне только конфузно перед тобою! Но ты не заключай из этого про наше необразование — вот все жена. Никак не могу вбить ей в голову.

(К жене.) Сколько раз говорил я тебе: хочешь сделать у себя вечер, позови музыкантов, чтобы это было по всей форме. Кажется, тебе ни в чем отказу нет.

Пелагея Егоровна. Ну уж, куда нам музыкантов… старухам. Это уж вы забавляйтесь.

Гордей Карпыч. Вот какие у них понятия об жизни. Даже, я думаю, тебе смешно слушать.

Пелагея Егоровна. Да что понятия, понятия! Ты бы вот лучше попотчевал гостя. Не угодно ли, Африкан Савич, винца с нами, со старухами. *(Наливает мадеры.)*

Гордей Карпыч *(строго).* Жена! С ума, что ль, сошла в самом деле? Не видывал Африкан Савич твоей мадеры-то! Шампанского вели подать… полдюжины… да проворней. Да вели зажечь свечи в гостиной, что новая небель поставлена. Там совсем другой ефект будет.

Пелагея Егоровна. Сейчас сама все сделаю. *(Встает.)* Аринушка, пойдем. Извините, соседушки.

1-я гостья. Э, матушка, и мы с тобой пойдем. У; нам и ко дворам пора.

2-я гостья. Пора, пора! Ночи темные, собаки по переулкам лихие.

1-я гостья. Ох, лихи, лихи!..

Раскланиваются и уходят.

Явление восьмое

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, девушки, Митя, Гуслин и Разлюляев.

Коршунов. Пойдем к барышням. Где это ты таких красавиц подобрал… Хе! *(Подходит к Любови Гордеевне.)* Здравствуйте, Любовь Гордеевна, красавица вы моя!..

Любовь Гордеевна кланяется.

Примите меня в свою компанию.

Любовь Гордеевна. Мы никого от себя не гоним.

Анна Ивановна. Садитесь, так гости будете.

Коршунов. Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и поцеловаться, чай, можно.

Анна Ивановна. Зачем эти нежности заводить.

Коршунов. Гордей Карпыч, можно с дочкой поцеловаться? А я, признаться… хе, хе… до этого охотник. Да ведь и кто ж не любит!.. Хе, хе…

Гордей Карпыч. Сделай милость, без церемонии.

Коршунов. Поцелуемтесь, барышня.

Любовь Гордеевна. Если тятеньке угодно…

(Целуется.)

Коршунов. Ну, да уж со всеми по порядку.

Анна Ивановна. Я, пожалуй! Я не спесива.

Маша. Ах, стыд какой!..

Лиза. Ну уж, нечего сказать, велика приятность!

Гордей Карпыч *(подходя к Мите).* Ты зачем? Разве здесь твое место? Залетела ворона в высокие хоромы!

Митя, Гуслин и Разлюляев уходят.

Явление девятое

Гордей Карпыч, Коршунов, Любовь Гордеевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и девушки.

Коршунов *(садясь подле Любови Гордеевны).* Я, Любовь Гордеевна, не в вас: вы меня и поцеловать не хотели, хе, хе, хе! а я вам подарочек принес.

Любовь Гордеевна. Напрасно беспокоились.

Коршунов. Вот я вам бриллиантик привез, хе, хе…*(Отдает.)*

Любовь Гордеевна. Это серьги. Покорно вас благодарю.

Анна Ивановна. Покажи-ка.

Маша. Но это прелестно!

Лиза. И с большим вкусом!

Коршунов. Дайте мне вашу ручку-то. *(Берет и*

целует.) Я вас ведь очень люблю, хе, хе, хе! очень люблю, а ведь вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордеевна. За что же мне вас не любить?

Коршунов. За что? Другого любите кого-нибудь, вот за что. А вы меня полюбите, я человек хороший, веселый, хе, хе, хе…

Любовь Гордеевна. Я не знаю, что вы говорите.

Коршунов. Я говорю: полюбите меня. Что ж, я еще не стар… *(Смотрит на нее.)* Али старенек? хе, хе, хе… Ну что ж, не беда. Зато будете в золоте ходить. У меня ведь денег-то нет, я человек бедный… Так каких-нибудь сот пять тысяч… хе, хе, хе, серебром!.. *(Берет за руку.)*

Любовь Гордеевна *(вставая).* Не нужно мне ваших денег.

Гордей Карпыч. Любовь, куда ты?

Любовь Гордеевна. Я к маменьке!

Гордей Карпыч. Останься; она сюда придет.

Любовь Гордеевна садится.

Коршунов. Не хотите со стариком-то посидеть. Дайте мне ручку, барышня, я поцелую.

Любовь Гордеевна *(дает руку).* Ах, Боже мой!

Коршунов. Ручка-то какая! хе, хе, хе… бархатная! *(Гладит своей рукой и потом надевает*

бриллиантовый перстень.)

Любовь Гордеевна *(освобождая руку).* Ах, оставьте меня, не надо мне, не надо.

Коршунов. Ничего, мне это не убыток, авось не разорит.

Любовь Гордеевна. Да мне-то не надо. Дарите кому хотите. *(Снимает и отдает.)*

Коршунов. Дают, так назад не берут… хе, хе, хе.

Входят: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка с вином и стаканами.

Явление десятое

Те же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.

Гордей Карпыч. Пойдем-ка выпьем.

Коршунов. Ну, Гордей Карпыч, потчуй, а вы, девки, величайте меня. Я почет люблю.

Пелагея Егоровна. Девушки, повеличайте.

Гордей Карпыч *(откупоривает, наливает и подносит).* Дорогому гостю Африкану Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна. Пожалуйте, Африкан Савич, просим покорно!

Коршунов берет.

Гордей Карпыч *(берет стакан).* Жена, выпей.

Пелагея Егоровна. Ох, не люблю я что-то этого вина-то… ну, да уж выпью стаканчик.

Девушки *(запевают).*

А кто у нас холост,
А кто неженатый?
Африкан-от холост,
Савич неженатый.
На коня садится,
Под ним конь бодрится;
К лугам подъезжает —
Луга зеленеют,
Цветы расцветают.

Коршунов *(садясь подле Любови Гордеевны).* Вот это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюда которая-нибудь. *(Девушка подходит, он ее треплет по щеке.)* Ишь ты, востроглазая какая! Ведь вам, девушкам, чай, много надобно на белила на белые, на румяна на алые… хе, хе, хе… а у меня денег нет, за мной будет… хе, хе, хе… Держи фартук. *(Сыплет ей деньги, мелочь; девушка кланяется и уходит.)* Ну, что же, Гордей Карпыч, скажи женето, зачем мы приехали.

Гордей Карпыч. Я тебе, жена, давно говорил, что мне в здешнем городе жить надоело, потому на каждом шагу здесь можешь ты видеть как есть одно невежество и необразование. Для тово

я хочу переехать отселева в Москву. А у нас там будет не чужой человек, — будет зятюшка Африкан Савич.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, что вы?

Коршунов. А уж мы, Пелагея Егоровна, по рукам ударили… Что вы так испугались, я ее не съем.

Пелагея Егоровна. Ах, ах, батюшки! *(Хватает дочь.)* Моя дочь! Не отдам!

Гордей Карпыч. Жена!

Пелагея Егоровна. Батюшка, Гордей Карпыч, не шути над материнским сердцем!.. Перестань!.. Истомил всю душу.

Гордей Карпыч. Жена, ты меня знаешь!.. Ты, Африкан Савич, не беспокойся: у меня сказано — сделано.

Коршунов. Обещал, так держи слово. *(Встает, подходит к девушкам и говорит с ними тихо.)*

Любовь Гордеевна *(подходит к отцу.)* Тятенька! Я из твоей воли ни на шаг не выду. Пожалей ты меня, бедную, не губи мою молодость!..

Гордей Карпыч. Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. В Москве будешь по-барски жить, в каретах будешь ездить. Одно дело — ты будешь жить на виду, а не в этакой глуши; а другое дело — я так приказываю.

Любовь Гордеевна. Я приказу твоего не смею

ослушаться. Тятенька! *(Кланяется в ноги.)* Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня против сердца замуж идти за немилого!..

Гордей Карпыч. Я своего слова назад не беру. *(Встает.)*

Любовь Гордеевна. Твоя воля, батюшка! *(Кланяется и отходит к матери.)*

Коршунов. Вот и делу конец! Ну-ка, девушки, свадбишную!

Девушки *(поют).*

Поблекнут все цветики во саду,
Завянут лазоревы в зеленом,
Мой миленький, аленький без меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай все цветики частенько,
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горючею слезой.

Любовь Гордеевна. Не ту, не ту, запойте другую.

Гордей Карпыч. Пойдем, Африкан Савич, в гостиную. Жена! Приходите все туда.

Любовь Гордеевна. Куда мне деваться-то!..

Гордей Карпыч. Арина, перенеси вино.

Арина. Ох, постой, не до тебя. Дитятко ты мое!.. Девушки, голубушки, вот какую запоемте. *(Запевает.)*

Ты родимая моя матушка!
В день денна моя печальница.
В ночь ночная богомольница,
Векова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясные,
На свою на дочку глядючи,
На свою на дочь любимую,
Во последний раз, в останешный!

Любовь Гордеевна. В останешний.

В продолжение этой песни Гордей Карпыч и Коршунов уходят; Любовь Гордеевна в объятиях матери; подруги окружают ее.

Действие третье

Небольшая комната в доме Торцова, заставленная разного рода шкафами, сундуками и этажерками с посудой и серебром; мебель: диваны, кресла, столы, все очень богато и поставлено тесно. Вообще, эта комната составляет род кабинета хозяйки, откуда она управляет всем домом и где принимает своих гостей запросто. Одна дверь в залу, где обедают гости, другая во внутренние комнаты.

Явление первое

Арина сидит на стуле у двери в залу; подле нее несколько девушек и женщин.

Арина *(указывая в залу).* Не ждали-то, матушки, не чаяли! Налетел ястребом, как снег на голову, вырвал нашу лебедушку из стада лебединого, от батюшки, от матушки, от родных, от подруженек. Не успели и опомниться!.. Уж и что это на белом свете деется! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошел Гордей Карпыча да тем, да другим, ровно туманом каким, а тот-то, на старости, да польстись на его богаче-

ство! Красоту-то нашу писаную да за старого, за постылого и сговорили. Вон она моя голубушка, сидит — на свет не глядит. Ох, тошнехонько мне! На то ль я тебя выходила да вынянчила, на своих руках выносила, как птичку какую в хлопочках берегла!.. А еще недавнушко мы с ней так-то вот растолковалися. Не отдадим, говорю, тебя, дитятко, за простого человека; разве какой королевич из чужих земель наедет, да у ворот в трубу затрубит. А вот и не вышло по-нашему. Вон он, разлучитель-то наш, сидит, толстый да губастый! Ишь на нее поглядывает да посмеивается — любо ему! О, чтоб тебе пусто было! Ну вот покушали, встают, ступайте за дело. *(Встает со стула.)*

Женщины уходят. Входит Пелагея Егоровна.

Явление второе

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола сбирать… да… А я отдохну, посижу — устала.

Арина. Как не устать, родная ты моя, день-деньской на ногах, молоденькая ли ты!..

Пелагея Егоровна *(садится на диван).* Ох… Да самовар-то чтоб туда подали в девичью, большой… который самый-то большой. Да сыщи

Аннушку, пошли-ко мне.

Арина. Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна. Да… поди, поди… Ох, моченьки моей нет!

Арина уходит.

Всю головушку разломило! Горе-то горем, а тут хлопоты еще. Да, да, хлопот-то что! ай, ай, ай! Сбилась с ног, совсем сбилась! Дела-то много, а в голове все не то… И там нужно, и здесь нужно, а ухватиться не знаю за что… Право… да… *(Садится задумавшись.)* Какой это жених, какой жених… ах, ах, ах!.. Где тут любви ждать!.. На богатство что ли она польстится?.. Она теперь девушка в самой поре, сердчишко ведь тоже, чай, бьется иногда. Ей бы теперь хоть бедненького, да друга милого… Вот бы и житье… вот бы и рай…

Анна Ивановна входит.

Явление третье

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна. На-ка тебе ключи-то от чаю. Поди, разлей гостям-то; ну да там все, что нужно, уж сама знаешь. Я-то уж ноги отходила, а тебе что — ты бабочка молоденькая… да… послужи.

Анна Ивановна. Что ж не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. *(Берет ключи.)*

Пелагея Егоровна. Вон там в шкапу чай-то, в ящичке в красненьком.

Анна Ивановна отпирает и достает ящичек. Митя входит.

Явление четвертое

Те же и Митя.

Пелагея Егоровна. Что тебе, Митенька, надобно?

Митя *(сдерживая слезы).* Я-с… я-с, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за все ваши снисхождения, и даже чего, может быть, и не стою… как вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вместо матери… я… вами должен быть всю жизнь благодарен и завсегда Богу молить-с. *(Кланяется в ноги.)*

Пелагея Егоровна. Да что ты, Митя?

Митя. Благодарю вас за все-с. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! *(Встает.)*

Пелагея Егоровна. Куда ж ты?

Митя. К матушке хочу ехать-с.

Пелагея Егоровна. Надолго ли же ты едешь?

Митя. Да я у хозяина отпросился на праздники, а уж надо так полагать, что я там вовсе останусь.

Пелагея Егоровна. За что ты это, Митя, нас бросить хочешь?

Митя *(переминаясь).* Да так уж!.. Уж что же… я уж так порешился.

Пелагея Егоровна. А когда же ты едешь?

Митя. Сегодня в ночь. *(Молчание).* Так, думаю, до ночи-то с вами не увидишься, так я проститься пришел.

Пелагея Егоровна. Ну, что ж, Митя, коли тебе так надобно… Мы тебя не держим, Бог с тобой… Прощай!..

Митя *(кланяется в ноги Пелагее Егоровне, целуется с нею и с Анной Ивановной, потом так кланяется и останавливается).* Надо бы и с Любовью Гордеевной проститься… Что ж, ведь в одном доме жили… Либо жив буду, либо нет…

Пелагея Егоровна. Да, надо, надо. Что ж, простись, простись!.. Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна *(покачав головой).* «Один ведет за рученьку, другой за другу, третий стоит слезы ронит, любил, да не взял». *(Уходит.)*

Явление пятое

Пелагея Егоровна и Митя.

Пелагея Егоровна. А у нас-то, Митенька, какое горе-то! Как его размыкать-размотать, не придумаю… Ровно меня громом ошибло, в себя

не приду.

Митя. Кто же теперича этому виноват-с, не на кого вам плакаться, Пелагея Егоровна-с, сами отдаете.

Пелагея Егоровна. Сами… сами… да, сами отдаем. Ох, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нешто б я отдала! Что я, разве враг ей!

Митя. Человек-то, как понаслышке, не больно-то завидный. Ничего хорошего, окромя дурного, не слыхать.

Пелагея Егоровна. Знаю, Митенька, знаю.

Митя. А ведь уж теперича, по этим слухам, надо так сказать, что, должно быть, Любови Гордеевне за этаким человеком, и притом в отдаленности, совсем погибать надобно-с.

Пелагея Егоровна. Ох, уж не говори ты мне, не говори… и без тебя тошнехонько. Глаза-то все проглядела, на нее глядючи! Хоть бы теперь-то наглядеться на нее про запас. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя *(почти плача).* Так это что ж такое! Нешто этак-то делают? Ведь она, чай, ваша родная дочь!..

Пелагея Егоровна. Кабы не родная, так я бы не плакала и не убивалася, не надрывалось бы мое сердце на ее на слезы.

Митя. Чем плакать-то, не отдавали б лучше. За что девичий век заедаете, в кабалу отдаете? Нешто это не грех? Ведь, чай, вам за нее надоть будет Богу ответ дать.

Пелагея Егоровна. Знаю я, все знаю, да говорю ж я тебе, что не моя воля. Что ты пристал ко мне? Мне и без тебя тошно, а ты еще меня расстраиваешь. А ты бы, Митя, пожалел меня!

Митя. Оно так-с, Пелагея Егоровна, да не переносно мне это горе-то; может, тяжельше, чем вам. Я такую в вас веру, Пелагея Егоровна, взял, что все равно как матушке родной откроюсь. *(Утирает глаза платком.)* Вечор-то, как у вас вечеринка-то была… *(Слезы мешают говорить.)*

Пелагея Егоровна. Ну, ну, говори, говори…

Митя. Ну, вот и столковались мы с ней в потемочках, чтобы идти нам с ней к вам, матушка, да к Гордею Карпычу, просить вас низменно: благословите, дескать, нас, а нам уж друг без друга не жить *(утирает слезы)*; а нынче вдруг поутру слышу… опустились мои рученьки!..

Пелагея Егоровна. Что ты?!

Митя. Вот перед истинным, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна. Ах ты сердешный! Экой ты горький паренек-то, как я на тебя посмотрю!

Входит Любовь Гордеевна.

Явление шестое

Те же и Любовь Гордеевна.

Пелагея Егоровна. Вот, Любушка, Митя проститься пришел: он едет от нас к матушке к своей.

Митя *(кланяется).* Прощайте, Любовь Гордеевна!.. Не поминайте лихом!

Любовь Гордеевна. Прощай, Митя! *(Кланяется.)*

Пелагея Егоровна. Поцелуйтесь на прощанье-то, ведь, может, не приведет Бог и свидеться… да… что ж такое!

Митя и Любовь Гордеевна целуются; она садится на диван и плачет; Митя тоже плачет.

Будет будет вам плакать-то! Вы меня с ума сведете!

Митя. Эх, пропадай моя голова! Уж была не была! *(Подходит к Пелагее Егоровне.)* Пелагея Егоровна, жаль вам дочь отдавать за старого, аль нет?

Пелагея Егоровна. Кабы не жаль, так бы я не плакала.

Митя. Прикажете говорить, Пелагея Егоровна?

Пелагея Егоровна. Говори.

Митя. Вот моя речь какая: соберите-ка вы ее

да оденьте потеплее ужотко. Пусть выйдет потихоньку: посажу я ее в саночки-самокаточки — да и был таков! Не видать тогда ее старому, как ушей своих, а моей голове заодно уж погибать! Увезу ее к матушке — да и повенчаемся. Эх! дайте душе простор — разгуляться хочет! По крайности, коли придется и в ответ идти, так уж то буду знать, что потешился.

Пелагея Егоровна. Что ты, что ты, беспутный!

Любовь Гордеевна. Что ты, Митя, выдумал!

Митя. Стало не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордеевна. Да ты говоришь-то что-то страшно!

Пелагея Егоровна. Что ты, беспутный, выдумал-то! Да кто ж это посмеет такой грех на душу взять… да… опомнись… что ты!

Митя. Ведь я говорю: коли жаль; а коли не жаль, так отдавайте за Африкана Савича, закабалите на веки вечные. Сами же, глядя на ее житье горемычное, убиваться станете. Спохватитесь вы с Гордей-то Карпычем, да уж поздно будет.

Пелагея Егоровна. Да как же без отцовского-то благословения! Ну, как же, ты сам посуди?

Митя. Конечно, без благословенья что за житье! Так уж благословите вы, Пелагея Егоровна *(становится на колени),* а Гордей Карпыч, может… и

сам по времени как-нибудь…

Пелагея Егоровна. Как же мне быть-то с вами! Я совсем с ума сошла… да… помешалася. Ничего не знаю, не помню… да, да… головушка моя закружилася… Горько, горько моему сердцу, голубчики!..

Любовь Гордеевна *(подходит к Мите).* Нет, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! *(Поднимает его.)* Не надрывай мою душу! И так мое сердце все изныло во мне. Поезжай с Богом. Прощай!

Митя. За что ж ты меня обманывала, надо мной издевалася?

Любовь Гордеевна. Полно ты, Митя. Что мне тебя обманывать, зачем? Я тебя полюбила, так сама же тебе сказала. А теперь из воли родительской мне выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтоб я шла замуж. Должна я ему покориться, такая наша доля девичья. Так, знать, тому и быть должно, так уж оно заведено исстари. Не хочу я супротив отца идти, чтоб про меня люди не говорили да в пример не ставили. Хоть я, может быть, сердце свое надорвала через это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мне в глаза насмеяться не смеет. Прощай!

Целуются.

Митя. Ну, знать, не судьба!

Любовь Гордеевна садится на диван и плачет.

Прощай! *(Кланяется Пелагее Егоровне.)* Прощайте, Пелагея Егоровна, благодетельница вы моя! Век не забуду вашей ласки да милости ко мне: не забывали сироту на чужой стороне.

Пелагея Егоровна. Прощай, голубчик, не осуди нас в чем, грех тебе будет. Дай Бог тебе счастливо… а мы тебя не забудем.

Митя кланяется и уходит.

Явление седьмое

Пелагея Егоровна и Любовь Гордеевна и потом Коршунов.

Пелагея Егоровна. Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, девушка… ах! А мне и невдомек, что ты его полюбила-то. Да и где мне, старухе, догадаться… да. Что ж я? Вот поплакать наше дело, а власти над дочерью никакой не имею! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцем мягкий, и меня-то бы, старуху любил. Уж как погляжу я на тебя, девушка, как тебе не грустить!.. да помочь-то мне тебе, сердечная, нечем!

Любовь Гордеевна. Ну, маменька, что там и думать чего нельзя, только себя мучить. *(Сидит*

молча.)

Стучат; голос Коршунова: «Можно войти?»

Пелагея Егоровна. Войдите, батюшка.

Коршунов *(входя).* А, вот она, невеста-то моя, куда спряталась… хе… найду, везде найду. Позвольте-ка нам, Пелагея Егоровна, с вашей дочкой по секрету поговорить о своих делах.

Пелагея Егоровна. Изволь, батюшка. *(Уходит.)*

Коршунов *(садится подле Любови Гордеевны).* Об чем это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно… хе… хе… хе… Вот я и постарше, да не плачу… *(Смотрит на нее проницательно.)* Я ведь знаю, об чем: чай, за молоденького хочется? Так ведь это, миленькая вы моя *(берет руку и целует),* глупость одна девичья. Вот послушайте-ка, что я вам скажу… я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мне не из чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордеевна. Говорите.

Коршунов. Хорошо-с. Вот начнем хоть с этого. Молодой разве оценит, что вы его полюбите, а? Молодого-то ведь всякая полюбит, ему это не в диковинку, а старику-то дорого. Старик-то за любовь и подарочком, и тем, и сем, и золотом, и бархатом — и не знает, чем утешить. *(Целует у нее руки.)* А в Москве хороших вещей в магазинах

много, есть что подарить. Так вот старика-то и хорошо полюбить… Вот вам раз… А то вот еще что бывает с молодым-то мужем да с хорошим-то: ведь они народ ветреный, — глядишь, и приволокнется за кем-нибудь на стороне, либо в него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни… Пойдут попреки да ревность… А что такое ревность, а? хе… хе… хе… Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордеевна. Нет, не знаю.

Коршунов. А я знаю… Это не то, что иголкой пальчик уколоть, — гораздо побольнее будет. Ведь она, проклятая, сушит человека. От ревности-то режут друг друга, мышьяком отравляются! *(Смеется судорожно и с кашлем.)* А в старика-то кто влюбится? Стало быть, жене-то и покойно. Да еще вот что скажу вам, драгоценная моя барышня: молодые-то загуливать любят, веселости, да развлечения, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А приедет-то пьяненький, заломается, заважничает. А старик-то все подле жены так и будет сидеть; умирать будет — прочь не отойдет. Да все бы в глазки глядел, да все бы ласкал, да ручки бы целовал… *(Целует.)* Вот так.

Любовь Гордеевна. А вас та жена… покойная

любила?

Коршунов *(смотрит на нее пристально).* А вам, сударыня, зачем это?

Любовь Гордеевна. Так, хотелось знать.

Коршунов. Знать хотелось?.. *(Встает.)* Нет, не любила, да и я не любил ее. Она и не стоила того, чтоб ее любить-то. Я ее взял бедную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрел; спас отца из ямы; она у меня в золоте ходила.

Любовь Гордеевна. Любви золотом не купишь.

Коршунов. Люби не люби, да почаще взглядывай. Им, видишь ты, деньги нужны были, нечем было жить: я давал, не отказывал; а мне вот нужно, чтоб меня любили. Что ж, я волен этого требовать или нет? Я ведь за то деньги платил. На меня грех пожаловаться: кого я полюблю — тому хорошо жить на свете; а уж кого не полюблю, так не пеняй! *(Разгорячаясь, ходит.)* Да, я враг тому человеку, уж лучше беги с моих глаз долой: я словом да взглядом, пуще чем делом, доеду; я проходу… отдыху не дам человеку… я… *(Останавливается и хохочет.)* А вы и в самом деле подумали, что я такой злой?.. хе… хе… Это я нарочно, так шучу! Я простой, я добрый старик… А уж вас-то я буду на руках носить *(припевает),* в люлечке качать, приговаривать… *(Целует у*

ней руки.)

Гордей Карпыч входит.

Явление восьмое

Любовь Гордеевна, Коршунов и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, вот где зятюшка-то! А мы тебя ищем. Мы уж там за шампанею принялись. Пойдем-ка к гостям, у нас без тебя и пир не в пир.

Коршунов. Мне и здесь хорошо.

Гордей Карпыч. Ну, так мы велим сюда подать, да здесь, значит, с тобой и разопьем. *(Подходит к двери.)* Эй малой! дай сюда вина! На серебряном подносе. *(Садится.)* Ну, зятюшка, что скажешь?

Коршунов. Ничего.

Гордей Карпыч. Как ничего?

Коршунов. Так ничего.

Гордей Карпыч. Нет-таки, однако? *(Смотрит на него.)* Можешь ты меня теперь понимать?

Коршунов. Как не понимать.

Гордей Карпыч. Вот мы теперь подгуляли маненько, так ты мне скажи, что я за человек? Могут ли меня здесь оценить?

Коршунов. Где же им оценить.

Гордей Карпыч. Нет, ты вот что скажи: все у меня в порядке? В другом месте за столом-то

прислуживает молодец в поддевке либо девка, а у меня фициянт в нитяных перчатках. Этот фициянт, он ученый, из Москвы, он все порядки знает: где кому сесть, что делать. А у других что! Соберутся в одну комнату, усядутся в кружок, песни запоют мужицкие. Оно, конечно, и весело, да я считаю так, что это низко, никакого тону нет. Да и пьют-то что, по необразованию своему! Наливки там, вишневки разные… а и не понимают они того, что на это есть шампанское! Ох, если б мне жить в Москве али бы в Питербурхе, я бы, кажется, всякую моду подражал.

Коршунов. Неужто всякую?

Гордей Карпыч. Всякую. Сколько б хватило моего капиталу, а уж себя б не уронил. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то жених-то, ведь он московский, пожалуй, осудит. Ты, чай, и ходить-то не умеешь, и говорить-то не понимаешь, где что следует.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, говорю что чувствую; я в пансионе не училась.

Входит официант и подает вино Коршунову и Гордею Карпычу; ставит бутылки на стол и уходит.

Гордей Карпыч. Так-то, зятюшка! Вот и пусть их знают, каков Гордей Карпыч Торцов!

Входит Егорушка.

Егорушка. Дяденька, Гордей Карпыч, пожалуйте сюда-с.

Гордей Карпыч. Что тебе?

Егорушка. Пожалуйте: история вышла-с. *(Смеется.)*

Гордей Карпыч *(подходя).* Что там?

Егорушка. Да дяденька, Любим Карпыч, вошли.

Гордей Карпыч. Зачем пускали?

Егорушка. Им, должно быть, в голову вступило, никак не удержим. *(Хохочет.)*

Гордей Карпыч. Что же он делает?

Егорушка. Гостей разгоняет-с. *(Хохочет.)* Вы, говорит, рады чужой хлеб есть… Я, говорит, тоже хозяин… я, говорит… *(Хохочет.)*

Гордей Карпыч. Тсс… Снял он мою голову! *(Уходит с Егорушкой.)*

Коршунов. Что это там у них?

Любовь Гордеевна. Не знаю. Должно быть, дяденька что-нибудь… На него иногда находит.

Входят: Пелагея Егоровна, Разлюляев, Маша и Лиза.

Явление девятое

Любовь Гордеевна, Пелагея Егоровна, Коршунов, Разлюляев, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна *(в дверях).* Где братец-то?.. Где Любим Карпыч-то? Что он наделал — беда!

Любовь Гордеевна. Его здесь нет, маменька.

Пелагея Егоровна уходит.

Разлюляев. Вот так раз! Славные штучки Любим Карпыч отмачивает! ха… ха… ха!.. Такие пули отливает, что только люли!

Лиза. Совсем не смешно, одно невежество!

Маша. Я просто не знала, куда деваться от стыда. *(Садятся на диван.)*

Входит Любим Карпыч.

Явление десятое

Те же и Любим Карпыч.

Лиза. Ах, Боже мой, опять!

Маша. Это ужасно!

Разлюляев. Ха, ха, ха!..

Любим Карпыч. Гур, гур, гур… будь, буль, буль!.. С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!.. Приятелю! *(Протягивает руку Коршунову.)* Наше вам-с!.. Тысячу лет со днем не видались! Как

поживаете?

Коршунов. А, это ты, Любим?

Любим Карпыч *(загораживая лицо руками).* Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик.

Коршунов. Я тебя, братец, помню: ты по городу ходил, по копеечке сбирал.

Любим Карпыч. Ты помнишь, как я по копеечке сбирал; а помнишь ли ты, как мы с тобой погуливали, осенние темные ночи просиживали, из трактира в погребок перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорил, с сумой по миру пустил?

Коршунов. А ты сам чего зевал? Ведь тебя за ворот не тянули, любезный. Сам виноват.

Любим Карпыч. Я-то дурак, да ведь и тебе не велика честь! Ты меня так возвеличил, в такое звание возвел, что вот я ничего не украл, а людям в глаза глядеть советно!

Коршунов. Ты все такой же шутник! *(Обращаясь к Любови Гордеевне.)* Весельчак дядюшка-то у вас. Видно уж, по старому знакомству, дать ему целковенькой.

Любим Карпыч. Тсс… Тут не целковым пахнет! Отдай старый долг, а за племянницу миллион триста тысяч!.. Дешевле не отдам.

Коршунов *(смеется).* Уступки не будет?

Любим Карпыч. Ни копейки!

Разлюляев. Ай да Любим Карпыч! Меньше и не бери.

Входит Гордей Карпыч.

Явление одиннадцатое

Те же и Гордей Карпыч.

Гордей Карпыч. А, ты здесь! Что ты со мной делаешь? Вон сейчас!

Коршунов. Погоди, Гордей Карпыч, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутит. Хе, хе, хе…

Любим Карпыч. Это брат шутит-то, что за тебя дочь отдает, а я сшучу с тобой такую шутку, что будет тебе не по желудку!

Гордей Карпыч. Ему тут не место. Ступай вон!

Любим Карпыч. Брат, погоди, не гони! Ты думаешь, Любим Торцов пришел шутки шутить, ты думаешь, пьян Любим Торцов? Я пришел вам загадки загадывать. *(Коршунову.)* Отчего у осла длинные уши? Ну-ка, давай ответ!

Разлюляев. Вот так задача!

Коршунов. Почем я знаю.

Любим Карпыч. Для того, чтобы все знали, что он осел. *(Брату.)* Вот тебе задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордей Карпыч. Это не твое дело! Ты меня не

смеешь спрашивать.

Любим Карпыч. А вот тебе еще вопрос: честный ты купец или нет? Коли ты честный — не водись с бесчестным, не трись подле сажи — сам замараешься.

Коршунов. А ты шути, да не забывайся, любезный!.. Выгони его или вели ему замолчать.

Любим Карпыч. Это про тебя!.. Видно, ты чист, как трубочист!

Гордей Карпыч. Брат, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордеевна *(вскакивает в испуге).* Дяденька, перестаньте!

Любим Карпыч. Не замолчу! Теперь кровь заговорила!

Все домашние и гости входят.

Явление двенадцатое

Те же, Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслин, гости, гостьи и прислуга.

Любим Карпыч. Послушайте, люди добрые! Обижают Любима Торцова, гонят вон. А чем я не гость? За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто. Я не Коршунов: я бедных не грабил, чужого веку не заедал, жены ревностию не замучил… Меня гонят, а он первый гость,

его в передний угол сажают. Что ж, ничего, ему другую жену дадут: брат за него дочь отдает! Ха, ха, ха! *(Хохочет трагически.)*

Коршунов *(вскакивает).* Не верьте ему, он врет, он это по злобе на меня говорит, спьяну.

Любим Карпыч. Что за злоба! Я тебе давно простил. Я человек маленькой, червяк ползущий, ничтожество из ничтожеств! Ты другим-то зла не делай.

Гордей Карпыч *(прислуге).* Уведите его!

Любим Карпыч *(поднимая один палец кверху).* Сс… Не трогать! Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах!.. О люди, люди! Любим Торцов пьяница, а лучше вас! Вот теперь я сам пойду. *(Обращаясь к толпе.)* Шире дорогу — Любим Торцов идет! *(Уходит и тотчас возвращается.)* Изверг естества! *(Уходит.)*

Коршунов *(принужденно хохочет).* Так этакой-то у тебя порядок в доме! Этакие ты моды завел: у тебя пьяные гостей обижают! Хе, хе, хе. Я, говорит, в Москву поеду, меня здесь не понимают. В Москве-то уж такие дураки повывелись, там смеются над ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нет, шалишь, я даром себя обидеть не позволю. Нет, ты теперь приди-ка ко мне да покланяйся, чтоб я дочь-то твою взял.

Гордей Карпыч. Я к тебе пойду кланяться?

Коршунов. Пойдешь, я тебя знаю. Тебе нужно свадьбу сделать, хоть в петлю лезть, да только б весь город удивить, а женихов-то нет. Вот несчастье-то твое! Хе, хе, хе…

Гордей Карпыч. Опосля этого, когда ты такие слова говоришь, я сам тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого мне вздумается, за того и отдам! С деньгами, что я за ней дам, всякий человек будет…

Входит Митя и останавливается в дверях.

Явление тринадцатое

Те же и Митя.

Митя *(обращаясь к толпе).* Что такое за шум-с?

Гордей Карпыч. Вот за Митьку отдам!

Митя. Чего-с?

Гордей Карпыч. Молчи! Да… за Митьку отдам… завтра же. Да такую свадьбу задам, что ты и не видывал: из Москвы музыкантов выпишу, один в четырех каретах поеду.

Коршунов. Посмотрим, посмотрим. Придешь прощенья просить, придешь! *(Уходит.)*

Явление четырнадцатое

Те же, без Коршунова.

Пелагея Егоровна. За кого, Гордей Карпыч, ты сказал?

Гордей Карпыч. За Митьку… Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! «Пойдешь кланяться»! Врет он, не пойду кланяться! Назло ему за Митрия отдам.

Все удивлены.

Митя *(берет Любовь Гордеевну за руку и подходит к Гордею Карпычу).* Зачем же назло, Гордей Карпыч? Со злом такого дела не делают. Мне назло не надобно-с. Лучше уж я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша милость, так уж вы благословите нас, как следует — по-родительски, с любовию. Как любим мы друг друга, и даже до этого случаю хотели вам повиниться… А уж я вам, вместо сына, то есть завсегда всей душой-с.

Гордей Карпыч. Что, что всей душой? Ты уж и рад случаю! Да как ты смел подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебе? С кем ты говоришь, вспомни!

Митя. Я оченно хорошо знаю, что вы мой хозяин и что я, по бедности своей, не могу быть им ровней; но, впрочем, судите как хотите, я весь тут-с: я вашу дочку полюбил душою-с.

Входит Любим Карпыч и становится в толпе.

Явление пятнадцатое

Те же и Любим Карпыч.

Гордей Карпыч. Как, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней ведь денег много, так тебе голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя. Для меня столь обидно от вас это слышать, что я не имею слов-с. Лучше молчать. *(Отходит.)* Извольте, Любовь Гордеевна, вы говорить-с.

Любовь Гордеевна. Я, тятенька, вашей воле не перечила! Коли хотите вы моего счастия — отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна. Что это и в самом деле, Гордей Карпыч, капризничаешь… да! Что в самом деле! Я было уж обрадовалась, насилу-то от сердца отлегло, а ты опять за свое. Уж говори что-нибудь одно, а то что это такое… право. То скажешь — за одного, то за другого. Что она тебе, на мытарство, что ли, досталась?

Любим Карпыч *(из толпы).* Брат, отдай Любушку за Митю.

Гордей Карпыч. Ты опять здесь? Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сделал? Ты меня оконфузил на весь город! Кабы ты чувствовал это,

ты бы не смел и на глаза-то мне показываться, а ты еще с советами лезешь! Уж пускай бы говорил человек, да не ты.

Любим Карпыч. Да ты поклонись Любиму Торцову в ноги, что он тебя оконфузил-то.

Пелагея Егоровна. Именно, Любимушка, надо тебе в ноги поклониться… да… именно. Снял ты с нашей души грех великий; не замолить бы его нам.

Гордей Карпыч. Что ж я, изверг, что ли, какой в своем семействе?

Пелагея Егоровна. Изверг не изверг, а погубил было дочь-то из-за своей из глупости… Да! Я тебе от простоты моей скажу. Отдают за стариков-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычут.

Любим Карпыч. Пустите меня! *(Поет.)* Трум-ту-тум, трум-ту-тум! *(Пляшет.)* Посмотри на меня, вот тебе пример — Любим Торцов перед тобой живой стоит. Он по этой дорожке ходил — знает, какова она! И я был богат и славен, в каретах ездил, такие штуки выкидывал, что тебе и в голову не придет, а потом верхним концом да вниз. Вот погляди, каков я франт!

Гордей Карпыч. Ты мне что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мне враг на всю жизнь.

Любим Карпыч. Человек ты или зверь? По-

жалей ты и Любима Торцова! *(Становится на колени.)* Брат, отдай Любушку за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то да честно пожить. Ведь я народ обманывал: просил милостыню, а сам пропивал. Мне работишку дадут; у меня будет свой горшок щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Брат! и моя слеза до неба дойдет! Что он беден-то! Эх, кабы я беден был, я бы человек был. Бедность не порок.

Пелагея Егоровна. Гордей Карпыч, неужели в тебе чувства нет?

Гордей Карпыч *(утирает слезу).* А вы и в самом деле думали, что нет?! *(Поднимает брата.)* Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем. Не знаю, как и в голову вошла такая гнилая фантазия. *(Обнимает Митю и Любовь Гордеевну.)* Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу да живите счастливо.

Пелагея Егоровна обнимает детей.

Гуслин. Дяденька, теперь и мне можно?

Гордей Карпыч. Можно, можно. Просите все, кому что нужно: теперь я стал другой человек.

Гуслин. Ну, Аннушка, дождались и мы с тобой.

Анна Ивановна. Ну, теперь пойдет у нас пляс-

ка, только держи шапку.

Пелагея Егоровна. Уж попляшем, попляшем.

Разлюляев *(подходит к Мите и ударяет его по плечу.)* Митя!.. Для приятеля… все жертвую… Сам любил, а для тебя… жертвую. Давай руку. *(Ударяет по руке.)* Одно слово… бери, значит, жертвую для тебя… Для друга ничего не жаль! Вот как у нас, коли на то пошло! *(Утирается полой и целует Митю.)* А это он правду говорит: пьянство не порок… то бишь — бедность не порок… Вот всегда проврусь!

Пелагея Егоровна. Ах, да вот и все тут! *(К девушкам.)* Ну-ка, девушки, веселенькую… да, веселенькую… Уж мы теперь свадьбу-то по душе отпируем, по душе…

Девушки начинают запевать.

Любим Карпыч. Тсс… Слушай команду! *(Запевает; девушки подтягивают.)*

У нас дело-то сделано…
По рукам у нас ударено,
Быть сговору-девишнику,
Быть девичьему вечеру.

Не так живи, как хочется*

Народная драма в трех действиях

ЛИЦА:

Илья Иванович, зажиточный купец.

Петр, его сын.

Даша, жена Петра.

Афимья, их тетка.

Агафон, мещанин из уездного города.

Степанида, его жена.

Вася, молодой купеческий сын.

Спиридоновна, содержательница постоялого двора.

Груша, ее дочь.

Еремка, кузнец.

Яков, ямщик.

Иван, молодец в доме Петра.

Девушки и парни.

Действие происходит в Москве, в конце XVIII столетия, на масленице. Содержание взято из народных рассказов.

Действие первое

Сцена представляет русскую комнату; налево два окна; прямо дверь и направо дверь; по стенам лавки, на левой стороне деревянный стол и скамья.

Явление первое

Афимья и Даша.

Афимья. Чует мое сердце… не добро оно чует!. Да чему и быть хорошему? Ни миру, ни ладу в семье! Знать, уж Бог вовсе отступился от нас, глядючи на наше непутное житье. За грех за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоление. И на чужого-то смотреть на беспутного сердце мрет, а то, легкое ли дело, свое детище!.. да еще женатый!.. Хорошо, что мать-то Бог прибрал, а то каково бы ей на это глядеть-то!.. отцу супротивник, жену замучил!.. В кого такой уродился? Теперь дни прощеные, и чужие мирятся, а у них и вставаючи и ложаючись брань да перекор. Ну, где он теперь шляется? Ждали, ждали обедать, а его и слыхом не слыхать!.. Всю масленицу гуляет, скружился, как угорелый.

Отец-то пришел полюбоваться на наше житье: есть на что радоваться! Чем бы погостить, а он домой собрался.

Даша. Не говори, тетушка, уж и так тошно.

Афимья. Да что не говорить-то! Нешто не правда?

Даша. Что же, тетушка, что же мне делать-то? Завез он меня на чужую сторону украдучи.

Афимья. Плоха жена, от которой муж гуляет.

Даша. Измучились я! Все сердце он из меня вынул! Отца не слушает, а я что?

Афимья. А ты жена, не чужая.

Даша. Хуже чужой я ему теперь.

Афимья. Ты, видно, Даша, уж такая горькая зародилась, да вот и к нам-то несчастье принесла! Точно как по то стало.

Даша. Не я к вам несчастие принесла. Пока любил меня Петр Ильич, так и жил хорошо, а разлюбил — Бог его знает что с ним сталось, — и стал гулять.

Афимья. Кабы ты жила с ним, как жене следует жить, другое бы дело; а то где же это видано, ровно ты, прости господи, как полюбовница какая, виснешь ему на шею. Нешто жене так подобает?

Даша. Чудное это дело с ним сделалось! Думаю я, не придумаю. (*Плачет*.)

Илья Иванович входит.

Явление второе

Те же и Илья Иванович.

Илья. Дарья, не плачь, не гневи Бога! Снявши голову, по волосам не плачут.

Даша. Батюшка, куда ты собрался?

Илья. Пойду от вас прочь. Я и смотреть-то на вас не хочу, не стоите вы того. Придешь к вам на неделю-то, ровно в омут.

Даша. Ты хоть сына-то подожди, да поговори ему.

Илья. Подожду, поговорю ему в последний раз, крепко поговорю. Ведь гибнет! С экой-то жизнью добра нечего ждать! Такие-то люди близко беды ходят. Хочет — послушает, хочет — нет, а я старый человек, мне покой нужен, пора и свою душу вспомнить. Будет, пожил в миру, всего насмотрелся, только дурного-то больше видел, чем хорошего. С тех пор и свет увидал, как у братца в его келье живу. Вот немножко прошел по Москве, всего-то от монастыря до вас, а сколько мерзости-то видел! Народ-то словно в аду кипит: шум, гам, песни бесовские! Вот вчера, говорят, двоих мертвых на улице подняли да один в прорубе утонул. Христианская ли это смерть! Куда они

угодили? Какое житье в миру-то нынче? Только соблазн один. Сын вот родной и тот что делает. Нешто я его так воспитывал-то?

Входит Петр.

Явление третье

Те же и Петр.

Илья. Где погулял, добрый молодец?

Петр. В Москве места много, есть где погулять, была б охота.

Илья. Досыта ль нагулялся?

Петр. Погулял-таки. Ты, батюшка, куда собрался?

Илья. Бежать хочу, закрывши глаза.

Петр. Что ж не погостишь с нами?

Илья. Надоело мне глядеть-то на тебя, живешь больно нехорошо.

Петр. За что, батюшка, гневаешься? Чем мы так провинились перед тобой?

Афимья. Чем? Не ты б говорил, не мы бы слушали, беспутные твои глаза!

Петр. Не твоего разуму это дело.

Даша. Батюшка серчает, что ты все гуляешь да со мной дурно живешь.

Петр. Ты, что ль, нажаловалась?

Илья. Что жаловаться-то! Разно и сам не вижу,

что живешь не по-людски!

Петр. Эх, уж, видно, мне не жить по-людски… на меня, должно быть, напущено.

Илья. Это что за речи?

Петр. Загубил я себя с тобой! Связала ты меня по рукам и по ногам.

Даша. Ты мучитель, ты кровопивец!

Илья. Что вы? При мне-то? (*Грозно*.) Молчать! Ты, никак, ума рехнулся! Тебя нешто кто неволил ее брать? Сам взял, не спросясь ни у кого, украдучи взял. а теперь она виновата! Вот пословица-то сбывается: «Божье-то крепко, а вражье-то лепко».

Петр. Она меня приворожила чем-нибудь… зельем каким ни есть.

Илья. Не говори, не греши! Что тебя привораживать, коли ты и так ровно чумовой. Своевольщина-то и все так живет. Наделают дела, не спросясь у добрых людей, а спросясь только у воли своей дурацкой, да потом и плачутся, ропщут на судьбу, грех к греху прибавляют, так и путаются в грехах-то, как в лесу.

Петр. Да что ж, батюшка, делать-то? Как еще жить-то?

Илья. Живи по закону, как люди живут.

Петр. Ну, а и вот загулял… Что ж такое? Нынче

дело масленичное. Уж и не погулять? Масленая-то один раз в году бывает. Мне что за дело, как люди живут; я живу как мне хочется.

Илья. Известно, по своей воле легче жить, чем по закону; да своя-то воля в пропасть ведет. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкий и прискорбный путь вводит в живот, а широкий и пространный вводит в пагубу.

Петр. Не все гулять, придет время, и поправимся, и сами будем других учить; учить-то не хитро. Теперь и погулять-то, когда гуляется. Ты, батюшка, сам был молод.

Илья. Так что ж? Нешто я так жил? Молод, так и распутничать! Не для веселья мы на свете-то живем. Не под старость, а смолоду добрыми-то делами запасаются. Ты оглянись на себя: дома ты не живешь, знаешься с людьми нехорошими, жену обижаешь. Что ж у вас дальше-то будет, скажи ты мне?

Петр. А что будет то будет. Проживем как-нибудь — своим умом, не чужим.

Илья. Ну, так и живи! А я видеть этого не хочу! И говорить-то мне тяжело. Что говорить? кому говорить? Кабы разум был, а без разума и ученье не впрок.

Петр. А нет, так и негде взять. На нет и суда

нет.

Илья. А нет, так наберись у добрых людей, да проси Бога, чтоб дал, а то, как червь, погибнешь! (*Встает*.) Прощайте! Коли будете жить хорошо, так приду о празднике, а до тех пор и не ходите ко мне, мне и так суета надоела. Помни, Петр! перед твоими ногами бездна разверстая. Кто впал в гульбу да в распутство, от того благодать отступает, а враги человеческие возрадуются, что их волю творят, и приступают, поучая на зло, на гнев, на ненависть, на волхвование и на всякие козни. И таковым одна часть со врагом. Выбирай, что лучше: либо жить честно, в любви у отца, с душой своей в мире, с благодатию в доме; либо жить весело, на смех и покор людям, на горе родным, на радость врагу человеков. Прощайте! Петр, наступают дни великие, страшные, опомнись. Вот тебе мой приказ, родительский приказ, грозный: опомнись, взгляни на себя. Прощайте!

Афимья. Ужели так уйдешь? Нонче дни прощеные, все люди прощаются.

Даша. Батюшка, прости нас. (*Кланяется в ноги*.)

Илья. Простите и вы меня.

Даша. Благослови нас.

Илья. Вас благословить? Стоите ли вы? Нет,

вы подождите моего благословения до тон поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петр! Лучше совсем не жить, чем жить так, как ты живешь. Благословенье отца нужно: без благословенья пропадешь, как пес. (*Уходит. Все провожают его. Афимья уходит за ним.*)

Явление четвертое

Петр и Даша. Петр садится к столу н задумывается.

Даша. Слышал, что батюшка-то сказал?

Петр. Отстань!

Даша (*подсаживается*). Послушаешь батюшку, будешь любить меня по-прежнему?

Петр. Дарья, отойди!

Даша. Да скажи мне, желанный мой, не утай ты от меня, чем тебе я надоела? Али я не ласкова, что ли, к тебе, Петр Ильич? Али не услужила чем? (*Петр молчит.*) Чем прогневала? Голубчик, Петр Ильич, скажи!

Петр. Отойдешь ли ты от меня, или нет?

Даша. Живем мы с тобой всего годочек...

Петр. Дарья!.. (*Замахивается.*) Не вводи в грех!

Даша. Убей ты меня лучше! Не хочу я жить без твоей ласки! Сам ведь ты меня приучил. Зачем же ты меня прежде любил да нежил, я бы уж не

привыкала. Помнишь, мой сердечный, дома-то ты, бывало, на меня не наглядишься, а выйдем мы с тобою в праздник на улицу — и сидим целый день обнявшись, за белую руку ты меня держишь, в глаза мне смотришь. Народ-то идет — на нас радуется. Скоро-то, скоро все это миновалося! (*Плачет*.)

Петр. Что миновалось, того не воротишь.

Даша. Да, не воротишь! Да нельзя ж мне и не тужить-то об нем, об том золотом времечке. Петя, может, тебе скучно? Хочешь, я тебе песенку спою, что ты певал холостой? (*Молчание*.)

Петр. Отстань! Отойди ты, и без тебя тошно.

Даша. Да скажи, что тошно-то? Скажи ты мне, что тошно-то? Ведь я тебе не чужая.

Петр. А то тошно, что ты своими слезами из меня всю душу вытянула, да еще батюшке нажаловалась. Он мне вон каких страстей насулил, поневоле голову повесишь. Что ж ты думаешь, после его брани-то я к тебе ласковей, что ли, буду? Как же, дожидайся!

Даша. Уж коли так, отпусти меня к батюшке.

Петр. Ступай, пожалуй, хоть на все четыре стороны.

Даша. Ну, так прощай.

Петр. Прощай, не поминай лихом, добром

нечем.

Даша. Ох, горе мое, горюшко!

Петр. Горе? Вот где горе! Не зальешь его, не затушишь!.. Дайте мне вина! Скорей вина! Шевелитесь!..

Входит Афимья.

Явление пятое

Те же и Афимья.

Афимья. Что тебе?

Петр. Вина дайте.

Афимья. Ты, видно, дитятко, забыл, что отец-то говорил?

Петр. Кто здесь хозяин? Что я, дома у себя или в гости пришел? (*Садится.*) Вина! (*Ударяет по столу.*) Да ты подай хорошенького, нынче масленица.

Афимья. Принесу пойду, что воюешь-то! (*Отходит и останавливается.*) Ты на нее-то посмотри! Видишь, плачет, убивается. Заел ты чужой век, заел!

Петр. Эй, Иван!

Иван входит.

Запрячь мне жеребца вороного, дугу писаную… Проворней!

Даша. Посиди дома-то хоть немножко.

Петр. Нечего мне дома делать, здесь угарно.

Афимья. Какой угар? Что ты выдумал!

Петр. А я говорю, что угарно, так и будь по-моему!

Афимья. Ты скажи только, скажи, варвар, желаю я знать от тебя, за что ты жену-то замучил!

Даша. Тетушка, замолчи.

Афимья. Возьму да уйду, не стану глядеть на вас, чтобы сердце не надрывалось.

Петр. Да уйди, тетка, кто тебя держит; авось ладу больше будет.

Афимья. Ладу, ладу? Врешь ты. разбойник! От тебя ладу в доме нет.

Петр. Тетушка, пойдешь ли ты за вином, али нет? А то я сам схожу; смотри, как бы хуже не было.

Афимья. Мне чужого не жалко. Пей, пожалуй, коли ты еще не сыт.

Даша. Я пойду схожу.

Афимья. Балуй, ухаживай за ним, а он на тебя и глядеть не хочет. (*Уходят*.)

Явление шестое

Петр (один).

Петр. Эх, шибко голова болит! Скружился я совсем! (*Задумывается*.) Аль погулять еще? Дома-то

тоска. Спутал я себя по рукам и по ногам! Кабы не баба у меня эта плакса, погулял бы я, показал бы себя. Что во мне удали, так на десять человек хватит! А и то сказать, велика радость сидеть с бабами, пересыпать из пустого в порожнее. Уж догуляю масленую, была не была!

Удалая голова.
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай следа,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.

А как голова-то болит! ровно треснуть хочет. Поеду-ка я к своей кралечке, размычу тоску-горе.

Даша входит.

Явление седьмое

Даша и Петр.

Даша. Вот, Петр Ильич, кушай на здоровье.

Петр. Не кажись ты мне! Ишь ты глаза-то скосила!.. Точно яду подаешь! Пить-то из твоих рук не хочу!

Даша. Пропадай ты совсем, измучил ты меня! (*Ставит вино на стол.*)

Иван входит.

Иван. Лошадь готова.

Петр (*наливает стакан и пьет*). Давай. (*Уходит.*)

Явление восьмое

Даша (одна).

Даша. Что же это на мука-мученская! Батюшка-то с матушкой, чай, думают, дочка-то живет в богатстве да в радости, а не знают они того, что я с утра до ночи слезами обливаюсь. Что ж делать-то? Наша доля терпеть — потерплю; может, он погуляет, погуляет, да за ум возьмется, опять ко мне придет, голубчик мой. (*Молчит несколько времени.*) Одного только, кажется, не перенесет душа моя, коли он да променяет меня на кого-нибудь. А ведь от него, пожалуй, станется. Лучше возьми он мое сердце да разорви его на части, размечи по чисту полю, чем такое злодейство сделать надо мною.

Вася входит.

Явление девятое

Даша и Вася.

Вася. С широкой масленицей!

Даша. Здравствуй, Вася. Что ты?

Вася. Маленько загулял.

Даша. Чтой-то, Вася! С тобой прежде этого не было.

Вася. С горя, Дарья Агафоновна, с горя, с большой со кручины.

Даша. Полно, что у тебя за горе?

Вася (*садится*). Есть, Дарья Агафоновна, есть. Печаль-тоска несносная!.. Погоди, постой, я с горя песенку запою. Можно?

Даша. Пой.

Вася *(поет)*.

Востоскуйся ты, моя сударушка!
По мне возгорюйся.

Даша. Вася, а Вася, что у тебя за горе?..

Вася. Не скажу, вот ни за что не скажу! Хоть сейчас расскажите, не скажу.

Даша. Ну а не скажешь, так и не надо.

Вася. И ни… ни… ни за что на свете! (*Поет.*)

…По мне возгорюйся,
Уж и сам-то ли, я сам
По тебе, сударушка…

Даша. Ну, Бог с тобой, не говори, я и не спрашиваю.

Вася. Нельзя, не велено… под страхом не веле-

но… он меня убьет.

Даша. Кто он-то?

Вася. Некоторый человек. (*Поет.*)

…Сам я истосковался.

Даша. Вася, а Вася, скажи мне, что я у тебя спрошу.

Вася. Спрашивай.

Даша. Куда Петр Ильич ездит? Ты с ним езжал вместе.

Вася. Этого нельзя. (*Поет.*)

Нападают на меня.
Меня, сиротинушку,
Ох да лихи люди.

Даша. Вася, ты винца не хочешь ли? Выпей вот вишневочки.

Вася. Нет, боюсь!.. Тятенька — ух!.. и… и не живи на свете!.. Я и то вот хмельненек немножко… так зашел к вам, авось пройдет… а то боюсь… тятеньку до смерти… и… беда!..

Даша. Да ты уснешь у нас, вот и пройдет… Ничего, выпей.

Вася. Нешто один стаканчик.

Даша (*наливает*). Выпей, Вася, ничего.

Вася пьет.

Так ты не скажешь, куда вы ездите-то?

Вася. Никак невозможно этого сделать: не велел.

Даша (*с испугом*). Как не велел? Да отчего же не велел?

Вася. Так, не велел, да и все тут. Убью, говорит, на месте! Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.

Даша. Ну, хорошо… ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще, Вася.

Вася. Нет, покорно благодарствуйте, будет… и то мутит… а я тятеньки боюсь.

Даша. Вот, тятенька! Что такое? Нынче масленица. (*Наливает.*)

Вася. Ведь этак, пожалуй, напьешься! (*Пьет.*)

Даша. Ничего. Какой ты, Вася, хороший… тебя, чай, девушки любят… Ишь ты какой кудрявый! (*Гладит по голове.*) А? любят девушки? (*Наливает вина.*)

Вася. Меня девушки оченно любят. Да только вот одна, что самая которая раскрасавица, надо мной надсмеялася… Конечно, он старшой… и по торговле, да зачем обижать!..

Даша. За что тебя обижать?

Вася. А он обидел, он шутку сшутил… Да еще какую шутку! а еще благо… бла… благоприятель

называется.

Даша. Скажи пожалуй!.. Ну, ну…

Вася. Я все ходил к ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тятенька узнает… Куда, говорит, ты ходишь?.. Да нет, он не велел сказывать… ты, говорит, и подумать не смей! А то, говорит, ты, пожалуй, сдуру-то жене…

Даша. Васенька, миленький, а какую я тебе невесту сосватаю! Выпей, Вася.

Вася. Не пой ты меня, сделай милость, не пой… а то я пьяный все скажу, а я не должен по-приятельски… и он не велел… Тогда лучше и не живи на свете!

Даша. А какую невесту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

Вася (*пьет*). Ну, хорошо, ну, я все скажу… все, за то, что он меня обидел… кровно обидел… надсмешку надо мной сделал!.. Только ты ему не сказывай.

Даша. Не скажу, не скажу.

Вася. Вот, говорит, куда ты ходишь? Я говорю: есть девушка, красавица, живет с матерью, туда, говорю, и хожу… Грушенькой зовут. Возьми, говорит, меня с собой. Взял я его. Вот мы и ходим к ней много раз… много раз… сидим это, растабарываем, пряничков носим… все как следует.

Вот я сижу, начинает он к ней подделываться, холостым сказался…

Даша (*отодвигается с ужасом*). Ах, батюшки!

Вася. Ты, говорит, не смей сказывать, что я женатый!.. А старуха-то его руку тянет, потому — богатый. Потом как-то говорит: ты, говорит, проваливай и не смей сюда ходить, а то, говорит, убью! И, говорит, отцу скажу. Что ж, известно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи… пи… пиять меня хочешь… Что же, пияй! Отольются тебе мои слезы… Целую неделю, Дарья Агафоновна, я плакал навзрыд, а вот нынче с горя выпил… не мог я этого прео… переломить в себе!

Даша. Ох, горюшко!

Вася (*плачет*). Я человек, у меня сердце, душа есть… чай, она чувствует… Я ведь не каменный!.. У него жена есть, а я сирота… у меня нет никого…

Даша (*встает*). Тетушка, матушка!

Афимья входит.

Явление десятое

Те же и Афимья.

Даша. Тетушка, поскорей соберите меня… я еду к своим… пешком уйду, бегом убегу!..

Афимья. Да что ты?

Даша. Злодей-то мой, тетушка, совсем меня

бросил!.. Тетушка, у него есть полюбовница!.. Вот отчего он дома-то не живет.

Афимья. Ой! что ты? Ах, родная!

Даша. Не он ли мне клялся, всю душу-то проклял, божившись, что одну меня любить будет, а теперь нашел себе здесь какую-то… (*Подходит к Васе и толкает его*.) Кто она такая, а?

Вася молчит.

Спит! Поскорей, тетушка, поскорей… Поеду в Рогожскую, найму лошадей. Легче мне не видать его совсем, чем век с ним горе мыкать. Будет, пожили. Прощай, Петр Ильич!

Действие второе

Изба на постоялом дворе.

Явление первое

Спиридоновна и Яков.

Спиридоновна. Ну, ну, закладывай ступай!

Яков. Что ж, Анна Спиридоновна, я тебе за овес деньги отдал сполна, значит, как есть.

Спиридоновна. Ну, отдал — и конец.

Яков. Да известно… что ж такое… дело масленичное, можно нашего брата и винцом похолить.

Спиридоновна. Уж вы, жиды, из души вытянете. (*Подносит водку*.)

Яков (*пьет и утирается*). Покорнейше благодарим.

Спиридоновна. А в Бунькове Мишке кривому сдай.

Яков. Оно это точно, что ж говорить, Мишка кривой супротив других ловчей будет. Только теперь староста на буньковских ямщиков приказ написал: если будете, примерно, метать промеж себя и тащить, котора половина больше, так и

тащите, а им чтобы не галдить, и чтобы супротив говорить не смели.

Входит Груша.

Явление второе

Те же и Груша.

Груша (*подпрыгивая и похлопывая руками*). Ух, как перезябла вся, беда!

Спиридоновна. А неволя стоить на морозе-то? Точно тебя из избы-то гонят.

Груша. Да уж больно весело на улице-то: парии гуляют, девки гуляют, песни играют, не ушел бы от них, кажется. Я погреюсь да опять пойду. Что-то мне сегодня уж больно весело, девке.

Спиридоновна. А то неужто скучать? Об чем это? Живем хорошо, ожидаем лучше. (*Ямщику*.) Ты что здесь толчешься-то? Ступай закладывай.

Яков (*почесываясь*). Да уж больно мне… тово… неохота от масленой уезжать-то.

Спиридоновна. Вам бы все гулять! Ступай! Ступай! (*Толкает его; ямщик уходит*.) Поди вот попотчуй купцов винцом; сидят там лошадей дожидаются. Пошути там с ними, побалагурь, наври им короба с три, они ведь охотники.

Груша. Да, как же, нужно мне к ним идти!.. Пристают да целоваться лезут; смерть не люблю!

Мне и от своих-то парней проходу нет.

Спиридоновна. А к тебе нешто пристанет? А я так люблю купцов. Я вот десять лет постоялый двор держу, десять лет как в огне горю, ни одному мужику против меня не потрафить, так уж навидалась я их. Я после покойника-то твоего отца молоденькая осталась; тогда еще мы в Бунькове держали. Бывало, наедут — пей, гуляй, веселись! Уважаю даже купцов за их жизнь. Только держи себя в струне: языком, мол, что хошь болтай, рукам воли не давай — вот мой обычай! Этот… как его?.. Петр Ильич, что ли? Что он больно часто повадился?

Груша. Ничего, ходит так себе, для времяпровождения. Не гонять же его.

Спиридоновна. Зачем гонять, может и пригодится. Ты его, Груша, блюди, приголубливай, только не больно поваживай. Женись, мол, вот и все тут, и хлопотать не об чем, а на бобах-то, мол, нас не проведешь. А до той поры пущай ходит да гостинцев носит. Что им в зубы-то смотреть!

Груша. Ишь ты, мать! Как же, охота мне замуж! По тех пор и погулять, пока в девках. Еще замужем-то наживуся! Гуляй, девка, гуляй я!

Спиридоновна. Не век же тебе в девках-то сидеть, а вышла за человека хорошего да за богатого,

и ходи как пава… Фу-ты ну-ты!.. То ль не житье! Пей, ешь на поданном, ложись на постланном, только врозь ползи. (*Уходит.*)

Явление третье

Груша (*одна*). Замужем-то жить трудно! Угождай мужу, да еще какой навернется… Все они холостые-то хороши!.. Еще станет помыкать тобой. А девкам нам житье веселое, каждый день праздник, гуляй себе — не хочу! Хочешь — работай, хочешь — песни пой!.. А приглянулся-то кто, разве за нами усмотришь. Хитрей девок народу нет. (*Поет песню.*)

Спиридоновна и Петр входят.

Явление четвертое

Груша, Спиридоновна и Петр.

Спиридоновна. Вот я к тебе гостя привела. Садись, Петр Ильич. Скидай шубу-то.

Петр. Не надо. Я на минуту к вам, проездом заехал.

Груша. Отчего ж на минуту? Посиди.

Петр. Нехорошо днем-то: у вас мало ли народу толчется — увидят.

Груша. А тебе кого бояться-то?

Петр. Нет, я ужо приеду вечером, в те поры погуляем.

Спиридоновна. Сиди, сиди, небось никто сюда не войдет. А ужо приезжай, милости просим. Выпей-ка винца.

Петр. Не хочу.

Спиридоновна. Полно ломаться-то. Выпей.

Петр. Ну давай. (*Пьет.*) Спасибо.

Спиридоновна. Вот так-то... на здоровье! смоталась совсем, и день и ночь пьяна, дым коромыслом; такая уж эта неделя, право. (*Уходит; Груша затворяет за ней дверь.*)

Явление пятое

Груша и Петр.

Груша. Что ты такой сердитый? На меня, что ль, сердит?

Петр. Я нынче не в себе, скучно, дела такие есть.

Груша. А ты не скучай. Что за скука!.. Так-то, голубчик мой беленький. (*Поет.*)

Как у молодца у удалого
Печаль-тоска не бывала;
Что сегодняшнюю-то темну ночь
Печаль-тоска обуяла.

Петр. Уж очень я тебя люблю! Надоть так думать, ты меня приворожила чем ни на есть!

Груша. Что ты! Господь с тобой!

Петр. Возьми ты вострый нож, зарежь меня, легче мне будет.

Груша. Да что с тобой сделалось?

Петр. Несчастный я человек! Ничего и не пойму, ничего не соображу. Голова мои вся кругом пошла! Ровно туману кто напустил на меня!

Груша. Да отчего так? Скажи.

Петр. Говори ты мне прямо, так, чтоб уж я знал: любишь ли ты меня?

Груша. А то скажешь — нет? Известно, люблю.

Петр. Ой ли? Верно твое слово?

Груша (*обнимая его крепко*). Вот как люблю… вот!

Петр. Груша, так ты меня так любишь? Ну, пропадай все на свете! Скажи ты мне теперь: загуби свою душу за меня! Загублю, глазом не сморгну.

Груша. Что ты, что ты?! Нехорошо! Нешто такие слова говорят? В какой час скажется. Вот у нас кузнец Еремка, все этак душой-то своей клялся, в преисподнюю себя проклинал… Ну, что ж, сударь ты мой… такая-то страсть!.. И завел его на сеновал под крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Уж такой-то этот Еремка распостылый! Каких бед с

ним не было! Два раза из прорубя вытаскивали, а ему все как с гуся пода.

Петр. Что мне себя жалеть-то? Уж и так пропащая моя голова, заодно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебе нужно: золота, серебра, каменьев самоцветных — себя заложу, а тебе подарю.

Груша. Ничего мне, голубчик ты мой беленький, не надо, всего у меня довольно. А ты вот что, парень, люби ты меня, как я тебя люблю.

Петр. Эх, девка! Что балясы-то точишь! Видишь, я в каком разе! Проси, чего хочешь. Дорогого проси!

Груша. Чего у тебя просить-то! А вот что: ходи почаще, носи пряничков послаще, да еще ленту поалее, да гляди на меня помилее, да целуй покрепче… ха, ха, ха!.. Да вот еще я у тебя давно хотела попросить: купи ты мне перстенечек.

Петр. Ужо два привезу.

Груша (*поет*).

Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь!
Золото твое колечко
Прижму ко сердечку.

У нас у всех девушек есть… ну, понимаешь…

приятели. Посмотри в праздник, сколь хорошо: на улице сидят все вместе; а ты вот со мной никогда не погуляешь. По крайности я перстенек покажу, что есть у меня такой парень, который меня верно любит. Ты приезжай ужо пораньше, заложим тройку, насажаем девок, поедем кататься с песнями.

Петр. Давай руку. (*Берет руку*.) Значит, кончено! (*Ударяет ее по руке. Груша кивает головой*.) Так на кой нам шут девок! Мы двое поедем.

Груша. Что ж не поехать!

Петр. Поедешь?

Груша. Известно, поеду.

Петр (*целует Грушу*). Вот это лю6лю! Это по-нашему. Поди посмотри, нет ли кого в избе либо на дворе.

Груша. Что так скоро? Посиди.

Петр. Теперь некогда. Еще вечер-то наш.

Груша. Ну, нельзя, так не надо. (*Уходит*.)

Явление шестое

Петр (*один*). Ух! Загуляю! Эку паву поддел! Нас ли девушки не любят?

Груша входит.

Явление седьмое

Петр и Груша.

Груша. Ступай, никого там нет, только какая-то старушка приехала, по здешняя.

Петр. Ну, прощай!

Груша. Прощай, соколик.

Петр уходит.

Какие мы девки баловницы! Вот приласкай парня, он и не отстанет, и будет подле тебя увиваться. Только чтой-то он иной раз такой хорошим, веселый, а иной раз чудной такой? Что-нибудь у него па душе есть. Может, он что недоброе затевает… так мы с матушкой и двери покажем, у нас недолго! А все будет жаль. Вот шуткой, шуткой, а ведь как полюбила, ажио сердце ноет, так вот и бьется, ровно голубь.

Входит Степанида.

Явление восьмое

Груша и Степанида.

Степанида. А что, девонька, погреться бы у вас тут у печки можно?

Груша. Погрейся, тетенька.

Степанида. Я вот одежонку-то тут положу да

мешочки-то вот… Изломало всю… да прозябла немножко; не близко ведь ехать-то, третьи сутки в дороге. А дорога-то, милая, известно, масленица, не первый путь. Ох, ох, ох! В Москву со стариком, девушка, приехали, дочку навестить, да не знаем, где найтить-то. Пообогреемся, ночку переночуем, а завтра пойдем поищем.

Груша. Как же это ты, тетенька, не знаешь, где дочь найти?..

Степанида. В Москве-то всего впервой, толку-то не скоро найдешь; опять же время к вечеру.

Груша. Что ж, она у вас здесь замужем?

Степанида (*усаживается у печки*). А вот, девонька, видишь ты, какое дело-то вышло. Город-то наш на проезжей дороге; мещане мы. Живем-то хоть бедненько, а домишко-то у нас хоть куда. Вот и останавливаются у нас купцы и баре, случается. Семья-то у нас небольшая была: я с мужем да дочка Дашенька; хозяин-то у меня уж старенек. Останавливался у нас проездом купец молодой, начал он Дашу-то уговаривать да улещать. Нам и невдомек такое дело. А в прошлом году, около святок, и сманил ее у нас.

Груша. Ишь ты, а!

Степанида. Сманил, сманил. Горя-то, горя-то что было! Ну, да уж нечего делать, не воротишь.

Только получаем мы от нее письмо из Москвы. Вот оно и теперича со мною… Всё так с собой и ношу. Пишет, просит прощения и благословения от нас нерушимого, и что как приехали они в Москву, он на ней женился, и у него семья и торговля, всё как следует, и что живет она благополучно и с мужем в любви.

Груша. Видишь ты, счастье какое! За купца за богатого!.. Поди-тка ты!.. Знать, из себя хороша?

Степанида. Уж куда хороша!.. Не знаю, теперь как; может, горе-то ее повысушило, а допреж-то этого была такая красавица, полная, да белая… Вот хоть с себя пример возьми.

Груша. Ну, что я за красавица, помелом нарисованная.

Степанида. Нет, что ж, ты хорошая лапушка, видная, и тебя, гляди, хороший жених возьмет.

Груша. Да ведь это, тетенька, какое счастье выдет; не родись пригож, а родись счастлив.

Степанида. Не завидуй, девушка, чужому счастью. Вот мы было и порадовались, что так дал ей Бог. Должно быть, честный человек, хороший, на ее долю вышел. Да как и не порадоваться? Своя кровь, своя болезнь. Только после этого письма она нам ничего и не писала, и слуху о ней не имели — жива она или нет. Сбирались ехать,

да не на кого дома оставить; а вот недавнушко слышали мы от проезжих людей, что муж-то с ней стал дурно жить, нагуливать, хмелем зашибаться. Нечего делать, собрались со стариком, да и поехали. Ну, там, конечно, родин богатая, еще как примут: бывает, мать-то и выгонют. Скука-то меня больно обуяла без дочушки-то!.. Все глазыньки выплакала, от питья, от еды отбило… Сама, милая, посуди.

Груша. Известное дело.

Агафон входит.

Явление девятое

Те же и Агафон.

Степанида. Что это ты, старты, замешкался?

Агафон (*распоясываясь*). Я все с лошадкой: отпряг, поставил на место, сенца дал. Животинку-то жалеть надо; ведь она не скажет. Ну вот, старуха, Бог дал и приехали, а ты все торопилась. Зачем торопиться-то? Тише едешь, дальше будешь.

Степанида. Да мне больно доченьку-то увидать хотелось.

Агафон. Вот и увидишь, коли Бог даст. Все своим чередом, торопиться-то никогда не надо.

Степанида. Уж я не чаяла и дожить-то. Ноги-то старые, а то бы так и побежала.

Агафон. Что бежать-то? Ну что бежать-то? Зачем? Баба дура, зачем? А мы смирненько придем, скромненько… всему свое время, свой предел. Достань-ка мне лепешечку из мешка, пожуем пока.

Степанида (*достает*). На тебе помягче, а то не угрызешь.

Агафон. Ну, хорошо, ладно. Вот это мне по зубам. (*Едят молча.*)

Степанида. Что-то наша Даша делает теперь, поглядела б хоть одним глазком.

Агафон. Что? Известно что — свое дело делает; хозяйство есть, чай, хлопочет; люди богатые, не то что мы.

Степанида. А ведь как, чай, трудно ей, бедной, в чужой-то семье!

Агафон. Не в чужой, а в своей.

Степанида. Да говорят, что муж-то ее не любит.

Агафон. Мало что говорят: не всякому слуху верь.

Степанида. А уж как она, бедная, нам рада-то будет!

Агафон. Известно, рада будет. А все, старуха, чай, маленько зазорно будет на стариков-то своих смотреть. Как ты думаешь, а?

Степанида. Что ж зазорно? Бог ей судья, мы

сами не безгрешные.

Агафон. Известно, не безгрешные… А все как-то тово… детищу-то против родителей… как будто не годится.

Степанида. Что ж, Агафон Потапыч, ты ведь в те поры сам первый ее простил.

Агафон. Что ж не простить! Я любовь к ней имею, потому одна, а кого любишь, того и простишь… Я и врагу прощу, я никого не сужу. Да разве я один судья-то? а Бог-то? Бог-то простит ли? Может, оттого и с мужем-то дурно живет, что родителей огорчила. Ведь как знать?

Спиридоновна и Даша входят.

Явление десятое

Те же, Спиридоновна и Даша.

Спиридоновна. Сейчас, матушка, сейчас! Подожди немного, красавица. Лошадок заложут тебе хороших, мигом довезут. Посиди вот тут, подожди.

Даша (*садится к столу*). Хорошо, я подожду.

Спиридоновна. Что ты, никак плачешь? По родителям, что ли? Аль горе какое есть?

Даша. Нет, так, ничего.

Спиридоновна. Что тосковать-то, нынче масленица. Гляди-ка, народ-то скружился совсем.

Масленица ведь один раз в году бывает, не уважать-то ее нельзя. А уж правду-матку тебе сказать, беда как голова болит.

Агафон. Кому масленица, кому и великий пост. Ох, ох, ох…

Спиридоновна. Вестимо, что так. (*К Груше.*) Сунь-ка, Груша, в печку давешние блины то, годится к ужоткому, к ужину.

Груша. Сейчас, матушка. (*Берет ухват.*)

Спиридоновна. Подальше подвинь, подальше. Ну, да вот эти-то… да вот горшочек-то.

Груша сажает и опирается на ухват.

Даша (*говорит нараспев, сквозь слезы*).

Полечу я пташечкой кукушечкою,

Полечу на матушкину на сторонушку.

Степанида. Что это бабочка-то больно тоскует?

Агафон. Знать, не легко, коли тоскует.

Даша (*продолжает*).

Сяду я во садике да на яблоньку,

Запою, младешенька, жалким голосом.

Степанида. Не наша ли горькая с чужой стороны?

Агафон. Что ты, что ты, старуха!

Степанида. Сем-ка я погляжу пойду. (*Подходит*

к Даше.)

Даша (*встает*). Матушка, ты ли это?

Степанида. Дочушка!.. Доченька! (*Даша кидается к ней на шею*.) Дитятко ты мое родимое, солнышко мое красное, заря ты моя восхожая, сокровище ты мое ненаглядное!.. (*Садится*.) Потапыч, поди-ка, свет, сюда.

Агафон (*подходит*). Что там у вас?

Даша (*встает*). Батюшка! прости ты непокорную! (*Кланяется*.)

Агафон. Ну, что ты, что ты?.. Ну, Бог с тобой, Бог с тобой!.. (*Садится*.)

Степанида. Уж и где же я тебя встретила!.. Не ждала-то я, не чаяла…

Даша. Ах, тятенька, в глаза-то тебе глядеть мне совестно!

Агафон. Ну, что про старое толковать!.. Бог с тобой! Кто старое помянет, тому глаз вон. Куда ты это, дочка, собралась-то — скажи ты мне?

Даша. К вам, тятенька, собралась!

Агафон. Ну, это хорошо, доброе дело, что вспомнила. Что ж, тебя муж-то отпустил?

Даша. Нет, тятенька.

Агафон. Как же это нет? Как же нет?

Даша. Да что, тятенька, перед вами мне утаивать не след: жили мы спервa с Петром Ильичом

очень хорошо, любил он меня.

Груша вслушивается.

Потом вдруг ни с того ни с сего стал загуливать, пить, дома не бывает, со мной только что ссорится…

Агафон. Ну, что ж, ну, что ж?

Даша. Каждый день брань да ссора. Ну уж, так и быть, перенесла бы я это горе: сама виновата, без воли родительской пошла за него. А то, матушка ты моя, родная ты моя, променял он меня на какую-то… (*Ложится на шею к Степаниде.*) Легко ли это моему сердцу!

Степанида. Что ты? дитятко мое, что ты?

Даша. Нынче, нынче мне Вася сказывал, к нам ходит. (*Махнув рукой.*) Приятель его!.. (*Со слезами.*) Мой-то холостым, видишь ты, прикинулся!.. (*Опять ложится на плечо.*)

Груша (*бросая ухват*). Ах, матушка! ах, ах!..

Даша. Разлучили меня с другом милым, с сердечным моим…

Груша. Ох!.. Сердце мое!

Даша. Разлучила меня с ним план разлучница!

Груша. Матушка! Да ведь это я разлучница-то!

Спиридоновна. Что ты плачешь-то? На них, что ли, глядя?

Агафон. Ну, так что ж ты? Ну, что ж ты?

Даша. К вам, батюшки, собралась ехать, опять жить с вами, с моими родными.

Агафон. Как к нам? Зачем к нам? Нет, поедем, я тебя к мужу свезу.

Даша. Нет, батюшка, не поеду я к нему.

Агафон. Да ты пойми, глупая, пойми — как я тебя возьму к себе? Ведь он муж твой? (*Встает.*) Поедемте. Что болтать-то пустяки, чего быть не может! Собирай, старуха, одежонку, собирай... Как ты от мужа бежишь, глупая!.. Ты думаешь, мне тебя не жаль? Ну, вот все вместе и поплачем о твоем горе — вот и вся наша помощь! Что я могу сделать? Поплакать с тобой я поплачу. Ведь я отец твой, дитятко мое, милое мое! (*Плачет и целует ее, потом берет свою одежду и подходит к ней.*) Ты одно пойми, дочка моя милая: Бог соединил, человек не разлучает. Отцы наши так жили, не жаловались — не роптали. Ужели мы умнее их? Поедем к мужу. (*Берет ее за руку и уходит. Степанида за ними.*)

Явление одиннадцатое

Груша и Спиридоновна.

Груша (*плача*). Матушка, да ведь он женатый!

Спиридоновна. Кто он-то?

Груша (*садясь к столу и закрывая лицо руками*).

Петр Ильич!

Действие третье
Сцена I

Комната второго действия.

Явление первое

Груша *(сидит у стола),* Спиридоновна *(входит).*

Спиридоновна. Что ты сидишь-то тут, бесстыдница! Там соседки пришли, а ты и глаз не кажешь.

Груша. Не пойду я к ним.

Спиридоновна. Вот еще что выдумала! На что это похоже? Сама звала, а теперь прячешься.

Груша. Да, хорошо им!.. Им весело.

Спиридоновна. А у тебя поди-ка какое горе!.. Плюнуть, да и все тут. Вот погоди, приди он только, мы его так турнем, что он своих не узнает… Чтобы он мелким бесом не рассыпался да девок не сманивал.

Груша. Что он не идет-то? Уж мне бы поскорей сердце сорвать! Так бы изругала, так бы изругала! Уж подвернись он только теперь мне!.. Погоди ж ты, постылый ты человек!

Спиридоновна. Да, нужно очень связываться-то!.. Велика невидаль! Мой обычай: поворот от ворот, да из головы вон! Неужели ж еще думать!.. Поставь-ка орешков на стол да позови девок-то сюда. Полно дурачиться-то, что за слезы!..

Груша (*встает и ставит на стол закуски*). Вот только с сердцем-то не сообразишь, а то не стоит он того, чтобы об нем плакать-то. Пойду песню запою, со зла, во все горло, что только духу есть! (*Уходит; слышится заунывная песня.*)

Явление второе

Спиридоновна, потом Груша и девушки.

Спиридоновна. Молодец у меня Груша! Вся в меня, вот как я была смолоду… Еще погулять хочется, молода очень. Ну что ж, пущай погуляет, себя потешит. За этой девкой матери нечего смотреть, мать спи спокойно; ее не скоро оплетешь. Золото, а не девка!

Слышится хоровая песня.

Ну, загуляли мои девушки!.. Эх, не прежние мои года, подурачилась бы с ними.

Входит Груша и девушки.

Ну, что ж замолчали? Попойте, повеселитесь, а я пойду велю вам свои сани запречь, кататься поедете.

Некоторые девушки. Благодарим покорно, Анна Спиридоновна! Вот весело!

Спиридоновна уходит.

Груша. Девушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проездим, песни прокричим.

Одна девушка. Что так?

Груша. Хочу себя потешить, своему сердцу волю дать. О! да что тут разговаривать! Давайте винца выпьем, пока матушка не пришла. (*Достает из поставца вино.*)

Некоторые девушки. Что ты, что ты!

Груша. Я вперед дорогу покажу. Ну-ка, впервСй сроду… (*Пьет.*) Ой, как горько! Как это люди-то пьют! Дайте пряничка. Так уж с горя выпила, обидел меня один человек. Пейте, девушки, не ломайтесь, только поскорее! (*Подносит вино; некоторые пьют; все хохочут.*)

Входит Еремка с балалайкой.

Явление третье

Те же и Еремка.

Еремка. Наш атлас нейдет от нас. Все ли вы здесь?

Девушки. Ах, ах! Еремка пришел! Еремка пришел!

Груша. Ты зачем сюда? Непрошеный гость ху-

же татарина.

Еремка. Да ты что? Какие нынче дни-то! Ты вспомни! А еще хозяйка! Ты меня сперва-наперво винцом попотчуй, а потом я с вами прощаться стану. (*Утирает губы.*)

Девушки. Ишь ты, что выдумал! Как же, дожидайся!

Груша (*поднося вина*). На, выпей, да и убирайся, откуда пришел.

Еремка (*пьет*). Нет уж, он, видно, не уйдет; мне и здесь хорошо.

Груша. Ну, как хочешь, мы тебя к себе не пустим.

Еремка. Не пустите? Я ведь колдун: я с вами шутку сшучу, всех назад затылком оборочу.

Девушки смеются.

Груша. Садитесь, девушки.

Девушки садятся вокруг стола.

Тебе и места нет.

Еремка. Я и на пол сяду, коли места нет, не велик барии. (*Садится и запевает.*)

Я на камушке сижу,
Я топор в руках держу.
Ай люли, ай люли!
Я топор в руках держу…

Груша. Что его слушать-то, девушки, запевайте песню.

Девушки (*поют*).

Исходила младенька все луга и болота,
Все луга и болота, все сенные покосы.
Пристигала младеньку меня темная ночка.

Входит Петр.

Явление четвертое

Те же и Петр.

Петр (*у двери*). Вот я к веселью-то как раз. Мир вам, и я к вам.

Груша. Милости просим! А мы только хотели кошку в лапти обувать да за вами посылать.

Петр. Здравствуй, Груша! Здравствуй, моя лапушка! Здравствуйте, девушки!

Груша. Здравствуйте и благодарствуйте!

Петр. Ну, девушки, гуляйте, я вам гостинцу принес.

Груша. Благодарим покорно, у нас свой есть, нам чужого не надобно.

Еремка. Давай мне, коли им не надобно.

Девушки смеются.

Петр. Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что?

Груша. Я пьяна! (*Хохочет.*)

Петр. Что ты, что ты? Подойди-ка ко мне, поцелуемся.

Груша. Как же, дожидайся!

Еремка. Купец! Ты легонько, сироту не задави.

Все смеются.

Груша Послушайте, девушки-красавицы, я вам притчу скажу. Была некоторая девка. Ну, вот, хорошо. Только девка-то дура. Ходил парень к этой девке, разные речи говорил, только все обманывал: я, говорит, холостой, богатый, такой-сякой, немазаный. Я тебя люблю, за себя замуж возьму… А выходит на деле-то — он женатый.

Петр (*строго*). Что ты, шутишь или смеешься?

Груша. Эх, совесть, совесть!

Петр. Аль насказал тебе кто? Говори прямо.

Груша. Кто бы ни сказал, да сказал.

Петр. Это тебя смущают только, обманывают, а ты и рада верить всякому.

Груша (*смеется*). Ну хорошо! Обманули так обманули. Будь ты честный человек, только от нас подальше. Еремка, давай сироту споем.

Еремка. Давай, запевай.

Груша (*поет*).

Снрота ль ты моя, сиротинушка,
Ты запой, сирота, с горя песенку.

Еремка.

Хорошо песни петь пообедавши,
Уж и я ль, сирота, да не завтракал,
Я не завтракал, да вечор не ужинал.

Груша.

Расскажи, сирота, хоть нам сказочку.

Еремка.

Хорошо говорить, вина выпивши,
Вина выпивши, вдоволь выспавшись:
Уж я ль, сирота, я не выпивши,
У меня, сироты, нету хлебушка.
Нету хлебушка, соли, нету кислых щей.
Купец, давай денег на капусту.

Петр. Пошел прочь! (*Садится у печи.*) Только б мне добраться, кто это тебе насказал, уж не увернулся бы у меня, задал бы я ему память. Васька, что ли? Убью я его!

Груша. Васю мы и в глаза не видали. Что на людей-то сваливать, коли сам виноват.

Петр (*встает*). Нет, это, Груша, не то. Не верь ты

никому!.. Все пороги мои. разлучить нас с тобой хотят, погубить меня хотят! Развяжи ты меня, скажи: шутишь, что ли?

Груша. Не кажись ты мне па глаза! Была глупа, теперь не обманешь! Только нашу беседу расстроил! Хоть бы Вася пришел, потешил бы нас. (*К девушкам*.) Вот, девушки, люблю парня: не надсмешник, не обманщик, милый человек, можно ему чести приписать; не то что как есть люди, которые могут завсегда лгать, говорят одно, а на уме другое.

Вася входит.

Явление пятое

Те же и Вася.

Петр. Ты зачем?

Груша (*встает и берет Васю за руку*). А ты из чужого дома не гони, не спросясь хозяина. Поди сюда, Вася, не бось.

Вася. Зачем? Тебе что за дело? Взял да и пришел. Что ж такое? Нынче масленица, уж и не погулять мне. Ишь ты какой ловкий!

Груша. Что ж ты, Вася, не целуешься со иной? Целуйся со всеми: нынче дни прощеные.

Вася. Ой, что вы! (*Целуется со всеми*.) Да ведь вот он тятеньке пожалуется. Что ж хорошего.

Петр. Что ж вы со мной делаете, окаянные! Али вам погибели моей хочется?

Груша. Ведь ты холостой?

Вася. Известно, холостой.

Петр. Прощай, Груша! Коли со мной что недоброе сделается, на твоей душе грех будет. Я голова отпетая, ты меня знаешь. (*Подходит к двери.*)

Груша. Ты, Вася, женишься на мне?

Вася. Я бы рад радостью, да как тятенька позволит.

Груша. А ты попроси.

Вася. Уж вот как буду просить! В ногах кланяться.

Петр (*у двери*). Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мне и на глаза не попадайся! Я тебе наперед говорю. Я теперь в себе не властен.

Вася. Да что ты пристал-то? Я, брат, ничего, право слово, ничего.

Петр. Уж я знаю что.

Груша. Не знаешь ты ничего!

Спиридоновна (*в дверях*). Ступайте, девушки, кататься, лошади готовы.

Груша. Пойдемте, девушки; пойдем, Вася.

Петр (*берет ее за руку*). Груша, поедем со мной.

Груша. Как не ехать!

Петр. Поедем, говорю я тебе.

Груша. Что ты, разбойничать, что ли?

Петр. Не пущу я тебя!

Груша. И рад бы не пустить, да пустишь. Воевать-то много не дадим. (*Тихо*.) Ты думаешь, мне Вася сказал? Жена твоя была здесь. Понял ты теперь? Вот тебе и сказ!

Петр (*хватает себя за голову*). Жена!

Груша. Запевайте, девушки, песню. (*Обращаясь к Петру*.) Ходите почаще — без вас веселен! (*Обнимает Васю*.) Запевайте, девушки, песню, величайте нас, будто жениха с невестой.

Еремка. Возьмите меня с собой.

Груша. Пожалуй, и не надо.

Еремка. Ну, я не заплачу.

Девушки запевают песню и уходят.

Явление шестое

Петр и Еремка.

Петр (*подходит к окну*).

За сценой слышится продолжение песни, смех и звон бубенчиков.

Уехали! (*Садится и задумывается*.)

Еремка. Купец, а купец! видно, мы с тобой здесь с тараканами остались.

Петр (*тихо*). Жена была здесь?! Зачем же она была? Ее привел кто-нибудь… Кто-нибудь да при-

вел. (*Вскрикивает*.) Что ж это со мной сделали! (*Закрывает лицо руками и опускается на стол*.)

Еремка. Купец! Что ж ты приуныл! Хочешь, потешу?

Петр. Искать меня! Следить! Погоди ж ты теперь. А уж коли так, пропадай всё на свете! Покажу ж я себя!.. Уж я теперь наделаю дел!..

Еремка. Так уж, видно, тебе судьба.

Петр. Что?

Еремка. Я говорю: уж, видно, так тому делу и быть. А ты брось, не думай, а то хуже. Хочешь, я тебе песню спою?

Петр (*взглянув на него*). Песню? Какую песню?

Еремка. Вот какую… (*Поет*.)

Куманечек, побывай у меня,
Животочек. побывай у меня,
Побывай, бывай, бывай у меня!
У тебя, кума, собачка лиха!..
Ох, лиха, лиха, лиха, лиха!
Ха, ха, ха, ха, ха, ха!..

Петр (*приподнимаясь*). Пошел прочь, пока жив!..

Еремка. Куда мне идти-то? Я здешний; а тебе пора, делать здесь нечего… Было дело, да собака

съела.

Петр. Убью я тебя!..

Еремка. Убьешь, так ответишь… Купец, не плюй в колодец, годится водицы напиться.

Петр. Да отвяжись ты, дьявол! Что тебе от меня нужно, а? Что ты за человек?

Еремка. Из старых нищих молодой обмóрок.

Петр смотрит на него.

Купец, я слово знаю.

Петр. Какое слово?

Еремка. А такое слово, что все будет по-нашему, как нам хочется.

Петр. Да ты вправду аль шутя?

Еремка. Уж за то берусь.

Петр. Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

Еремка. Зачем обманывать! Мы скоморохи, люди вежливые — обмануть не обманем, а своего не упустим, мимо рта не пронесем.

Петр. Бери ты с меня последнюю рубашку, только дело сделай. Вот мне до которых пор приходит. Видишь? (*Показывает на шею.*)

Еремка. Зачем рубашку! Сделаем дело — деньги возьмем; а не сделаем — не надо. Вот сперва-наперво, значит, выпить надоть, другой раэговор пойдет. Ты-то, купец, нонче, может быть, пообе-

дал всласть, да и выпил что следует, так тебе можно разговаривать; а у меня натощак в горле пересохло, да и язык-то, признаться тебе сказать, не шевелится.

Петр (*дает деньги*). На, выпей поди.

Еремка. Ты только деньги-то дай, я еще выпить-то успею, наше от нас не уйдет. (*Берет.*) Вот спасибо! Теперь говорить будем. Я вижу, ты, купец, человек хороший, с тобой знакомство водить можно. (*Садится подле него.*)

Петр. Ну, говори, не томи.

Еремка. Погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по ветру: тут без ворожбы дело не обойдется. Есть у меня такой человек, из простых, да ловкий, половчей меня будет.

Петр. Страшно!

Еремка. Страшно, так не ходи.

Петр. И может он приворожить девку, чтоб любила, чтоб не она надо мной, а я над ней куражился, как душе угодно?

Еремка. Может; его приворот на тысячу верст действует. Так приворожит, что она из дому убежит, да к тебе придет. Только к нему с пустыми руками не ходи, а надо штоф вина да денег рубль.

Да не со всяким он еще и разговаривать-то станет, а с кем я прикажу.

Петр. Ну, так поедем.

Еремка. Ты не больно торопись, не во всякий час это делается, надобно знать время. Теперь еще не тот час, а мы прежде пойдем погуляем. У тебя есть деньги?

Петр. Эх, голова, ты в жизнь такой гульбы не видывал, что от меня увидишь!

Еремка. А я тебе такие места покажу, только ух! Дым коромыслом. Только деньги припасай.

Петр. Деньги с нами.

Еремка. Ну и ладно. Пойдем. Вот и я с праздником. (*Поет.*)

Уж и я ли твому горю помогу!

Помогу-могу-могу-могу-могу!

Уходят.

Сцена II

Комната первого действия.

Явление первое

Входят Даша и Афимья со свечкою в руках.

Даша. Тетенька, словно кто-то стучит, не он ли? Посмотри-ка.

Афимья. Как же, он, дожидайся! Уж теперь закатился, так всю ночь прогуляет. (*Заглядывая в двери.*) Я говорю, что никого нет. Пойдет он домой, коли ему в людях весело. Не такое чадочко, чтоб ему дома сидеть. (*Ставит свечу на стол.*)

Даша (*садясь к столу*) Пьет он мою кровь! Легко ли дело, ночь на дворе, а он шатается.

Афимья. А ты что сидишь-то? Поди спать, я его одна подожду. А то еще, на грех, придет хмельной, брань заведет, что хорошего!

Даша. Нет, уж я подожду, у меня что-то сердце не на месте: не случилось бы с мим чего-нибудь!

Афимья. Известно, гульба до добра не доведет… Уж не сносить ему своей головы.

Даша. Ах, тетушка, не говори, и так страшно. (*Молчание.*) Поужинать-то приготовить, неравно спросит.

Афимья. У меня уж готово, только подать. Еще с каким народом-то водится, кто его знает. Ведь народ всякий есть: навяжется какой оборотень, тому научит, что и подумать-то грех, не к ночи будь сказано. (*Зевает.*) Ишь ты, как спать хочется, ровно как перед бедой; говорят, перед бедой-то сон одолевает… Или так уж, старость-то, что ли?

Ты бы почитала поученьице какое на сон-то грядущий, я бы послушала.

Даша (*берет книгу*). Что бы почитать-то? (*Прислушивается*.) Тетушка, стучат.

Афимья. И то стучат. (*Берет свечу и идет к двери*.)

Даша (*у двери*). Что, он?

Афимья. Ох, нехорош! Поди-ка лучше спрячься от греха, нехорош пришел и на меня-то ровно медведь зарычал.

Даша уходит; Петр входит.

Явление второе

Афимья и Петр.

Петр (*садясь*). Ужинать!

Афимья. Сейчас, батюшка, сейчас! (*Ставит на стол ужин*.)

Петр. Зажигай огня!

Афимья. Да где ж теперь? Уж спят все.

Петр. Делай, что я приказываю! Разобью все в прах!.. Щепки целой не оставлю!

Афимья. Ну уж, не сердись, погоди, принесу.

Петр (*пьет*). Смеяться надо мной! Нет, шалишь!.. Не позволю! Будет с меня, посмеялись, выгнали, а я здесь дома… Нет, погоди! Я им не дурак достался!.. Весь дом на ноги подниму! Ты

мне тетка, а ты меня не трожь, а то… ух!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! (*Пьет.*) Говори правду: ходила жена со двора? (*Молчание.*) Говори! Я тебя спрашиваю — говори!

Афимья. Да. вот что, Петр Ильич, по правде тебе сказать, не то что она со двора ходила, а вовсе было к своим собралась да уехала.

Петр. Ну и пропадай она пропадом! Провались она!.. И на дух мне ее не нужно…

Афимья. Да со стариками на дороге встретилась и воротилась.

Петр. И не кажись она мне на глаза! Убью! Своими руками задушу! Она мне враг, а не жена! Мне нынче человек сказывал про нее, все сказывал, он все знает, он колдун…

Афимья. Что ты?.. Бог с тобой! С кем ты водишься!.. Что с тобой?

Петр. Молчать! Он говорит, не жена она тебе, а змея лютая! Вот и кореньев мне дал… Горюч камень алатырь… Привороты все знает, пущает по ветру… Тетенька!..

Афимья. Что ты? Голубчик!

Петр. Страшно мне! Страшно!.. Поди сядь со мной. (*Плачет.*) Обижают меня! Никто меня не любит, извести меня хотят!.. Все на меня, и жена, и все.

Афимья. Сам всему причиной, не на кого пенять.

Петр. Я пьяница, я беспутный, ну, убейте меня!.. Ну, убейте, мне легче будет. Кто меня пожалеет? а ведь я человек тоже! (*Плачет*.)

Афимья. Ну, полно, полно!

Петр. Не то мне обидно, что меня, молодца, Груша не любит, а то мне обидно — не доставайся она никому!

Афимья. Про какую там Грушу ты говоришь, беспутный?.. Какая там еще Груша?

Петр. Какая Груша? Вот какая Груша: нет такой красавицы на белом свете! Я душу свою погубил за нее! Ну, как мне с ней расстаться? Нас разлучить хотят… вот он!

Афимья. Кто он? Никого тут нет.

Петр. Васька!

Афимья. Поди усни. Ишь тебе уж мерещится.

Петр. Я его убью!.. А жена… она не смей против мужа! Где жена? Подай сюда жену! она моя жена, она моя раба!

Афимья. Ее нет; она ушла с своими, с отцом да с матерью.

Петр (*встает и берет в руки нож*). Куда она ушла? Я ее найду! Из земли вытащу, со дна моря достану!

Афимья. Куда ты пойдешь ночью? Что за срам! Ступай спать.

Петр. Не говори ты мне! Жену подай!.. Жену подай, говорю я тебе!

Афимья. Ну, да нет ее, так и негде взять!

Петр. Я ее найду, я ее найду!

Афимья. Что ты ножом-то махаешь, ну тебя! С тобой страсть одна, да и только.

Петр. Я ее по следу найду!.. Я ее по следу найду! Теперь зима, снег, по следу все видно, месяц светит, все равно что днем. (*Садится.*) Страшно мне, страшно! Вон метель поднялась… Ух, так и гудёт! Вон завыли… вон, вон собаки завыли. Это они на мою голову воют, моей погибели ждут… Ну, что ж, войте! Я проклятый человек!.. Я окаянный человек! (*Встает.*)

Афимья. Ишь ты, ишь ты! Ах, батюшки, как страшно!

Петр. Нет, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вот что: кабы я не был женат, разве б меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мне помеха, и во всем мне она поперек… Вот за это я ее и убью… за это за самое…

Афимья. Что мне делать-то с ним, ума не приложу.

В комнате вдруг появляется Еремка, которого

видит только один Петр.

Петр. А, благоприятель! Что ж ты смотришь-то на меня? Что ж ты так смотришь? Ведь сам научил, как жену извести!

Афимья. С кем он это говорит-то — никого нету. Наше место свято! Чур меня! Чур меня! Пойти разбудить всех! (*Уходит*.)

Петр (*Еремке*). Что ты говоришь а? Ну да! И я то же говорю, чудак человек! Вместе пойдем! Поскорей, поскорей! (*Останавливается*.) Ха, ха, ха! Смешной ты человек! Вот он ножик-то! (*Уходит*.)

Явление третье

Агафон, Степаида, Даша и Афимья (входят).

Афимья (*взглянув в дверь*). Ушел, ушел! и двери все настежь растворил. Послать людей за ним. (*Уходит*.)

Даша. Вот, матушка, сама ты погляди, как сладко мне жить-то!

Степанида. Ах ты, дитятко мое родимое, головка победная!

Агафон. Погоди, дочка, не ропщи. Живешь замужем-то без году неделя, а уж на жизнь жалуешься.

Даша. Да чего мне ждать н вперед-то, коли отец от него отступился совсем?

Агафон. Отец отступился, да, может, Бог не отступился. Потерпи.

Даша. Рада бы я терпеть, да мука-то моя нестерпимая. Я его не виню, Бог с ним, а жить с ним не хочу.

Агафон. Все это не дело, все это не дело! Ох, ох. ох! Нехорошо! Ты сама права, что ль? Дело сделала, что нас со старухой бросила? Говори, дело сделала? Так это и надо? Так это по закону и следует? Враг вас обуял! Вы точно как не люди! Вот ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то с кротостью принимай да с благодарностию. А то что это? что это? Бежать хочет! Какой это порядок? Где это ты видала, чтоб мужья с женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а он в отчаяние придет — кто тогда виноват будет, кто? Ну, а захворает он, кто за ним уходит? Это ведь первый твой долг. А застигнет его смертный час, захочет он с тобой проститься, а ты по гордости ушла от него…

Даша (*бросаясь на шею*). Батюшка!

Агафон. Ты подумай, дочка милая, подтекай хорошенько. (*Плача.*) Глупы ведь мы, люди, ох как глупы!.. Горды мы!

Вася и Афимья входят.

Явление четвертое

Те же, Вася и Афимья.

Вася. Боже мой! Что это такое! Что у нас случилось?

Афимья. А что?

Вася. Да Петр Ильич попался мне на Москве-реке, такой страшный, без шапки, бегает с ножом, ведь того и гляди в прорубь попадет.

Даша. Что же это? батюшки мои!

Вася. Вы бы хоть людей послали за ним.

Афимья. По всем концам разосланы, посылать больше некого.

Агафон. Пойдемте сами, други мои, пойдемте!

Даша. Пойдемте!

Петр входит.

Явление пятое

Те же и Петр.

Петр (*озирается*). Кто тут? Что вы за люди? Жена!.. Живые вы люди или нет? Скажите мне, ради Бога.

Даша. Что с тобой?

Петр. Не сто́ю я, окаянный, того, чтобы глядеть-то на вас! Да и не глядел бы, кабы не чужие

молитвы. Простите меня, добрые люди, ради господа! (*Становится на колени.*)

Агафон (*подымая его*). Что ты, что ты? Петр Ильич! Встань, встань!

Петр. Я ведь грешник, злой грешник!.. Уж я покаюсь перед вами, легче мне будет на душе моей. Вот до чего гульба-то доводит: я ведь хотел жену убить… безвинно убить хотел. Взял я тут, пьяный-то, ножик, да и иду будто за ней. Мерещатся мне разные диковины да люди какие-то незнакомые, я за ними… я за ними… Спрашиваю: где жена? Они смеются да куда-то показывают. Я все шел, шел… вдруг где-то в колокол… Я только что поднял руку, гляжу — я на самом-то юру Москвы-реки стою над прорубем. Вспомнить-то страшно! И теперь мороз по коже подирает! Жизнь-то моя прошлая, распутная-то, вся вот как на ладонке передо мной! Натерпелся я страху, да и поделом! Вспомнил я тут и батюшкины слова, что хожу я, злодей, над пропастью. Вот они, правдивые-то слова. Так оно и вышло! Уж не забыть мне этой ночи, кажется, до самого гроба! Батюшка, матушка, поживите у нас!.. Помогите мне, добрые люди, замолить этот грех!.. Да и к батюшке-то сходите, скажите ему… сам-то я не смею идти.

Все. Помоги тебе Бог!

Агафон. Что, дочка, говорил я тебе!

Даша (*бросаясь к Петру*). Голубчик, Петр Ильич!

Приложение

Исковое прошение

«Исковое прошение» представляет первоначальную редакцию пьесы «Семейная картина».

Впервые рукопись «Искового прошения» была напечатана Н. П. Кашиным *(Н. П. Кашин, Этюды, т. II, М., 1913, стр. 371–398)*, но с рядом неточностей. При этом Н. П. Кашин стремился воспроизвести весь процесс работы драматурга над рукописью.

Мы не ставим себе подобной задачи и, опуская исправления и переделки, даем лишь окончательный текст рукописи. Сделанные Островским сокращения имен, фамилий и отдельных слов, а также в некоторых случаях пропуски слов мы раскрываем и печатаем в прямых скобках.

Печатается по рукописи, хранящейся в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина *(№ М. 3097. 7)*. Текст подготовлен А. Н. Ревякиным.

Действие первое

ДЕЙСТВ[УЮЩИЕ] ЛИЦА:
Купец Пузатов [Антип Антипович],
Жена [его] 30 [лет], Матр[ена] Савиш[на].

Сестра мужа [то есть Пузатова] 20 [лет] Мар[ья] Ант[иповна].

Мать Пузатова.

Сосед, куп[ец] Ширялов, Пар[амон] Пар[амович].

В доме Пузатовых.

Явление первое

Матр[ена] Сав[ишна] и Мар[ья] Антип[овна] сидят у окна и смотрят.

Мар[ья Антиповна]

Что это Дарья нейдет так долго. — Ах, какая скучная.

Мат[рена Савишна]

Да ты видела.

Мар[ья Антиповна]

Видела. Сейчас прошли.

Мат[рена Савишна]

А куда прошли.

Мар[ья Антиповна]

Сначала[6] вот так прошли, а потом назад, а потом опять назад, да на углу-то за лавочкой у бутки и остановились. Я сейчас же Дарью и послала, да вот и нейдет.

---

[6] Примечания: 6

Слово стерлось и читается предположительно.

Матр[ена Савишна]

Что ж это она в самом деле так долго. А в чем они?

Мар[ья Антиповна]

Да уж я, сестрица, не ошибусь. Чижиков в сером пальте, а на Зябликове черный альмавив и соломенная шляпа. Что, сестрица.

Матр[ена Савишна]

Это они.

Мар[ья Антиповна]

Ах! Что ж это Дарья-то.

Вбегает Дарья.

Дарья

Ну мат[ушка] барыня, совсем было самой попалась.

Мар[ья Антиповна]

Как же это ты.

Дарья

Я бегу назад-то, а Степ[анида] Трофимов[на] стоит у подъезда, что-то дворнику показывает. Куда ты, говорит, это Дарья ходила: да ведь я, мат[ушка], — тоже девка-то не промах, за шелком, мол, в лавочку бегала, а сама к вам поскорей. А то чего доброго остановит пожалуй. Скажет, ты за шелком ходила, а ну покажи. Тогда куды деваться. Она у нас до всего доходит. Вот вчерась

приказчик Петруша…

Мат[рена Савишна]

Ах Даша, да они-то что ж.

Дар[ья]

Да. Кланяться приказали *(оглядывается кругом, вынимает из-за пазухи два письма)*. Побольше-то вам, а вот поменьше-то вам, барышня. Да еще приказывали, чтобы непременно, говорит, в пятницу в Останкино приезжали, — этак в вечерни, говорит. Да ты, говорит, Дарья, скажи, чтобы непременно приезжали, хоть и дождик будет, все бы приезжали.

Мар[ья Антиповна]

Что ж, сестрица, поедемте.

Мат[рена Савишна]

Ну, так ты, Дарья, беги опять да скажи, что, мол, приедут а пятницу; а ответ, мол, ужо пришлют, слышишь,

Дар[ья]

Слушаю-с — больше ничего.

Мар[ья Антиповна]

Да скажи, Даша, что принесите, мол, каких-нибудь книжечек — почитать, — бар[ышня] просит.

Дар[ья]

Слушаю-с — больше ничего.

Мат[рена Савишна]

Ничего.

Дар[ья]

Ну, так я побегу *(уходит).*

Распечатывают пис[ьма] и читают.

Мат[рена Савишна]

Ну-ка, Маша, что они нам пишут.

Мар[ья Антиповна]

Ах, сест[рица] что этот Зяб[ликов] пишет, бог его знает.

Мат[рена Савишна]

А что.

Мар[ья Антиповна]

Да вот *(читает).* «Невинный ангел Марья Антиповна. Как часто ночью, когда луна, царица ночи, плавает по горизонту, я мечтаю об вас, обожаемое существо. Когда сердце тоскует и душа покрыта печалью, я вспоминаю ваши черты и как бы в тумане вижу ваш образ». Уж это я и не знаю, что такое. Да и дальше-то. «Ваш образ как лучезарное светило в эфирном пространстве». Никак не поймешь. Вот всякий раз так. Может быть, он это насмех подымает.

Мат[рена Савишна]

Маша, что ты! Это он уж так от сильного чувства.

Мар[ья Антиповна]

А вот и стишки на конце.

Матр[ена Савишна]

Ну-ка прочти.

Мар[ья Антиповна]

Стонет сизый голубочек…

Мат[рена Савишна]

Ах, Маша, какие чувствительные! *(Читает про себя.)*

Мар[ья Антиповна] *(смотрит в окно).*

Сестрица, сестр[ица], идут. Сестрица, оглянулся.

Мат[рена Савишна]

Ты, Маша, не очень высовывайся-то, Лопатиха увидит; старуха-то уж и то замечать начинает. Что тогда, Маша.

Мар[ья Антиповна]

Беда, сестрица.

Мат[рена Савишна]

Ах, Маша, какая беда-то.

Мар[ья Антиповна]

Ну, сестрица, в переулок поворотили *(отходит от окна, вздыхает).*

Мат[рена Савишна]

Ну-ка, Маша, ты побойчее моего читаешь-то. Что это такое, вот не разберу *(читает).* «Хотя

вы и говорите, что муж ваш очень ревнив, но неужели он такой» — такой — вот это какое-то нехорошее слово,

Мар[ья Антиповна]

Что это Атилла — нет Ателла, кажется, или Атилла, уж, право, не знаю, а вот мы, сестр[ица] в пят[ницу] спросим — что это такое. Ну, а дальше-то, сестрица, — что.

Мат[рена Савишна] *(читает с расстановкой).*

«Неужели он такой Атилла, что вас не пустит в Останкино. А мне нужно вас видеть непременно, вы знаете мое положение и как мне нужны…» Ну, Маша, уж это наши дела. Поди напиши что-нибудь Зябликову-то, пока А[нтип] А[нтипыч] не приехал, надо ужо послать.

[Марья Антиповна] (уходит).

Матр[ена Савишна] *(садится к столу)*

«Как мне нужны», ну уж это знаю. Да привезите бут[ылку] мадеры. Зябликов очень любит. Да Зябликов говорит, что он больше не пойдет со мной. Мне, говорит, надоело таскаться каждый день. Твое, говорит, другое дело, а я из-за чего хожу, — поглядеть на Мар[ью] Ант[иповну], говорит, невелика благодать. Хоть, гов[орит], она и пишет: «Мой ангел — мое блаженство», — а как сойдемся — так только у ней и разговору, какие

ее маменька варенья варила да сколько огурцов посолили. Да, говорит, она, должно быть, вовсе дура. Вы, М[атрена] С[авишна], этого письма пожалуйста ей не показывай[те][7]. Мало ли, говорит, что они пишут. — Вон Мар[ья] Ант[иповна] во всяком письме пишет: твоя по гроб моей жизни, а того гляди, что за какого-нибудь бородача выдет замуж. Это, говорит, они нашего брата только по губам мажут. Баловство, говорят, одно, а не любовь. А все от того, что им делать нечего[8]. Сидят разодевшись с утра до вечера у окошка. Так это, говорит, они от скуки записочками и занимаются. Конечно, твое дело другое. Вот беда-то! — ну, как в самом деле он не пойдет больше — что мне тогда с Марьей-то делать — она меня просто съест. Такое наказание — право, навязалась эта девчонка на шею. Хоть бы ее поскорей замуж выдать за кого-нибудь *(задумывается] и потом пишет)*. Скажите Зябликову, чтобы он походил с вами еще немножко, может быть, мол, за тебя и замуж отдадут — ведь у нее пятьдесят т[ысяч] денег. А коли не пойдет, так сыщите кого-нибудь другого. А то и мне нельзя будет из дому

---

[7] Примечания: 7
В рукописи — «не показывай».

[8] Примечания: 8
В рукописи — «ничего».

отлучиться ни на минуту — повидаться с тобой, мое блаженство: она тогда все перескажет мужу *(пишет…*[9] *и потом запечатывает).*

Мар[ья Антиповна] *(входит, запечатывает).*

Сестрица, я написала Зябликову.

Дар[ья] *(вбегает)*

Сам приехал. Сам приехал *(берет у них письма).*

Гол[ос Пузатова]

Жена, а жена, Мат[рена] Сав[ишна]

[Пузатов] *(входит).*

Жена.

Мат[рена Савишна]

Что там.

Пуз[атов]

Здравствуй, ха-ха, а ты думала и бог знает что? *(Целуются.)* Поцелуй еще *(заигрывает).*

Мат[рена Савишна]

Полно дурачиться-то, перестань, А[нтип] А[нтипыч]. Э, как тебе не стыдно.

Куп[10] **[Пузатов]**

Да поцелуй еще.

Мат[рена Савишна]

---

[9] Примечания: 9

Слово неразборчиво; Н. П. Кашин прочел «тихо».

[10] Примечания: 10

Островский именует Пузатова то «куп[ец]», то «Антип Антипыч».

Ах, отстань, ради бога.

Куп [Пузатов]

Уважь *(целуются)*. Ай да жена, вот люблю, ай да Мат[рена] Сав[ишна]. — Знаешь ли что, Мат[рена] Савиш[на].

Мат[рена Савишна]

Что еще?

Куп [Пузатов]

Хорошо бы теперь чайку выпить-с *(садится на диван и отдувается)*.

Мат[рена Савишна]

Дарья.

Дар[ья]

Что прикажете?

Мат[рена Савишна]

Давай самовар да спроси ключи у Степ[аниды] Трофимовны.

Дар[ья]

Сейчас *(уход[ит])*.

Куп [Пузатов] *(грозно)*.

Жена, а жена.

Мат[рена Савишна]

Что еще.

Шир[11] **[Пузатов]**

---

[11] Примечания: 11

Описка.

Поди сюда. Говорят тебе — поди сюда.

Мат[рена Савишна]

Да что ты очумел что ли?

Шир [Пузатов]

Что я с тобой исделаю.

Мат[рена Савишна]

Да что с тобой?

Шир [Пузатов]

А, испугалась, ха. Нет, Матр[ена] Сав[ишна], это я так, шутки шучу. Что ж чайку-то-с.

Мат[рена Савишна]

Сейчас.

К[упец] сидит, сопит и утир[ается] платк[ом]. Ст[епанида] Тр[офимовна] вход[ит] и Дарья несет самовар.

Вот пострел, прости госп[оди]. Эка угорелая девка! Ну что ты бежишь-то сломя голову, ведь над нами не каплет. Да уж и ты-то, отец мой, никак с ума спятил. Который ты раз чай-то пить принимаешься — дома два раза пил, да, чай, в городе-то нахлебался досыта.

А[нтип] А[нтипович]

Что ж, ничего! Что за важность! Не хмельное! С Брюховым ходили. Ходил с Саввой Сав[вичем]. Что ж. Отчего с хорошим человеком чайку не попить. А я нынче Брюхова-то, мат[ушка], рубликов

на 1000-чку оплел.

Ст[епанида] Тр[офимовна]

Уж где тебе, дитятко, самого-то, чай, кругом обманывают! За приказчиками ты не смотришь. Торговлей не занимаешься — уж какая это торговля, — с утра до вечера в трактире сидите, брюхо наливаете.

Пауза.

Ох, никакого-то, как посмотрю я, у вас порядку нету. Уж вы и меня-то с пути сбили. Поутру самовар со стола не сходит до одиннадцати часов, — сначала молодцов напоишь — в город отпустишь, потом ты, родимый, подымаешься, — тебя-то скоро ли ублаготворишь, потом барыня-то твоя. Не то что к обедне сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости госп[оди]. Как бы жил ты, Антипушка, по старине-то, как порядочные люди-то живут — встал бы ты в четыре часа, за хозяйством бы посмотрел, на дворе поглядел бы и все такое, и все как слественно: к обедне бы сходил, голубчик, да и хозяюшку-то свою поднял бы: «вставай, мол, полно нежиться-то, пора за хозяйство приниматься». Да таки и хорошенько бы. Что смотришь-то на меня, правду говорю, Мат[рена] Сав[ишна], правду.

Мат[рена Савишна]

Уж вы теперь начнете!

Ст[епанида Трофимовна]

Ах, мать моя, да ведь мной только дом-то и держится! Вас не учить, так и добра не видать. Уж не тебе ли хозяйкой быть, сударыня. Встанешь-то ты, стыдно сказать, а грех утаить, в одиннадцатом часу, а я-то тебя за самоваром изволь дожидаться, а я, суд[арыня], постарше тебя — так-то-с. Больно барственно, Матр[ена] Сав[ишна], больно барственно. Уж ты как не финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя! — Все-таки купчиха. Это разрядится, мантилии да билиндрясы разные навешает на себя, растопырится — прости господи; распустит хвост-то, как павлин; фу ты, прочь поди, так и шумит. А уж ты, Мат[рена] Савишна, как ни крахмалься, — а все-таки не барыня — тех же щей, да пожиже влей.

Мат[рена Савишна]

Что ж, не в платочке же мне ходить — и то сказать.

Ст[епанида] Тр[офимовна]

А ты, сударыня, своим званием не гнушайся!

Куп [Пузатов]

Что ж, отчего не рядиться, коли есть во что. Уж будто только одне ба[рыни] и рядятся. Ничего, можно. Да она у меня как разр[ядится], так луч-

ше всякой барыни, вальяжнее, право. Ведь те, мат[ушка], все мелочь, ха-ха, сухие да поджарые, взглянуть не на что. А она у меня, нечего греха таить, таки тово; есть-таки кое-что — этак из мягкого, ха-ха-ха.

Мат[рена Савишна]

Ну уж ты, Антип Антипыч, заврался, кажется.

Мар[ья Антиповна]

Как вам, братец, не стыдно так конфузить.

Ст[епанида] Троф[имовна]

Знаю я, голубчик, знаю. Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разоденется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то чай, бедная, думает: «Эко, дескать, горе мое, муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик какой-нибудь раздушенный да распомаженный».

Куп [Пузатов]

Чтоб она меня, молодца такова, да променяла на кого-нибудь, — красавца-та этакого *(разглаж[ивает] усы)*. Ну-ка, Мат[рена] Сав[ишна], поцелуйте-с.

Мат[рена] Сав[ишна] целует с притворн[ой] неж[ностью].

Ст[епанида] Троф[имовна]

Эх, дитятко, враг-то силён. Мы с покойник[ом]

жили не вам чета, гораздо-таки-то полюбовнее, да все-таки он меня в страхе держал, царст[во] ему неб[есное]. Как ни любил, как ни голубил, а в спальне на гвоздике плетка висела про всякий случай.

Мат[рена Савишна]

Уж вы, маменька, бог знает что выдумываете! Вы доведете до того, что опять истерика сделается.

Ст[епанида] Троф[имовна]

Ты, матушка, и не говори лучше. А то я и еще кой-что знаю, мне Лопатиха-то сказывала. Да уж я это к случаю берегу, все в кучку коплю. Я бы и не сказала, мне, пожалуй, бог с вами, живите, как знаете, свой разум есть. Да вот вы у меня Машутку-то избаловали совсем.

Куп [Пузатов]

А что, Маша, хочешь, я тебе жениха найду.

Ст[епанида] Тр[офимовна]

Давно бы тебе пора, сердешный, хватиться, а то ты, кажется? н забыл, что у тебя сестра девка на возрасте.

Мар[ья Антиповна]

Что вы, маменька, все на возрасте да на возрасте. Мне не бог знает сколько.

Степ[анида Трофимовна]

Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замуж шла, а тебе ведь, стыдно при людях сказать, двадцать годов.

Куп [Пузатов]

Хочешь, Маша, Косолапова посватаю.

Мар[ья Антиповна]

Ах, бр[атец], да от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужасть. Такой противный.

Куп [Пузатов]

Ну, Голопятова,

Мар[ья Антиповна]

Да вы, бр[атец], это нарочно мне все урод[ов] навязываете.

Куп [Пузатов]

Что ж, ничего. Хорошие женихи, Маша, хорошие, ха-ха-ха. Важные женихи.

Мар[ья Антиповна]

Да это вы все насмех.

Ст[епанида Трофимовна]

Да ты полно зубы-то скалить, я дело говорю, что балясничать-то? А ты, сударыня, не бойся! Женихи найдутся, любова выбирай, ты у нас ведь не голь Саратовская], невеста с прид[аным]. Только за благородного не отдам, ты и не думай и не воображай себе.

Куп [Пузатов]

Уж будто, мат[ушка], промежду благородных-то и путных нет совсем. Нет, что ж. Бывают.

Степ[анида Трофимовна]

Как, бат[юшка], не быть, во всяком сословии есть. Да уж всякому свое. Отцы-то наши не хуже нас были, да в дворяне не лезли

Куп [Пузатов]

Что ж, отчего за благород[ного] не отдать. Ничего. Можно. Что за важность.

Ст[епанида Трофимовна]

Эх, голуб[чик], хороший-то, который постепеннее — не возьмет, тому надо мало-мало сотню тысяч, а то две либо три, ну а другие-то прочие, из мелких-то, так хоть бы их и не было совсем. Только что чванится собой да благородством-то своим похваляется; «Я-де благородный, а вы мужики», а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжега, прости господи. Знаю я их. Вот Лопатиха за благородного отдала, не спросясь добрых-то людей, а я еще тогда самой-то говорила: «Эх, Максим[овна], не садись, мол, не в свои сани, вспомнишь ты меня — да поздно будет». Так что ж: «Я, говорит, детищу своему не враг, хочу, говорит, как все к лучшему, все-таки, говорит, благородный, а не купец, может и дослужиться и в чины произойти.

Да вот теперь близко локоть-то, да нет, сударь, не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которые пропил, которые в картишки проиграл, сердешный. Я и на свадьбе-то была, банкет такой сделали, упаси господи. Покажите, говорю, жениха-то». Что ж, сударь ты мой, вот как теперь гляжу: маленький, да гнусненький такой, да фрачишко-то на нем этот натянут короткохвостый, весь это как облизанный, да вертится, прости господи, как бес какой, на месте не посидит, совсем и на жениха-то не похож, чужой человек и не узнает, ей-богу, не узнает, только фалдочки трясутся. Тут же я и подумала: знать, мол, вы, оердешные, хуже-то не нашли. Да нечего и говорить — всякий знает. Ну, положим, так не все же пьяницы, попадется и трезвый человек, — так он тебя табачищем одним из дому выкурит либо, грешное дело, по постам скоромное лопает *(плюет)*. Фу ты, мерзость какая, прости господи. Там кто их знает, может, они по службе-то своей, у должности-то, то есть и хорошие люди, дельные, да нам-то, сударь ты мой, дело неподходящее. То ли дело, Маша, купец-то хороший.

Шир [Пузатов]

Знаешь ли, Маша, гладкий да румяный, вот как я, уж и любить-то есть что, не то что стрекулист

какой-нибудь чахлый. Так, что ли, Маша. А…

М[арья Антиповна]

Да перестаньте.

А[нтип] А[нтипович] [Пузатов]

Мат[рена] Сав[ишна], ведь правду я говорю,

М[атрена] С[авишна]

Уж ты наладил одно и то же.

Ст[епанида] Т[рофимовна]

Что ж, М[аша], известное дело, уж и приласкать есть кого.

М[арья] А[нтиповна]

Ах, маменька, да что вы, ей-богу. Я уйду. Пойдемте сестрица. *(Уходят.)*

Ст[епанида] Т[р офимовна]

Стыдно стало, дело девичье.

А[нтип] А[нтипыч]

Что ж! И за купца можно, отчего не отдать, дело хорошее.

Ст[епанида] Тр[офимовна] *(подвигается, вполголоса)*

А вот, Ан[типу]шка, мне кума Терентьевна сказывала, Пар[амон] Пар[амоныч] жениться задумал. Вот упускать-то не надо. Что ж, признаться сказать, он хоть и старенек, и вдовый, — да денег-то, А[нтипушка], больно много, куры не клюют. Ну да и человек-то степенный, набожный, при-

мерный купец, в уважении.

Куп [Пузатов]

Только, мат[ушка], уж больно плут.

Ст[епанида Трофимовна]

Ах, батюшки, да чем же он плут, скажи пожалуйста? Каждый праздник он в церковь ходит; да придет-то раньше всех, перед каждым образом свечку поставит, из церкви пойдет — всех нищих оделит и посты держит, великим постом и чаю не пьет с сахаром — все с медом либо с изюмом. Так-то, голубчик, не то что ты. А если и обманет кого, так что за беда, не он первый, не он последний, человек коммерческий. Тем, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: не обмануть, не продать.

Куп [Пузатов]

Что говорить. Отчего не надуть приятеля, коли рука подойдет, да уж, мат[ушка], ведь не всякого же, иногда и совесть зазрит. Право слово, и смертный час вспомнишь. Я и сам, коли где трафится, так не хуже его мину-то подведу, да ведь я и скажу потом. Вот, мол, я тебя так и так помазал маненько. Вот в прошлом году Саву Савича при расчете рубликов на пятьсот поддел. Да ведь я после сказал ему: «Вот мол, Сав[ва] Сав[вич], промигал ты полтысячки, да уж теперь, брат,

поздно, говорю, а ты, мол, не зевай». Посердился немножко, да и опять приятели. Что за важность. А вот недавно немца Карла Иваныча рубликов на триста погрел. Матр[ена] Сав[ишна] тряпья разного у него из маг[азина] забирала, а он мне счетец и выписал тысячи в две.

[Степанида Трофимовна]

Что ты говоришь! Какова!

Куп [Пузатов]

Что ж! Ничего! что за важность! Пусть щеголяет. А вот я думаю, неужели, мол, немцу все деньги отдать — как же, мол, не так, нет-с, жирно будет… ведь вот и не додал ему руб[лей] триста с небольшим, остальные, говорю, мусье, брат, после. Харошо, говорит, харошо, как и путный, да потом, сударыня ты моя, и начал приставать: как встретится, так только и слов у него: а что ж деньги, — надоел до смерти. Как-то под сердитую руку подвернулся этот немец: что ж, говорит, деньги; какие, говорю, деньги, я тебе, брат, отдал давно н отстань ты от меня христа-ради. Вот и взбеленился мой немец: это, говорит, купцу не хорошо, это, говорит, фальшь. У меня, говорит, в книге записано. А я говорю: да ты чорт знает что там в книге-то напишешь, тебе все и плати. Так, говорят, русской купец делает, немец никогда, я,

говорит, в суд пойду. Вот и толкуй с ним. Поди, я говорю, немного возьмешь. Потащил в суд, что ж, мат[ушка], ведь отперся, право отперся, говорю, знать не знаю, я ему заплатил; что ж такое, что за важность. Уж что с этим немцем смеху было, так беда. Вот идет из суда немец-то и говорит: ты, говорит, судей обманул; это, говорит, бесчестно. *(Ишь ты, какой ловкий.)* Да я, говорю, знаю, я бы тебе и отдал, К[арл] Ив[аныч], да деньги, говорю, брат, нужны. Наши-то рядские так животики надорвали со смеху. Выругал как-то по-своему да с тем и пошел.

Смеются оба.

А то все ему и отдать, да за что это, нет, уж это о́посля честь будет. Они там ломят цену какую хотят, а им и верят сдуру-то. И в другой раз то же сделаю, коли векселя не возьмет. Так я, мат[ушка], вот как. А Ширялов-то, да это хуже жида, отца родного готов надуть, право, так вот в глаза и смотрит; у него уж сердце не на месте, коли он не обманул кого-нибудь. Когда в компании соберемся где-нибудь, так он то того отведет к сторонке, то другова, да на ухо шепчет, да целует, да голубчики, да любезные, так размазывает, как отец и благодетель! а тут-то за карман и держись. Вот у меня теперь за ним зашло тысяч пять, раз десять

говорил ему, разочтемся, Пар[амон] Пар[амоныч], а он тут тебе и начнет штуки разные подводить, да на ухо шептать что-нибудь, либо хи-хи-хи, да смехи разные, да вот целует тебя — так и замнет. Вот коли к празднику не отдаст, судиться стану.

Ст[епанида Трофимовна]

Эх, голубчик, не судись, лучше так как-нибудь помиритесь.

Входит Шир[ялов]

Куп [Пузатов]

А! Пар[амон] Пар[амоныч], здравствуйте, почтеннейший.

Шир[ялов]

Здрав[ствуйте], любезные, Ант[ип] Ант[ипыч], здрав[ствуй], голубчик. *(Целуются.)* Мат[ушка], Ст[епанида] Тр[офимовна], здр[авствуйте]. *(Целуются.) (Кланяется.)*

Куп [Пузатов]

Садись, Пар[амон] Пар[амоныч].

Ст[епанида Трофимовна]

Садись, батюшка.

Шир[ялов] *(садится)*

Как поживаете, Ст[епанида] Тр[офимовна].

Ст[епанида Трофимовна]

Плохо, батюшка, старость приходит; вас как бог милует.

Шир[ялов]

Что, мат[ушка] Ст[епанида] Тр[офимовна], на прош[лой] неделе притча сделалась — так схватило, что боже упаси. Испугался шибко, — больно перепугался. Этак, сударыня ты моя, лом в костях сделался. Вот так тебе каждую косточку больно, каждый суставчик, коробит, сударыня ты моя, да и только. А пуще-то, мать ты моя, поясницу схватило.

Ст[епанида] Тр[офимовна]

Дело немолодое — батюшка.

Шир[ялов]

Я туда-сюда, так-сяк, нет, сударыня ты моя, отпустит этак немножко, да опять схватит, даже под сердце подкатило.

Ст[епанида Трофимовна]

А, батюшки!

Куп [Пузатов]

Да ты, Пар[амон] Пар[амоныч], не хватил ли где этак через силу с приятелями.

Шир[ялов]

Нет, отец ты мой, больше месяца ничего не пил, в рот не брал, Ст[епанида] Тр[офимовна], то есть не то, чтобы бросил совсем, а так, погожу, мол, маленько. А зароку не давал, нельзя, мат[ушка], человек слаб.

[Степанида Трофимовна]

Что говорить бат[юшка].

Шир[ялов]

А я так, любезные, думаю, простудился, мол, я, как-нибудь потный на улицу, что ли, раздевшись вышел либо в саду гуляешь в рубашке вечером.

Ст[епанида] Тр[офимовна]

Долго ли до греха, бат[юшка], долго ли — чайку не хотите ли, Пар[амон] Пар[амоныч].

Пар[амон] Пар[амоныч]

Покорно благодарствуйте! Сейчас пил, мат[ушка], сейчас пил.

Ст[епанида Трофимовна]

Выкушайте, бат[юшка].

Куп [Пузатов]

С нами-то за компанию.

Шир[ялов]

Плошечку пропустить можно. Только, мат[ушка], сахар[у] не клади[12].

Ст[епанида Трофимовна] наливает, Шир[ялов] бер[ет], пьет и продолжает

Что ж, сударыня ты моя, какое я средствие избрал. Что, думаю себе, михстуры эти просто дрянь, даром деньги берут. Дай-ка, думаю, я в

---

[12] Примечания: 12

Последнее слово «клади» поставлено по догадке: его очень трудно разобрать, так как оно стерлось.

баню схожу. Вот и пошел, пошел, сударь ты мой. Да винца послал купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь ли, Краснова перцу стрючкового два стрючка. Вот добрым порядком составили эту специю. Половину-то выпил — а то велел себя вытереть в пару, знаешь ли. Да приехамши-то домой пунштику выпил. Ночью-то, сударыня ты моя, меня в пот и ударило. Так потом и прошло, как рукой сняло.

Ст[епанида] Тр[офимовна]

Вот у меня Ант[ипушка] все пуншт[иком] лечится.

Ант[ип Антипыч]

Это, брат, ото всякой болезни прибежище.

Шир[ялов] ст[авит] чашку.

Ст[епанида Трофимовна]

Выкушайте еще чашечку.

Шир[ялов]

Нет, увольте. Много доволен, Ст[епанида] Тр[офимовна], много доволен.

Ст[епанида Трофимовна]

Э, батюшка, без церемонии *(наливает)*. Как дела, батюшка.

Шир[ялов] *(берет чашку)*

Слава богу, Ст[епанида] Тр[офимовна] — одно у меня горе. Сенька совсем от рук отбился. Что ты

будешь делать? Ума не приложу.

Куп [Пузатов]

Что, закутил.

Шир[ялов]

Нет, хуже, Ант[ип] Ант[ипыч], хуже. Кабы запивал, так еще не велика беда, сударь ты мой. Много ли он пропьет. А то мотает не в свою голову. Вот, мат[ушка] Ст[епанида] Тр[офимовна], детки-то нынче!

Ст[епанида] Тр[офимовна]

А сам ты, Пар[амон] Пар[амоныч], виноват, избаловали вы мальчишку-то, так, ни за копейку. Вы бы ему с малолетства воли-то не давали — а уж теперь поздно. Пусть бы с молодцами в город бегал, приглядывался бы к торговле-то, руку бы набивал, так бы лучше было.

Шир[ялов]

Ах, мат[ушка] Ст[епанида] Тр[офимовна], ведь он один у нас, один, сударыня, как перст. И то подумаешь: надо малова в люди вывести. Нынче, матушка, не то время, как мы, бывало, играем до восемнадцати лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неученова-то дураком зовут. Да и то, Ст[епанида] Тр[офимовна], ведь у нас состояньице порядочное — бог благословил; что хорошего, станут говорить, что от этакова, мол,

капиталу — одново сына воспитать не может. Да и хуже-то других быть не Хочется, послышишь, тот сына в пиньснон отдал, другой отдал, тот в Ком[мерческую] ака[демию]. Вот и свезли Сеньку в пиньсион, за год вперед деньги отдал, а он месяца через три, сударыня ты моя, убег оттедова. Стали дома учить — учителя нанял, дешевенькова. Учитель-то какой-то оглашенный попался, вовсе непутный, [сударыня] ты моя. Сенька-то выпросил у матери деньжонок, да с учителем-то либо в трактир, либо к цыганкам в Марьину рощу и закатятся. Прогнал учителя — прогнал. Да вот теперь и маюсь с Сенькой-то.

Куп [Пузатов]

Выучил на свою голову.

Шир[ялов]

Да что. Поминутно плачу за него, поминутно — тому сто, тому двести, портному тысячу руб[лей] недавно Заплатил. Легко ли дело, да я в десять лет на тысячу руб[лей] не изношу, право не изношу. *(Почти шопотом.)* Одних перчаток прошлую зиму на триста руб[лей] забрал, ей-богу, на триста.

Ст[епанида] Тр[офимовна]

А, батюшки.

Куп [Пузатов]

Ха-ха, вот голова-то.

Шир[ялов]

Да ведь вот что, везде ему верят, знают, что я заплачу. В тракт[ире] в каком-то тысячи четыре должен. Что, Ан[тип] Ан[типыч] сказывал я тебе или нет.

Куп [Пузатов]

Про что.

Шир[ялов]

Про армяшку.

Куп [Пузатов]

Нет! А что?

Шир[ялов]

Комедия, сударь ты мой *(смеется, подвигается и говорит шопотом)*. Вот наехал, сударь ты мой, в прошлом году этот армяшка. Продал шелк — завертелся туды-сюды — вот не плоше Сеньки. Стали в городе поговаривать, что, мол, — таво. А у меня, суд[арь] ты мой, векселей его тысяч на пятнадцать. Вижу, дело плохо. Уж в городе, брат, не сбудешь, нет — сметили. Вот приезжает наш фабрикант. На городу где-то был. Я поскорее к нему, пока не прослышал. Что же, сударь ты мой, — все и спустил без обороту.

Куп [Пузатов]

Ну что ж, как же.

Шир[ялов]

Да двадцати пяти копеечек. Хи-хи-хи.

Куп [Пузатов]

Что ты, вот важно, ха-ха-ха.

Шир[ялов] *(отодвигается)*

А вот Сенька-то не таков, нет, сударь ты мой, не таков — не таков… Компанию водит бог знает с кем, так, с людьми, нестоящими внимания, — внимания нестоящими *(ставит чашку на стол)*,

Ст[епанида Трофимовна]

Выкушайте еще,

Шир[ялов]

Нет, мат[ушка], не могу, увольте, Ст[епанида] Тр[офимовна].

Ст[епанида Трофимовна]

Без церемонии.

Шир[ялов]

Нет, не могу, право не могу.

Ст[епаннда Трофимовна]

Ну как хотите, а можно бы еще.

Шир[ялов]

Право не могу — не могу *(встает, кланяется)*.

Ст[епанида Трофимовна]

Дарья, убирай чай.

Дарья убирает.

Прощайте, бат[юшка] П[арамон] П[арамоныч].

Шир[ялов]

Пр[ощайте], мат[ушка].

Ст[епаннда Трофимовна]

Заходите почаще, не забывайте. *(Целуются.)*

Шир[ялов]

Ваши гости, мат[ушка], Ст[епанида] Тр[офмовна], ваши гости. *(Кланяется.)*

Шир[ялов]

Так вот, суд[арь] ты мой, дома не живет, в городе не бывает — право, не бывает. Что ему город! Он, сударь, и знать не хочет, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости покой знать; а расположиться не на кого. Везде — сам. Вот недавно сам в лавку сел, а уж лет пятнадцать не Сидел. Что ж, суд[арь] ты мой *(подвигается и шепнет)*, так вот, завалялась у нас штука.

Ант[ип] Ант[ипыч]

Говори вслух, никого нет.

Шир[ялов]

Еще в третьем году цена-то ей была два руб[ли] сорок — за аршин, а в нынешнем-то поставили восемь гривен. Вот, суд[арь] ты мой, сижу я в лавке, идут две барыни, должно быть, маменька с дочкой. Нет ли у вас, говорят, материи нам на блузы, дома ходить. Как, мол, не быть, сударыня, достань-ка, говорю, Митя… модную-то. Вот, говорю, хорошая материя. А как, говорит, цена. Говорю

— два пятьдесят себе, а барыша, что пожалуете. А вы, говорит, возьмите р[убль] восемь грив[ен], слышишь, р[убль] восемь грив[ен]. Помилуйте, говорю, да таких и цен нет. Стали торговаться. Два руб[ли] дают, слышишь А[нтип] А[нтипыч], два рубли. Да вам, говорю, много ли нужно. Да, говорит, аршин двадцать пять. Нет, говорю, сударыня, несходно, извольте всю штуку брать, так уж так и быть по два с грив[ной], говорю, возьму. А я, сударь ты мой, Ант[ип] Ант[ипыч], боюсь шевелить-то ее. *(Смеется.)* Шевелить-то боюсь. Что ж, мои барыни-то потолковали, да и взяли всю штуку. Разини-то мои так и ахнули *(смеется)*.

Куп [Пузатов]

Молодец, Пар[амон] Пар[амоныч], вот молодец.

Шир[ялов]

А вот Сенька-то не таков, не таков, сударь ты мой *(вздыхает)* вовсе не таков. Это повадился в театр, то есть каждый день суд[арь] ты мой. Всех-то он там знает, со всеми знаком. Да что — прихожу я как-то к Остолопову. Отдай, говорит, деньги. Какие, мэл, деньги. А за шаль, говорит. За какую шаль. Да, говорит, намедни твой сын взял. Я думаю себе, на что это ему шаль — ума не приложу. Уж известно, от него не добьешься;

стал стороной расспрашивать. Что ж, сударь ты мой, — какая-то там актриса у него.

Куп [Пузатов]

Что ты.

Шир[ялов]

Вот поди с ним. Уж и то примерно последний конец, Ант[ип] Ант[ипыч]. Уж не зови своим.

Куп [Пузатов]

Это, Пар[амон] Пар[амоныч], значит пора женить, вот что, брат, малова.

Шир[ялов] *(с отчаянием)*

Нет, Пар[амон] Пар[амоныч][13], погоди. Ты вот что скажи: ведь уж это, брат, конец просто. Ведь это словно как решето: вот теперь шаль, а там скажет — салоп соболий, а там квартиру, а там мебель всякую, лошадей пару, то — другое. Яма бездонная.

Куп [Пузатов]

Уж известное дело.

Шир[ялов]

А уж человек-то, Аи[тип] Ант[ипыч], кругом них, как слепой сделается. Этот народ, А[нтип] А[нтипыч], соблазн просто.

---

[13] Примечания: 13

Описка, нужно: «Антип Антипыч».

Пуз[атов][14]

Что говорить! Сам не свой человек сделается. Одно, брат П[арамон] П[арамоныч], средство — женить поскорей.

Шир[ялов]

Легко сказать, А[нтип] А[нтипыч], женить, да как ты его женишь-то.

Пуз[атов]

Как женить! Уж известно, не связать же. А вот невесту подыскать с капитальцем, знаешь ли, так небось, не откажется — отчего не жениться, всякому лестно.

Шир[ялов]

Да какая за него пойдет? Какая сумасшедшая пойдет за него, за такого беспутного.

Пуз[атов]

А что ты думаешь, побрезгают — нет, ничего, право слово, ничего. Да у нас, брат, холостые-то сплошь да рядом такие. Помнишь, каков я-то был холостой. И пьяница-то, и гуляка-то, и на всякие художества, — батюшка покойник так и рукой махнул. Да ведь мы театров-то, друг, не знали. У нас закатился в Марьину либо к цыганкам в Грузины да пьянствуешь недели две беспросыпу.

---

[14] Примечания: 14

Наверху листа перед репликой Пузатова написано: «Продолжение I акта».

Меня в Преображенском за девку, вот ленты ткут, фабричные выло до смерти убили. Вся Москва знала. Да вот отдали же за меня Матр[ену]-то Савишну. Нет, это, брат, ничего, нужды нет.

Шир[ялов]

Да отец родной, что ты говоришь: женить — да невесту в капиталом. Да голуб[чик], ты мой, он теперь и без денег-то вертится как угорелый, а попадись ему деньги-то, так он такой кранболь сделает, — только пшик, да и все тут, как порох.

Куп [Пузатов]

В оборот пустит.

Шир[ялов]

Нет, а уж я думаю, суд[арь] ты мой, его в газете опубликовать. Вот, дескать, сыну моему от меня никакого доверия нет, долгов за него не плачу и впредь не намерен. Да и подпишу: Купец I гил[ьдии] П[арамон] П[арамоныч] сын Ширялов.

Куп [Пузатов]

Что ж, ничего, можно.

Шир[ялов]

Да уж, чтоб ему беспутному и после-то меня не доставалось, сам я, А[нтип] А[нтипыч], жениться задумал.

Куп [Пузатов]

Что ж! Ничего! Дело хорошее, отчего ж не же-

ниться.

Шир[ялов]

Ведь, мож[ет] быть, за наши молитвы, А[нтип] А[нтипыч], бог и потомка даст, утешение на старости. Вот тому все и оставлю. А уж этот мне словно как и не родной, суд[арь] ты мой, и сердце к нему не лежит. А[нтип] А[нтипыч], что ж! думаю, оставь ему, пожалуй, да что проку-то, развезет денежки-то твои кровные по портным да по актрисам. Сам посуди.

Куп [Пузатов]

Что ж, женись, П[арамон] П[арамоныч], что за важность, ничего. А на примете есть?

Шир[ялов]

То-то и горе, что нет, А[нтип] А[нтипыч].

Куп [Пузатов]

Хочешь, посватаю.

Шир[ялов]

Да ты вправду.

Куп [Пузатов]

Вправду.

Шир[ялов]

Обманешь *(смотрит Пуз[атову] в глаза).*

Куп [Пузатов]

Вот! из чего мне обманывать-то. У меня, брат, недалеко ходить, сестра невеста.

Шир[ялов]

Что ты говоришь!

Куп [Пузатов]

А ты не знал — скажи пожалуйста, какой ты простой.

Шир[ялов] *(потупляет глаза)*

А, голуб[чик]. Как не знать — да ведь она, чай, не пойдет за меня.

Куп [Пузатов]

Вот! отчего не пойти — пойдет.

Шир[ялов]

Скажет: стар.

Куп [Пузатов]

Стар! Что за важность — ничего. Нет — ничего, пойдет. Да и матушка тебя любит: что ж, известное дело, человек хороший, степенный, отчего не пойти, во хмелю смирный. Ведь ты смирный во хмелю, — не дерешься.

Шир[ялов] *(потупляет глаза еще больше)*

Вовсе смир[ный], А[нтип] А[нтипыч], как дитя малое. Как пьян, так сейчас в сон, знаешь ты, ударит, а не то чтобы буйство какое.

Куп [Пузатов]

Ведь ты с женой покойницей не дрался.

Шир[ялов]

Видит бог, никогда.

Куп [Пузатов]

Так отчего за хорошего человека не пойти, ничего, пойдет.

Шир[ялов]

Да ты просто благодетель мой, А[нтип] А[нтипыч]. Эку мне б[ог] родню посылает, да мне бы и во сне не видать. Поцел[уемся], голубчик. *(Целуются.)* Ну, а как тово, А[нтип] А[нтипыч], насчет придачи-то.

Куп [Пузатов]

Да на что тебе, П[арамон] П[арамоныч], у тебя карман-то потолще нашего.

Шир[ялов]

Запираться не стану, таки есть, А[нтип] А[нтипыч], есть, нажил-таки копейку от трудов праведных. А все-таки нужно для порядку, голуб[чик], соб[ственно] для порядку. Уж так водится.

Куп [Пузатов]

Что ж, мы, брат, сделаем прид[аное] наславу, не хуже генеральского. Ну, а насчет денег-то, так у нее есть после бат[юшки] тысченок пятьдесят, будет с тебя, да разве еще на радости расчеты с тобой похерим.

Шир[ялов]

Маловато, нет. Несходно, А[нтип] А[нтипыч]. А уж вы положите еще… Да вот что, А[нтип] А[нти-

пыч], заходи ко мне вечерком нынче пунштику выпить. Потолкуем мы с тобой, гол[убчик], хорошенько об этом предмете, поторгуемся.

Пуз[атов]

Ладно.

Шир[ялов]

Ну, прощайте, почтеннейший *(целуются)*, до свиданья, прощенья просим.

Пуз[атов]

Прощайте, П[арамон] П[арамоныч]. *(Уходят)*.

Комментарии

Семейная картина[*]

Печатается по первому прижизненному собранию сочинений Островского *(Сочинения А. Островского, том первый, С. Петербург, 1859, изд. Г. А. Кушелева-Безбородко)*.

В «Литературном объяснении», появившемся в газете «Московские ведомости» за 1856 год, № 80, Островский сообщал, что им к осени 1846 года «написано было много сцен из купеческого быта».

Из этих сцен сохранилось начало пьесы «Исковое прошение», которая была задумана Островским как комедия в нескольких актах. Пьеса «Исковое прошение» *(рукопись хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина)* осталась незавершенной. Вместо многоактной комедии Островский решил, воспользовавшись уже сделанным, написать одноактную «Картину семейного счастья».

Островский начал переделку комедии 26 января, а закончил ее 14 февраля 1847 года *(рукопись пьесы хранится в Институте литературы Академии наук СССР)*.

Это была первая законченная пьеса молодого драматурга. В тот же день, по совету своих друзей, он прочел ее в присутствия ряда литераторов, в публичном собрании *(у проф. Шевырева)*. Пьеса произвела на слушателей большое впечатление.

Вспоминая об этом чтении, Островский писал: «Самый памятный для меня день в моей жизни 14-е февраля 1847 года. С этого дня я стал считать себя русским писателем, и уже без сомнений и колебаний поверил в свое призвание»[15].

«Картина семейного счастья» впервые напечатана 14 и 15 марта 1847 года в газете «Московский городской листок».

По напечатании пьеса была послана Островским в драматическую цензуру, которой ведало Третье отделение царской канцелярии.

Цензор М. Гедеонов дал отрицательный отзыв о пьесе: «Судя по этим сценам, — отмечал он, — московские купцы обманывают и пьют, а купчихи тайком гуляют от мужей». На основании этого отзыва пьеса 28 августа 1847 года была запрещена к постановке.

В 1854 году артист Александрийского театра Ф. А. Бурдин взялся хлопотать о разрешении на

---

[15] Примечания: 15
Знакомые, Альбом М. И. Семевского, СПБ., 1888, стр. 165.

постановку «Картины» Островского и вновь представил ее в драматическую цензуру.

«Пьеса нравоучительная, — писал цензор Гедерштерн, — но прилично ли выводить на сцену с таким цинизмом плутовство русского купечества, которое передается, как правило, от отца к сыну и для которого нет ничего святого?»

23 февраля 1855 года пьеса еще раз была запрещена к постановке,

Бурдин все же добился разрешения этой пьесы для своего бенефиса. 26 сентября 1855 года «Картина семейного счастья» была допущена к постановке, но с некоторыми цензурными изъятиями.

Изменив заглавие пьесы на «Семейную картину» и внеся в нее ряд поправок, Островский вторично напечатал ее в 1856 году в журнале «Современник». Здесь пьеса появилась с таким примечанием редакции: «Мы ее перепечатываем потому, что она заслуживает внимания публики и как прекрасная пьеса, и как первое произведение автора комедии „Свои люди — сочтемся“ — произведения, в котором находятся уже данные таланта, подарившего впоследствии русской публике одну из немногих образцовых комедий» *(«Современник». 1856, № 4).*

Раскрывая идейное содержание «Семейной картины», Добролюбов в статье «Темное царство» писал: «Островский вводит нас в самую глубину этого семейства *(Пузатовых. — А. Р.)*, заставляет присутствовать при самых интимных сценах, и мы не только понимаем, мы скорбно чувствуем сердцем, — что тут не может быть иных отношений, как основанных на обмане и Хитрости с одной стороны, при диком и бессовестном деспотизме с другой… Обман и притворство полноправно господствуют в этом доме и представляют нам как будто какую-то особенную религию, которую можно назвать религиею лицемерства… Быт этого темного царства так уж сложился, что вечная вражда господствует между его обитателями. Тут все в войне…» *(Н. Добролюбов, Соч., т. II, 1935, стр. 57–59)*.

Добролюбов отмечал, что в первой пьесе Островского «уже находятся задатки того, что полнее и ярче раскрылось в последующих комедиях».

«Картина семейного счастья» впервые была поставлена 3 октября

1855 года на сцене Александрийского театра в Петербурге. Роли исполняли: Пузатова — Бурдин, Матрены Савишны — Михайлова 2-я, Марьи Антиповны — Натарова, Степаниды Трофимовны

— Линская, Ширялова — Зубров, Дарьи — Волкова.

В Москве на сцене Малого театра она была представлена 18 января 1856 года. Роль Пузатова играл П. М. Садовский, Ширялова — С. В. Васильев, Матрены Савишны — Немчинова, Марьи Антиповны — Медведева, Степаниды Трофимовны — Акимова, Дарьи — Степанова.

Утро молодого человека[*]

Печатается по первому прижизненному собранию сочинений Островского *(Сочинения А. Островского, том первый, С. Петербург, 1859, изд. Г. А. Кушелева-Безбородко)*.

Сцены «Утро молодого человека», законченные не позднее октября 1850 года, появились в 22-м номере «Москвитянина» того же года *(цензурное разрешение от 14 ноября 1850 года)*. Черновых рукописей сцен не сохранилось.

Рецензент журнала «Современник» писал о пьесе: «Каждый журнал с радостью поместил бы „Утро молодого человека“ на своих страницах: так много в этих коротеньких сценках простодушной бойкости и наблюдательности» *(«Письмо иногороднего подписчика», «Современник», 1851, т. XXV, стр. 95–99)*.

В 1852 году, посылая пьесу в драматическую

цензуру, Островский внес в нее ряд исправлений *(рукопись хранится в Театральной библиотеке им. Луначарского в Ленинграде)*.

Цензурное разрешение на постановку пьесы «Утро молодого человека» было получено 11 ноября 1852 года.

Первое ее представление состоялось 12 февраля 1853 года в Петербурге, на сцене Александрийского театра, в бенефис Бурдина. Роль Недопекина играл Прусаков, Лисавского — Зубров.

11 мая того же года пьеса была поставлена на сцене Малого театра в Москве, в бенефис Усачева. Роль Смурова играл П. М. Садовский, Лисавского — С. В. Васильев, Недопекина — Колосов.

Неожиданный случай[*]

Печатается по тексту альманаха «Комета» *(1851 г.)*.

Пьеса «Неожиданный случай» *(черновые рукописи хранятся в Институте Русской литературы Академии наук СССР)* была задумана как комедия. В процессе работы над пьесой Островский пришел к мысли сделать из нее не комедию, а драматический этюд.

«Неожиданный случай» был закончен примерно в сентябре — октябре 1850 года и появился в сборнике «Комета» *(1851 г.)*.

Объясняя в письме к Погодину задачу, поставленную им в «Неожиданном случае», Островский писал: «Я хотел показать только все отношения, вытекающие из характеров двух лиц, изображенных мною; а так как в моем намерении не было писать комедию, то я и представил их голо, почти без обстановки *(отчего и назвал этюдом)*. Если принять в соображение существующую критику, то я поступил неосторожно: как вещь очень тонкую, им не понять ее, они возьмут ее со стороны формы, принимая в основания те шаткие и условные положения, которые выработались при нынешнем литературном разврате во французской и петербургской литературе. Не говорю уже о литературных жуликах» *(А. Н. Островский, Письмо к М. П. Погодину от апреля 1851 г., Сб. Библиотеки им. В. И. Ленина, 1939, IV, стр. 10)*.

Впервые в собрание сочинений «Неожиданный случай» включен М. И. Писаревым *(изд. «Просвещение», 1904 г.)*.

Первое представление пьесы «Неожиданный случай» было осуществлено 1 мая 1902 года в Александрийском театре, в бенефис суфлеров и вторых режиссеров. Роль Софьи Антоновны исполняла В. А. Мичурина-Самойлова.

Бедная невеста[*]

Летом 1850 года Островский сообщал Погодину о своих литературных занятиях: «Много начато». Среди начатого была и «Бедная невеста».

31 октября 1850 года Островский читал у Погодина из этой пьесы отрывок. В конце марта 1851 года драматург, рассчитывая на скорое завершение пьесы, обращался к Погодину с просьбой: «Да хорошо бы опубликовать о „Бедной невесте“ в „Ведомостях“».

Весь апрель прошел в напряженной работе над «Бедной невестой». «Я не отвечал на Ваше письмо потому, — писал Островский Погодину в мае того же года, — что надеялся сделать вам сюрприз, т. е. прислать 2 акта своей комедии, но теперь обстоятельства изменились и я кончу их только к субботе».

Закончив пьесу летом 1851 года, Островский продолжал вносить в нее дополнения и поправки.

«„Бедная невеста“, — сообщал Островский не позднее начала сентября Погодину, — была готова еще летом… Я вам доставлю ее скоро» *(Письма А. Н. Островского к Погодину, Сб. Библиотеки им. В. И. Ленина, 1939, IV, стр. 11)*.

3 ноября драматург извещал Погодина, что «комедия позамешкалась несколькими дня-

ми, потому что я слышал комедию Писемского *(„Ипохондрик“. — А. Р.)* и нашел нужным свою подкрасить настолько, чтобы не краснеть за нее» *(там же, стр. 12)*.

В декабре Островский сдал пьесу в цензуру и 1 января 1852 года получил разрешение на ее отдельное издание. Но и после этого работа над пьесой не прекращалась. Драматург вносил в нее новые поправки. «Завтра, т. е. в четверг, — уведомлял он 30 января 1852 г. Погодина, — я вам отдам невесту».

19 февраля 1852 года было получено цензурное разрешение на печатание пьесы в журнале «Москвитянин», в четвертом номере которого она и появилась.

Готовя первое собрание своих сочинений в издании Кушелева-Безбородко, Островский вносит в «Бедную невесту» ряд дополнительных изменений.

Приняв во внимание критические замечания, высказанные в журналах «Современник» и «Отечественные записки», драматург сокращает отдельные сцены, устраняет неудачные выражения, уточняет характеристики образов, усиливает колоритность языка действующих лиц.

В новой редакции «Бедная невеста» была напечатана в собрании сочинений Островского, изданного Кушелевым-Безбородко в 1859 году.

20 марта 1852 года, то есть вскоре после появления «Бедной невесты» в «Москвитянине», А. Ф. Писемский писал драматургу: «Комедию Вашу я прочитал с неистовым удовольствием и нахожу, ч;то она не только не уступает „Свои люди — сочтемся“, но даже выше, потому что комизм ее тоньше, задушевнее — выведенные липа до того живы, что мне снятся во сне» *(Неизданные письма к А. Н. Островскому, 1932 г., стр. 346)*.

Тургенев, указывая на недостатки комедии, однако, находил, что «общий колорит ее верен», а второй акт «прекрасен с начала до конца». «Островский начал необыкновенно, — писал Тургенев, — и читатель ждет от него необыкновенного. Со всем тем, мы от всей души приветствуем комедию г-на Островского» *(И. С. Тургенев, Несколько слов о новой комедии г-на Островского «Бедная невеста», «Современник», 1852, IV)*. В 1879 году, перепечатывая статью, Тургенев, имея в виду свои критические замечания, заявил, что его оценка «одного из лучших произведений драматурга» оказалась неверной.

Н. Г. Чернышевский считал, что в сравнении

с пьесой «Свои люди — сочтемся» идея «Бедной невесты», не имея достоинства новизны, принадлежит «слишком тесному кругу частной жизни», но комедия в целом, по его мнению, «очень хороша» *(Н. Г. Чернышевский, «Бедность не порок», «Современник», 1854, V)*.

Наиболее полную характеристику пьесы дал в 1859 году Добролюбов.

Охарактеризовав безысходное положение «бедной невесты», Марьи Андреевны, Добролюбов спрашивал: «А из-за чего же терпит несчастная все эти оскорбления? Что ее держит в этом омуте?» И отвечал: «Ясно что: она бедная невеста, ей некуда деваться, нечего делать, кроме как ждать или искать выгодного жениха. Замужество — это ее должность, работа, карьера, назначение жизни. Как поденщик ищет работы, чиновник — места, нищий — подаяния, так девушка должна искать жениха… Над этим смеются современные либералы; но интересно бы знать, что же, в самом деле, станет у нас делать девушка, не вышедшая замуж?»

В «Бедной невесте» Добролюбов находил «категорический ответ» на злободневный вопрос современной Островскому действительности — «почему у нас женщина в семье находится в

таком рабском положении и почему самодурство тяготеет над ней с особенной силой».

Разрешение на театральную постановку «Бедной невесты» было получено лишь 15 сентября 1852 года. Этому разрешению много способствовало то, что цензор Гедерштерн, не поняв социального смысла пьесы, представил ее в своей рецензии обычной любовно-бытовой драмой. Однако драматическая цензура полностью вычеркнула из пьесы роли Дуни и Паши. Запрещение играть эти роли было снято драматической цензурой лишь 3 октября 1861 года.;

«Бедная невеста» была в первый раз поставлена в Московском Малом театре 20 августа 1853 года. Роли исполняли: Незабудкиной — Сабурова, Марьи Андреевны — Е. Н. Васильева, Мерича — Черкасов, Милашина — С. В. Васильев, Добротворского — Шуйский, Беневоленского — П. М. Садовский, Хорькова — Полтавцев, Хорьковой — Акимова.

Первое представление «Бедной невесты» на сцене Александрийского театра состоялось 12 октября 1853 года, в бенефис артистки Читау. Роли исполняли: Незабудкиной — Громова, Марьи Андреевны — Читау, Мерича — Смирнов 1-й, Милашина — Бурдин, Добротворского — Прусаков,

Беневоленского — Мартынов, Хорьковой — Айнская, Хорькова — Степанов.

Для представления на народных театрах «Бедная невеста» была разрешена только 3 мая 1893 года, но с изъятием ролей Дуни и Паши.

Наиболее замечательными исполнителями основных ролей пьесы были: П. М. Садовский — Беневоленский, С. Васильев — Милашин, Шуйский и Варламов — Добротворский, Далматов — Мерич.

Яркие сценические образы создали артистки Е. Н. Васильева, Читау и Стрепетова в роли Марьи Андреевны, Садовская — в роли Незабудкиной, Стрельская и Линская — в роли Хорьковой.

Не в свои сани не садись[*]

Печатается по первому прижизненному собранию сочинений Островского *(Сочинения А. Островского, том первый, С. Петербург, 1859, изд. Г. А. Кушелева-Безбородко)*. Отдельные ошибки и искажения, вкравшиеся в текст этого издания, выправлены по автографам и по тексту первого издания комедии.

Над комедией «Не в свои сани не садись», которая первоначально называлась «От добра добра не ищут», Островский работал в 1852 году. 6 октября этого года М. П. Погодин отметил в своем

дневнике, что «прослушал» ее *(в чтении самого драматурга)*, а 19 ноября Островский уведомлял Погодина, что «новая пиэса» уже отправлена в театральную цензуру *(письмо к М. П. Погодину от 19 ноября 1852 г., Сб. Библиотеки им. В. И. Ленина, 1939, IV, стр. 16)*.

Комедия «Не в свои сани не садись» впервые была опубликована в журнале «Москвитянин» за 1853 год *(№ 5)* и в том же году вышла отдельной книжкой.

Раскрывая идейный замысел пьесы «Не в свои сани не садись», Добролюбов писал: «Смысл его тот, что самодурство, в каких бы умеренных формах ни выражалось, в какую бы кроткую опеку ни переходило, все-таки ведет, по малой мере, к обезличению людей, подвергшихся его влиянию; а обезличение совершенно противоположно всякой свободной и разумной деятельности; следовательно, человек обезличенный, под влиянием тяготевшего над ним самодурства, может нехотя, бессознательно, совершить какое угодно преступление и погибнуть — просто по глупости и недостатку самобытности» *(Н. А. Добролюбов, «Темное царство»)*. Вместе с тем критик-демократ указывал на славянофильские тенденции пьесы, отразившиеся, в частности, на идеализирован-

ном образе патриархального купца Русакова.

Комедия «Не в свои сани не садись» была поставлена впервые на сцене Московского Малого театра 14 января 1853 года. Роли исполняли: Русакова — П. М. Садовский, Авдотьи Максимовны — Никулина-Косицкая, Арины Федотовны — Акимова, Маломальского — Степанов, Анны Антоновны — Сабурова 1-я, Бородкина — С. В. Васильев, Вихорева — Шуйский, Баранчевского — Колосов, Степана — Кремнев, Полового — Черневский. «Моя пьесы, — писал А. Н. Островский, — долго не появлялись на сцене. В бенефис Л. П. Косицкой 14 января 1853 года я испытал первые авторские тревоги и первый успех. Шла моя комедия „Не в свои сани не садись“: она первая из всех моих пьес удостоилась попасть на театральные подмостки…» Успех постановки пьесы в Малом театре был исключительным.

Не меньшим успехом пользовалась она и в Петербурге. Пьеса была поставлена 19 февраля 1853 года на Александрийской сцене. Роли исполняли: Русакова — Григорьев 2-й, Авдотьи Максимовны — Читау, Арины Федотовны — Орлова, Маломальского — Мартынов 1-й, Анны Антоновны — Громова, Бородкина — Бурдин, Вихорева — Марковецкий, Баранчевского — Каратыгин 2-й,

Степана — Фалеев, Полового — Рассказов.

Постановка этой комедии помогла раскрыть свое дарование многим тогдашним превосходным артистам Москвы и Петербурга. Так, «колоссальный Талант П. М. Садовского после исполнения им купца Русакова в „Не в свои сани не садись“ Островского, — как свидетельствовал И. Ф. Горбунов, — вырос во всю меру… Л. П. Никулину-Косицкую, артистку Малого театра, Островский называл своей ученицей, исполненную же ею под его непосредственным руководством роль Авдотьи Максимовны по праву считал наполовину своим созданием».

14 января 1903 года Московский Малый театр торжественно праздновал пятидесятилетие со дня первого представления на сцене пьес А. Н. Островского, возобновив в связи с этой юбилейной датой постановку комедии «Не в свои сани не садись». С выдающимся составом исполнителей возобновлена была пьеса в Александрийском театре *(21 апреля 1903 г.)*; играли: Варламов *(Русаков)*, Давыдов *(Маломальский)*, Далматов *(Вихорев)* и др.

Не так живи, как хочется[*]

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Москвитянин», 1855, № 17.

Первый черновой набросок драмы «Не так живи, как хочется» *(хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина)* относится к августу 1854 года. По первоначальному замыслу драма должна была состоять из пяти актов. Заглавие сначала было иное, но тоже пословичное и нравоучительное: «Божье крепко, а вражье лепко: масленица». В ремарке на заглавном листе указывалось: «Действие происходит в XVII столетии, в одном из больших городов России на Волге во время масленицы». Написано было лишь начало первого акта, а затем зачеркнуто автором.

Второй черновой вариант, уже под заглавием «Не так живи, как хочется» *(хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина)* ближе к окончательной редакции пьесы: «драма в 3-х действиях и 4-х картинах», действие ее перенесено в Москву. Но время действия определилось не сразу; автор переносил его из века в век: из XVII столетия к концу XVI, а потом к концу XVIII века. Однако во всех вариантах действие неизменно «происходит на масленице».

Отраженный в автографах процесс работы автора над текстом драмы показывает стремление писателя индивидуализировать речь

персонажей, оживить диалоги, внести новые характерные подробности.

В ноябре 1854 года пьеса была закончена, а 3 декабря уже поставлена в Малом театре. В печати она появилась лишь в сентябре следующего года *(в журнале «Москвитянин», 1855, № 17; сверх того были отпечатаны 600 отдельных оттисков)*.

Это издание не дает, однако, окончательного текста. Подготавливая первое собрание своих сочинений в двух томах *(изданное Кушелевым-Безбородко в 1859 году)*, Островский продолжил работу над своей первой драмой. Ее новая, улучшенная редакция отличается от предыдущей большей законченностью некоторых образов-персонажей. Резче подчеркнута страстность натуры главного героя, Петра Ильича, и по контрасту усилен аскетизм его отца, Ильи Ивановича. Драматизм конфликтов стал напряженнее. Вновь написана сильная в драматическом отношении сцена галлюцинации Петра: «В комнате вдруг появляется Еремка, которого видит один Петр» *(д. III, сц. 2, явл. I)*. Больше динамичности и выразительности приобрели диалоги в ряде сцен. Речам персонажей придано еще больше естественности и живости. В ремарке, после заглавия и списка действующих лиц, сделано

характерное добавление: «Содержание взято из народных рассказов».

Текст «Не так живи, как хочется» по этому изданию 1859 года воспроизводился без редакционных изменений во всех последующих собраниях сочинений А. Н. Островского. При перепечатках давалась в сокращении лишь народная песня «Исходила младешенька все луга и болота» *(д. III, сц. 1, явл. 3)*. Переиздавая свои пьесы, драматург приводил и большинстве случаев только начало песен, так как исполнение их со сцены целиком задерживало развитие действия, замедляло его динамичность.

«Не так живи, как хочется» явилось последним произведением Островского, напечатанным в журнале «Москвитянин».

На опубликование драмы в «Москвитянине» одним из первых откликнулся Н. А. Некрасов в «Современнике» (1856, № 2) [16], высоко оценив ее достоинства: «…разве только в первом, известном произведении г. Островского (то есть в комедии „Свои люди — сочтемся!“. — *С. Е.*) можно найти

[16] Примечания: 16

См. «Литературное наследство», 49–50, М. 1946, «Н. А. Некрасов», т. 1, стр. 230–231, 272–274. Цитируемый отзыв о «Не так живи, как хочется» помещен без подписи автора в «Заметках о журналах», напечатанных в этом номере «Современника», стр. 201 и след.

такие живые и мастерски очерченные лица, как в „Не так живи, как хочется“. Не говорим уже о верности языка; русский склад и в жизни и в речи дан г. Островскому более, чем кому-либо из современных писателей; он обладает им спокойно и вполне, и от всех его лиц действительно веет русским духом». «Лучше и выдержаннее всех лиц — Груша, — писал Некрасов. — Кажется, так и видишь ее и слышишь ее смех». Вместе с тем автор рецензии сожалел, что драматург «сам связывает себе руки», насилует свое дарование ради предвзятой и ложной теории: «Вообще мы готовы просить г. Островского не сужать себя преднамеренно, не подчиняться никакой системе, как бы она ни казалась ему верна, с наперед принятым воззрением не подступать к русской жизни. Пусть он даст себе волю разливаться и играть, как разливается и играет сама жизнь».

Н. А. Добролюбов в статье «Темное царство» не остановился подробно на анализе «Не так живи, как хочется», но он решительно выступил против попыток реакционных славянофильских критиков представить автора этой пьесы каким-то проповедником «гнусной морали, предписывающей терпение без конца и отречение от прав собственной личности». «Может быть, —

утверждал Добролюбов, — влияние кружка и действовало на него в смысле признания известных отвлеченных теорий, но оно не могло уничтожить в нем верного чутья действительной жизни, не могло совершенно закрыть перед ним дороги, указанной ему талантом… Славянофилы скоро увидели в Островском черты, вовсе не служащие для проповеди смирения, терпения, приверженности к обычаям отцов и ненависти к Западу, и считали нужным упрекать его — или в недосказанности, или в уступках отрицательному воззрению» *(Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в трех томах, Гослитиздат, М. 1952, т. 2, стр. 164–165)*.

«Народная драма» Островского *(таков подзаголовок «Не так живи, как хочется»)* не оправдала ожиданий и надежд критиков-славянофилов, и отношение к ней с их стороны было двойственным. Так, Т. Филиппов, критик журнала «Русская беседа» *(1856, № 1, стр. 94–96)* признавал, с одной стороны, что «мысль этой драмы имеет сама по себе глубокое значение и драматическая обстройка ее заслуживает полного внимания критики, как превосходное художественное намерение», но, с другой стороны, полагал, что эта пьеса «по исполнению слабее всех других, дотоле писанных произведений г. Островского». По мнению

автора статьи, «слабость в создании характеров» является главным недостатком драмы «Не так живи, как хочется», «по которому она не имела ни малейшего успеха ни на сцене, ни в чтении».

Аполлон Григорьев, идейный вдохновитель кружка славянофилов, в статье «После *Грозы* Островского», напечатанной в журнале «Русский мир» в 1860 году, также усмотрел противоречие между «гениальным замыслом» и «скудным очерком выполнения». Говоря о поправках, внесенных драматургом во второе издание драмы, критик бросил упрек в «шаткости отношений поэта к своему, может быть любимому, но почему-то невыносившемуся детищу». Не удовлетворенный сценическим исполнением пьесы («Не так живи, как хочется», говорил он, «мы положительно зарезали на сцене, не только на петербургской, но даже отчасти и на московской»), А. Григорьев предлагал театру поставить это произведение, богатое своими возможностями, — «всей яркости при пособии музыки и блестящей обстановки». У него же явилась мысль о переработке «Не так живи, как хочется» в «музыкальную поэму», с пожеланием, чтобы автором ее был композитор А. Н. Серов (А. Григорьев, Собр. соч., вып. 11, М. 1915, стр. 47, 53).

Л. Н. Толстой любил это произведение, оно повлияло на его драму «Власть тьмы».

Премьера «Не так живи, как хочется» в московском Малом театре *(3 декабря 1854 г.)* шла в бенефис артиста К. Н. Полтавцева, исполнявшего роль Петра. В других ролях были заняты: Агафон — П. М. Садовский, Груша — Л. П. Никулина-Косицкая. Афимья — С. П. Акимова, Вася-С. В. Васильев и др.

На сцене Александрийского театра в Петербурге драма была поставлена первый раз 12 января 1855 года. Роли исполняли: Петр — П. С. Степанов, Даша-А. М. Читау, Афимья — Ю. Н. Линская, Агафон — В. В. Самойлов, Груша — Е. М. Левкеева, Еремка — А. Е. Мартынов и др.

Впрочем, по признанию самого А. Н. Островского, драма «Не так живи, как хочется» была принята «холоднее других». В Малом театре пьеса выдержала в сезон 1854–1855 года только четыре представления и не возобновлялась до 1861 года.

Автор между тем считал ее достойной быть в репертуаре каждого русского театра *(т. XIV, стр. 207)*. Со временем она и стала репертуарной, в частности на провинциальных сценах, хотя и не принадлежала к числу особенно популярных произведений Островского. С 1875 по 1917 год дра-

ма «Не так живи, как хочется» ставилась в общей сложности около 1500 раз *(тогда как, например, «Гроза» представлена была за эти же годы более 3500 раз)*.

В конце XIX — начале XX века участились клубные и любительские постановки «Не так живи, как хочется» для массовых аудиторий.

Она вдохновила композитора А. Н. Серова на создание оперы «Вражья сила». В широкой песенности, характерной для стиля «Не так живи, как хочется», были заложены большие музыкальные возможности. Речь действующих лиц напевна, эпична. В текст драмы внесено Островским десять любимых им народных песен. Песню Еремки «Я на камушке сижу, я топор в руках держу» А. Н. Островский сам записал в Поволжье и передал свою запись для издания композитору К. П. Вильбоа. В Кинешемском районе, недалеко от усадьбы Островских Щелыкова, бытовала другая песня Еремки: «Уж и я ли твому горю помогу!»[17]. Захватившее молодого Островского увлечение народной песенной поэзией отразилось и в «Не так живи, как хочется».

Сюжет пьесы, привлекавший А. Н. Серова сво-

[17] Примечания: 17

А. И. Орлов. А. Н. Островский и фольклор Ивановской области, Иваново, 1948, стр. 10.

им драматизмом, сильными контрастами, яркой картиной масленичного разгула, самому А. Н. Островскому показался сперва не подходящим для оперы в ее традиционном виде. Все же, уступая настойчивым просьбам композитора, он взялся написать либретто и летом 1867 года, живя в Щелыкове, усердно принялся за работу. Совместный их труд, однако, не наладился: композитор вначале обещал писателю не изменять драматургической основы произведения, впоследствии же требовал заново переработать ее последние акты и закончить оперу сценой убийства Петром Даши. Островский, понятно, не мог согласиться на такую коренную перестройку своей драмы, тем более что еще в процессе создания «Не так живи, как хочется» он отказался от трагического финала, разрешив конфликт заключительным раскаянием героя. Либретто последних актов оперы было изменено уже без участия автора драмы. Заглавие «Вражья сила» взято из текста написанного А. Н. Островским четвертого действия либретто.